This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

3922

ЛИСТКИ

БАРОНА БРАМБЕУСА.

СКОВСКІЙ J.

ЛИСТКИ

АРОНА БРАМБЕУСА.

ЧАСТЬ I.

STANFORD
LIBRARIES

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

AC 65
S3
v.1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ц
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 20 октября 1858 года.

Ценсоры В. Бакстовъ и Д. Мацкевичъ

Въ типографіи И. И. Глазунова и Комп.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Листки Барона Брамбеуса, издаваемые нынѣ отдѣльною книжкою, печатаемы были покойнымъ О. И. Сенковскимъ, еженедѣльно, въ «Сынѣ Отечества» съ половины 1856-го года. Въ нихъ остроумный авторъ, затрогивая одинъ за другимъ современные вопросы, умѣлъ возбуждать въ читателяхъ живой интересъ къ дѣламъ общественнымъ и нерѣдко говорилъ самыя серьёзныя, самыя дѣловыя истины подъ легкой, игривой формой фёльетона. Это было новое поприще, которое Сенковскій открылъ своему разнообразному таланту и которое въ скоромъ времени сдѣлалось его любимымъ поприщемъ. Можно смѣло сказать, что въ этихъ «Листкахъ» Сенковскій-публицистъ въ послѣдніе два года своей жизни затмилъ собою Сенковскаго-ученаго и сталъ ближе къ публикѣ.

Полагая, что эта сторона таланта покой
Сенковскаго не имѣетъ ничего общаго с
трудами учеными и литературными, входя
въ «Полное Собраніе» его сочиненій, мы с
нужнымъ отдѣлить «Листки» отъ «Полнаго
бранія» и из[illegible]

ЛИСТКИ
БАРОНА БРАМБЕУСА.

I.

8 іюля 1856 г.

Милостивый государь! (я обращаюсь къ вамъ, господинъ редакторъ) о! милостивый государь! что́ вижу? что́ это я вижу? Позвольте протереть очки!... Не-уже-ли я вижу?... не-уже-ли это правда?... Ка̀къ *журналъ политическій, ученый и литературный*, газета недѣльная, которая въ одинъ день даетъ вамъ ровно столько, если не болѣе, содержанія и чтенія, сколько другія даютъ въ цѣлую недѣлю,—все это за *четыре* цѣлковыхъ въ годъ? у насъ? на святой Руси? гдѣ умъ-разумъ былъ всегда такъ дорогъ? гдѣ такъ трудно было достать его? гдѣ самый крошечный умишко — хоть бы мой, напримѣръ — былъ уже капиталъ? Правда, добывать-то себѣ ума мы всегда любили на мѣдныя деньги, но зато ужь продать умъ — ужасть! — на вѣсъ золота продавали, какъ лѣтъ за тысячу-двѣсти, при Юстиніанахъ, шелковыя платья. И еще увѣря-

AC 65
S3
v.1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 20 октября 1858 года.

Цензоры В. Бакстовъ и Д. Мацкевичъ.

Въ типографіи И. И. Глазунова и Комп.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Листки Барона Брамбеуса, издаваемые нынѣ отдѣльною книжкою, печатаемы были покойнымъ О. И. Сенковскимъ, еженедѣльно, въ «Сынѣ Отечества» съ половины 1856-го года. Въ нихъ остроумный авторъ, затрогивая одинъ за другимъ современные вопросы, умѣлъ возбуждать въ читателяхъ живой интересъ къ дѣламъ общественнымъ и нерѣдко говорилъ самыя серьёзныя, самыя дѣловыя истины подъ легкой, игривой формой фёльетона. Это было новое поприще, которое Сенковскій открылъ своему разнообразному таланту и которое въ скоромъ времени сдѣлалось его любимымъ поприщемъ. Можно смѣло сказать, что въ этихъ «Листкахъ» Сенковскій-публицистъ въ послѣдніе два года своей жизни затмилъ собою Сенковскаго-ученаго и сталъ ближе къ публикѣ.

Полагая, что эта сторона таланта покой Сенковскаго не имѣетъ ничего общаго сл трудами учеными и литературными, входяп въ «Полное Собраніе» его сочиненій, мы с нужнымъ отдѣлить «Листки» отъ «Полнаго бранія» и из[illegible]

ЛИСТКИ
БАРОНА БРАМБЕУСА.

I.

8 іюля 1856 г.

Милостивый государь! (я обращаюсь къ вамъ, господинъ редакторъ) о! милостивый государь! что́ вижу? что́ это я вижу? Позвольте протереть очки!... Не-уже-ли я вижу?... не-уже-ли это правда?... Ка̀къ *журналъ политическій, ученый и литературный*, газета недѣльная, которая въ одинъ день даетъ вамъ ровно столько, если не болѣе, содержанія и чтенія, сколько другія даютъ въ цѣлую недѣлю,—все это за *четыре* рублковыхъ въ годъ? у насъ? на святой Руси? гдѣ умъ-разумъ былъ всегда такъ дорогъ? гдѣ такъ трудно было достать его? гдѣ самый крошечный умишко — хоть бы мой, напримѣръ — былъ уже капиталъ? Правда, добывать-то себѣ ума мы всегда любили на мѣдныя деньги, но зато ужь продать умъ — ужасть! — на вѣсъ золота продавали, какъ лѣтъ за тысячу-двѣсти, при Юстиніанахъ, шелковыя платья. И еще увѣря-

ли бѣдныхъ покупщиковъ бѣднаго ума нашего, что отдаемъ за свою цѣну — даже съ убыткомъ — что разоряемся единственно изъ уваженія къ нимъ, по любви къ отечеству и для общаго блага. И благо намъ было! На то торговля!... Торговля умомъ, изволите знать, господа! И хороша была торговля! Товаръ-то не Богъ-знаетъ какой — плоховатъ — но за-то лицомъ продать умѣли.

Ну! видно, въ послѣднее время порядочно-то нахватались мы ума-разума — да, впрочемъ, и случай былъ хорошій — ужасно, видно, поумнѣли, что умъ такъ подешевѣлъ у насъ. Да ужь какъ подешевѣлъ: не то, чтобы наполовину, или съ уступкою ста, ста-двадцати процентовъ, а вдругъ — триста процентовъ скидки!... три копейки на копейку!... То самое количество ума, и притомъ отлично-хорошей доброты, за которое вы до заключенія мира платили четыре копейки съ полушкою, теперь вамъ даютъ за копейку — какъ нюхъ табаку! и еще дешевле! Что́ прежде стоило пятьнадцать, шестьнадцать цѣлковыхъ, теперь вотъ вамъ за четыре рублевика! Ровно столько сто́итъ бумага, которую вы тутъ получаете и можете употребить на обвертки для бутылокъ съ виномъ, на обклейку стѣнъ подъ обои и на другія общеполезныя надобности. А умъ, который на этой бумагѣ, умъ обходится вамъ, такъ-сказать, на придачу — почти ничего не платите за умъ — быть-можетъ, полушку въ недѣлю, копеекъ пять, или шесть

въ годъ. Да еще какой умъ! Посмотрите сами: золото!... рафинадъ, а не умъ! такого еще не бывало въ нашей торговлѣ умомъ! Извольте прицѣниться въ другихъ мѣстахъ. Обмана нѣтъ ни малѣйшаго.

И вы увидите: скоро и о четырехъ цѣлковыхъ не будетъ рѣчи: журналы «политическіе, ученые и литературные» будутъ продаватся безплатно. Кто захочетъ подписаться, для того вся издержка будетъ состоять въ учтивой обязанности лишь сказать издателю: «покорнѣйше благодарю»!... И то еще издатель долженъ будетъ отвѣчать подписчику: «помилуйте!... не за что!»

Не шутите этимъ. Я говорю не безъ основанія. Вы, можетъ-быть, не примѣчаете — и, вѣроятно, еще немногіе примѣчаютъ въ Европѣ — что съ 1855 годомъ кончилась древняя исторія, и съ 1856 года, съ великой эпохи великой войны и великаго мира, началась исторія настоящая, новѣйшая исторія, которой примѣра не было въ человѣчествѣ и развитіе которой лежитъ впереди, необозримое и неисчислимое. До 1854 и 1855 годовъ Европа знала уже отчасти, что у нея есть пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы; но эти два года показали ей, что такое для судебъ человѣчества составляютъ паровыя и электрическія сообщенія, особенно электрическія. Телеграфъ электрическій — открытіе несравненно-важнѣе прославленнаго открытія Америки, съ котораго начинали новую историческую эпоху. Какая раз-

ница между временемъ, человѣкомъ и ходомъ дѣлъ человѣческихъ, когда можно было, при небольшой осторожности все скрыть отъ другихъ племенъ; когда требовалось двухъ-трехъ недѣль на сообщеніе между сѣверомъ и югомъ; когда люди одной страны узнавали лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, певѣрно и сомнительно, что̀ такое дѣлаютъ, говорятъ, или замышляютъ люди другой страны, не очень-отдаленной; когда, узнавъ, не могли сдѣлать движенія, не могли принять своихъ мѣръ, скорѣе какъ черезъ годъ, два и болѣе по причинѣ недостатка въ средствахъ скородвижности! какая разница между такой эпохою и такою исторіей и той, въ которую мы вступили теперь, когда и частныя лица и власти могутъ знать въ-точности не только что̀ дѣлаютъ въ другихъ столицахъ, городахъ, лагеряхъ, къ чему готовятся и о чемъ разсуждаютъ, но даже что̀ думаютъ — что̀ начинаютъ думать, что̀ еще намѣрены начать думать и, притомъ, знать въ то самое мгновеніе, какъ тамъ дѣлаютъ, говорятъ, или думаютъ— отвѣчать минуту спустя и черезъ часъ быть уже на границѣ, между-тѣмъ, какъ средства самоохраненія, истребленія и обогащенія растутъ у всѣхъ безпрестанно въ прямомъ содержаніи не квадратовъ, а кубовъ! Съ какою изъ прежнихъ историческихъ эпохъ можно связать это небывалое состояніе земли и царя ея, человѣка? Древняя исторія продолжалась донынѣ, потому-что такъ-называемая новѣйшая исторія

была только ея продолженіемъ; начала и средства у обѣихъ господствовали тѣ же: новая начинается отъ настоящаго времени, и «Сынъ Отечества» — поздравляю почтеннаго сынка! — торжественно открываетъ свѣтлую эру ея радикальнымъ пониженіемъ цѣны на умъ. Внучата отечества будутъ съ гордостью разсказывать объ этомъ подвигѣ незабвеннаго ихъ папеньки, который умиралъ, умиралъ сколько уже разъ умиралъ... три, или четыре раза, я думаю... и умереть не можетъ: всталъ вдругъ съ одра здоровѣе, чѣмъ когда-либо, и провозгласилъ торжественно: новая исторія, новая цѣна на умъ!... четыре цѣлковыхъ, не болѣе: читайте, господа!

Но при этомъ новомъ состояніи человѣка, обновленнаго парами и электричествомъ, когда все постепенно принимаетъ и должно принять новые образы, многіе старые пружины и рычаги лишатся необходимо своей важности, истинной, или воображаемой. Между-прочимъ и, прежвсего, послѣдуетъ — уже и послѣдовало — коренное измѣненіе въ значеніи и судьбѣ журналовъ, особенно газетъ. Онѣ лишатся всей своей силы... я разумѣю той силы, которую въ нихъ предполагаютъ почти все стоящіе передъ кулисами журнализма и не знающіе тайнъ ремесла. Главную важность газетъ составляло быстрое сообщеніе новостей, и онѣ овладѣли-было даромъ слова. Право первой сплетни принадлежало имъ. Электричество опередило теперь ти-

пографскій станокъ. Телеграфы распространяютъ извѣстія быстрѣе молніи. Газеты уже не идутъ впереди новостей, а тащатся позади ихъ, повторяя на слѣдующій день то, что всякому извѣстно стало наканунѣ посредствомъ проволоки и молвы. Изустная рѣчь возвратила себѣ свое натуральное могущество, котораго лишало ее печатаніе временно, втеченіе почти двухъ столѣтій, пользуясь затруднительностью сообщеній. Другой силы въ журналахъ и газетахъ никогда не бывало: я — старинный журналистъ, пользовавшійся (простите откровенность) кое-какою извѣстностью на этомъ поприщѣ, рѣшительно отрицаю великое вліяніе журналовъ на общее мнѣніе, хотя весьма-умные люди и почти всѣ въ публикѣ увѣрены въ противномъ. Но весьма-умные и даже преглубоко-ученые люди были втеченіе тысячелѣтій убѣждены, что земля стоитъ на мѣстѣ, а солнце ходитъ около нея; отличнѣйшіе философы горько насмѣхались надъ пиѳагорейцами, которые, по пристрастію къ египетскимъ тайнымъ ученіямъ, осмѣливались иногда утверждать о солнцѣ то же самое, чему мы нынче всѣ вѣримъ безпрекословно, какъ очевидной истинѣ. Греческіе мудрецы, математики, астрономы, считали долгомъ національной чести отвергать и опровергать эту мистическую идею, для которой, впрочемъ, и не было въ то время довольно-ясныхъ доказательствъ. Немудрено, поэтому, что читатели журналовъ, окружась каждый высокою стѣною своего предубѣжденія

и заставляя ихъ плясать около этихъ стѣнъ — плясать по своей дудкѣ — разсуждать въ такомъ духѣ, какой имъ нравится — полагаютъ добродушно, будто журналы сидятъ да подъигрываютъ, а они, читатели, пляшутъ. О себѣ, разумѣется, никто этого не думаетъ; но каждый думаетъ такъ о другихъ читателяхъ. Между-тѣмъ — о, читатели! — выслушайте меня: я вамъ скажу, и каждый добросовѣстный журналистъ, не ослѣпленный лишнимъ самолюбіемъ, скажетъ вамъ по совѣсти, что журналъ, газета, листокъ *кажется* силенъ только тогда, когда попадаетъ въ вашъ образъ мыслей, въ ваши желанія, въ ваши мечты, и умѣетъ ясно и увлекательно излагать ихъ, и силенъ онъ кажется только въ томъ кругу, который, по темпераменту, или особенному положенію лицъ, пристрастенъ съ колыбели къ этимъ мыслямъ, желаніямъ, мечтамъ. А заговори онъ иначе, заговори по своему убѣжденію, если убѣжденіе у него другое, или измѣнилось, стань онъ доказывать самыя вѣрныя истины, но которыя вамъ не понутру, вы его тотчасъ оставляете, наносите ему смертный ударъ своимъ равнодушіемъ. И тотъ же самый журналъ, который считается сильнымъ у васъ, въ вашей сферѣ идей, потому-что онъ излагаетъ силу вашего особеннаго образа мыслей, тотъ же самый поносится и унижается въ другомъ приходѣ, гдѣ нѣтъ сочувствія къ любимымъ понятіямъ вашимъ. Когда въ какой-нибудь странѣ есть только

одна газета, одинъ журналъ, тамъ еще можно предполагать кой-какое вліяніе со стороны повременной печати на общее мнѣніе, хотя и это невѣроятно: ежели много читаютъ это единственное изданіе, значитъ оно попадаетъ въ современные смыслъ, толкъ и направленіе мѣстной публики; въ противномъ случаѣ, и самый единственный журналъ остался бы непримѣченнымъ и долженъ былъ бы закрыться по недостатку въ читателяхъ. Это случалось не однажды. Но тамъ, гдѣ журналовъ и газетъ существуетъ много, тамъ каждый читаетъ только то, что̀ согласно съ его идеями и льститъ его убѣжденіямъ. Хотите ли знать съ достовѣрностью, какъ значительны въ данной сторонѣ извѣстные образы мыслей и ихъ оттѣнки? Сочтите подписчиковъ на тѣ журналы, которые болѣе, или менѣе ясно слѣдуютъ этимъ различнымъ направленіямъ. Это вѣрнѣйшая статистика общественнаго мнѣнія.

Я знаю, что̀ возразятъ мнѣ тѣ, которые привыкли думать, по части газетъ и журналовъ, что стои́тъ земля, а ходитъ солнце. Сколько-такихъ людей — скажутъ они — которые заимствуютъ мнѣнія свои изъ послѣдняго прочитаннаго журнала! Слѣдовательно, журналъ имѣетъ силу совращать... Нѣтъ! этой силы у него не водится. Во-первыхъ, тотъ, кто ищетъ журнала, чтобы почерпнуть изъ него свои фразы и разсужденія, беретъ всегда для этого журналъ, совершенно ему понятный, то-есть со-

гласный съ его склонностями, или убѣжденіями. А во-вторыхъ, заимствуется такимъ образомъ только пустой человѣкъ, болтунъ, ни къ чему неспособный ротозѣй, который, при первомъ случаѣ, будетъ разсуждать совсѣмъ иначе, изъ подобострастія, или со страха. Такіе читатели не въ-счетъ ни въ литературѣ, ни въ политикѣ, какъ, въ колбасномъ дѣлѣ, не въ-счетъ такіе гастрономы, которые останавливаются у оконъ лавки и разбираютъ любительски колбасы и галантиры, разставленные далеко позади стеколъ.

Журналъ, газета, несмотря на пособіе отличнѣйшихъ дарованій, тѣмъ самымъ уже безсильны, что они изданія безконечныя, скоротечныя, легко доходящія до всѣхъ рукъ и, какъ каждый предполагаетъ, читаемыя всѣми, хотя часто никто ихъ не читаетъ. Самолюбіе трехъ-четвертей читателей именно не хочетъ опираться на то, на что каждый Павелъ и Поль, Вольдемаръ и Васька можетъ опереться вмѣстѣ съ нимъ, какъ на публичное добро, какъ на воззрѣнія и сужденія, каждому трактиру извѣстныя изъ послѣдняго нумера.

Книга!... О! книга — дѣло совсѣмъ другое! Книга можетъ имѣть обширнѣйшее вліяніе на умы, расположенные принять ея образъ мыслей, потому-что книга одна, потому-что ее читаютъ, какъ полагается, избранные, потому-что она тайный и вѣрный другъ, который не таскается по трактирнымъ столамъ, но представ-

ляетъ собою одного человѣка — писателя, автора, мыслителя — а не сборище писакъ, работающее къ сроку за задѣльную плату. Между-тѣмъ, тѣ, которые не благоволятъ къ грамотѣ, потому-что грамотѣ случается, порой, не попадать въ ихъ любимыя понятія, возстаютъ болѣе противъ журналовъ, чѣмъ противъ книгъ.

Нѣтъ! повременныя изданія совсѣмъ не такія всесильныя чудовища, какими многіе воображаютъ ихъ въ Европѣ.

Посмотрите на Англію, заваленную журналами и газетами. На твердой землѣ воображаютъ, будто Times тамъ правитъ государствомъ, и что́ Times скажетъ, тому всѣ кланяются. Ничего не бывало: политическія статьи Times читаются только акціонерами этой газеты; прочіе читатели пропускаютъ ихъ безъ вниманія, а нѣсколько-выше не знаютъ даже объ ихъ существованіи. Но умная и краснорѣчивая книга проникаетъ во всѣ семейства, къ людямъ самыхъ противоположныхъ о́бразовъ мыслей и всѣхъ волнуетъ, всѣхъ сотрясаетъ сочувствіемъ, или непріязнью. Эти бѣдные турки! у нихъ была въ рукописныхъ книгахъ, въ красивыхъ и некрасивыхъ спискахъ, очень-любопытная литература, которою они дорожили. Европейская цивилизація облагодѣтельствовала ихъ книгопечатаніемъ. Теперь у нихъ читать нечего! Великій визирь принужденъ читать французскіе романы!

Такъ-какъ рѣчь зашла объ Англіи, то я вспом-

нилъ, что, въ одномъ петербургскомъ фельетонѣ, читалъ я извѣстіе о присланныхъ въ его редакцію изъ Лондона первыхъ выпускахъ двухъ новыхъ журналовъ для обязательной рекомендаціи русской публикѣ, какъ это всегда дѣлается за границею. Я не называю фельетона, потому-что онъ, къ сожалѣнію, не доказалъ въ этомъ случаѣ иностраннымъ литераторамъ, что мы умѣемъ найдтись съ тою attic urbanity, которой они вправѣ ожидать отъ litterary men of Russia: отрекомендовалъ сообщеніе ихъ тѣмъ, что, «вѣроятно», никто у насъ не станетъ интересоваться этими журналами. The British Workman, замѣчаетъ фельетонъ, *никому изъ русскихъ не нуженъ*. Это могло быть сказано иначе — нѣсколько-обязательнѣе и нѣсколько-справедливѣе: тѣ, которые выписываютъ англійскій журналъ для ремесленниковъ, Mechanic's Magazine знаютъ очень-хорошо, съ какимъ усердіемъ, съ какою жадностью наши мастера и мастеровые выпрашиваютъ для себя рисунки этого изданія, годящіеся къ ихъ дѣлу. Но фельетонъ восхищается особенно журналомъ для юношества, The Band of hope, и не можетъ надивиться развитію искусствъ типографскаго и издательскаго на Западѣ, преимущественно въ Англіи. «Трудно повѣрить—говоритъ онъ—что «такое изящное изданіе стóитъ въ годъ 6 шил«линговъ (1 рубль 90 копеекъ): чтò за картинки! «чтó за бумага! чтó за печать! Просто, пре«лесть. Притомъ, какое разнообразіе, какая со-

«образность съ цѣлью! Въ одномъ такомъ ну-«мерѣ болѣе полезнаго и интереснаго, нежели «въ иной дѣтской книгѣ. Поневолѣ воспом-«нишь: дѣло мастера боится!» Ну, такъ что́ же послѣ этого — я обращаюсь къ вамъ, господинъ редакторъ — что́ же послѣ этого ваши четыре цѣлковыхъ и ваша скидка восемьдесяти копеекъ съ рубля со справочной цѣны русскаго ума? Посмотрите, какія прелести даютъ въ Лондонѣ за рубль девять гривенъ. Значитъ, умъ въ Англіи несравнено-дешевле нашего, даже съ пониженною до-крайности цѣною. Значитъ, можно издавать прекрасные журналы за сущую бездѣлицу. Я не думаю упрекать васъ: вы сдѣлали все, что́ можно было и слѣдовало наконецъ сдѣлать у насъ, на Руси: дали начало и основаніе *по-возможности дешевому для насъ* журналу, политическому, ученому и литературному. Каждый благонамѣренный русскій человѣкъ скажетъ вамъ спасибо, каждый искренно пожелаетъ вамъ успѣха, и никто изъ читающихъ, навѣрное, не откажетъ въ сочувствіи и содѣйствіи такому предпріятію. За англичанами мы не можемъ тянуться. Мы — главные фабриканты хлѣба, а бѣлый хлѣбъ у насъ, въ Петербургѣ и въ Ригѣ, дороже, чѣмъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ; такого хлѣба, какой у насъ продается по 4 копейки за фунтъ, въ Парижѣ фунтъ сто́итъ обыкновенно 3 копейки (12 centimes за фунтъ, или 30 centimes kilogramme); въ Лондонѣ $3^1/_4$ копейки. Работникъ нашъ дѣ-

лаетъ менѣе и беретъ дороже; матеріалы, каковы бумага, шрифтъ, чернила, гравировка, раскраска, несравненно-дороже и хуже. Несправедливо было бы и требовать бо́льшаго изящества, или великолѣпія за четыре рубля серебромъ, которые, если взять сравнительныя цѣны пищи, одежды и маленькихъ удовольствій ремесленника въ Петербургѣ, совершенно равны шести шиллингамъ лондонскимъ. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что какъ все идетъ у насъ, благодареніе Богу и Царю, къ лучшему, то, вѣроятно, и вашъ «Сынъ Отечества», который теперь опирается болѣе всего на свое внутреннее достоинство, вскорѣ будетъ въ-состояніи пощеголять также и наружностью, наравнѣ съ тѣми изданіями, о которыхъ сейчасъ было сказано, хотя и теперь, нечего сказать, онъ отличается достодолжною опрятностью между товарищи и соучастники.

Боюсь одного: на свои выдумки мы не горазды, но подражать чужимъ выдумкамъ — удивительные мастера. Лишь-только успѣхъ «Сына Отечества» сдѣлается гласнымъ, всѣ бросятся на изданіе дешевыхъ журналовъ и завалятъ Русь такою дешевою чепухою, что читателямъ прійдется дорого́ю цѣною откупаться отъ дешевизны, разсуждая про себя со вздохомъ: «Дорого было, да мило; дешево стало, да гнило!» Охъ! эти подражатели! Страсть къ безотчетному подражательству — смерть нашего народнаго генія. Явился Брамбеусъ съ горстью остроу-

мія: всѣ принялись остриться, острились десять лѣтъ, да такъ, что просто изъ рукъ-вонъ, что самого Брамбеуса отъ остроумія вылечили. Ну, да оно и къ лучшему! Тряхнулъ таинственно, со своей глубокою тонкостью, съ своимъ оригинальнымъ талантомъ, великій Гоголь малороссійскою рубахою, не отданною въ стирку: вся русская литература каталась десять лѣтъ въ грязи, находя, что это очень-натурально, пока опять новый великій талантъ не увлекъ за собою всѣ болѣе, или менѣе даровитыя перья. Сколько прекрасныхъ вещей произвели бы въ эту четверть столѣтія, если бы каждое дарованіе дѣйствовало самостоятельно, сознавая свое призваніе и свое достоинство!

Но старый міръ кончился — старыя исторіи закрыты. Въ литературѣ, какъ и во всемъ прочемъ, ожидаютъ русскую землю новые успѣхи, новые подвиги, блестящіе и утѣшительные. Въ эту минуту нѣтъ на Руси ни одного благороднаго сердца, которое бы не билось теплою надеждою, непреложнымъ убѣжденіемъ, что славное прошедшее родитъ еще славнѣйшее будущее, что дѣятельность, усердіе, трудолюбіе, предпріимчивость, страсть къ полезному, вкусъ къ изящному — вся національная жизнь наша скоро вспыхнетъ на нашемъ сѣверѣ, когда всѣ дружно пріймутся за дѣло, по мановенію благой и вседержавной Руки, располагающей судьбами великаго народа, равно готоваго сражаться за нее съ гордостью до послѣдней капли крови,

какъ и трудиться для ея торжества до послѣдней капли пота. И свѣтлая эпоха обилія, благоденствія и счастія вдругъ засіяетъ надъ этимъ необозримымъ сѣверомъ, какъ-скоро заклубится надъ нимъ съ конца въ конецъ огромное облако паровъ, какъ-скоро, искрещенный полосами желѣза и запутанный въ мѣдныя проволоки, оживленный повсемѣстнымъ движеніемъ, совокупитъ онъ въ одно свои усилія, свои потребности и свои мысли, не зная болѣе ни страшныхъ для труда разстояній, ни убійственной для народнаго богатства траты самой дорогой вещи въ мірѣ — времени, — времени, которое дороже золота, хотя и дешевле «Сына Отечества», теперь, за трудностью употребить его скоро и выгодно. Тогда-то заговоримъ всѣ мы о дешевизнѣ по всѣмъ статьямъ: о дешевой роскоши, о великолѣпіи за гривенникъ — объ очарованіяхъ нипочемъ. Не можемъ же мы вѣчно быть такими ужасными богачами, какъ теперь, когда Ивану Ивановичу Излеру бросаемъ не поморщившись полтора рубля за входъ въ деревянную ограду волшебствъ изъ парусины и за фунтъ сквернаго чаю платимъ три и три рубля съ полтиною серебромъ. Въ Гамбургѣ такой чай стóитъ сорокъ-пять копеекъ, а въ Лондонѣ за входъ въ Воксалъ и въ Зоологическій Садъ, гдѣ, и для глазъ, и для развлеченія, и даже для ума, средствъ собрано, разумѣется, побольше, чѣмъ въ Новой Деревнѣ и на Черной Рѣчкѣ, не считая истинно величественныхъ га-

зовыхъ иллюминацій — въ Лондонѣ, городѣ, прокричанномъ за дороговизну, платятъ скромно по одному шиллингу (31½ копеекъ). Въ одномъ изъ этихъ армидиныхъ садовъ, гдѣ, кромѣ оркестровъ съ солистами, вокальныхъ концертовъ, народной комедіи, театра маріонетокъ, цирка и пиротехническихъ зрѣлищъ, постоянно открыты посѣтителямъ панорамы, косморамы, діорамы, богатые звѣринцы и птичники, собранія слѣпковъ образцовыхъ произведеній древней и новѣйшей скульптуры, коллекціи рѣдкихъ растеній, копіи домовъ Шекспира, Мильтона, и такъ далѣе, — въ одной изъ этихъ Новыхъ Деревень, между-прочимъ, видѣлъ я, бѣдный человѣкъ, за мой смиренный шиллингъ, то же самое несказанное волшебство, за которое въ Петербургѣ я, богачъ, я, большой баринъ, по примѣру другихъ, бросалъ небрежно, за полгода назадъ, пять рублей серебромъ мадамъ Лежарръ и мадмоазель Кюзанъ, со всѣми ихъ наѣздницами и наѣздниками. Это ужасъ какъ мы богаты! Мы уже нестерпимо-богаты! Надо намъ приняться за трудъ, разжиться, накопить всякаго добра и обѣднѣть немножко... Я хочу сказать: надо платить за все побѣднѣе, подешевле. Отъ этой страшной разницы въ цѣнахъ мы получаемъ только то, что иностранцы стекаются отвсюду въ Россію наживать состоянія, которыя, по нашимъ цѣнамъ, не велики, но, вывезенныя за границу, составляютъ настоящія богатства, и что соперничество этихъ иностран-

цевъ удаляетъ русскаго промышленника отъ образованнѣйшихъ статей производства, гдѣ онъ могъ бы пріобрѣсти свѣдѣнія, вкусъ, любовь къ тонкому и искусному дѣлу. Заслуженный авторъ «Журнальной Всякой Всячины», одинъ изъ умнѣйшихъ писателей нашихъ, разсуждая нынѣшнею весною о дороговизнѣ русскихъ издѣлій и произведеній, спрашивалъ читателей: «Не угодно ли вамъ указать мнѣ причину этого «непонятнаго явленія? Желалъ бы я очень, что-«бы кто-нибудь толкомъ объяснилъ мнѣ ее.» Боже мой! Ѳаддей Венедиктовичъ! да вѣдь вы сами объяснили ее всему свѣту разъ десять въ, «Сѣверной Пчелѣ»! Не у васъ ли читалъ я, что въ Сан-Франциско, въ Калифорніи, когда тамъ начиналась золотопромышленость, за одну комнату на два мѣсяца платили по четыре тысячи рублей серебромъ, за бутылку красного вина пятьдесятъ пѣлковыхъ, за пару перчатокъ двадцать-пять рублей, и такъ далѣе? Почему такъ платили? Да потому, что золота было бездна, а комнатъ, бутылокъ вина и перчатокъ почти вовсе не было. Да если бы они и были, такъ не было другихъ необходимыхъ предметовъ, высокая цѣна которыхъ набивала высокія цѣны на все прочее. Вотъ вамъ настоящее объясненіе нашей дороговизны! Гдѣ денегъ гораздо-болѣе, чѣмъ предметовъ, на которые можно было бы употребить ихъ въ приличной соразмѣрности съ иностранными на нихъ цѣнами, тамъ деньги истрачиваются на то, что́ можно пріобрѣсть

покупкою, потому-что назначеніе денегъ — быть непремѣнно истраченными. Пока деньги не издержаны, до-тѣхъ-поръ онѣ не деньги, а безполезно лежащіе куски металла, или лоскутки бумаги. Какъ количества денегъ у насъ гораздо-болѣе количества труда и его произведеній, то никто дешево работать не можетъ, потому-что не можетъ самъ получить ничего по дешевой цѣнѣ.

Ваша «дешевая газета», милостивый государь, завлекла меня уже слишкомъ-далеко въ философію дешевизны. Но кто дешевизны не любитъ... въ чужихъ вещахъ, разумѣется? И кто не первый приверженецъ дороговизны, какъ-скоро дѣло касается до уступки его собственности? Борьба между этими двумя противоположными направленіями сердца человѣческаго составляетъ одну изъ тончайшихъ прелестей жизни — прелесть торговаться о цѣнѣ. Я совершенно понимаю вражду нѣкоторыхъ московскихъ барынь къ дешевымъ товарамъ: не изъ чего торговаться, такъ и не стóитъ покупать! Чтó, если бы сдѣлали въ вашемъ журналѣ небольшой improvement, маленькое практическое улучшеніе: если бы вы отдавали его за четыре рубля, но запрашивали десять? Мѣра, право, общеполезная. За тысячу лишнихъ подписчицъ я вамъ отвѣчаю...

Но пора остановиться. Будьте всегда здоровы и всегда дешевы, для наслажденія и выгоды читающей Руси. Она васъ поддержитъ.

II.

15 іюля 1856.

Дешевая газета, дешевый журналъ, дешевый умъ, политическій, ученый, даже и литературный, — все это превосходно. Все дешевое превосходно. Это теперь доказано. Но нѣтъ ли у васъ еще, или не можете ли порекомендовать намъ — для насъ, сѣверныхъ, санктпетербургскихъ жителей, это вещь первой необходимости, это нужнѣе всѣхъ газетъ, всѣхъ журналовъ, всего ума, всей политики, науки, даже и всей литературы, — нѣтъ ли еще у васъ, или не знаете ли, гдѣ бы можно было найдти, этакъ, хорошее, но недорогое, дешевенькое солнце? Все у насъ есть, слава Богу: и французскіе романы, и англійскія галоши, и итальянская опера — вотъ еще на-недѣлѣ открылась гдѣ-то *Вилла-Боргезе* — но въ солнцѣ у насъ ужасный недостатокъ. Что́ за лѣто! Такую весну и такое лѣто, каковы нынѣшнія, могла бы состряпать одна луна, при совершенномъ отсутствіи солнца. Холодъ, ненастье, бури; всѣ зябнутъ, кашляютъ, чихаютъ отъ простуды; ничего не

растетъ; зелень и травы опоздали; если какому-нибудь растенію удалось наконецъ зацвѣсти низехонько при землѣ, то и цвѣты его на цвѣты не похожи. А чего все это стóитъ! Мы всѣ больны, потому-что быть здоровымъ середи всѣхъ этихъ благъ, прелестей и удовольствій никакъ невозможно, неприлично!... Доктора велятъ искать солнца: солнце нужно намъ непремѣнно для нашего здоровья, а здоровье непремѣнно нужно длятого, чтобы быть больными послѣ всѣхъ этихъ благъ, прелестей и удовольствій. А гдѣ найдти солнце? Доктора, я думаю, не могутъ на насъ жаловаться: мы исполняемъ усердно ихъ предписанія. Ужь чего мы не дѣлаемъ для нашего здоровья! Съ опасностью отморозить нось и уши живемъ цѣлое лѣто на дорогихъ дачахъ, окружаемъ себя дорогими растеніями и цвѣтами, пьемъ нашу, родную, дорогую исскусственную сельтерскую воду (натуральная, нѣмецкая, самая свѣжая, дешевле, рядомъ съ нею, въ тѣхъ же лавкахъ), набиваемъ себѣ мозоли на ногахъ гуляньями, зябнемъ, дрожимъ, — и къ чему все это служитъ? Солнца нѣтъ! А появится на нѣсколько часовъ, такъ холодное какъ ледъ. Еще холоднѣе на солнцѣ, чѣмъ безъ него. Вотъ почему я держусь той теоріи, что, вмѣсто проживанія на дачахъ, мы должны ѣздить въ Италію, что настоящая дача Россіи — Италія, что она естественная голландская печь сѣвера, и грѣться лѣтомъ сѣверному человѣку должно на южномъ солнцѣ, не разо-

рящись понапрасну на отъискиваніе своего, отечественнаго, сѣвернаго. Подумайте, что отъ Петербурга до Флоренціи, когда будетъ готова Варшавская Желѣзная Дорога, проѣздъ не долженъ стоить болѣе девяноста рублей: за какую-нибудь сотню рублей вы на многіе мѣсяцы въ чудеснѣйшей странѣ, гдѣ за двугривенный открыты вамъ настоящія Виллы-Боргезы — изумительныя сокровища произведеній древняго и новѣйшаго искусства, и горы неаполитанскаго мороженаго; за солнце ничего не платите. А за очень-скверную дачу въ окрестностяхъ Петербурга нужно заплатить на самое-коротенькое лѣто триста, четыреста и болѣе рублей, кромѣ солнца. За солнце и сырость не отвѣчаютъ.

Какъ-скоро Варшавская Желѣзная Дорога откроется, поѣдемте всѣ въ Италію. Поѣдемъ непремѣнно! И каждую осень — увидите! — воротимся не только толще, отъ избытка здоровья, но и умнѣе, но и добрѣе, отъ благодѣтельнаго вліянія на воображеніе, вкусъ и нравъ самаго мягчительнаго въ природѣ средства — впечатлѣній, производимыхъ въ насъ видомъ геніальныхъ твореній искусства, видомъ истинно-прекраснаго. Да! очень было бы полезно для насъ, юныхъ питомцевъ образованности, получить привычку къ поѣздкамъ налѣто въ Италію; осенью, когда возвращаешься въ городъ изъ Новой Деревни, чувствуешь себя, право, какъ-то грубѣе, какъ-то, такъ сказать, тупѣе, сердитѣе, особен-

но сердитѣе — хочется кусаться! Словомъ сказать, возвращаешься съ дачи полу-чухонцемъ, выѣхавъ изъ города полу-французомъ. То-ли дѣло, когда возвращаешься осенью изъ Флоренціи, Рима, Неаполя! Готовъ человѣкъ всѣхъ расцаловать, готовъ задушить всѣхъ своимъ счастіемъ и замучить всѣхъ новымъ умомъ своимъ!

Я далеко не изъ тѣхъ пуританъ политической экономіи, которое желали бы запереть на замокъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, страшась разоренія для народнаго богатства отъ многочисленныхъ поѣздокъ за границу, отъ истрачиванія въ чужихъ земляхъ доходовъ съ родныхъ имѣній. Опасающіеся отъ этого народной бѣдности доказываютъ прекрасную патріотическую заботливость о нашемъ общемъ благѣ; однако, если бы къ ней присоединили они знаніе международныхъ разсчетовъ *кредита и дебета* — ясное понятіе о торговомъ движеніи капиталовъ — то на-многое сократили бы заботы свои о невредимости отечественнаго кармана, благородныя, но безполезныя. Такъ невинно разсуждать можно было за полтораста лѣтъ назадъ, въ то время, когда международная торговля еще находилась въ дѣтствѣ, когда почти всѣ ея обороты дѣлались на чистыя деньги, на червонное золото, когда народы покупали другъ у друга только то, что потреблялось тутъ же, сейчасъ, въ тѣсномъ кругу своей земли и въ еще болѣе тѣсныхъ предѣлахъ мѣстной про-

мышлености каждаго. Какая, спрашиваю, конечная цѣль статистики, науки, на которую политическая экономія можетъ и должна опереться въ этомъ случаѣ? Разумѣется, не въ томъ, чтобы, для празднаго любопытства, знать число домовъ, лошадей и цыплятъ въ какой-нибудь сторонѣ. Цѣль статистики, я думаю, достигнуть наконецъ, посредствомъ всѣхъ этихъ данныхъ, вѣрной оцѣнки цѣлаго государства, какъ одного огромнаго поземельнаго имѣнія, оцѣнки всѣхъ статей какъ собственности его, такъ и доходовъ съ нихъ; знать, сколько стóитъ въ капиталѣ все государство, какъ одно имѣніе и какъ одно хозяйство, и какіе даетъ она проценты на этотъ капиталъ, чтобы получить точнѣе, по-возможности, свѣдѣніе о дневномъ доходѣ каждаго человѣка, а тамъ — чего стóитъ въ сутки жизнь его, для дальнѣйшихъ соображеній политической экономіи. Превосходный опытъ выведенія этого конечнаго результата, быть-можетъ, нѣсколько преждевременный, но, во-всякомъ-случаѣ, хорошо стремящійся къ истинѣ, сдѣланъ относительно къ Россія А. А. Тенгоборскимъ въ извѣстномъ его сочиненіи. Изъ его любопытныхъ вычисленій видно, что чистый доходъ, получаемый ежегодно всѣми нами со всѣхъ статей этой маленькой деревушки нашей, Россіей называемой, простирается, умѣреннымъ счетомъ, до 2,200,000,000 рублей серебромъ: по 37 рублей на брата, по 10 копеекъ въ день на душу, малую и великую. Ну, а сколько истратимъ мы въ годъ за грани-

цею, путешествуя, поправляя здоровье и, при этомъ случаѣ, образуя нашъ вкусъ, привычки, понятія? Мильйонъ рублей, что̀ ли? Ну, положимъ два мильйона... пожалуй, хоть и пять мильйоновъ. Что̀ же это значитъ въ-сравненіи съ 2,200 мильйонами? Капля воды изъ моря, испарившаяся въ воздухъ! Море отъ этого не стало ни менѣе сильно, ни болѣе мелко. Не богачи богаты въ государствѣ, а богаты бѣдные, взятые міромъ, всѣ вмѣстѣ. Люди богатые не получаютъ даже и тысячной части дохода, который въ общей сложности приходится на не-богатыхъ и бѣдныхъ и распредѣляется между ними по количеству труда и умѣнія трудиться каждаго.

Богатство — трудъ, а не то, что̀ вы думаете: не деньги, присылаемыя вамъ изъ деревень управителями. Деньги только средство вознаградить одинъ трудъ другимъ трудомъ, вымѣнять одинъ трудъ на другой, добыть себѣ за произведеніе труда однихъ всякія разныя произведенія труда другихъ людей. Истратили ль вы ихъ у себя дома или за границею, все равно: онѣ все-таки возвратятся къ трудящимся. Къ какимъ, спросите, трудящимся? къ заграничнымъ?... Ну, да! сначала къ заграничнымъ, но потомъ, отъ нихъ, къ нашимъ, отечественнымъ.

Какже это?... Да вотъ какъ: посредствомъ чуднаго и благодѣтельнаго дѣйствія дѣятельной международной торговли.

Ясности ради, положимъ, на-прикладъ, что я

мотъ — поѣхалъ искать солнца въ Италію и истратилъ втеченіе года пятьсотъ тысячъ рублей серебромъ, получаемыхъ мною съ моихъ огромныхъ имѣній въ Россіи. Сдѣлалъ ли я этимъ ущербъ нашему народному богатству? То-есть, стало ли отъ этого у насъ пятьсотъ тысячъ рублей въ оборотѣ *менѣе?* Разумѣется, не стало. Вѣдь я не вывезъ съ собою ни полушки нашей ходячей монеты. Я взялъ съ собою нѣсколько кусковъ тоненькой бумаги, пять-шесть векселей русскаго банкира, заплатилъ ему за нихъ пол-процента, 2,500 рублей, которые онъ истратитъ на цвѣты для своего бала, на кирпичъ для постройки дома, или на сало для иллюминаціи своей дачи въ день ангела своей супруги. За границею эти бумажки купятъ у меня по курсу тамошніе банкиры и употребятъ ихъ на удовлетвореніе своихъ разсчетовъ съ тѣми, которые ведутъ торговыя дѣла съ Россіей. Эти, получивъ въ руки мои векселя — что́ же вы думаете? — пріѣдутъ сами лично сюда, или пришлютъ прикащиковъ требовать выдачи имъ немедленно пятьсотъ тысячъ рублей наличными золотомъ, или серебромъ? вынутъ у насъ пятьсотъ тысячъ рублей изъ внутренняго оборота? стѣснятъ, такимъ-образомъ, движеніе и размѣнъ труда у насъ? Какую выгоду получили бы они отъ наличныхъ денегъ? Ни малѣйшей: тамъ дали они мнѣ за эти векселя тридцать пудовъ золота и здѣсь получатъ тридцать пудовъ, — ни одного фунта болѣе. Нерѣдко еще, при частыхъ измѣ-

неніяхъ курса на золото, они претерпѣли бы значительный убытокъ. Они, люди торговые, люди смышленые, не дадутъ такого промаха. Зачѣмъ иностранному негоціанту, владѣющему моими векселями, вывозить изъ Россіи звонкую монету, на которой, при самомъ хорошемъ курсѣ, заработаешь полъ-процента, а при дурномъ потеряешь четыре, когда онъ можетъ нажить при этомъ случаѣ тридцать, сорокъ и болѣе процентовъ барыша: ему стóитъ только оглянуться кругомъ на своей биржѣ и сообразить, какой изъ нашихъ русскихъ товаровъ болѣе всего нуженъ мѣстнымъ купцамъ, или фабрикантамъ въ эти минуту, или какой всего выгоднѣе было бы послать теперь въ Англію, въ Калифорнію, въ Индію, Китай, или Австралію: кожи ли? сало ли? пеньку, ленъ, хлѣбъ, или желѣзо? Онъ пишетъ немедленно своему корреспонденту въ Россіи: «Милостивый государь! Мы получили почтеннѣйшее письмо ваше и исполнили во всей точности ваше порученіе. Взаимно, вотъ вамъ векселя русскаго банкира: получите съ него деньги по нимъ и купите поскорѣе на всю эту сумму льна столько-то, желѣза, хлѣба столько-то; одну часть этого заказа отправляйте прямо въ Калькутту, чтò въ Азіи, а другую въ Валь-Парайзо, чтò въ Америкѣ, подъ нижеписанными адресами, и объ исполненіи порученія вашего не оставьте насъ увѣдомленіемъ. Наше совершенное почтеніе, и прочая. — PS. На эту же сумму благоволите прислать намъ, при удобномъ

случаѣ, для нашего домашняго употребленія, пуда четыре настоящаго казанскаго мыла, которое, говорятъ, превосходно для стирки тонкаго бѣлья. За присланный вами прекрасный подарокъ чувствительно вамъ благодарны. Жаль только, что вы не написали, какъ употреблять его; а-то мы совершенно испортили все наше белье.» (Это была черная паюсная икра, которую, принявъ за мыло, эти англичане передали своимъ прачкамъ. Случай, прошу повѣрить, невыдуманный.)

Ну, такъ что́ же, что я промоталъ пятьсотъ тысячъ русскихъ рублей по-милости итальянскаго солнца? На эти деньги потребовали изъ Россіи разныхъ произведеній русскаго труда, и онѣ воротились, какъ я имѣлъ честь вамъ предсказывать, къ русскому трудящемуся классу. Себѣ я, можетъ-быть, сдѣлалъ вредъ—разорился—да вамъ-то, туристу политической экономіи, какое дѣло до меня? Съ-чего вы взяли такъ нѣжно любить меня, препятствовать мнѣ всячески разориться пріятно и полезно? Я люблю, это моя страсть дѣлать вредъ себѣ: безъ этого нѣть на свѣтѣ ни одного сильнаго наслажденія. Разорился самъ для себя, для своей личной потѣхи, но нашему народному богатству не сдѣлалъ этимъ никакого вреда, — напротивъ, еще поощрилъ народный трудъ, еще заслужилъ спасибо. По поводу моихъ векселей выписали изъ Россіи на полмильйона продуктовъ болѣе, нежели какъ думали выписать. Заграничный негоціантъ

заработалъ на этихъ продуктахъ шестьдесятъ копеекъ на рубль и такъ полюбилъ русскіе векселя, что теперь ищетъ ихъ на всѣхъ биржахъ и намѣренъ выписать на слѣдующій годъ втрое болѣе хлѣба, сала и пеньки. Дайте мнѣ средства проматывать каждый годъ по пятисотъ тысячъ рублей изъ любви къ итальянскому солнцу: тогда-то требованіе на произведенія русской земли будетъ дѣятельно и постоянно; тогда зацвѣтутъ у насъ настоящимъ образомъ земледѣліе, садоводство, пеньководство, скотоводство и тому подобныя отрасли нашей сельской промышлености.

А я-то! каковъ-то буду самъ я? прелесть! какой вкусъ! какой толкъ въ прекрасномъ! какое познаніе искусствъ и художествъ! Образованность моя достигнетъ такого блистательнаго совершенства, что буду даже покупать русскія картины, чего никто еще у насъ не дѣлаетъ, почти никто, изъ опасенія, что онѣ русскія, такъ, слѣдовательно, навѣрное, плохи.

Я прочиталъ сегодня очень-любопытную книгу, недавно изданную въ Парижѣ: De l'Or et de l'Argent, leur origine, etc., извѣстнаго французскаго писателя мосьё Narcisse Tarassenko-Otreschkoff. А что въ той книгѣ, о томъ скажу вамъ послѣ. Сегодня признаюсь вамъ откровенно въ прочтеніи этой книги только потому, что она подала мнѣ поводъ размышлять о наилучшемъ употребленіи сибирскаго золота и что, по зрѣлому соображенію дѣла, за наилучшее призналъ

я истрачивать его всѣми силами на поѣздки въ Италію... прямо въ Италію спросите, или какъ?... нельзя ли немножко свернуть съ дороги?... Прямо въ Италію! отвѣчу: всего лучше прямо... А впрочемъ, какъ угодно... можно, пожалуй, и чрезъ Парижъ... чрезъ Jardin-Mabile.

III.

22 іюля 1856.

Я обѣщалъ вамъ — неправда ли? — сказать, что̀ тамъ въ этой французской книгѣ этого парижанина, мосьё Narcisse Tarassenko-Otreschkoff... не знаю, право, какъ это произносится по-русски... и хочу сдержать обѣщаніе, потому-что и французская книга, изданная въ Парижѣ, и богатый предметъ, которому она посвящена, необыкновенно-интересны: вообразите, De l'Ore et de l'Argent!... leur origine!... quantités extraites... о золотѣ и серебрѣ!... *объ ихъ началѣ*... количествахъ, добытыхъ съ *глубочайшей древности* по настоящее время... накопленіи въ разныхъ странахъ міра... и прочая, и прочая. Особенно-любопытно, для меня, для васъ, для всѣхъ, кромѣ глубочайшей древности, это *начало золота* и *серебра?* Вотъ говорите же противъ просвѣщенія! А чему просвѣщеніе не учитъ!... Все нынче знаютъ!... даже *начало золота и серебра?*... сирѣчь, *начало вещей*, какъ говорили мудрецы глубочайшей древности. Но это дается только французскимъ писателямъ: куда намъ, русскимъ сочинителямъ.

лагать [illegible] [illegible] [illegible]

любовныя записочки, пустыя письма безъ дѣла, любезную ложь, дѣвичьи дневники и тому подобное, говоримъ о сердцѣ, о чувствахъ, о балахъ, о нарядахъ, о погодѣ, злословимъ друзей, бесѣдуемъ съ парикмахерами, разсуждаемъ о парижскихъ перчаткахъ, о нѣмецкой музыкѣ, о нашихъ романахъ. ну, словомъ, о всякомъ вздорѣ, который только на французскомъ языкѣ и можно выразить прилично. О національности тоже по-французски: иначе нельзя! Но дѣла, дѣловыя объясненія, глубокія соображенія, государственныя и общественныя, разсчеты, проекты, смѣты,—все это требуетъ твердаго русскаго слова и производится на русскомъ языкѣ; бранимся мы тоже на русскомъ, взятки даемъ, или беремъ—все-равно—ну, разумѣется, на русскомъ! Все это предметы важные, обстоятельства капитальныя, и французскій языкъ къ нимъ нейдетъ. Вы, благовоспитанные русскіе люди, которые по-русски не знаете, вы и не вообразите, понятія не имѣете, представить себѣ не можете, какъ нужно быть умнымъ, чтобы хорошо говорить, или писать по-русски. Тутъ нѣтъ готовыхъ, красивенькихъ фразъ, оборотовъ, общепринятыхъ за изящные и неизбѣжные, которыми можно было бы придать блескъ пустячкамъ, прикрыть пошлость мысли, или отсутствіе логики: тутъ бери все на чистый умъ, на наличныя идеи; нето васъ не слушаютъ и не читаютъ. Вотъ почему я отвергаю всякую возможность того, чтобы мосьё Нарсиссъ не былъ

настоящій парижанинъ и чтобы сталъ онъ писать по-французски только длятого, что русскихъ писаній его не хотѣли читать по вышесказанной причинѣ. А впрочемъ, если бы злословіе, недоброжелательство, клевета вздумали съ ножомъ приставать, доказывая, что мосьё Нарсиссъ не французъ и что писать французскія книги не его дѣло, такъ я скажу, что онъ заслуживаетъ вполнѣ того уваженія, которое весь міръ отдаетъ великому Цицерону, потому-что поступаетъ совершенно какъ Цицеронъ. Въ хламѣ старинныхъ библіотекъ найдены отрывки писемъ Цицерона, которыхъ долго мы не знали,— и что же? въ одномъ изъ этихъ писемъ умнѣйшій и изящнѣйшій изъ римскихъ писателей проситъ пріятеля своего, безвѣстнаго аѳинскаго ритора, исправить языкъ и слогъ въ главномъ и любимомъ философскомъ твореніи его, которое написалъ онъ на греческомъ языкѣ. Писалъ я—говоритъ безсмертный ораторъ — кое-какія философскія разсужденія на родномъ языкѣ латинскомъ; но это вещи ничтожныя, могу сказать, грубыя, для простыхъ и неученыхъ читателей, лучшіе же мои идеи и выводы, глубочайшія соображенія мудрости призналъ я за нужное изложить на изящномъ языкѣ мудрецовъ и мыслителей, на вашемъ прекрасномъ языкѣ греческомъ, въ прилагаемомъ сочиненіи, которое благоволите прочитать и исправить, и прочая. Древній Римъ, какъ вы знаете, подобно нынѣшней Россіи, представлялъ общество дву-

язычное: греческій языкъ игралъ тамъ совершенно ту же роль, какую у насъ играетъ французскій; дѣла военныя и гражданскія, законы, управленіе, политическое и судебное краснорѣчіе, все важное въ государствѣ опиралось на латинскій языкъ, гастрономія, хорошій тонъ, любовь, мудрость, всякіе разные пустяки болтали по-гречески. Была, конечно, маленькая разница. Греція уже не одно столѣтіе составляла римскую область. Греки сами себя давно уже называли римлянами, гордились этимъ именемъ и слово «грекъ» считали для себя обидою. Римское общество, такимъ-образомъ, усвоило себѣ языкъ лишь одной изъ подвластныхъ себѣ провинцій, одной особенной части собственнаго своего отечества. Этого нельзя сказать о нащемъ французскомъ нарѣчіи: люди, у которыхъ оно заимствовано, нерѣдко бываютъ злѣйшими нашими врагами; но какъ нашъ французскій языкъ вовсе не мѣшаетъ намъ славно драться съ французами—напротивъ-того, еще бываетъ намъ очень полезенъ по этой части — напримѣръ въ 1814 году — то нечего и взыскивать съ насъ за недостатокъ въ народной гордости, за порабощеніе нашего отечественнаго ума чужестранному слову, за неуваженіе непреложныхъ правъ роднаго языка нашего. Порабощеніе? вскрикиваете вы. Какъ можно! порабощеніе!... національность сдѣлала у насъ съ нѣкотораго времени блистательные успѣхи!.... простонародный языкъ возсіялъ лучезарно въ лите-

ратурѣ!... Хороши успѣхи: рядомъ съ этимъ, не далѣе, какъ нынѣшнею зимою, въ коренномъ русскомъ и прерусскомъ семействѣ, дочери, взрослыя невѣсты, сказали мнѣ наивно: Monsieur, nous ne comprenons pas le russe!... Да еще какъ!... азбуки русской не знали!... слова русскаго выговорить чисто не могли! Года четыре тому, за Москвою, молодая и прекрасная, вовсе не изъ свѣтскаго круга дама, увидавъ у своей пріятельницы малютокъ, разбирающихъ русскую дѣтскую книгу, спросила, въ моемъ присутствіи: «Что это? твои дѣти читаютъ по-русски? развѣ есть тоже и русскія книги?... и можно читать ихъ?... Ахъ! въ-самомъ-дѣлѣ такъ и я заставлю своихъ дѣтей учиться читать по-русски. Это можетъ пригодиться имъ современемъ. Жаль, что сама не могу учить ихъ. Въ училищѣ, правда, намъ *показывали и русскій языкъ:* но вѣдь это забывается, отъ неупотребленія.» Разводите же національность въ романахъ: ею наслаждаются только тѣ, которыхъ отъ народнаго быта еще не отдѣлило молодое воспитаніе; но тутъ же рядомъ есть классъ, и очень-многочисленный, который живетъ какъ за Китайскою Стѣною, куда, кромѣ свѣжей икры, ничего русскаго не проникаетъ, гдѣ Парижъ свирѣпствуетъ во всей своей исключительности, гдѣ барыни, барышни, юноши старые и молодые о томъ лишь мечтаютъ, какъ бы, хоть послѣ смерти, душамъ ихъ позволено было гулять на тамошнихъ Елисейскихъ Поляхъ,

любовныя записочки, пустыя письма безъ дѣла, любезную ложь, дѣвичьи дневники и тому подобное, говоримъ о сердцѣ, о чувствахъ, о балахъ, о нарядахъ, о погодѣ, злословимъ друзей, бесѣдуемъ съ парикмахерами, разсуждаемъ о парижскихъ перчаткахъ, о нѣмецкой музыкѣ, о нашихъ романахъ . ну, словомъ, о всякомъ вздорѣ, который только на французскомъ языкѣ и можно выразить прилично. О національности тоже по-французски: иначе нельзя! Но дѣла, дѣловыя объясненія, глубокія соображенія, государственныя и общественныя, разсчеты, проекты, смѣты,—все это требуетъ твердаго русскаго слова и производится на русскомъ языкѣ; бранимся мы тоже на русскомъ, взятки даемъ, или беремъ—все-равно—ну, разумѣется, на русскомъ! Все это предметы важные, обстоятельства капитальныя, и французскій языкъ къ нимъ пейдетъ. Вы, благовоспитанные русскіе люди, которые по-русски не знаете, вы и не вообразите, понятія не имѣете, представить себѣ не можете, какъ нужно быть умнымъ, чтобы хорошо говорить, или писать по-русски. Тутъ нѣтъ готовыхъ, красивенькихъ фразъ, оборотовъ, общепринятыхъ за изящные и неизбѣжные, которыми можно было бы придать блескъ пустячкамъ, прикрыть пошлость мысли, или отсутствіе логики: тутъ бери все на чистый умъ, на наличныя идеи; нето васъ не слушаютъ и не читаютъ. Вотъ почему я отвергаю всякую возможность того, чтобы мосьё Нарсиссъ не былъ

настоящій парижанинъ и чтобы сталъ онъ писать по-французски только длятого, что русскихъ писаній его не хотѣли читать по вышесказанной причинѣ. А впрочемъ, если бы злословіе, недоброжелательство, клевета вздумали съ ножомъ приставать, доказывая, что мосьё Нарсиссъ не французъ и что писать французскія книги не его дѣло, такъ я скажу, что онъ заслуживаетъ вполнѣ того уваженія, которое весь міръ отдаетъ великому Цицерону, потому-что поступаетъ совершенно какъ Цицеронъ. Въ хламѣ старинныхъ библіотекъ найдены отрывки писемъ Цицерона, которыхъ долго мы не знали,— и что же? въ одномъ изъ этихъ писемъ умнѣйшій и изящнѣйшій изъ римскихъ писателей проситъ пріятеля своего, безвѣстнаго аѳинскаго ритора, исправить языкъ и слогъ въ главномъ и любимомъ философскомъ твореніи его, которое написалъ онъ на греческомъ языкѣ. Писалъ я — говоритъ безсмертный ораторъ — кое-какія философскія разсужденія на родномъ языкѣ латинскомъ; но это вещи ничтожныя, могу сказать, грубыя, для простыхъ и неученыхъ читателей, лучшіе же мои идеи и выводы, глубочайшія соображенія мудрости призналъ я за нужное изложить на изящномъ языкѣ мудрецовъ и мыслителей, на вашемъ прекрасномъ языкѣ греческомъ, въ прилагаемомъ сочиненіи, которое благоволите прочитать и исправить, и прочая. Древній Римъ, какъ вы знаете, подобно нынѣшней Россіи, представлялъ общество дву-

язычное: греческій языкъ игралъ тамъ совершенно ту же роль, какую у насъ играетъ французскій; дѣла военныя и гражданскія, законы, управленіе, политическое и судебное краснорѣчіе, все важное въ государствѣ опиралось на латинскій языкъ, гастрономія, хорошій тонъ, любовь, мудрость, всякіе разные пустяки болтали по-гречески. Была, конечно, маленькая разница. Греція уже не одно столѣтіе составляла римскую область. Греки сами себя давно уже называли римлянами, гордились этимъ именемъ и слово «грекъ» считали для себя обидою. Римское общество, такимъ-образомъ, усвоило себѣ языкъ лишь одной изъ подвластныхъ себѣ провинцій, одной особенной части собственнаго своего отечества. Этого нельзя сказать о нашемъ французскомъ нарѣчіи: люди, у которыхъ оно заимствовано, нерѣдко бываютъ злѣйшими нашими врагами; но какъ нашъ французскій языкъ вовсе не мѣшаетъ намъ славно драться съ французами—напротивъ-того, еще бываетъ намъ очень полезенъ по этой части — напримѣръ въ 1814 году — то нечего и взыскивать съ насъ за недостатокъ въ народной гордости, за порабощеніе нашего отечественнаго ума чужестранному слову, за неуваженіе непреложныхъ правъ роднаго языка нашего. Порабощеніе? вскрикиваете вы. Какъ можно! порабощеніе!... національность сдѣлала у насъ съ нѣкотораго времени блистательные успѣхи!.... простонародный языкъ возсіялъ лучезарно въ лите-

ратурѣ!... Хороши успѣхи: рядомъ съ этимъ, не далѣе, какъ нынѣшнею зимою, въ коренномъ русскомъ и прерусскомъ семействѣ, дочери, взрослыя невѣсты, сказали мнѣ наивно: Monsieur, nous ne comprenons pas le russe!... Да еще какъ!... азбуки русской не знали!... слова русскаго выговорить чисто не могли! Года четыре тому, за Москвою, молодая и прекрасная, вовсе не изъ свѣтскаго круга дама, увидавъ у своей пріятельницы малютокъ, разбирающихъ русскую дѣтскую книгу, спросила, въ моемъ присутствіи: «Что это́? твои дѣти читаютъ по-русски? развѣ есть тоже и русскія книги?... и можно читать ихъ?... Ахъ! въ-самомъ-дѣлѣ такъ и я заставлю своихъ дѣтей учиться читать по-русски. Это можетъ пригодиться имъ современемъ. Жаль, что сама не могу учить ихъ. Въ училищѣ, правда, намъ *показывали и русскій языкъ:* но вѣдь это забывается, отъ неупотребленія.» Разводите же національность въ романахъ: ею наслаждаются только тѣ, которыхъ отъ народнаго быта еще не отдѣлило молодое воспитаніе; но тутъ же рядомъ есть классъ, и очень-многочисленный, который живетъ какъ за Китайскою Стѣною, куда, кромѣ свѣжей икры, ничего русскаго не проникаетъ, гдѣ Парижъ свирѣпствуетъ во всей своей исключительности, гдѣ барыни, барышни, юноши старые и молодые о томъ лишь мечтаютъ, какъ бы, хоть послѣ смерти, душамъ ихъ позволено было гулять на тамошнихъ Елисейскихъ Поляхъ,

если при жизни не удастся разориться въ Пале-Ройялѣ. И этотъ классъ не уменьшается, а, напротивъ, растетъ, растетъ безконечно, по-мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространяется «хорошее воспитаніе». Если мосьё Нарсиссъ имѣетъ въ виду пробить своей золотою бомбою эту неприступную стѣну и получить безсмертіе за стѣною, то надо пожелать ему успѣха. Но только это—второй Севастополь... еще грознѣе Севастополя. Кругомъ редуты, реданты, батареи, устроенные не изъ земли, а изъ парижскихъ романовъ. Ничѣмъ не прошибешь и никакъ не перелѣзешь.

Ну, да откуда же взялось золото? Какое *начало* золота и серебра? Мосьё Нарсиссъ объясняетъ вамъ это такъ легко и чисто, какъ-будто самъ лѣпилъ и обжигалъ этой странный горшокъ, который зоветъ онъ земнымъ шаромъ. Потому-что мосьё Нарсиссъ твердо держится гончарной теоріи мірозданія, бывшей въ большомъ ходу за четверть столѣтія назадъ. Не знаю, что́ скажетъ Парижъ о своей новой книгѣ, которая посреди его разогрѣваетъ ему теперь блюдо, немножко-болѣе, чѣмъ вчерашнее, но я, съ моей стороны, я всегда искренно удивлялся остроумію почтенныхъ землесловов, когда они эту забавную исторію повторяли, какъ доказанное дѣло, въ которомъ нельзя и сомнѣваться. Земля, изволите видѣть, прежде была паръ, газъ, ничто; потомъ этотъ паръ сгустился и сдѣлалась каша, размазня, нѣчто въ-родѣ

глины, размятой съ водою. Потомъ эта каша... Кто эту кашу заварилъ, съ какою цѣлью, кто подложилъ огня, откуда взяли спичекъ и растопку, не мое дѣло — но говорятъ — только это вѣрно, что земля-каша кипѣла, да такъ, что загорѣлась, накалилась добѣла, расплавилась, какъ фарфоровая масса въ горнѣ, и оставалась въ томъ видѣ Богъ-вѣсть сколько времени. Лѣть двадцать-пять тому назадъ ученые мужи не сомнѣвались въ этомъ чудномъ приключеніи съ землею; а мосьё Нарсиссъ, мужъ зѣло-ученый, еще и нынче не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Стало-быть, правда, фактъ. Но вотъ послѣ такъ случилось, что, загорѣвшись безъ причины, земля стала безъ причины простывать, сверху, снаружи. Такимъ образомъ создалась земная кора гончарнаго издѣлія: кругомъ закрытый горшокъ, внутри котораго варится каша и понынѣ, кипитъ, горитъ и повременамъ прорывается въ трещины и дыры. Отсюда волканы и каменныя породы, приписываемыя волканическому происхожденію. На простывшую кору осадилась изъ воздуха вода, образовались моря, поднялись горы отъ дѣйствія внутренняго огня, и такъ далѣе. Все это вы навѣрное слыхали во время оно и навѣрно забыли, какъ старую сплетню. Конечно, нѣтъ ни одного гончара въ Россіи, который не съумѣлъ бы вылѣпить и обжечь подобный горшокъ гораздо-искуснѣе и замысловатѣе этого. Да намъ-то съ мосьё Нарсиссомъ какое дѣло до замы-

словатости, или искусства? Развѣ мы съ нимъ сплетню выдумали? Мы только безпрекословно вѣримъ чужимъ выдумкамъ, каковы бы онѣ ни были — съ великимъ трудомъ выучились мы имъ вѣрить — и потому-то мы съ нимъ ученые мужи. Но вы насъ спросите: какое же доказательство можемъ мы представить тому, что въ горшкѣ каша варится еще и теперь, каша расплавленная и накаленная добѣла? Бывшее до насъ въ-сторону. Первобытнаго образованія небесныхъ шаровъ никакая мудрость человѣческая объяснить не въ-состояніи... Но съ-чего мы взяли, по-крайней-мѣрѣ, вѣрить такъ твердо горѣнію и расплавленію внутренности земнаго шара въ настоящее время?... Да какже! Если вы роете яму, колодезь, или шахту въ земной корѣ и наблюдаете термометръ, то видите, что, по-мѣрѣ углубленія въ землю, теплота почвы усиливается почти на каждые тридцать саженъ однимъ градусомъ Реомюра; *если она усиливается безконечно* въ этой постепенности, то въ нѣсколькихъ тысячахъ саженъ земнаго шара должна достигать бѣло-каленаго состоянія. Я уже слышу ваше возраженіе: *если теплота усиливается безконечно!*... ну, а *если* нѣтъ?... *если* немножко-поглубже постепенность вдругъ останавливается?... А! если нѣтъ, такъ нѣтъ. Но мы, ученые, все-таки не откажемся отъ внутренней бѣло-каленой каши, потому-что она нужна намъ для удобнѣйшаго объясненія наружности коры, на которой каменныя породы,

почитаемыя за произведеніе огня, самымъ необъяснимымъ образомъ перемѣшаны съ породами, которыя образовались явственно изъ осадковъ воды. Мы, ученые, упрямы, какъ чухонцы: когда однажды заберемъ что-нибудь себѣ въ голову, что-нибудь такое, хорошо прикрывающее наше человѣческое невѣжество, такъ и коломъ не выколотишь намъ этого изо лба.

Не знаю, бывалъ ли мосьё Нарциссъ въ Восточной Индіи, но я, по страсти моей къ языкамъ, путешествовалъ въ эту волшебную землю, изъ которой, какъ говорятъ другіе ученые, которымъ на слово вѣрятъ третьи, вышли славяне, нѣмцы, греки, галлы и прочіе. Нынче въ Индіи — неучи такіе! — ни слова не знаютъ по-славянски, или по-нѣмецки — совсѣмъ забыли — говорятъ; никогда и не знали и смѣются надъ неумѣстною выдумкою нашихъ ученыхъ, но зато превосходные знатоки въ другихъ языкахъ, еще болѣе интересныхъ, чѣмъ санскрито-славянскій и санскрито-нѣмецкій. Напримѣръ, мудрый Гуру-Патра-раджа, мой почтенный профессоръ, который, въ Бенаресѣ, сидитъ уже сорокъ лѣтъ на полу, привязавъ себя туго къ потолку за хохолъ, длятого, чтобы сонъ не мѣшалъ ему безпрерывно размышлять о чудныхъ свойствахъ Брамы, этотъ достойный филологъ знаетъ почти всѣ языки животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ. Я учился у него нѣсколько лѣтъ и особенно успѣлъ въ языкѣ комаровъ, одномъ изъ самыхъ благозвучныхъ, выразительныхъ и

богатыхъ. Въ ряду этихъ языковъ онъ занимаетъ то же мѣсто, какъ между нашими языками итальянскій. Вотъ однажды—не очень-давно — лежу я себѣ ночью въ постели и слышу дружескій разговоръ двухъ комаровъ. — «Что̀ ты, комаша, дѣлаешь здѣсь въ этой комнатѣ? Тутъ, кажется, живетъ ученый: нечѣмъ поживиться! кровь должна быть дрянная.» — Ахъ! молчи, пожалуйста! отвѣчаетъ ему товарищъ: — здѣсь очень-интересно летать. Я попалъ самъ въ ученые, полюбилъ наблюденія и теоріи... и вотъ, послушай, какое удивительное открытіе сдѣлалъ я вчера ночью. Эта страшная махина, это движущееся зданіе, изъ котораго мы такъ любимъ сосать красную воду — однимъ словомъ, человѣкъ — онъ теперь разгаданъ! Сначала былъ онъ просто паръ, воздухъ, газъ, который потомъ превратился въ кашу. Каша эта загорѣлась... вѣрно, отъ кухоннаго очага... ты знаешь, что они вѣчно возятся съ огнемъ, очагами, кострюлями... и горѣла она долгое, очень-долгое время, потомъ начала простывать снаружи, верхняя кожа на человѣкѣ простыла совсѣмъ, но внутри подъ кожею огонь пылаетъ до-сихъ-поръ... страшный огонь... бѣло-каленый. И вотъ какъ открылось это. Я размѣрилъ мой хоботокъ на градусы, наподобіе термометра, что̀ за окошкомъ, и осторожно спустился прямо на носъ этому ученому. Поверхность кожи — знаешь ли? — была совсѣмъ-холодна; но чѣмъ глубже запускалъ я мой сто-

градусный хоботокъ, тѣмъ яснѣе было быстрое усиленіе жара. За дюймъ подъ кожею, по этой прогрессіи, долженъ быть настоящій очагъ въ полномъ дѣйствіи. Это ясно! Дѣйствіе этого внутренняго огня подняло у него носъ, уши и другія горы на кожѣ, переломало и перебило слои ея... Да вотъ и эти красныя возвышенности, которыя видишь ты у него на носу, не явныя ли это произведенія огня? Днемъ видѣлъ я нѣсколько разъ, что у него изо рта валитъ дымъ, какъ изъ кухонной трубы, прегорькій, въ которомъ намъ, комарамъ, жить нельзя, и въ зубахъ торчитъ какая-то палочка съ огнемъ на концѣ. Волканъ! настоящая огнедышащая гора!... Да! братъ! человѣкъ — произведеніе огня, и самъ онъ — прикрытый тоненькою кожею огонь. Это теперь доказано. Знаешь ли? хочу слетать въ Парижъ и разгласить тамъ мое открытіе: тамъ поймутъ меня скорѣе. Парижскіе комары все-таки не то, что наши здѣшніе...» Собесѣдникъ ученаго комара обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и возразилъ: «А глубоко ли ты пробовалъ его своимъ стоградуснымъ хоботкомъ?» — Глубоко ли? отвѣчалъ ученый: — ну, далеко ли засунешь въ эту громаду нашъ крошечный носикъ? На сотую долю линіи, не болѣе! Кожи не прошибъ, а такъ только, копался поверхностно, въ самыхъ верхнихъ слояхъ этой оболочки. Да и зачѣмъ глубоко залѣзать? Для построенія теоріи и этого достаточно. А ипотезы, братъ? знаешь ли могущество ипо-

тезъ?... Но ты не ученый, такъ что̀ и говорить тебѣ о такихъ вещахъ! ты не знаешь даже того, что̀ такое фактъ. Глина, напримѣръ, это фактъ. Ты, братъ, вчера завязъ въ глинѣ и оставилъ въ ней двѣ ножки. Слѣдовательно, ты не можешь сомѣваться въ существованіи глины. А съ горстью глины, съ однимъ капельнымъ фактомъ и двумя дюжими ипотезами я тебѣ построю міръ. Вотъ каковы мы, ученые!»

Эта поучительная бесѣда двухъ комаровъ заставила меня подумать, что всѣ явленія волканическія, всѣ слѣды, болѣе, или менѣе несомнѣнные, участія огня въ образованіи нѣкоторыхъ породъ, эти сыпи, эти прыщи на земной кожѣ, легко могутъ быть принадлежностью самой верхней части коры и вовсе не касаются до самой планеты. Знаемъ ли мы толщину коры? Самая большая глубина, до которой проникли въ земной корѣ, не превосходитъ трехсотъ саженъ ниже морскаго уровня, а до центра земли три мильйона саженъ. Мосьё Нарсиссъ знаетъ это такъ же хорошо, какъ и я, и, междутѣмъ, онъ смѣло, безъ малѣйшаго признака сомнѣнія, предлагаетъ, какъ *факты*, *доказанные наукою*, прежнія ипотезы ея объ огненномъ началѣ шара и бѣло-каленомъ состояніи внутренности планеты. Онъ ученѣе моего! Мнѣ пріятно отдать полную справедливость его великому искусству ни въ чемъ не сомнѣваться.

По-крайней-мѣрѣ, коротко и ясно: внутри земли есть огромный очагъ, въ которомъ все

пережигается; онъ-то возгоняетъ вверхъ пары золотые и серебряные, которые протекаютъ черезъ трещины и дыры выше всѣхъ прочихъ паровъ до самой поверхности земли... почему? да потому, что они всѣхъ тяжелѣе.

Это называется *начало золота и серебра*, объявленное на заглавномъ листѣ. Я удивительно просвѣтился такимъ глубокимъ изслѣдованіемъ начала золота и серебра.

Еще болѣе пользы получилъ я отъ статьи, которой заглавіе: *Возможность производить золото и серебро искусственнымъ путемъ.* На какія же данныя науки, или искусства опирается эта возможность? Данныя! Вамъ тотчасъ нужны данныя! Мосьё Нарсиссъ ничего вамъ не дастъ, а скажетъ только: что, вотъ, дескать, въ наше изумительное время дѣлаются дѣла совершенно-изумительныя, вещи совсѣмъ-невѣроятныя: одинъ химикъ изъ куска глины сдѣлалъ отличный рубинъ: такъ, вѣроятно, кто-нибудь, пожалуй, ухитрится сдѣлать тоже и золото... изъ чего? ну, да изъ чего-нибудь! Многое ли нужно для вещей изумительныхъ и невѣроятныхъ?... Вы скажете — потому-что я молчу, ничего не говорю, отъ искренняго удивленія — вы скажете, что мосьё Нарсиссъ смѣшиваетъ предметы слишкомъ-разнородные. Сплавить и окристаллизовать щепотку глинозема совсѣмъ не то, что разложить и сложить неразлагаемое. Металлъ, въ толковой философіи химіи, не можетъ почитаться за особенное тѣло: это скорѣе

особенное состояніе разныхъ тѣлъ, состояніе самое высокое и послѣднее. Когда тѣло, при извѣстныхъ вліяніяхъ, доходитъ до этого состоянія, оно уже нейдетъ далѣе: оно кончило свой кругъ измѣненій и превращеній, и, въ какія бы сочетанія вы его ни вводили, оно всегда воротится къ своему чину металла, если только этотъ чинъ совсѣмъ ему приличенъ. Вотъ причина неразлагаемости металловъ. Мы никогда не узнаемъ, изъ чего состоятъ они. Почти всѣ вещества можно извѣстными мѣрами и средствами довести до металлическаго состоянія, принудить быть металлами; но многимъ изъ нихъ это состояніе такъ противно, что съ прекращеніемъ понудительныхъ вліяній они оставляютъ его немедленно. Между-тѣмъ, есть другія, какъ, напримѣръ, вещество золотое, серебряное, но преимущественно золотое, которымъ металлическое состояніе въ высшей степени сродно и свойственно. Золото, платина даже и не окисляются въ воздухѣ, что всѣ прочіе металлы дѣлаютъ съ большимъ удовольствіемъ, при первомъ удобномъ случаѣ. Вліянія, употребляемыя природою на превращеніе какого-то вещества, или состава въ золотое и металлическое состояніе, могутъ быть угаданы, приблизительно; между прочими и органическая жизнь несомнѣнно обладаетъ такими вліяніями въ извѣстной степени. Но самое вещество, или самый составъ останутся вѣчною тайною для человѣка. При такомъ взглядѣ на металлы, просто

и удобно понимается и рѣдкость однихъ металловъ и, обиліе другихъ, и исключительное нахожденіе нѣкоторыхъ въ особенныхъ минералахъ, и почти постоянная перемѣшка разныхъ металловъ въ одной и той же рудѣ. Гдѣ появляется токъ металлотворнаго вліянія, тамъ все способное перейдти въ металлическое состояніе, все для него готовое принимаетъ видъ руды, блестокъ, зернышекъ, болѣе, или менѣе важныхъ и чистыхъ. Не нужно ни зажигать земнаго шара огнемъ, ни заливать его водою. Такихъ медленныхъ, постоянныхъ вліяній, каковы бы вліянія эти ни были, совершенно-достаточно для уразумѣнія всѣхъ явленій. Тутъ же нетрудно понять и обстоятельство, давно замѣченное рудокопами, а именно, что руды и пріиски, нѣкогда богатые, но давно исчерпанные, современемъ возобновляются. Въ разныхъ мѣстахъ Сибири, особенно въ Минусинскомъ Краю, въ богатыхъ золотоносныхъ пластахъ находятъ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, пни, срубленные топоромъ, въ глубокой древности, осколки отъ порубки и слѣды рукокопныхъ производствъ, или слѣды обширныхъ работъ земледѣльческихъ. Теперь все это занесено толсто землею, и хотя поблизости нѣтъ ни рѣкъ, ни горныхъ потоковъ, хотя нерѣдко такія мѣста лежатъ выше всѣхъ окрестныхъ водъ, земля обилуетъ дорогимъ металломъ. Нутка, мосьё Нарсиссъ, зажигайте земной шаръ — не жалѣйте ни топлива, ни паровъ — чтобы объяснить намъ огненно.

Мосьё Нарсиссъ, который самую важную часть своей книги составилъ изъ русскихъ печатныхъ матеріаловъ, подобравъ кое-что и у французовъ, вовсе не коснулся этого рода фактовъ, и прекрасно сдѣлалъ. Стоило ли такія любопытныя вещи писать по-французски?

IV.

29 іюля 1856 г.

Я примѣчаю, по нынѣшнему направленію нашихъ газетъ и журналовъ, что я ужасно не люблю англичанъ. За что́? не могу сказать; но ясно, что я очень не жалую ихъ въ эту минуту, ежели газеты и журналы наши при всякомъ случаѣ нападаютъ на нихъ. Вѣдь я публика — точно такая же публика, какъ и каждый изъ васъ — а журналы всегда отражаютъ вѣрно настоящее настроеніе, текучій образъ мыслей публики: они говорятъ только то, что́ почти всѣ читатели каждаго изъ нихъ думаютъ и чувствуютъ сами собою въ это мгновеніе, но не имѣютъ случая высказать вслухъ, громко, во всеуслышаніе, и за это угожденіе читателямъ они, журналы, пользуются лестною честью быть ими читаемы. Бо́льшая часть нашихъ журналовъ, болѣе, или менѣе, противъ всего англійскаго, начиная съ ситца и желѣза, стало-быть, и я противъ. Вѣдь это пишутъ они въ угоду мнѣ, читателю, мнѣ, публикѣ? Журналы не виноваты, что я, читатель, такой сердитый человѣкъ — съѣлъ бы всю Англію въ ложкѣ каши.

Ну, сердитъ, такъ сердитъ,—дѣлать нечего: надо браниться поневолѣ. Совсѣмъ-тѣмъ, какъ подумаешь, если хорошенько сообразишь, если въ толкъ возьмешь дѣло, такъ по совѣсти надо сказать, что сердиться совсѣмъ не за что̀, некстати, неумѣстно. За что̀ долженъ я, или должны мы съ вами сердиться на англичанъ? Вѣдь мы не какіе-нибудь цоль-ферейнскіе нѣмцы, которые бѣсятся на нихъ подѣломъ: нѣмецкая публика, несмотря на всѣ тарифы и запрещенія, предпочитаетъ англійскій товаръ, дорого́й, но хорошій дешевенькимъ, но плохимъ издѣліямъ промышленности Цоль-Ферейна. Слава Господу Богу, мы тоже и не французы, хотя и прикидываемся, будто по-русски, отъ высокой образованности, не понимаемъ ни слова. Между Франціей и Англіей вражда древняя, историческая, потому-что она вражда сосѣдственная. Сосѣдамъ никакъ нельзя цаловаться. У француза зависть и ненависть къ Англіи и ко всему англійскому высосаны изъ груди матери вмѣстѣ съ молокомъ. Съ цѣлью и въ надеждѣ чѣмъ-нибудь, какъ-нибудь отмстить англичанамъ, онъ готовъ сдѣлать все, даже обожать запретительныя торговыя системы, готовыя, дѣйствительно, вошли наконецъ въ кровь французскую, какъ старая подагра. Французъ родится, назло англичанамъ, съ таможеннымъ тарифомъ на лбу, чтобы имѣть случай мять, портить, ломать, конфисковать всякій признакъ англійскаго труда и ума. Когда въ Англіи сдѣлаютъ какое-нибудь

удивительное открытіе, то французы конфискуютъ и это, докажутъ сейчасъ, что паровыя машины искони изобрѣтены ими, потому-что нѣкогда, въ-старину, какой-то безвѣстный германскій профессоръ, родомъ изъ Франціи, построилъ-было для дѣйствія паромъ машину, которая никуда не годилась и пропала безъ-вѣсти, поставятъ даже статую этому *благодѣтелю человѣчества*, напишутъ золотыми буквами имя его на половинѣ своихъ пароходовъ, — все это назло и во вредъ англичанамъ. Самые умные между французами съ трудомъ успѣваютъ если не подавить въ себѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, удержать въ предѣлахъ приличія это врожденное и безотчетное злорасположеніе ко всему, что̀ только носитъ печать англійскую. Предразсудки этого рода, французскіе гувернеры, гувернантки, романы и водевили, съ изряднымъ успѣхомъ распространили и между нами, хотя для насъ они вовсе не національны: напротивъ! Французскіе парикмахеры имѣли также нѣкоторое вліяніе на нашъ образъ мыслей: они такъ краснорѣчивы и знаютъ всѣ анекдоты парижскихъ бульваровъ насчетъ англичанъ! Что̀ касается до американцевъ, ну, этимъ ужь никакъ нельзя любить англичанъ. Наконецъ, почтенные читатели и братья — потому я изъ вашего круга, я говорю просто какъ читатель: куда мнѣ быть писателемъ! — наконецъ мы съ вами не заводимъ ни ситцевой, ни ножевой, ни даже рельсовой фабрики и англичанъ вовсе не боимся. Дѣло дру-

гое эти господа, которые продаютъ намъ втридорога свои плохіе ситцы — ихъ человѣкъ десять, или пятнадцать во всей Россіи, а шуму дѣлаютъ они и ихъ пріятели да покровители болѣе, чѣмъ весь Манчестеръ.... Ну, словомъ, это дѣло другое. Но намъ-то съ вами съ-чего, съ какой стати напихать себѣ въ сердце чувства, намъ вовсе несвойственныя? Если въ военное время, впродолженіе жестокой, для всѣхъ безполезной, борьбы мы бранили англичанъ, это было совершенно-умѣстно и основательно. Въ военное время надо непремѣнно браниться изъ всѣхъ силъ. Это одушевляетъ человѣка къ прекраснымъ подвигамъ. Всѣ безсмертные герои Гомера, прежде, чѣмъ вступятъ въ бой, бранятся напередъ по три и по четыре страницы сплошь.

Мы такъ же совѣстливо исполнили долгъ свой въ-отношеніи къ врагу, какъ и онъ въ-отношеніи къ намъ. Но теперь, какъ война кончилась, поэзія брани становится безвкусицей и пошлостью. Дайте руку, любезнѣйшій врагъ, поцалуемся и не станемъ болѣе говорить объ этихъ дрязгахъ. Мы вѣчные друзья по-прежнему, пока опять за что-нибудь не подеремся. А тогда ужь извините: не вы одни умѣете сочинять каррикатуры. Съумѣемъ и мы.

Я не интересанъ — на золотыя приманки фабричныхъ барышей не бросаюсь — разбогатѣть въ нѣсколько лѣтъ не хочу, навязывая на злополучныхъ покупателей непростительныя издѣ-

лія за непозволительныя цѣны, и у меня, по моему безкорыстному чувству, любимые и почтенные друзья только тѣ, которые на наличныя деньги покупаютъ мое сало, мою пеньку, мой ленъ, мои зерновые хлѣба, всѣ мои природныя издѣлія, которыя произвожу я и отличной доброты и, главное, дешево, дешевле всѣхъ. Англія и англичане — я это чувствую моимъ сердцемъ — созданы для меня, для насъ, а я, или мы для нихъ: они какъ бы нарочно родятся на свѣтъ для нашего сала, мы — для ихъ портера и такъ далѣе. Связанное судьбою не человѣку развязывать своимъ слабымъ умомъ, своими мудрствованіями фабрикотворными. Гдѣ вы на землѣ, кромѣ Англіи, найдете такихъ добрыхъ и почтенныхъ людей, которые бы тотчасъ, во всякое время, были готовы отъ всего сердца купить весь вашъ ленъ, хлѣбъ, пеньку, деготь, сало, всѣ кожи, даже всѣ кули? Зачѣмъ же намъ обижать такихъ безцѣнныхъ друзей? зачѣмъ возставать противъ нихъ? зачѣмъ пользоваться всякимъ предлогомъ, чтобы злословить ихъ, не подумавъ о томъ, что вѣдь и мы не ангелы — даромъ своего добра никому не бросаемъ, не пропускаемъ случая нажить денежку, иногда и не совсѣмъ-чисто — и можемъ тоже быть предметомъ критики, пересудъ, злословія?

Бываютъ и такіе случаи, когда позволительно спросить себя мимоходомъ, понимаемъ ли мы хорошо вопросъ, который расположены рѣшить не въ чужую пользу, себѣ въ утѣшеніе, а дру-

гому въ горе. Мощному свойственно великодушіе: къ завистливымъ порицаніямъ прибѣгаютъ одни лишь безсильные. Я намѣренъ быть справедливѣе къ нашимъ стариннымъ салолюбивымъ пріятелямъ. Не мелочно-лавочническою завистью преслѣдовать, но съ любопытствомъ и достоинствомъ изучать должны мы англичанъ, какъ рѣдкій на землѣ примѣръ умнаго и могучаго труда, глубокаго уваженія къ порядку, къ закону и законности, къ требованіямъ благонравія и дѣловой акуратности... Не любезны! скажете. Ну, такъ что́ же дѣлать, когда у нихъ такая «нація»! Вѣдь и мы не безусловно-очаровательны. Но они умѣютъ все отлично сдѣлать, за что́ ни примутся; а это искусство намъ необходимо нужно, для почина, при вступленіи въ предпріятія, по-случаю которыхъ мы заранѣе порицаемъ этихъ удивительныхъ островитянъ. Я согласенъ съ вами, что парижскій бульваръ des Italiens прелесть и что театръ Saint-Martin едвали не лучше магометова рая. Но не забудьте, съ другой стороны, что всѣ великія идеи, всѣ благодѣтельныя изобрѣтенія, которыми живетъ не только міръ, но даже и Парижъ, вышли изъ этой Англіи, которую вы неумѣстно унижаете, или слишкомъ-легкомысленно пересмѣиваете, и, собственно сказать, не своимъ умомъ, а наманеръ французскаго, и что эта земля настоящій источникъ нынѣшняго просвѣщенія и благосостоянія народовъ. Кому обязаны мы великими открытіями кровообращенія, всемірнаго тяготѣ-

нія, электричества, логариѳмовъ, коровьей оспы, гигантскими изобрѣтеніями паровыхъ машинъ, пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и тѣхъ же самыхъ электро-магнитныхъ телеграфовъ, которые нынче, вмѣстѣ съ парами, совсѣмъ измѣняютъ бытъ человѣчества и готовятъ ему баснословную будущность? Какая земля произвела Бакона, Ньютона и Шекспира — трехъ человѣкъ, на которыхъ доселѣ опираются и наша метода изученія, и наука, и вкусъ? Кровообращеніе и всемірное тяготѣніе — да въ этомъ заключается почти все, что̀ понынѣ мы знаемъ настоящимъ образомъ. Я не говорю о вліяніи Англіи, ея литературы, ея примѣра на политическія теоріи Западной Европы и не упоминаю о множествѣ открытій, изобрѣтеній и идей второстепенной важности, которыми весь міръ пользуется, не спрашивая уже объ ихъ происхожденіи, и которыя, между-тѣмъ, сильно содѣйствовали къ тому, что̀ теперь называютъ просвѣщеніемъ и образованностью. Но знаменитая метода взаимнаго обученія стоила бы особенной благодарности за свои послѣдствія на пользу развитія умственной дѣятельности въ ремесленномъ и рабочемъ классѣ. Да вотъ и теперь кому принадлежитъ благодатная и могучая идея свободной торговли, которою Пиль дважды спасъ Англію отъ страшныхъ безпорядковъ?

Никакія вспышки и выходки протекціонистовъ не остановятъ ея вліянія на преобразованіе торговаго и промышленаго быта народовъ — увы!

надо сказать правду — приведеннаго покровительственными и запретительными тарифами въ самое запутанное состояніе. Смотрѣли ль вы въ телескопъ на луну? Тамъ есть, между-прочимъ, одна маленькая точка, которая особенно отличается необъяснимымъ блескомъ: свѣтится какъ алмазъ. Я думаю, если бы на землю посмотрѣть съ луны, то мы увидѣли бы въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ Англія, такую точку. Не знаю, право, нашлась ли бы поблизости ея другая такая же лучезарная точка для означенія Пале-Ройяля, но увѣренъ, что многіе бы спорили и доказывали, что та главная, свѣтящаяся точка не геній англійскаго народа, но кухня des Frères Provenceaux.

Однимъ словомъ, надо знать толкъ и въ брани. Правду сказать, Англія для меня, кромѣ моего сала и дегтя, все-равно. Что̀ такое для меня Англія? Но мнѣ кажется, что теперь уже пора намъ оставить эти нападки, ужасно похожія на завистливое недоброжелательство и въ которыхъ безвкусіе только одинъ изъ самыхъ мелкихъ недостатковъ, и пора работать — но хорошо работать — въ этомъ вся сила. Отъ брани на соперника издѣлія наши не станутъ лучше; однимъ только способомъ можно дѣйствительно уронить его: сдѣлать и лучше и дешевле.

Я, съ моей стороны, любя мое сало и мой деготь, болѣе всего хлопочу о справедливости. Будемте, если угодно, любить французовъ, потому-что мы ужасные любители парижскихъ

водевилей, но будемте также любить и англичанъ, потому-что мы — земледѣльцы, — земледѣльцы по преимуществу, не бумажники какіе-нибудь, не ножевщики, не гутта-перчинщики, или галошники, а коренные, съ незапамятныхъ временъ земледѣльцы, и земледѣльцами останемся. Въ фабричную промышленость мы можемъ играть; да и зачѣмъ не играть, когда эта добродушная публика картъ въ рукахъ держать не умѣетъ, а играть все-таки садится, когда заиграютъ въ русскія издѣлія? Но земледѣліе — дѣло святое, наше родное дѣло, для котораго у насъ есть все нужное: и толкъ, и привычка, и сила, и обширная, вѣковая практика. А подъ словомъ «земледѣліе» я разумѣю вообще все къ нему принадлежащее. Ну, что́, когда мы станемъ производить всѣ-возможныя издѣлія сами, *когда намъ не нужно будетъ ничего покупать у другихъ народовъ* — а вѣдь къ этому тащатъ насъ за-воротъ энтузіасты народной фабричности — куда мы денемъ наше чудесное сало, нашъ несравненный деготь, пеньку, ленъ, сѣмя, хлѣбъ? Кто у насъ купитъ все это добро, на которомъ основано наше народное богатство? Англичане же! Нѣтъ, извините: торговля покупаетъ лишь у тѣхъ, кому можетъ она продать на столько же. За-то она и нарѣчена торговлею. А продаютъ все-возможное, ничего сами не покупая, одни лишь банкроты наканунѣ объявленія несостоятельности. Вотъ попадемъ-то мы впросакъ, когда сами себѣ на-

дѣлаемъ всего, что́ намъ нужно, когда, какъ пишутъ энтузіасты, *не станемъ нуждаться ни въ чемъ иностранномъ!...* Но объ этомъ въ другой разъ. Многое нужно разсудить и разобрать по предмету, такъ сильно оспориваемому нынче pro и contra и такъ часто воспламеняющему воображенія, готовыя изъ патріотизма мечтать о несбыточныхъ благахъ для любезной Россіи, или изъ учености приносить сбыточныя пользы въ жертву припятымъ теоріямъ. Болѣе всего нужно быть ужасно справедливымъ, какъ явилъ я себя, вы видѣли, справедливымъ къ этимъ бѣднымъ англичанамъ, совершенно загнаннымъ нашею фабричностью... Но сегодня нéкогда.

Объ англичанахъ заговорилъ я здѣсь вовсе не по особенной любви къ нимъ, а только потому, что мнѣ хотѣлось прежде всего устранить ихъ отъ дѣла какъ совершенно лишнихъ, показать, что они вовсе не такіе фабричные волки, какими могутъ представить ихъ себѣ и другимъ люди, склонные отъ природы къ преувеличеніямъ, и тогда уже почтительно доложить вамъ, что въ нашихъ фабричныхъ неудачахъ виноваты не англичане, а мы сами, и что понапрасну наши мѣстныя ошибки относимъ мы къ ихъ коварному соперничеству. Я не вижу никакой причины, ни промышленой, ни умственной, ни даже нравственной, ненавидѣть и бранить англичанъ, людей, у которыхъ такая куча денегъ и такая бездна геніальности.

Американцевъ я тоже люблю, ужасно люблю. Это теперь въ модѣ. Мы уже прежде были расположены къ американцамъ, по-случаю милости, которою они, ихъ понятія, ихъ манеры пользовались у парижскихъ писателей. Но теперь, назло англичанамъ, мы, просто, ихъ обожаемъ. За что́ же мнѣ не любить американцевъ? Конечно, вы сами знаете, прежде я былъ человѣкъ ненатуральный... «чортъ знаетъ» что́ я былъ такое... не вспомню уже, какъ и называли это въ то время... благовоспитанный, что́ ли?... но только званіе это давнымъ-давно оставилъ добровольно и перешелъ на сторону натуры и Америки. Музыка Верди сблизила меня съ ними. Представьте себѣ, есть очень умные люди, которые безъ памяти отъ натуральной методы въ литературѣ и вовсе не примѣчаютъ, не чувствуютъ, не догадываются, что Верди — представитель и свѣтило именно этой же самой методы въ музыкѣ. Обожаютъ вдругъ Гоголя и Бетговена — самое натуральное и самое искусственное въ поднебесной! Нужно же умѣть согласить огонь со льдомъ, соединить въ себѣ два такія противоположныя чувства, понятія, или ощущенія прекраснаго!... Но рѣчь теперь у насъ не о музыкѣ. Довольно того, что я совсѣмъ перемѣнился — полюбилъ натуру — и мало-по малу сталъ истымъ американцемъ по моимъ нравамъ и манерамъ. Теперь между мною, Америкою и натурою вы не различите. Дѣйствительно, безъ всякихъ шутокъ, я нахожу,

что натура—прекрасная выдумка. Какъ все у нея дѣлается просто, естественно! Теперь, когда прихожу къ вашей почтеннѣйшей супругѣ въ гости, я кладу ноги — очень-натурально — на столъ, прямехонько... я лежу, а не сижу у васъ въ гостиной... ни съ вами, ни съ супругой вашей не здороваюсь... зачѣмъ? какая нужда?... кчему эти странныя классическія церемоніи?... и на вопросы ваши иногда не отвѣчаю. Мое обращеніе, или обхожденіе такъ вѣрно съ подлинною натурою, что черезъ полчаса вы — человѣкъ старинной школы, да, пожалуй, хоть бы и новѣйшей — непремѣнно получаете столбнякъ.

Но зачѣмъ хвалить себя? Увидите, такъ скажете сами. Я чувствую необходимость умолчать изъ скромности.

V.

5 августа 1856 г.

Этотъ бѣдный *парадоксъ!*... Какъ его люди преслѣдуютъ! Особенно Ѳаддей Венедиктовичъ смерть не любитъ парадокса. Вы, я думаю, знаете, что такое *парадоксъ*? Парадоксъ — это именно то, чего вы не понимаете, что свыше вашего разумѣнія, никогда вамъ въ голову не приходило, о чемъ вы никогда порядочно не разсудили, слѣдуя старому навыку, общепринятому ученію, или временному образу мыслей свѣта, ученаго, или неученаго. Ну, вѣрно, кто-нибудь еще помнитъ, что были на свѣтѣ древность, Греція, греческій языкъ, на которомъ сказано и написано премного умныхъ вещей, нынче совершенно нечитаемыхъ и нашимъ мудрецамъ неизвѣстныхъ. Вотъ на этомъ-то неизвѣстномъ языкѣ *ПАРА* значитъ *черезъ, сверхъ*, а *ДОКСОС* значитъ *ученіе, принятый образъ мыслей*, нѣчто одобряемое учителями, или нѣчто всѣмъ такъ кажущееся и общепризнанное за вѣроятное. Все же вмѣстѣ значитъ оно *сверхъ-научаемое, сверхъ-привычное, сверхъ-вѣроятное* и, въ то же время, *чудное, удивй-*

тельное, превосходное. Такъ понимали это слово древніе, и такъ понимаютъ донынѣ тѣ, которые хорошо понимаютъ слова, ими употребляемыя.

Первый и знаменитѣйшій въ человѣчествѣ «парадоксъ»... знаете ли, что́ это было такое?... не болѣе и не менѣе, какъ движеніе земли около солнца. Когда въ древности нѣкоторые умные люди заикались объ этомъ, вся книжность міромъ возставала противъ такого *сверхъ-принятаго* и *сверхъ-вѣроятнаго ученія.* Угрозы и насмѣшки постоянно тушили голосъ тѣхъ, которые осмѣливались думать по этой части что-либо противное ученію храмовыхъ мистерій и общепринятому мнѣнію о неподвижности земли и быстротѣ солнечнаго движенія. Да и никто, послѣ Сократа, не чувствовалъ въ себѣ большой охоты измѣнять что-нибудь на небѣ и за труды свои пить цикуту.

Когда Коперникъ поднялъ изъ праха этотъ «парадоксъ» въ новѣйшее время, у! какъ противъ него всполошились всѣ добрые поклонники общепринятаго, всѣ честные враги сверхъвѣроятнаго. И опять ученые — и болѣе всего астрономы, которымъ, кажись, слѣдовало бы понять первымъ мудрость парадокса — сопротивлялись великой истинѣ. Тихонъ Браге всю жизнь и все богатство свое истратилъ на уничтоженіе системы Коперника, сочинилъ самъ новую теорію неба, сдѣлался за нее идоломъ всѣхъ звѣздочетовъ: его называли спасителемъ

науки. Когда исключеніе изъ общаго «научнаго» негодованія составилъ собою одинъ геніальный человѣкъ, случайно попавшій въ честную компанію, когда Галилей объявилъ себя въ пользу коперникова парадокса, его заставили, по проискамъ ученыхъ, торжественно отречься отъ такого сверхъ-принятаго и сверхъвѣроятнаго дѣла. Онъ долженъ былъ учинить присягу въ томъ, что земля стоитъ на мѣстѣ: Eppur si muove!...

Огромнѣйшій изъ новѣйшихъ парадоксовъ, безспорно величайшее и драгоцѣннѣйшее открытіе человѣка, круговое обращеніе крови испытало судьбу всего сверхъ-принятаго, всего противнаго кажущемуся и одобренному старыми ученіями. Опять воспротивились истинѣ именно тѣ самые, которые по званію должны бы первые постигнуть ее и кому она была нужнѣе всего: доктора! Спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ Гарви, въ каждомъ торжественномъ засѣданіи Парижскаго Университета, одинъ изъ докторовъ медицины и хирургіи долженъ былъ, по положенію, непремѣнно надѣть страшный напудренный парикъ циклопской архитектуры и читать публично диссертацію свою противъ кровообращенія, *для чести науки* — pour l'honneur de la science — убиваемой парадоксами.

Да и этотъ великій творецъ парадоксовъ, который раскрылъ и показалъ намъ всю механику тѣлъ небесныхъ, кому астрономія обязана нынѣшнимъ саномъ своимъ «царицы наукъ»,

думаете ли, что его чудныя истины встрѣтили радушный пріемъ въ ученомъ мірѣ и всѣхъ немедленно увлекли своей очевидностью? Какъ бы не такъ! Мосьё де-Вольтеръ—вовсе не астрономъ: поэтъ, романистъ—долженъ былъ, спустя долгое время послѣ Ньютона, самъ, лично, изъ усердія, или пристрастія къ Англіи, распространять между французами славу Ньютона и Шекспира вмѣстѣ и заставлялъ одну изъ своихъ пріятельницъ, женщину, сіятельную даму, переводить твореніе Ньютона. «Да, правда!» говорилъ одинъ не изъ послѣднихъ парижскихъ геометровъ, «я преподаю теперь по ньютоновой теоріи всеобщаго дѣйствія тяжести, но это только, увѣряю васъ, изъ уваженія къ мосьё де-Вольтеру—ce n'est que par égard pour monsieur de Voltaire — потому она противна моей совѣсти. Я не люблю парадоксовъ, будь они даже и англійскіе.»

На нашей памяти не отвергалъ ли еще при насъ весь ученый міръ, по старому навыку отвергать, какъ бабью сказку, паденіе лягушекъ, рыбокъ и икры съ облаковъ? Учители наши учили насъ насмѣхаться очень-пріятно надъ этимъ парадоксомъ. Какая была всеобщая досада, когда въ тридцатыхъ годахъ вдругъ дюжина лягушекъ свалилась съ неба прямо на носъ одному славному натуралисту, гулявшему въ полѣ для герборизаціи! Надо было печально сознаться, что обще-принятое за сверхъ-возможное совершенно-возможно и даже не сверхъ-

вѣроятно. Съ-тѣхъ-поръ то-и-дѣло лягушки, жабы, рыбы, сѣмена, икры, ящерицы и чуть ли еще не жареные цыплята подъ татарскимъ соусомъ сыплются повсюду съ неба естествоиспытателей, которыхъ журналы совершенно завалены нынче этимъ парадоксальнымъ добромъ.

Но вотъ еще парадоксъ — славный парадоксъ — который, вѣроятно, принятъ уже теперь всѣми, въ томъ числѣ и Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ, врагомъ парадоксовъ: это — желѣзныя дороги. Кажется, въ 1827 году, одинъ молодой инженеръ, по прозванію Стефенсонъ — я думаю, это имя вамъ знакомо? — предложилъ нѣсколькимъ капиталистамъ составить компанію на акціяхъ для проложенія между Ливерпулемъ и Манчестеромъ желѣзныхъ полосъ, по которымъ бы можно было перевозить цѣлые корабельные грузы силою паровъ, приложенною къ движенію по твердой и гладкой поверхности. Молодой инженеръ вызывался заключить съ компаніею формальный контрактъ въ томъ, что для этой цѣли построитъ онъ паровозъ, могущій двигать значительныя тяжести по рельсамъ съ быстротою *десяти, даже одинадцати верстъ въ часъ* (шести, или семи англійскихъ миль). Вѣроятно, присовокуплялъ молодой инженеръ, можно будетъ, вмѣстѣ съ товарами, перевозить и пассажировъ, особенно такихъ, которымъ пріятнѣе ѣздить *не такъ скоро, но за-то дешево.* Компанія составилась, не безъ большихъ сопротивленій. Предпріятіе, разумѣется, сдѣла-

лось гласнымъ. Нѣкоторыя воображенія воспламенились; но свѣдущіе и опытные инженеры, механики, геометры, народъ мудрый и зѣло въ общепринятомъ смышленый, — всѣ обрушились кто насмѣшками, кто бранью на молодаго и безвѣстнаго Стефенсона, который явственно брался за сверхъ-возможное и сверхъ-вѣроятное. Въ то время жилъ, въ спокойномъ уединеніи, въ Лондонѣ, знаменитый въ свое время, заслуженный инженеръ, однофамилецъ будущаго изобрѣтателя паровозовъ, тоже Стефенсонъ, и въ одно прекрасное утро вся Англія прочитала въ Times нижеслѣдующее объявленіе:

«По случайному сходству фамильныхъ про«званій, многіе смѣшиваютъ меня съ нѣкото«рымъ господиномъ Стефенсономъ, взявшимся «для какой-то ливерпульской компаніи прило«жить силу паровъ къ сухопутному движенію, «помощью особеннаго механизма, имъ будто-бы «изобрѣтеннаго, и обращаются ко мнѣ за свѣ«дѣніями и подробностями. Имѣю честь увѣдо«мить всѣхъ, которые меня знаютъ, или обо «мнѣ слыхали, что, несмотря на мои лѣта, я «еще не выжилъ изъ ума до такой степени, «чтобы затѣвать подобныя сумасбродства, вы«зывая ожиданія, столько же противныя всѣмъ «общепринятнымъ положеніямъ науки, сколько «разорительныя для множества добрыхъ людей, «у которыхъ болѣе охоты и времени тратить «свои денежные запасы, чѣмъ ознакомиться съ «основаніями искусства. Душевно сожалѣю за-

«ранѣе о неизбѣжномъ разореніи компаніи, ко-«торую успѣли увлечь къ большому пожертво-«ванію такими несбыточными обѣщаніями, но «объявляю, что я вовсе не причастенъ къ па-«радоксу неизвѣстнаго инженера, заключившаго «съ нею болѣе, чѣмъ легкомысленное условіе.

«Джонъ Стефенсонъ,

«гражданскій инженеръ, членъ Ко-«ролевскаго Инженернаго Института «и разныхъ ученыхъ обществъ.»

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ этого объявленія, паровозъ молодаго Стефенсона двигалъ на пробныхъ поѣздахъ огромныя тяжести, къ немалому его самого удивленію, съ быстротою не десяти, а пятидесяти верстъ въ часъ. Знающіе и опытные люди увѣряли, однако, что это только такъ, для пробы, а въ настоящемъ дѣйствіи паровозъ и съ мѣста не сдвинется, потому-что парадоксъ, что ни дѣлайте, всегда будетъ и останется парадоксомъ. Какъ можно надѣяться быть умнѣе общепринятаго? Не подчиняться общеодобренному учителями значитъ отвергать науку!

Подите, говорите!...

Нѣтъ, любезные читатели и братья: зачѣмъ думать, мыслить?.. . Пустое! не нужно! Надо, безъ всякой мысли, повторять лишь то, что̀ другіе до васъ вымыслили и чему учители предмета научили васъ какъ азбукѣ; нето вы, пожалуй, вымыслите какъ-разъ что-нибудь *сверхъ-*

принятое, какой-нибудь парадоксъ, такъ-что и Ѳаддей Венедиктовичъ станетъ разсуждать объ васъ, и разсудитъ нѣжно, отечески, протекціонально, какъ о мальчикѣ, не совсѣмъ-глупомъ, но еще требующемъ его руководства и наставленія. Имѣя особенное счастіе всю жизнь мою пользоваться такою благосклонною протекціею Ѳаддея Венедиктовича, я, вѣроятно, наконецъ и воспользуюсь его благими назиданіями и возненавижу парадоксъ — то, что̀ ему изволитъ казаться парадоксомъ. Кчему мнѣ это? Вотъ отъ сверхъ-принятаго я перехожу торжественно къ обще-принятому, къ тому, какъ оно всѣмъ кажется по-милости текучихъ и привычныхъ понятій. Святое дѣло—не выдумывать ничего новаго, жить и говорить чужими думами, повторять обще-принятыя ученія обще-истертыми словами, голову же свою запереть наглухо, замко́мъ, и ключъ бросить въ воду, чтобы никакая новая, сверхъ-принятая мысль не залѣзла вамъ въ мозгъ извнѣ, а что тамъ, внутри, она ужь никакъ не зародится сама собою. За это отвѣчаютъ вамъ и мнѣ всѣ господа, воюющіе благодатнымъ словомъ «парадоксъ».

Бѣда только вотъ въ чемъ: куда дѣвать остатки парадоксовъ, которые еще валяются у васъ въ мозгу отъ прежней работы мысли, когда вы еще разсуждали, не обще-принятымъ, а своимъ собственнымъ умомъ? Вотъ есть, напримѣръ, у меня въ остаткѣ отъ прошедшей недѣли маленькій, бездѣльный парадоксецъ, за

истину котораго я отвѣчаю всѣмъ мозгомъ моимъ и который жаль, право, было бы бросить въ огонь для умилостивленія моего страшнаго судьи. Не хотите ли, любезные читатели и братья, взять его себѣ? Пригодится какъ-нибудь, при-случаѣ!

Хотите ли?... не хотите?... ну, говорите смѣло! не бойтесь Ѳадцея Венедиктовича: онъ добрый человѣкъ и о моихъ парадоксахъ, въ томъ числѣ и о моемъ умѣ, лѣтъ двадцать распространяется все одними и тѣми же словами, единственно для-того, чтобы сдѣлать меня нѣсколько-извѣстнымъ публикѣ и поддержать великодушно принятое на себя званіе моего умственнаго покровителя. Не будь этого, такъ что̀ ему за дѣло до парадоксовъ! Онъ бы и непримѣтилъ, обще-принятое ли это, или нѣчто такое сверхъ-общепринятое, требующее другой проницательности и другой степени знанія? *ката*-доксальное ли, или *пара*-доксальное?... Я не боюсь самаго близкаго разбора моего парадокса: товаръ добротный — берите въ руки, ворочайте, разсматривайте. Вы видите, въ чемъ состоитъ дѣло?... Просто, въ маленькомъ и совершенно невинномъ вопросѣ, который желалъ я предложить вамъ:

Книгъ такое множество на свѣтѣ и всѣ такія толстыя и все умножаются числомъ и объемомъ: такъ скажите же, по-милости, о чемъ люди пишутъ книги?

Не знаю, какъ вы рѣшите по обще-принято-

му, а мой скудоумный отвѣтъ вотъ каковъ: книги, особенно толстыя, люди пишутъ только о томъ, чего сами не понимаютъ.

Что́, хорошъ парадоксъ?... Кажется, эта мысль еще не совсѣмъ обще-принята, а, междутѣмъ, она удивительно-вѣрна во всѣхъ отношеніяхъ.

Когда дѣло, предметъ, вопросъ, о которомъ хотите писать, сами знаете съ точностью, во всѣхъ ея практическихъ подробностяхъ и чисто, свѣтло понимаете его, такъ не о чемъ писать книгу! Дѣло всегда становится такъ просто, ясно очевидно, что довольно и двухъ-трехъ страницъ для изложенія его въ размѣрѣ, вполнѣ достаточномъ для уразумѣнія всѣми вообще и каждымъ въ-особенности. Ребенокъ, барышня, женщина поймутъ и дѣло и васъ въ совершенствѣ. Спора никакого быть не можетъ. Все тогда у васъ такъ осязательно, что въ глаза бросается само собою, что каждый удивляется, какъ самъ онъ давнымъ-давно не примѣтилъ такой простой истины. Но вотъ бѣда, вотъ горе, когда вы предметъ, вопросъ, дѣло знаете только «научно», разсматриваете чужимъ взглядомъ, слѣдовательно понимаете туманно и разбираете по выдуманнымъ до васъ ученіямъ, стереотипными терминами, по методамъ, почти дѣтскимъ, изобрѣтеннымъ учителями для школьнаго юношества и къ разуму его приспособленнымъ. О! тогда, непримѣтно и самому себѣ невѣдомо, наваляете огромнѣйшую книгу — цѣ-

лый томъ, три, четыре тома — и все еще вамъ кажется, что это не довольно-ясно, не вполнѣ-убѣдительно, что оно все еще требуетъ пополненій и поясненій. Вы увѣряете себя, что предметъ слишкомъ обширенъ и многосложенъ; а, между-тѣмъ, онъ только запутался въ вашей головѣ въ чужія мысли, которыми вы ее набили, и въ чужія слова, такъ-называемыя техническія, отъ вліянія которыхъ на ваше сужденіе вы не умѣете освободиться. И такія книги плодятся какъ тараканы: мнимые знатоки дѣла, понимающіе его такъ же туманно, какъ и вы, находятъ противъ вашихъ неясныхъ, или смѣшныхъ разсужденій возраженія, еще болѣе темныя, или еще болѣе смѣшныя. Они не довольцы вашимъ трудомъ и пишутъ о томъ же предметѣ новыя книги, вмѣсто которыхъ третьи напишутъ свои, и такъ далѣе. Предметъ, между-тѣмъ, не подвигается нисколько къ ясности и къ общей пользѣ. Напротивъ, изъ такого-то книгодѣлія рождаются самыя странныя теоріи, которыя нерѣдко дѣлаютъ большой вредъ человѣчеству, между-тѣмъ, какъ творцы ихъ заботились объ его благѣ совершенно-добросовѣстно, самымъ нѣжнымъ и великодушнымъ образомъ.

Ни къ одной части знанія — потому-что ни одна не касается такъ прямо и такъ глубоко человѣческаго кармана — этотъ мой бѣдный парадоксъ не представляетъ такого плотнаго приложенія, какъ къ наукѣ, экономіею политиче-

скою называемой, и къ основаннымъ на ней писаніямъ, статьямъ, разсужденіямъ. Вѣчно толкуютъ, пишутъ, спорятъ, доказывая самыя противоположныя вещи одними и тѣми же словами, одними и тѣми же мыслями. Но—Боже мой!— что́ это за мысли и что́ за слова!... Темно, какъ въ подвалѣ, и въ этой сырой темнотѣ слышны только пустыя перебранки, или вопли зависти. Никому въ голову не приходитъ та простая истина, что вопросы торговые, фабричные, земледѣльческіе изучаются въ торговлѣ, въ фабрикахъ и въ земледѣліи, а не въ книгахъ и въ школьныхъ теоріяхъ. Есть, конечно, и печатное земледѣліе; но вѣдь оно только для чтенія, для пріятной агрономической бесѣды за хорошимъ обѣдомъ въ деревнѣ, а не для паханія земли и сѣянія хлѣба. Хотите ли какъ-можно-скорѣе разориться? Извольте похозяйничать нѣсколько лѣтъ по книгамъ и журналамъ агрономическимъ. За неизбѣжность результата можно поручиться. Вы скажете: я врагъ ученаго земледѣлія? Вотъ ужь неправда! Я очень люблю его въ разговорѣ, въ чтеніи, въ городскихъ разсужденіяхъ о деревнѣ и самъ много разъ писалъ земледѣльческія статьи, да какія! записные агрономы были въ несказанномъ восторгѣ. Только я не посажу и одной рѣпы по моимъ агрономическимъ ученіямъ, если мой огородникъ не раздѣляетъ моихъ теорій. Есть также и фабричность печатная. Къ-сожалѣнію, не смастеришь по ней и чулка порядочнаго, не

обанкротившись, для почина, къ концу перваго года. О печатной торговлѣ можно совершенно умолчать: она не годится даже и для основанія мелочной лавочки. Но за-то она творитъ вамъ чудные романы о всемірномъ движеніи капиталовъ и обо всемъ прочемъ. На бумагѣ, на каѳедрѣ, въ бесѣдѣ какая прелесть ворочать по своему усмотрѣнію богатствами вселенной, не бывавъ никогда въ банкирской конторѣ и не вдаваясь ни въ механизмъ, ни въ тайны торговаго искусства, потому-что торговля — настоящее искусство! Ну, вотъ и этотъ чудесный, благодѣтельный парадоксъ безсмертнаго Пиля — свободная торговля — какъ онъ донынѣ понятъ и любителями и врагами «парадоксовъ», то-есть идей новыхъ и, по своей новости, для кого изумительныхъ, а для кого и вовсе непонятныхъ? Если разобрать задачу съ достаточнымъ знаніемъ практическихъ ея подробностей, она такъ проста, такъ ясна, что ней о чемъ спорить и трехъ минутъ. Но стань объ ней философствовать, такъ преніямъ, книгамъ, брошюрамъ, статьямъ никогда конца не будетъ. Оно, конечно, не велика бѣда: зачѣмъ не философствовать? философическая торговля очень-занимательна и даже забавна. Между-тѣмъ, изъ двухъ противоположныхъ ученій одно же только можетъ быть право.

Ну, такъ которое же? Говорите.

Боже мой! не-уже-ли и тутъ истина сидитъ на днѣ глубокаго колодца, что обѣ стороны

такъ долго ходятъ вокругъ и не могутъ увидать ее дружно, разомъ? Ну, такъ бросьте ей хорошую веревку: вылѣзетъ сама, въ подлинномъ костюмѣ истины, въ какомъ обыкновенно сидятъ истины въ водѣ. По-крайней-мѣрѣ, полюбуетесь, а тамъ, можетъ-быть, и примиритесь, ради блага общаго.

Вотъ что́ значитъ парадоксъ! Какъ далеко отвлекъ онъ меня отъ дѣла, о которомъ хотѣлось мнѣ побесѣдовать сегодня съ вами! Ну, да что́ же прикажете дѣлать, когда Ѳаддей Венедиктовичъ не даетъ мнѣ покоя: парадоксъ да парадоксъ! только у него и рѣчи, что объ *умѣ* Брамбеуса да о *парадоксахъ* Брамбеуса. А, между-тѣмъ, ни той, ни другой похвалы я не заслуживаю. Куда мнѣ выдумывать парадоксы! Для того нуженъ геній Коперниковъ, Гарви, Ньютоновъ, Стефенсоновъ, Пилей. А насчетъ моего ума, ну, вотъ сейчасъ же далъ я ему доказательство того, что вовсе не такъ уменъ я, какимъ онъ меня лѣтъ двадцать рекомендуетъ публикѣ, съ-тѣмъ, чтобы имѣть случай тутъ же рядомъ наставить и побранить своего безотвѣтнаго protégé. Будь я уменъ, очень-уменъ, я бы не отвѣчалъ ему и теперь, какъ не отвѣчалъ во весь ничтожный вѣкъ мой. Повадило же меня сегодня!... Парадоксъ соблазнилъ... Пропади онъ!

Но если это въ первый разъ случилось со мною, за-то, ручаюсь вамъ, и въ послѣдній. Я еще поумнѣю, увидите!

Вотъ на будущей недѣлѣ, любезные читатели и братья, для надлежащаго изученія великаго вопроса о торговлѣ, практически, на дѣлѣ, мы съ вами заведемъ маленькую фабрику и крошечную лавку и будемъ тутъ же, въ этомъ листкѣ, *производить*, какъ говорится въ нашей торговлѣ, будемъ изготовлять издѣлія и сами продавать ихъ, сами сядемъ въ лавкѣ, сами на себѣ все испытаемъ, и тогда-то дѣло будетъ просто и ясно,—для насъ, по-крайней-мѣрѣ.

VI.

12 августа 1856 г.

Вы полагаете, можетъ-быть, что, если бы мнѣ вздумалось, я не съумѣлъ бы пустить вамъ пыль въ глаза — разсуждать *научно*, точно такъ же, какъ пускаютъ пыль, или *научность*, все-равно, мнѣ подобные мудрецы? Вы, вѣрно, полагаете, что о предметахъ ученыхъ я хочу говорить съ вами просто и натурально, какъ о пороссенкѣ подъ хрѣномъ, потому-что не мастеръ надувать *мыльные* пузыри? Это уже было бы очень-обидно для моего маленькаго ума и моего скуднаго искусства. Если бы вы знали, какъ это легко! Просто, ничего не стòитъ. Да я въ-состояніи не только самъ изъясняться *научно*, но даже и васъ выучить въ одинъ присѣстъ этому знаменитому роду изъясненія. Вотъ садитесь, пожалуйста. Есть вещи совершенно-простыя всѣмъ понятныя, напримѣръ: «здраствуйте», или: «какъ здоровье вашей тетушки?» или: «ахъ! денегъ нужно мнѣ ужасно!!! (Три горестныя восклицанія.) Кажется, это ясно. Ну, скажите это такъ, чтобы ни вы себя, ни другіе васъ не пони-

мали, чтобы неизвѣстно было, о чемъ вы говорите. Это и будетъ *научно*. Приличное количество торжественности, десятокъ рогатыхъ терминовъ изъ школьнаго словаря, въ томъ числѣ не забудьте драгоцѣннаго словечка *научно*, повторяйте его какъ-можно-чаще, при чемъ можете распространиться о нервной системѣ, о полярности, о движеніи капиталовъ, по-случаю сказанныхъ простыхъ и всѣмъ понятныхъ вещей. Вотъ и все. Вы понимаете дѣло? Но, вѣрно, еще не понимаете самаго слова: *научно?* Такъ и должно быть. Оно съ-тѣмъ и выдумано, чтобы не понимать его. По самой формѣ его, вы видите, что оно не-русское. И, дѣйствительно, это — слово татарское, переведенное съ нѣмецкаго. Въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему, оно не существуетъ ни у французовъ, ни у англичанъ, ни у итальянцевъ, ни даже у татаръ. Оно исключительная принадлежность языка школьно-нѣмецкаго и, въ дѣтское подражаніе ему, школьно-нѣмецко-русскаго. Этимъ словомъ, *научно*, хотѣли выразить тѣ, которые думаютъ не своей, а нѣмецкой головою, немытое и нечесаное, но дорогое имъ чадо самаго закоснѣлаго нѣмецкаго педантства, нарѣчіе wissenschaftlich. Хотѣли сказать: *наукообразно*. Говорить, разбирать, судить *научно* вовсе не значитъ говорить, судить, или разбирать учено, или умно, или даже толково. О! совсѣмъ нѣтъ! напротивъ! А значитъ говорить, разбирать, судить, какъ нѣмецкіе профессора — чѣмъ туманнѣе и скучнѣе, тѣмъ луч-

ше, ихъ терминами, ихъ пріемами, ихъ понятіями, по точному образу и подобію формы и методы, ими приданныхъ наукѣ,—словомъ, *наукообразно*, безтолково, безвкусно, безполезно, сколько хотите, но наукообразно, похоже на ученость и науку нѣмецкія, на германо-учительскій шикъ разглагольствовать о предметѣ. Вы сами видите, что это новый родъ схоластики. Аристотель замѣненъ Шеллингомъ. Умъ опять порабощенъ школою. Что́ же дѣлалъ Баконъ на этомъ свѣтѣ? Вотъ мы опять *научные*, то-есть опять схоластики? Съ такимъ прогрессомъ недалеко уйдемъ мы впередъ: его знаютъ и кошки. Съ-тѣхъ-поръ, какъ созданы, онѣ вертятся на мѣстѣ, съ намѣреніемъ поймать свой хвостъ, и до-сихъ-поръ еще не поймали.

Странно! О ботаникѣ пишутъ книги ботаники, о химіи химики, объ астрономіи астрономы, о геометріи геометры, о медицинѣ медики, о поварскомъ искусствѣ повара: всѣ они знаютъ предметы свои, отъ основанія до малѣйшей подробности, практически, на самомъ дѣлѣ. Объ одной только экономіи политической, то-есть о капиталахъ, торговлѣ, фабричной промышлености, земледѣліи, творятъ книги люди, которые ни капиталовъ, ни фабрикъ, ни торговли, ни земледѣлія въ глаза не видали. Я покорнѣйше прошу у политическихъ экономовъ прощенія за это дерзновенное замѣчаніе, но напрасно ищу между свѣтилами ихъ науки человѣка практическаго: вижу однихъ только общественныхъ

философовъ. Были въ числѣ ихъ писатели очень-умные и даровитые, которые многое угадали вдохновеніемъ; но все же это только умозрѣнія, поверхностныя отвлеченности, общія разсужденія, изъ которыхъ для практики, для частныхъ случаевъ нельзя вывести ничего положительнаго.

Я предлагалъ вамъ завести, со мною вмѣстѣ, хорошенькую фабрику и лавку, чтобы опытнымъ образомъ познакомиться съ сущностью великихъ вопросовъ и великихъ преній, которыми въ это мгновеніе усердно занимается вся Европа. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Чтó понапрасну тратить драгоцѣнное время? Извольте, я готовъ. Я уже записался во временное купечество и прихожу къ вамъ со свидѣтельствомъ на право фабричной промышлености и торговли и съ наличнымъ капиталомъ — двадцать-пять цѣлковыхъ чистагана!... Чему же вы смѣетесь? Развѣ я сказалъ что-нибудь такое необычайное, небывалое, парадоксальное? Вамъ, видно, Ѳаддей Венедиктовичъ натолковалъ о парадоксахъ Богъ-знаетъ какія небылицы, и вы подозрѣваете меня безъ всякой причины. Во-первыхъ, денегъ болѣе у меня нѣтъ; а во-вторыхъ, на прошедшей недѣлѣ скончался мой столяръ... если угодно, мебельный фабрикантъ. Въ Петербургъ пришелъ онъ пѣшкомъ изъ Малороссіи съ восемью гривнами въ карманѣ, а дѣтямъ нынче оставилъ пять каменныхъ домовъ, отдѣланныхъ на-славу, да еще до трехсотъ ты-

сячъ наличными въ Банкѣ. Такъ что же вы презираете мои двадцать-пять рублей?... Погодите: вотъ я же вамъ покажу, не научно, а опытно, наглядно, всю политическую экономію, всѣ чудеса ворочанія капитала. Съ этими двадцатью-пятью рублями я наживу съ васъ въ первый годъ тысячъ двадцать серебромъ чистаго барыша. Катерина Васильевна! Марья Корнилова! Прасковья Алексѣвна! пожалуйте сюда, сударыни! Я хочу растолковать вамъ политическую экономію тремя словами. Увѣряю, что превосходно поймете всю науку. Эти господа ученые смѣются надо мною, бѣднымъ неученымъ. Но вы лучше ихъ поймете современный вопросъ. Я хочу завести фабрику да торговлю: отечественная фабричность, народная торговля, знаете, теперь въ большой модѣ.... О ней многіе толкуютъ и въ журналахъ и при васъ, за чайнымъ столомъ: нельзя же оставаться празднымъ! Для блага общаго (*въ-сторону*) я завожу фабрику для моей пользы; слѣдственно, я долженъ говорить много объ общемъ благѣ. (*Громко, какъ-можно-громче*). Для блага общаго, для пользы всѣхъ васъ, я посвящаю себя фабричности. Надо вытѣснить этихъ зловредныхъ иностранцевъ изъ нашей народной промышленности. Русь имѣетъ средства, можетъ и съумѣетъ все сдѣлать сама, такъ-что мы вскорѣ не будемъ нуждаться рѣшительно ни въ какомъ иноземномъ произведеніи. У насъ все будетъ наше, родное, русское... даже парижскія перчатки... Какое,

бить, только, не придумаю, общеполезное издѣліе производить мнѣ?... Я вижу, сударыни, у васъ всѣ платья прожжены, въ дырахъ: вы курите папиросы?... И дѣло! надо поощрять народную фабричность. Ну, такъ я буду дѣлать вамъ спички?... Хотите ли?... Вы, изъ любви къ отечеству, будете потреблять однѣ только мои спички... пожалуйста, не покупайте финляндскихъ!... а я, для возбужденія духа предпріимчивости и трудолюбія въ нашемъ умномъ народѣ, для «развитія промышленыхъ силъ Россіи», буду дѣлать спички. Но, нѣтъ! не хочу пачкаться съ сѣрою, съ марганцемъ, съ фосфоромъ... Стану лучше производить вамъ папиросы... чудесныя папироски! Будете въ восхищеніи!... Это такая милая и такая благородная работа! Да и курить папиросы, особенно женщинамъ, удивительно-полезно. Во-первыхъ, это самое натуральное средство, если ручка у васъ хороша, показать ее собранію, во всей ея прелести. Во-вторыхъ, черезъ папиросы можно пріобрѣсти многое... очень-многое... очень-лестную славу... можно сдѣлаться женщиною въ модѣ и имѣть бездну обожателей, которые будутъ васъ ласкать, и кучу пріятельницъ, которыя будутъ васъ царапать. Право, я не шучу. Вотъ одна моя знакомая, совсѣмъ не красавица собою да и не умница... вдругъ, слышу, сдѣлалась женщиною въ модѣ. Обожателей, пріятельницъ тьма! Гостиныя биткомъ набиты друзьями. Она потребляла двѣ тысячи папиросъ

въ сутки, мало-того: у ней курили съ утра до вечера какъ въ жерлѣ Везувія, горстями увозили и уносили съ собою. Множество мужчинъ были рѣшительно влюблены въ нее. Это очень-лестно для молодой женщины. Ка́къ! что̀ вы изволите говорить, сударыни? Вѣрно, и я былъ влюбленъ?... Нѣтъ! но пришло кстати: я курю сигары. Папиросы производятъ у меня кашель. Коротко сказать, вы обѣщаете курить исключительно мои папиросы. Сколько тысячъ въ день можете взять у меня вы и ваши друзья? Восемь тысячъ? не болѣе?... Ну, это очень-немного. Но я согласенъ. Я доволенъ и этимъ для общаго блага. Берите же вы исправно каждый день по восьми тысячъ папиросъ, а я буду также исправно изготовлять ихъ подъ названіемъ «райское куреніе». Условіе у насъ сдѣлано, и я очень радъ, что мы порѣшились на папиросную фабричность. По-крайней-мѣрѣ, тутъ на все такса, цѣны извѣстны и никакого сомнѣнія въ разсчетѣ издержекъ и барышей быть не можетъ. Теперь посмотрите политическую экономію на практикѣ.

Для тысячи папиросъ нужны три съ половиною фунта табаку мариланда американскаго: это сто̀итъ 1 р. 35 коп. Да, я былъ бы не фабрикантъ, а олухъ, если бы давалъ вамъ, сударыни, три съ половиною фунта чистой Америки. Я подмѣшаю для васъ очень-искусно половину русскаго, малороссійскаго мариланда, по четыре рублика за пудъ, почти вчетверо де-

шевле заморскаго. Могу завѣрить, что не узнаете: куда вамъ знать толкъ въ табакахъ! Конечно, онъ у насъ не созрѣваетъ и грубо обработанъ. Но можно шепнуть слово поклонникамъ отечественной промышлености: тотчасъ распишутъ въ газетахъ и журналахъ, что нашъ русскій мариландъ ни въ чемъ не уступитъ французскому, и мы, какъ русскіе, должны любить и курить все русское предпочтительно. Итакъ, по любви къ отечеству, вы получите отъ меня папироски изъ мариландовъ пополамъ американскаго и малороссійскаго, а заплатите какъ за чистый американскій мариландъ. Стану ли я продавать ниже таксы? зачѣмъ, съ-какой-стати? Благодаря такой фабричной промышлености, на тысячу папиросъ табакъ обойдется мнѣ копеекъ въ восемдесятъ, вмѣсто одного рубля тридцати-пяти копеекъ. Теперь, на тысячу, бумага стóитъ копеекъ 15, пачки, этикеты 30, наконечники 8 копеекъ, работа 40, бандероли, въ мірное время, 1 рубль 60 копеекъ. Итого, въ мірное время, 3 рубля 50 копеекъ. А продамъ я вамъ, по таксѣ, тысячу по 8 цѣлковыхъ. Издержекъ на восемь тысячъ папиросъ 28 рублей (ну, такъ и быть! къ основному капиталу моему прибавляю еще три цѣлковыхъ... хоть займу подъ вексель); а выручки 64 рубля. Чистаго барыша 36 рублей. Изъ нихъ нужно вычесть цѣлковыхъ 3 въ сутки на наемъ помѣщенія для фабрики и магазина, отопленіе, освѣщеніе, прислугу и прочее. Самочистѣйшаго барыша 33 рубля. Подумайте,

мой бѣдный капиталецъ въ 28 рублей, все одинъ и тотъ же, будетъ каждое Божье утро положенъ въ фабричное производство и въ каждое слѣдующее утро не только воротится онъ ко мнѣ самъ, но еще приведетъ съ собою 33 дорогихъ гостя, которые могу я промотать, какъ мнѣ угодно: фабрика будетъ жить и процвѣтать все тѣми же первоначальными двадцатью-восемью рублями. Какъ вы должны курить и въ будни и въ воскресные дни однаково, то мой вкладочный капиталецъ, надъ которымъ эти ученые господа такъ мило подшучивали, оборотится 365 разъ въ годъ и составитъ дѣйствующую силу въ 10,220 рублей (365 × 28). Я въ эти 365 дней поставлю вамъ 2,920,000 папиросъ и чистаго барыша за мое усердіе къ общему благу, къ народному богатству получу съ васъ и друзей вашихъ, сударыни, 20,595 рублей, а въ високосный годъ, каковъ нынѣшній, еще 33 лишнихъ, итого 20,683 рубля.

Теперь, смотрите: если вы очень любите мои папиросы, если у васъ будетъ много друзей, если, изъ усердія къ фабричной славѣ отечества, станете курить табакъ еще пуще нынѣшняго и брать у меня по шести тысячъ каждый день дважды, по утру и вечеромъ, то вкладочный капиталъ мой, 28 рублей, оборотится въ годъ 730 разъ, и я наживу 41,365 рублей серебромъ; если три раза, то 82,730; если четыре раза, то 102,313 звонкихъ серебряныхъ рублей. Замѣтьте, что я разсчитываю очень-

умѣренно, потому-что какъ издержки на наемъ и содержаніе помѣщенія все тѣ же, то отъ вторыхъ, третьихъ, четвертыхъ шести тысячъ барышъ мой будетъ собственно не 33 рубля, а 36 на тысячу. А я считаю, кругомъ, 33!... Знаете — я не интересанъ — когда за мои 28 рублей, которые всѣ живы-здоровы, получу въ годъ 102,313 рублей, я понижу вамъ цѣну папиросъ—очень-великодушно—процентовъ на десять, или на пятнадцать. Болѣе не могу—фабричная мудрость твердитъ: не надо баловать публику. И я обѣщаю вамъ довольствоваться одною сотнею тысячъ годоваго дохода отъ моихъ 28 рублей. Но если вы раскуритесь дотого, что мой капиталъ оборотится полторы тысячи разъ въ одинъ годъ, я уменьшу еще цѣну моихъ папиросъ, такъ-что наконецъ мой барышъ будетъ состоять изъ 5 процентовъ вмѣсто 120 первоначальныхъ. Вы будете кричать: «Дешевизна неслыханная! слава, слава отечественной фабричности!» И я тоже буду кричать: «А сколько стоили мнѣ эти пожертвованія! да какъ безкорыстно я дѣйствую! да какою ничтожною прибылью доволенъ, длятого, чтобы всѣ могли курить — именно курить мои папиросы — чтобы каждый изъ моихъ любезныхъ соотечественниковъ, богатый и бѣдный, равно наслаждался моимъ «райскимъ куреніемъ»! Я буду просить о признаніи мнѣ, по статуту, установленной награды за блистательные промышленые подвиги. Какже! съ производства какихъ-нибудь двад-

цати, тридцати мильйоновъ папиросъ—для порядочной фабрики количество это совсѣмъ-ничтожно—я наживалъ изъ ста-двадцати процентовъ по 102,000 рублей барыша въ годъ, а теперь дѣлаю годоваго оборота мильйоновъ на двадцать и наживаю изъ пяти процентовъ — стыдно сказать — только 1,500,000 рублей серебряныхъ за мои драгоцѣнные, неподражаемые 28 цѣлковыхъ! Это просто разореніе!

А знаете ли, милостивые государыни и государи, какая это будетъ огромная, неимовѣрная польза для народнаго богатства, какъ зацвѣтетъ любезное отечество наше, когда, каждый годъ, стану я изъ вашихъ дремлющихъ кармановъ перетаскивать въ свой дѣятельный, предпріимчивый карманъ по мильйону рублей чистой выгоды? Скажите сами, не лучше ли, не полезнѣе ли, не соотвѣтственнѣе ли истинному благу общему, чтобы одинъ я проматывалъ оптомъ ваши разсыпанныя деньги, нежели, чтобы всѣ вы тратили ихъ врозницу? Какъ вамъ угодно, а я нахожу, что гораздо-согласнѣе и съ натурою, и съ наукою, и особенно съ научностью, чтобы я, фабрикантъ, обиралъ васъ, по-мѣрѣ силъ моихъ и возможности, нежели, чтобы вы, ничего не дѣлая, мѣшали мнѣ дѣйствовать на пользу моего кармана и богатѣть. За-то, по-крайней-мѣрѣ, будете гордится мною, скажете: «Вотъ каковъ у насъ фабрикантъ! мильйонщикъ! первый богачъ въ мірѣ! Да сколько добра онъ сдѣлалъ бѣдному народу! сколько

рабочихъ рукъ постоянно находило и находитъ себѣ у него и свое прокормленіе и честный заработокъ для поддержанія семейства! . . .»

Очень вамъ благодаренъ, господа, за такой лестный отзывъ обо мнѣ; но я, знаете, человѣкъ совѣстливый и, признательно, не могу сказать, чтобы я сотворилъ чудеса въ этомъ отношеніи. Сколько же этого народа работало у меня? Бабъ да мальчиковъ сначала десятокъ, потомъ сорокъ, наконецъ семдесятъ, восемдесятъ, не болѣе; да и переплатилъ я имъ не Богъ-знаетъ какія сокровища. Сначала, пока моя фабрика работала немного, бабы повелѣвали мною по своему усмотрѣнію. Потомъ сталъ уже я бабамъ предписывать законы: такъ платилъ я имъ сначала по 40 копескъ съ тысячи, потомъ не давалъ болѣе 35, а теперь, какъ совсѣмъ бабъ не боюсь, имѣю въ виду еще уменьшить имъ задѣльную плату, общей дешевизны ради. Ну, сколько издерживалъ я денегъ на работниковъ? Совершенно бездѣлицу: тысячъ по пѣскольку. Всѣ они плохіе работники, слабые, часто мѣняются и больше вамъ портятъ, чѣмъ производятъ издѣліе. Каждый въ свою очередь заработалъ, быть-можетъ, рублей пятдесятъ, много восемдесятъ въ годъ, и нельзя сказать, чтобы и эту малость употребилъ очень-«научно». Половина спилась съ кругу. Остальные истратили весь заработокъ въ ближайшемъ трактирѣ и смежной мелочной лавкѣ. Фабрика вѣдь для нихъ была не потребность, а прихоть, или слу-

чай. Всѣ они жили хорошо и безъ фабричной работы. Вѣдь у насъ нѣтъ — и слава тебѣ Господи, что нѣтъ—такого народа, который, за избыткомъ населенія, за недостаткомъ въ землѣ, умираетъ голодною смертью на улицахъ и большихъ дорогахъ, если не работаетъ на фабрикахъ. Работники и работницы наши — кто кучеръ, временно лишившійся должности, кто прогнанный за пьянство дворникъ, кто горничная, или прачка безъ мѣста; а вышло имъ гдѣ-нибудь домашнее мѣсто, даже самое ничтожное, они тотчасъ оставляютъ мастерскія, передавая фабричное занятіе свое друзьямъ, или знакомкамъ, едва знающимъ производство. Наконецъ, крестьяне, которые прямо съ пахатнаго поля, отъ сохи переходятъ съ своими грубыми руками прямо за станокъ, иногда ситцевый, или гроденаплевый, — эти проматываютъ въ городѣ весь заработокъ и обыкновенно не только ничего не уносятъ съ собою въ деревню, но еще остаются въ долгу и у смѣтливаго фабриканта и у сосѣдняго лавочника. На слѣдующую зиму они явятся опять *отрабатывать*, въ надеждѣ сберечь что-нибудь при этомъ для бабы да для ребятишекъ, и опять уйдутъ съ долгами. Я ошибся, сказавъ, что они ничего не уносятъ съ собою: напротивъ, уносятъ часто привычки и болѣзни, совершенно-лишнія въ деревнѣ. Сидѣли бы они лучше дома да занимались полевыми, или земляными работами. Всѣ вообще— Боже мой!—что́ это за фабричные! Какъ при-

кажете производить съ ними что-нибудь хорошо или дешево? Одинъ англійскій, или французскій фабричный, съ дѣтства, съ отца, съ прадѣда привычный къ своей спеціальной отрасли труда и хорошо обѣдающій, сдѣлаетъ и чище и болѣе пятерыхъ этихъ искусниковъ.

Однако, какъ вы изволите научно и великодушно прославлять меня за благо, которое будто бы дѣлаю я моей фабричностью бѣдному классу доставленіемъ рабочимъ рукамъ случая поработать да заработать, то и я буду твердить въ томъ же духѣ, для вящшей славы нашей народной промышлености. Да! милостивые государи, да! научность права: я ужасно полезенъ бѣдному классу! я, просто, благодѣтель бѣдныхъ: безъ меня этимъ добрымъ людямъ никогда бы не просиживать вечеровъ и свободныхъ дней въ харчевняхъ и другихъ заведеніяхъ. Это имъ очень-полезно. Они тамъ удивительно какъ образуются и умомъ и сердцемъ.

Ну, да что̀ объ этомъ и толковать! Надо знать дѣло на дѣлѣ, а не научно... Возвратимся лучше къ моимъ двадцати-восьми рублямъ. Вы изволили видѣть, какъ прекрасно повелъ я мои фабричныя дѣла, при быстромъ ворочаніи моего основнаго капитальца. И товаръ отличный произвожу, и продаю дешево, и тяну изъ васъ деньги какъ насосомъ, и вы еще благодарны мнѣ за это. Не прельщайтесь, однако, этими ста-двадцатью процентами, которыми началъ я мое фабричное благоденствіе. Не сегодня, такъ

въ другой разъ, я покажу вамъ, какъ при ста-двадцати, даже при двухстахъ барыша можно разориться въ-конецъ и забрѣсть въ долги по шею.

Теперь посмотримъ медленное ворочаніе капитала. Брали вы у меня каждый день по шести тысячъ папиросъ. Положимъ, что, въ-противность нашему условію, станете брать по шести тысячъ черезъ день: доходъ мой вдругъ уменьшится до половины. Вмѣсто 20,000 въ годъ, я наживу только 10,000. А вздумаете брать по шести тысячъ дня черезъ три, четыре, черезъ восемь, двѣнадцать, пятнадцать дней, тогда мой заработокъ окажется сперва 5,000, потомъ 25,000, 1500, 750, а тамъ и 250 рублей, не болѣе, втеченіе всѣхъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Случись же такое горе, что капиталъ мой воротится ко мнѣ въ годъ только дважды, такъ я, просто пропадшій человѣкъ. При ста-двадцати процентахъ чистой пользы отъ моего чудеснаго фабричнаго издѣлія, полу-миссисипскаго и полу-харьковскаго, я выручу только 66 рублей барыша, кромѣ 28 основнаго капитала; а наемъ помѣщенія. хозяйскія издержки по заведенію стóятъ одни уже слишкомъ тысячу рублей въ годъ; да разныхъ гильдейскихъ и городскихъ повинностей заплатилъ я около ста-двадцати-пяти рублей... Итого — честь имѣю кланяться — я банкротъ, къ вашимъ услугамъ. Даже и эти 28 рублей, быть-можетъ, не мои: быть-можетъ, занялъ я ихъ у знатнаго

капиталиста, который и меня, бѣднаго Брамбеуса, и этотъ мой «Листокъ» какъ-разъ засадитъ въ тюрьму, юстиціи ради!

Вотъ двѣ противоположныя крайности. Онѣ преувеличены. Тѣмъ лучше: въ увиличительное стекло рѣзче видны подробности, непримѣтныя общепринятому глазу. На этомъ-то разсчетѣ быстраго и медленнаго ворочанія капитала, или капиталовъ основана вся экономополитическая мудрость. Онъ имѣетъ самое прямое и неуклонное приложеніе ко всему, что́ называется трудомъ, промышленостью, богатствомъ: къ фабрикамъ, торговлѣ, земледѣлію, банкамъ и банкирамъ, дѣламъ, финансамъ, и прочая, и прочая. Но какъ еще мало главное и единственное основаніе это понято тѣми, которые о предметѣ разсуждаютъ научно, доказывается неумолкаемыми ихъ спорами о торговлѣ и фабрикахъ и странными совѣтами, которые услужливо даютъ они въ частныхъ случаяхъ.

Представьте себѣ, что какой-нибудь народъ, по особеннымъ обстоятельствамъ, успѣлъ довести капиталы свои, положенные въ производство бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, до такой же быстроты вращенія, какъ и мои 28 рублей, при содѣйствіи этихъ любезныхъ дамъ, которыя взялись выкуривать не тысячи, а мильйоны моихъ папиросъ въ сутки. Слѣдовательно, этотъ народъ пользуется огромнѣйшимъ, всемірнымъ сбытомъ этихъ своихъ издѣлій, безъ чего капиталъ не можетъ ворочаться быстро

въ обширномъ предпріятіи. И, слѣдовательно, этотъ народъ производитъ ихъ ужасно-дешево, потому-что быстрое ворочаніе капитала неизбѣжно являетъ это дѣйствіе и, безъ дешевизны издѣлія, не могло бы держаться.

Теперь, любезные друзья мои, представьте себѣ, что — какъ это и случилось на свѣтѣ, по научнымъ совѣтамъ политической экономіи — что прочіе народы разомъ вздумали всѣ вдругъ производить у себя точно такія же издѣлія, бумажныя и шерстяныя, заперли свои гавани и заставы передъ дальними и ближними соперниками и засѣли за ткацкіе станки. Что̀ должно выйдти неизбѣжно? Ну, что̀ же? дѣло ясно: не говоря уже о плачевной неспособности новыхъ работниковъ, каждый народъ, имѣя на свои новыя издѣлія сбытъ очень-скудный, тѣсно ограниченный предѣлами собственной земли его, будетъ производить непомѣрно-дорого, потому-что на малыхъ поприщахъ сбыта капиталы ворочаются очень-медленно, и фабрикантъ долженъ спасаться единственнымъ въ такихъ случаяхъ средствомъ — высокою цѣною и плохимъ качествомъ издѣлія. Не фабрикантъ виноватъ, покорнѣйше прошу повѣрить: виновата экономія политическая, которая научно присовѣтовала такое неумѣстное предпріятіе, по неясности понятій своихъ о ворочаніи капиталовъ. Возвышеніе цѣны на одну важную статью народнаго потребленія немедленно отражается бо́льшимъ, или ме́ньшимъ возвышеніемъ цѣнъ на другія. Всѣ въ

накладѣ, въ томъ числѣ и таможня, великодушно пожертвовавшая въ пользу новой затѣи своимъ законнымъ доходомъ съ дешеваго заграничнаго издѣлія. Вы видите, что нѣсколькими кусками ситца, или шерстяной кисеи, соткапными неумѣстно, несвоевременно и которыхъ фабрикація не приноситъ настоящей пользы ни фабриканту, ни рабочему народу, можно потрясти и запутать экономическія дѣла цѣлаго общества.

Такимъ-то именно образомъ, то-есть, помощью обширнѣйшаго на весь міръ сбыта и, слѣдственно, быстраго ворочанія своего фабричнаго капитала, Англія можетъ производить превосходныя и дешевыя бумажныя и шерстяныя ткани, Франція — превосходныя и дешевыя шелковыя матеріи и статьи женскаго туалета, и такъ далѣе.

Россія дѣлаетъ лучше всѣхъ ихъ: тогда-какъ въ другихъ странахъ земледѣліе требуетъ большихъ денежныхъ вкладовъ, которые, по сущности земледѣлія, ворочаются ужасно-тихо — однажды въ годъ, хотя и втестеро, всемеро, иногда и вдесятеро вдругъ — Россія, безъ всякаго капитала, слѣдовательно, и безъ всякой опасности отъ невольно быстраго ворочанія, производитъ, въ изобиліи, простымъ, безрасходнымъ трудомъ, отличнѣйшіе и самые дешевые хлѣба и много другихъ чрезвычайно-важныхъ статей сельскаго хозяйства. Этимъ обязана она избытку и превосходству земель своихъ и особенному пристрастію народа къ сельскому труду и быту. Принявъ это великое, изъятное обстоятельство

въ достодолжное соображеніе, позволительно спросить себя—просто, или научно, все-равно—стóятъ ли всѣ ситцы и кисеи сего міра, чтобы для нихъ потрясать и запутывать нашу богатую, колоссальную земледѣльческую экономію?

Я вовсе не думаю ни переубѣждать журнальныхъ защитниковъ отечественной фабрикаціи подъ сѣнью покровительственныхъ системъ, ни поддерживать журнальныхъ враговъ ихъ восторженнаго ученія. Того, кто сочиняетъ и печатаетъ, не переубѣдишь ничѣмъ въ мірѣ. Я вполнѣ уважаю ихъ мнѣнія, хотя и сдается мнѣ порою, что ни тѣ, ни другіе не довольно-точно оцѣниваютъ настоящее значеніе Россіи во всемірной экономіи, какъ перваго земледѣльческаго государства. Безспорно, по этой капитальной статьѣ мы донынѣ первые. Никто еще не можетъ поставлять сельскихъ произведеній дешевле нашего. Но не надо забывать, что на свѣтѣ есть Америка, благодатная и огромная страна земледѣльческая, которой населеніе быстро увеличивается. Америка какъ-разъ въ-состояніи занять наше первое мѣсто, если мы, по-милости фабричнаго фанатизма нашего, возвысимъ у себя цѣны на все дотого, что и сельскія произведенія вздорожаютъ непомѣрно, по соразмѣрности съ прочимъ, поровняются въ цѣнахъ съ американскими, или еще и превзойдутъ ихъ.

О прочемъ послѣ. Если ужь мы завели возлѣ фабрики лавочку, такъ и надо посидѣть въ ней. Надо поторговать, хоть для опыта.

VII.

19 августа 1856 г.

«У насъ все есть! произведенія и издѣлія чужихъ странъ намъ не нужны! все у насъ можетъ быть свое!... жаль только, что нѣтъ перца! Одного перца намъ недостаетъ; а-то бы мы этихъ колбасниковъ иностранцевъ!...» За перцемъ и дѣло стало, если вы хорошо помните. Правду сказать, тутъ не было тоже и соли; но о соли творцы этихъ горячихъ возгласовъ не столько хлопочатъ, сколько о перчикѣ, безъ котораго рѣдька не рѣдька, водочки нельзя выпить прилично, безъ котораго, однимъ словомъ, нельзя запереть всѣхъ входовъ и выходовъ Россіи, чтобы наслаждаться своимъ умомъ и искусствомъ исключительно.

Ну, полноте, господа восторженные! Вы судите и разсчитываете точно какъ тѣ деревенскіе богачи, у которыхъ, при страсти къ промышлености и экономіи, политической и неполитической, въ головѣ не всѣ сполна четыре правила ариѳметики, а въ усадьбѣ дворовыхъ людей человѣкъ восемдесятъ: изъ нихъ восемь

кузнецовъ, десять каретниковъ, двадцать столярей, шестнадцать слесарей да по дюжинѣ обойщиковъ, ткачей, шорниковъ, портныхъ, сапожниковъ, садовниковъ, парикмахеровъ, инструментальныхъ мастеровъ и такъ далѣе. Онъ все можетъ сдѣлать у себя дома и дѣлаетъ: чего тутъ нѣтъ! и свои ковры, и свои кружева, есть даже свои родные бананы, да и свѣжія винныя ягоды: съ окорокомъ это превосходно!... А, между-тѣмъ, онъ нищій—экономіей онъ разорился въ-конецъ—каждая вещица, произведенная дома, домашними людьми, безплатно, даромъ, обходится ему вдесятеро дороже покупной. Наконецъ онъ принужденъ распустить штатъ своей дворовой фабричности по оброчнымъ билетамъ и, для самого себя, искать мѣста на службѣ.

Дѣло въ томъ, что гдѣ капиталъ не ворочается, и, притомъ быстро, тамъ всякое производство промышленаго издѣлія — положительный убытокъ. Полезная фабричная промышленость не та, которая все дѣлаетъ, но которая дѣлаетъ что-нибудь хорошо и дешево; а сдѣлать дешево и хорошо нѣтъ никакой возможности, когда обширность сбыта не обезпечиваетъ вамъ очень-быстраго обращенія вашего дѣйствующаго капитала. Вотъ, мимоходомъ, маленькій примѣръ: количество бумажныхъ и бумажно-шерстяныхъ тканей, потребляемыхъ Россіей, не составляетъ и двадцатой доли того количества, которое Англія производитъ на своей землѣ и продаетъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Немудрено, что она мо-

жетъ дѣлать прекрасные и дешевые ситцы и шерстяныя кисеи, и совершенно-понятно, что наши этого рода издѣлія должны быть одно изъ двухъ — или ужасно-дороги, или ужасно-плохи, или, пожалуй, и то и другое вмѣстѣ. Я отнюдь не врагъ фабричной промышлености; но подражательныя издѣлія — затѣи совсѣмъ не умнѣе подражательныхъ романовъ, и, по совѣсти, никому не присовѣтую пускаться по этой части въ неумѣстныя и отчаянныя соперничества, изъ патріотизма, или изъ корыстолюбія, потому-что, въ самомъ удачномъ случаѣ, выгоды отъ него слишкомъ-несоразмѣрны съ пожертвованіями публики да и самыхъ промышлениковъ. Найдите, если вы въ-состояніи сотворить парадоксъ — выдумать что-нибудь истинно-умное сверхъ пошлаго и общепринятаго — такія отрасли труда, въ которыхъ могли бы мы работать и хорошо и дешево, то-есть къ общей выгодѣ и производящихъ и потребляющихъ, я первый сниму шляпу передъ вашей мудростью. Но покамѣстъ не нахожу ни малѣйшей прелести платить 25 рублей серебромъ за то, что̀ могъ бы я получить за 5, если бы Аггею Пантелеймонычу, да Панкратію Моиссичу, да еще одной почтенной бородѣ не вздумалось завести гдѣ-то за Яузой ситцевыхъ и кисейныхъ «производствъ».

Во всю жизнь мою купилъ я только сорокъ-два аршина этого добра — больше, клянусь, не покупалъ и не трогалъ — но когда разскажу вамъ, любезные читатели и братья, горестныя

похожденія мои съ этими сорока-двумя аршинами ситца и шерстяной кисеи, когда представлю вамъ точный и достовѣрный счетъ, изъ котораго усмотрѣть изволите, что они уже стоили наличными 6,892 рубля 65½ копеекъ и все еще продолжаютъ стоить каждый Божій годъ рублей по 250, до безконечности, то крупными слезами заплачете о судьбѣ бѣднаго Брамбеуса, медленно пожираемого отечественнымъ ситцемъ, который обвилъ его кругомъ, какъ змѣи Лаокоона, и давитъ, давитъ...

Вотъ мой счетецъ:

1) Сахару, кофе, какао, гаванскихъ сигаръ потребляю я въ моемъ семействѣ на 715 рублей 49 копеекъ въ годъ. Въ нихъ чистаго сахара, кофе и проч. только на 495 рублей, а на 220 рублей 49 копеекъ московскихъ и другихъ ситцевъ, кисей, тюля, и прочая, которыя, несмотря на слабость моего желудка, долженъ я непремѣнно съѣсть и выпить за завтракомъ. Вы знаете, что когда различнымъ фабрикамъ оказывается покровительство посредствомъ тарифовъ, то на иностранныя въ тѣхъ родахъ издѣлія налагается такая высокая пошлина, чтобы купцамъ не было болѣе возможности выписывать ихъ изъ-за границы. И они поневолѣ должны держать въ лавкахъ для публики одни только доморощенныя издѣлія, которыя и продаются лишь немногимъ ниже тарифной цѣны иностраннаго товара. Напримѣръ, если французская шерстяная кисея можетъ быть прода-

ваема по 10 копеекъ, а пошлина на нее 50 копеекъ (въ самомъ великолѣпномъ и самомъ дорогомъ магазинѣ въ Парижѣ платье въ 20 аршинъ стóитъ 10 и 11 франковъ, аршинъ по 12 и 13 копеекъ), то доморощенную кисею, и качествомъ ниже и шириною уже, продадутъ вамъ по 65 копеекъ; если же по 60 копеекъ, то это называется: «съ большою уступкою»!!! Вы помните, что во время строгой покровительственной системы, которую мы оставили едвали не первые въ Европѣ послѣ знаменитой торговой реформы Роберта Пиля, до начала постепеннаго пониженія нашихъ тарифовъ и допущенія иностранныхъ издѣлій къ полезному соперничеству съ нашими, это была у насъ обыкновенная цѣна русской кисеи. Таможня, естественно, лишается въ такомъ случаѣ всякаго сбора, который чужія издѣлія доставляли ему при умѣренной пошлинѣ. Но доходъ государственный — вещь священная. Назначеніе его, для защиты, просвѣщенія и порядка отечества, такъ возвышенно и такъ важно, что казна не можетъ и не должна лишаться ни одной частицы своихъ сборовъ, не замѣнивъ ея другою, равноцѣнною частицею. Когда для поддержанія отечественныхъ фабрикъ устраняются этимъ средствомъ привозныя издѣлія, чтó остается для таможеннаго дохода? Ну, чтó же болѣе? жизненные припасы, колоніальные товары, каменный уголь... Они должны заплатить за все: и за себя и за фабричныя издѣлія.

Вотъ вамъ положена тарифная преграда привозу иностранныхъ бумажно-шерстяныхъ тканей, и для пополненія убыли отъ нея въ таможенномъ сборѣ вдругъ повышена пошлина на сахаръ кофе, какао, сигары, и прочая, особенно на сахаръ, процентовъ почти на пятдесятъ. Для объясненія необходимости этой мѣры торговому міру, покойный графъ Канкринъ приказалъ помѣстить въ нашихъ «коммерческихъ газетахъ», русской и нѣмецкой, небольшую, но чрезвычайно-примѣчательную статейку, которую вѣрные люди приписывали собственному перу его. Русскій министръ финансовъ за много лѣтъ до Роберта Пиля высказывалъ въ ней слѣдующую идею: «Люди, конечно, гораздо-лучше бы «сдѣлали и болѣе выиграли бы въ положительномъ отношеніи, *если бы никогда не уклонялись отъ свободной торговли;* но когда отступленіе сдѣлано однажды, и многими народами «вдругъ, когда отъ этого отступленія ожидаютъ «особенныхъ выгодъ для отечества, то нужно «умѣть принести нѣкоторую жертву для достиженія такой прекрасной цѣли.»

Ну, сочтите же теперь, сколько выпилъ и выкурилъ я кусковъ русскаго ситца и русской шерстяной кисеи съ тѣхъ двадцатыхъ годовъ до двухъ послѣднихъ благодѣтельныхъ пониженій пошлины на сахаръ! сколько принесъ жертвъ! сколько все вы переплатили денегъ за ситецъ и кисею, думая, будто вы покупаете сахаръ и кофе! сколько горничныхъ и судомоекъ нашихъ

розорились, платя за ситцы по 35 и за шерстяныя кисеи по 60 копеекъ, вмѣсто настоящей цѣны, по 8 да по 12 копеекъ! сколько денегъ украли у насъ кухарки, чтобы наряжаться въ эти дорогія щегольства! и длячего мы такъ разорялись? длятого, чтобы десять, двадцать смѣтливыхъ промышлениковъ наживали дома да за дочерьми давали хорошія приданыя, подобно другу моему Аггею Пантелеймонычу, о которомъ ниже... О, боги!

По моему вѣрному разсчету, въ пятнадцатилѣтней сложности, русскій ситецъ и русская шерстяная кисея стоили мнѣ 2,850 рублей. Положите по стольку же каждый на свое семейство: окажется, что мы, не употребляя ни того, ни другаго, что всѣ мы заплатили мильйоны рублей за то только, чтобы немногіе другіе могли покупать это добро, мало-того въ-три-дорога, а вчетверо и впятеро дороже настоящей цѣны.

2) Чай. Ну, тутъ уже я пью одинъ чистый ситецъ! да еще какъ предательски!... Знаете ли, куда бо́льшею частью дѣваются наши ситцы съ тѣхъ-поръ, какъ пониженія тарифовъ уменьшили фабричные барыши производителей? Спросите знаменитаго путешественника нашего Е. П. Ковалевскаго, или прочитайте въ его безконечно-интересной книгѣ. Онъ вамъ засвидѣтельствуетъ съ достовѣрностью, что въ Пекинѣ московскіе ситцы продаются дешевле, чѣмъ въ Москвѣ. Какимъ образомъ? Да развѣ еще нужно и это объяснять? Сибирь не доставляетъ своихъ собствен-

ныхъ произведеній столько, сколько нужно для мѣны на чай. Надо везти товаръ изъ Европы черезъ всю Сибирь. Кяхтинскій торговецъ покупаетъ дорого на московскихъ фабрикахъ—разумѣется, на вексель да на восемнадцать мѣсяцевъ — ситцы и безъ-того уже слишкомъ-дорогіе. Привозъ до Кяхты стóитъ ему тоже не дешево. А въ Кяхтѣ отдаетъ онъ китайцамъ этотъ ситецъ... какъ бы вы думали? дороже англійскаго ситца, или дешевле?... Ну, ужь какъ тамъ угодно разсуждать вашей высоко-фабричности, а плохаго и узкаго ситца китаецъ не возьметъ за ту цѣну, по которой отъ англичанъ можетъ онъ получить прекрасный и широкій. Между-тѣмъ, вы знаете, какъ нестерпимо-дешевы англійскія бумажныя и бумажно-шерстяныя издѣлія, не только въ-сравненіи съ нашими, но даже въ-сравненіи съ французскими. Такъ, значитъ, нужно отдать московскій ситецъ рѣшительно нипочемъ, чтобы китаецъ могъ спустить его съ рукъ въ Пекинѣ дешевле и выгоднѣе всякаго другаго. Но — опять вопросъ — кто же вознаградитъ кяхтинскаго купца за этотъ отчаянный торгъ въ убытокъ?... Разумѣется, я!... кто же болѣе, какъ не я!... я! несчастный любитель чаю!... я, вы, всѣ мы, сколько насъ ни есть, благонравныхъ покупателей чаю. Купецъ на насъ бѣдняжкахъ долженъ наверстать и свой ситцевый убытокъ, чтобы уплатить вексель фабриканту, и свой чайный барышъ, чтобы его купчиха могла, какъ слѣдуетъ, ходить въ бархатахъ и алма-

захъ. И вотъ какимъ образомъ чай, который въ Пекинѣ стоитъ, кругомъ, около десяти копеекъ, а въ Кяхтѣ, по очищеніи пошлины, отъ сорока-пяти до шестидесяти-пяти за фунтъ, вотъ какимъ образомъ этотъ безцѣнный *шинь-пхай-тхай-лянъ-санъ-да-ча-пъ* продается намъ по два съ полтиною, по три, четыре, пяти, десяти и даже по четырнадцати цѣлковыхъ. Спрашивается: кому мы тутъ пускаемъ пыль въ глаза нашею фабричною промышленостью? не самимъ ли себѣ?... Позвольте вамъ доложить, что это плохая потѣха. Я заранѣе согласенъ съ тѣми, кто захочетъ доказать, что сибирская сухопутная чайная торговля съ сынами Поднебесной Имперіи рѣшительно убыточна для Европейской Россіи и выгодною даже быть не можетъ, развѣ только для какой-нибудь тысячи полторы извозчиковъ. Капиталъ тутъ вовсе не ворочается. Купецъ не можетъ выписывать, сухимъ путемъ, чай, сколько ему нужно и когда ему нужно. Онъ долженъ положить въ товаръ вдругъ очень-значительный капиталъ и ждать возвращенія его круглый годъ, до новаго появленія чайныхъ каравановъ на русской границѣ. Если съ розничнаго продавца возьметъ онъ только сто на сто, то и это очень-скромно, при множествѣ торговыхъ опасностей и убытковъ. Все это я знаю, но все же таки въ основаніи тутъ лежитъ врагъ мой заклятый — ситецъ, ситецъ смерть моя, моя чума, мой Неронъ и Калигула вмѣстѣ.

Въ одномъ чаѣ одинъ я выпилъ навѣрное годичное производство цѣлыхъ двухъ ситцевыхъ фабрикъ (я пью чай только восемь разъ въ сутки, и только по шести стакановъ въ каждый разъ: это очень-умѣренно), но, вящшей умѣренности ради, считаю только 2,111 рублей 98 копеекъ за всю жизнь мою. Итого: 4,961 рубль, съ копейками.

3) Наконецъ, во всемъ, что́ я ни ѣмъ, ни пью, ни ношу, ни употребляю, во всемъ этомъ болѣе, или менѣе глубоко запрятанъ этотъ неотвязный ситецъ... ситецъ, или шерстяная кисея, все-равно: я неохотникъ до пустыхъ различій. Моя булочница, моя прачка, моя молочница, супруга моего сапожника, хозяйка моего лавочника, баба моего огородника, все, что́ ни промышляетъ, ни производитъ, ни торгуетъ, — все это ходитъ въ шерстяной кисеѣ по 60 копеекъ за аршинъ (съ третьяго года по 45 и по 40). Ну, могутъ ли онѣ работать на меня дешево, или продавать мнѣ что-нибудь по настоящей цѣнѣ, когда сами платятъ по семи и восьми рублей за платья, которыя, по цѣнамъ другихъ столицъ, не стоятъ болѣе двухъ съ полтиною? Сколько нашъ родной ситецъ и его сестрица кисея слупили съ меня этимъ косвеннымъ образомъ, этого ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ не написать. Но, по врожденной умѣренности, я предъявляю всей претензіи на нихъ только 6,892 рубля $52^1/_2$ копеекъ.

Коротко сказать, ситецъ, ситецъ да ситецъ,

вездѣ и повсюду ситецъ. Я ѣмъ ситецъ, пью ситецъ, нюхаю ситецъ, курю ситецъ, ѣзжу на ситцѣ и дышу ситцемъ. Да и въ этомъ воздухѣ, навѣрное, растворенъ ситецъ, потому-что и вездухъ ужасно-дорогъ. И чѣмъ, скажите, провинился я передъ отечественною фабричностью нашею, что она такъ неумолимо преслѣдуетъ меня своими драгоцѣнными издѣліями? Тѣмъ развѣ, что, однажды въ Парижѣ, въ сказанномъ великолѣпномъ магазинѣ, смотрю, развѣшены за зеркальнымъ окномъ два чудесныя платья шерстяной кисеи и написаны цѣны: 12 francs — 10 francs — 15 mètres — 16½ mètres. Всего сорокъ-два аршина, на пять рублей съ полтиною, по тринадцати копеекъ за аршинъ. Вхожу, покупаю, даю мой адресъ и прошу отправить въ Петербургъ на мое имя. По возвращеніи на цвѣтистые берега Невы, приносятъ мнѣ разсчетъ изъ таможни и приглашеніе получить посылку. Двадцать-одинъ рубль серебромъ пошлины! кромѣ издержекъ. Но за-то вѣжливость—образцовая, обязательность—нипочемъ: далеко не то, что въ иностранныхъ таможенныхъ приказахъ, особенно французскихъ, гдѣ съ посѣтителями обходятся, какъ съ контрабандистами. Заплатилъ, поблагодарилъ, очень-учтиво сказали: не за что!... и ѣду съ моими кисеями, стоющими мнѣ уже 67 копеекъ за аршинъ, прямо въ «Русскія Издѣлія». Глядь! — вообразите! — тѣ же самые узоры: скопированы скоро и отлично; краски немножко-грязны,

да и ткань немножко-груба; да и ширина капельку неполна: цѣлымъ вершкомъ у́же. — Ка́къ цѣна? — Цѣна-съ обыкновенная: 65 копеекъ. — Рѣшительно? — Да-съ! дешевле нельзя. — Кажется, я сдѣлалъ гримасу. Вотъ вся моя вина. Кромѣ этого раза, ни прежде, ни послѣ, не имѣлъ я никакого прикосновенія ни къ ситцамъ, ни къ кисеямъ.

Но, видя, что ситецъ и шерстяная кисея рѣшительно хотятъ задушить меня и что нѣтъ отъ нихъ другаго спасенія, какъ стать самому дѣлать ситецъ и кисею да и душить ими своихъ ближнихъ, однажды завелъ я ситцево-кисейную фабрику почти насупротивъ фабрики почтеннаго Аггея Пантелеймоныча. Но фабрика моя не пошла. Работала-то она и сбывала издѣліе не хуже другихъ фабрикъ; да что́ проку, когда ни у меня, ни даже у Аггея Пантелеймоныча вкладной капиталъ почти не ворочался: ворочался такъ тихо, что едва-едва можно было вести концы съ концами въ исходѣ года. О добротѣ издѣлія и о дешевизнѣ и думать было нечего. Мы съ нимъ находили, что тогдашній тарифъ, налагавшій 50 копеекъ серебромъ пошлины на аршинъ иностранной бумажной ткани, стоющей не болѣе 8, или 9 копеекъ, еще не довольно-сильно насъ покровительствуетъ. Но Аггей Пантелеймонычъ, надо сказать правду, истинно-геніальный русскій промышленикъ: онъ нашелъ вѣрнѣйшее средство отъигрываться отъ ситцево-кисейныхъ мытарствъ: въ томъ же домѣ, подъ

фабрикою, завелъ на свой счетъ харчевню, и работники его, обоего пола, тутъ же пропивали и проѣдали, ему же, всю задѣльную плату свою, такъ-что работа обходилась ему ни во что. Всѣ они были, такимъ-образомъ, въ долгу у него постоянно—наѣдали и напивали рублей по тридцати, по сорока, впередъ—и этимъ мудрымъ средствомъ Аггей Пантелеймонычъ держалъ ихъ въ своей кабалѣ безвыходно. Но у меня хотя къ ситцу, нечего сказать, и есть, да за-то нѣтъ никакого природнаго дарованія къ харчевенному «производству». Я долженъ былъ продать мою фабрику. Купилъ онъ же, Аггей Пантелеймонычъ, — не для ситца, говоритъ, не для кисеи, а единственно, говоритъ, для вашихъ для работниковъ: пьютъ, говоритъ, особенно — жаль выпустить изъ рукъ. И особенно деревенскіе работники были ему очень полезны въ этомъ отношеніи: удивительно-честный народъ — исправно приходитъ «отрабатывать» и ариѳметики вовсе не знаетъ.

Такъ-то нужно бѣдному фабриканту нашему перебиваться, по-милости и неповоротливости нашихъ фабричныхъ капиталовъ и множества разныхъ убытковъ отъ несвойственныхъ землѣ и нравамъ затѣй! Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ было у насъ въ ходу дивное политико-экономическое ученіе. Земледѣльцы кричали, что цѣны на сельскія произведенія ужасно-низки у насъ въ-сравненіи съ цѣнами на прочіе товары, что земледѣліе не вознаграждаетъ

за трудъ. Эту пѣсню земледѣльцы поютъ вездѣ и повсюду еще со времени Августа Цезаря. — «А!!» говорили экономисты, «хлѣбъ дешевъ у насъ оттого, что некому хлѣба ѣсть. Надо создать классъ хлѣбоядный: отвлечь часть земледѣльческаго народонаселенія отъ пашни къ фабрикамъ (отличное средство! отвлечь добрыхъ людей отъ вѣрнаго хлѣба, здороваго и спокойнаго быта, къ хлѣбу самому невѣрному, къ быту самому изнурительному и бурному!); надо поощрить развитіе фабрикъ помощью покровительственнаго тарифа и образовать для нихъ многочисленный народъ фабричный: тѣ будутъ сѣять, а эти будутъ ѣсть, и все пойдетъ прекрасно. Экономисты показывали въ примѣръ Англію и отчасти уже Францію. Владѣльцы земель рукоплескали ихъ чудесной выдумкѣ. Странно! ни тѣ, ни другіе не подумали въ то время, что это значило превращать дороговизну на основную систему, въ нормальное состояніе дѣлъ всего общества и государства: ежели цѣны на сельскія произведенія возвысятся вдвое, рядомъ съ ними цѣны на всѣ издѣлія возвысятся втрое и вчетверо, и земледѣлецъ увидитъ себя въ положеніи еще болѣе непріятномъ и невыгодномъ. Но не у насъ однихъ господствовали такія ученія. Очень-простительно ошибиться въ хорошей компаніи. Вся Европа была настроена на этотъ ладъ. Во Франціи и Германіи, частью изъ зависти къ промышленому блеску Англіи, частью въ надеждѣ оказать пособіе земледѣлію,

всѣми-возможными и невозможными мѣрами покровительства и поощренія отвлекали цѣлыя массы людей отъ хлѣбопашества къ фабричному труду. Никто тогда не разсчитывалъ благовременно, какія могутъ и неизбѣжно должны быть послѣдствія для порядка и спокойствія обществъ отъ этого искусственнаго, почти насильственнаго созданія огромнаго сословія рабочихъ, бездомныхъ, безпріютныхъ, всегда готовыхъ передвигаться толпами съ одного конца страны въ другой, ни къ чему нравственно не привязанныхъ и которыхъ дневное пропитаніе, насущный хлѣбъ зависитъ отъ безчисленныхъ случайностей торговли, отъ своенравія модъ, отъ ложныхъ разсчетовъ неопытныхъ, или заносчивыхъ героевъ фабричности, даже отъ проказъ наглаго шарлатанства. Лѣтъ двадцать нужно было, пока достаточно развились и созрѣли страшные плоды покровительственныхъ теорій, и тогда-то вдругъ, неожиданно, что́ увидала Западная Европа? непостижимыя здравымъ смысломъ волненія! уже не политическія, какъ нѣкогда, а общественныя... Если въ общемъ пожарѣ уцѣлѣла одна Англія, это чудо явилъ ей геній Пиля, который, предчувствуя бурю, смѣло, безстрашно, въ два удара разрушилъ старинное зданіе протекціонной дороговизны предметовъ продовольствія и воротилъ Англію къ дешевизнѣ. Во Франціи, уже до первой революціи и во время ея, искусственно сочиняемое фабричное сословіе рѣзко отличилось своей сви-

рѣпою бурностью; но тогда было оно еще слабо и не устроено. Потомъ желѣзная рука Наполеона Перваго налегла на всѣ сословія: правда, онъ былъ ужасный протекціонистъ, скорѣе изъ слѣпой ненависти къ Англіи, чѣмъ по убѣжденію въ дѣйствительной пользѣ системы, но, между-тѣмъ, какъ одной рукою поощрялъ онъ учрежденіе фабрикъ посредствомъ мѣръ запретительныхъ и покровительственныхъ, другою забиралъ, при помощи конскрипціи, всѣхъ рабочихъ мужчинъ въ свои несмѣтныя арміи. Кто не знаетъ положенія Франціи въ этомъ отношеніи въ день паденія великаго завоевателя? Да и вся Западная Европа находилась ли тогда въ лучшемъ положеніи? Въ самой даже Англіи безконечная война значительно ослабила-было классъ фабрично-рабочихъ. Настоящее развитіе благъ и плодовъ протекціонизма совершилось уже послѣ заключенія всеобщаго міра, съ 1818 по 1848 и 49 включительно. Напрасно сказалъ я, однако: кто этого не знаетъ? Ничего этого, кажется, не знаютъ пылкіе возражатели господина Вернадскаго, великаго защитника свободной торговли. Исторія для нихъ какъ-будто не существуетъ. Они не могутъ понять того, какимъ образомъ послѣднія общественныя мученія Западной Европы произошли отъ ея покровительственныхъ тарифовъ. Просто, обижаютъ господина Вернадскаго. Онъ сказалъ имъ, однако, вещь вовсе не новую. А впрочемъ зачѣмъ и понимать имъ ее? Другіе за нихъ

давно и отлично поняли. Вотъ нынѣшнее французское правительство, которое знаетъ толкъ въ дѣлѣ, потому-что само возникло изъ этихъ мученій, хочетъ уничтожить у себя покровительственную систему, «во что́ бы то ни стало». Недаромъ же оно приняло это намѣреніе, несмотря на страшный вопль всѣхъ тѣхъ, чьи личныя дѣла теперь на ней основаны...

Вотъ и лавочки не успѣли мы открыть! Но вѣдь мы съ вами бесѣдуемъ не въ послѣдній разъ. Лавочка еще впереди.

VIII.

26 августа 1856 года.

Что̀ мы здѣсь дѣлаемъ? Зачѣмъ мы здѣсь? Зачѣмъ мы не въ Москвѣ? Бросимте все и, сколько насъ ни есть, поѣдемте всѣ въ Москву. Въ Москвѣ, въ эту минуту, скопилась и сосредоточилась, какъ жизнь въ сердцѣ, вся наша огромная Россія, весь этотъ великій и славный народъ русскій, великій геройскою преданностью своею царямъ, особенно великій въ это мгновеніе и ни съ кѣмъ несравненный восторженною любовью къ молодому Царю-Надеждѣ, котораго обоготворилъ онъ съ первыхъ дней царствованія, когда вмѣстѣ съ нимъ страдалъ сердцемъ въ дни тяжкаго испытанія и къ которому относитъ теперь всю свою благодарность, всѣ свои радости отъ настоящаго, всѣ свои надежды на будущее. Какое возвышенное зрѣлище—такая любовь и такія чувства подданныхъ, только-что вновь и торжественно испытанныхъ въ твердой вѣрности и вѣковой неизмѣнной преданности! Иностранцы со всѣхъ концовъ вселенной съѣхались въ Москву, чтобы быть с дѣтелями этого чуднаго зрѣлища; а мы остае

здѣсь! мы въ немъ не участвуемъ! мы не несемъ нашего усерднаго, горячаго «ура» къ общему «ура» всего народа, въ день, равно святой и для царя и для всѣхъ насъ! Прощайте, друзья мои: не могу усидѣть — ѣду въ Москву. Прощайте, не забывайте. Я сейчасъ буду назадъ. Только покричу отъ всей души, отъ всего сердца доброму царю «ура!» и ворочусь. Читайте, что́ написано, если можете что-нибудь читать въ такой день, читайте, не взыщите... Я уже въ вагонѣ и съ вагона кричу вамъ:

«Прощайте, любезные читатели и братья! прощайте! пожалуйста, не забывайте!...»

—

Слыхали ль вы о моемъ горѣ?

Критикамъ извѣстнаго разряда больно не нравится, что я будто бы смѣюсь... все смѣюсь!... вѣчно смѣюсь!!... Видите ль, грѣхъ какой ужасный! смѣяться грѣхъ!... веселость грѣхъ!... грѣхъ веселость на бумагѣ, самая тихая и безвредная изъ веселостей! Да какже мнѣ не смѣяться, когда мнѣ ужасть-какъ скучно? какъ не быть веселымъ, когда иной разъ, клянусь, ротъ до крови разрывается отъ зѣвоты, наводимой «современными вопросами»?

Плакать, просто, хочется, когда читаешь эти сужденія и разсужденія — какъ, бишь, зовутъ ихъ? — политико-фабрично-промышлено-торгово-экономичныя, въ которыхъ бездна благона-

мѣренности тонетъ въ безднѣ мечты и обѣ пропадаютъ въ безднѣ совершеннаго незнанія практической и положительной стороны предметовъ, въ высшей степени положительныхъ и практическихъ! Тутъ-то, или никогда, и время искать разсѣянія въ веселости, спасенія въ смѣхѣ. Конечно, эти господа могутъ сказать, съ полною основательностью, что они не пишутъ для меня, что смѣхъ по поводу ихъ сужденій и разсужденій не мое дѣло, что я не курица. Правда. Справедливость требуетъ, курамъ отдать куриное. Но Платонъ нѣкогда доказывалъ, что я тоже своего рода птица — двуногое безъ перьевъ — и, притомъ, тетушка моя очень любить жареныхъ цыплятъ съ яичнею. Это, знаете, даетъ мнѣ нѣкоторыя права... смѣяться, вмѣстѣ съ курами.

Какъ не смѣяться, какъ не плакать, какъ не превратиться въ курицу, когда тѣ же самые, которые магистрально даютъ намъ совѣты, важно насъ учатъ, усердно уговариваютъ, гордо велятъ вѣрить своей мудрости, не позволяя никому быть другаго мнѣнія, когда тѣ самые тутъ же говорятъ вамъ вещи, ясно показывающія, что не только сущность, но даже и первыя основанія предмета имъ совершенно чужды? Я знаю одного преумнаго человѣка, великаго человѣка, который въ подобныхъ случаяхъ пѣвалъ пѣтухомъ. Одинъ, покровительствуя фабричность, приказывая и обѣщая въ скоро времени имѣть все свое, кромѣ перца, брани

русскихъ розничныхъ торговцевъ, что они не довольствуются *пятью*, или, пожалуй, *десятью* процентами барыша и, по жадности къ *быстрому разбогащенію*, по страсти къ *роскоши*, берутъ съ покупателей процентовъ по *пятнадцати* и даже по *двадцати*. А, между-тѣмъ, нѣтъ физической возможности зажечь свѣчу въ лавкѣ и пообѣдать простыми щами да кашей безъ тридцати, или, по-крайней-мѣрѣ, двадцати-пяти процентовъ барыша въ розничной продажѣ товаровъ. Другой упрекаетъ русское же купечество за возращеніе цѣны на товаръ, какъ-скоро этотъ товаръ становится рѣдокъ: «Какъ!» кричитъ, «ты купилъ по дешевой цѣнѣ и самъ продавалъ сходно, а теперь запрашиваешь въ трое дороже потому только, что замѣтилъ, или предвидишь недостатокъ въ твоемъ товарѣ? «А, между-тѣмъ, возвышеніе цѣны въ такихъ случаяхъ — неуклонный долгъ купца: не сдѣлавъ этого, онъ долженъ запереть лавку, онъ не сдержитъ своихъ обязательствъ, онъ банкротъ. Третьи вопіютъ противъ всеобщей дороговизны и тутъ же прославляютъ блага отъ фабричности, работающей подъ покровительствомъ высокихъ тарифовъ, которые и производятъ дороговизну! Забрали себѣ въ голову, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда и мы и вся твердая земля были еще неопытны въ дѣлѣ фабричности, и повторяютъ донынѣ, несмотря на ясныя доказательства противнаго, что хлѣбъ у насъ дешевъ, работникъ у насъ дешевъ, мы съумѣемъ все сдѣ-

лать: такъ зачѣмъ же намъ не дѣлать всего, кромѣ перца?

Если вамъ нелюбо смѣяться, такъ будемъ говорить серьёзно, чтобы скорѣе покончить и забыть эти политико-экономическія исторіи. Серьёзно имѣю честь доложить вамъ, что и хлѣбъ у насъ очень-недешевъ, и работникъ у насъ очень-дорогъ, не считая рѣшительной неспособности его къ фабричному труду, и всякая работа, даже и бабья, доходитъ до свирѣпой цѣны, и, наконецъ, работниковъ, такихъ, каковы нужны для фабрикъ, у насъ нѣтъ... гдѣ же они? я ихъ не вижу!... Допускаете ли вы національныя различія въ качествѣ и количествѣ труда, или нѣтъ? Если не допускаете, или до сихъ-поръ не подумали о нихъ, такъ не опасные же вы физіологи и не жестокіе же вы экономисты. Однако, вы читаете французскіе журналы и книги и можете вспомнить то недавнее время, когда строилась первая большая желѣзная дорога во Франціи, такъ-называемая Сѣверная Дорога. Строила эту дорогу компанія англійскихъ капиталистовъ, подъ руководствомъ своихъ собственныхъ инженеровъ. И донынѣ это единственная изъ всѣхъ французскихъ дорогъ, превосходно построенная: прочія, исполненныя французскими компаніями, жиденьки и убоги, хвастаются своей дешевизною, но прочностью и красотою не могутъ похвалиться. Французскій работникъ бодръ, понятливъ, ловокъ и, по нашимъ цѣнамъ на работу, очень-недорогъ. Од-

нако, англійскіе инженеры, начавъ работы по Сѣверной Дорогѣ французскими работниками и французскими инструментами, вскорѣ примѣтили, что гораздо-дешевле и выгоднѣе было бы выписать изъ Англіи для земляныхъ, плотничьихъ, столярныхъ и кузнечныхъ подѣлокъ не только работниковъ, но и инструменты, несмотря на ужасный тарифъ. Это и было сдѣлано. Страшный крикъ поднялся во Франціи противъ того, что́ называли жадностью и эгоизмомъ англійской компаніи. Наконецъ, мѣсяца два спустя, опытные и дѣльные инженеры французскіе благородно отдали полную справедливость принятой компаніею мѣрѣ, показавъ, между-прочимъ, въ Journal des Débats и въ Constitutionnel, большую разницу для промышленаго разсчета въ употребленіи этихъ выписныхъ работниковъ, при всѣхъ расходахъ выписки: признались откровенно, что, по сравненіи на мѣстѣ и на опытѣ, французскій работникъ оказывается относительно слабъ, дурно употребляетъ свои плохіе инструменты, хорошими владѣть не умѣетъ, копается, а не работаетъ, и по роду національной пищи своей далеко не можетъ справиться въ количествѣ и качествѣ работы съ англійскимъ работникомъ, который ѣстъ бѣлый хлѣбъ, говядину и пудингъ и пьетъ эль, кофе и чай какъ циклопъ, но за-то работу производитъ какъ Геркулесъ. Замѣтьте, что эту важную разницу открыли въ работахъ и работникахъ, можно сказать, черныхъ: какая же должна

быть фабричность? Послѣ англійскаго работника отличнѣйшій работникъ въ мірѣ, говорятъ, китаецъ, если хорошо кормить его. Есть, слѣдовательно, коренныя способности и неспособности къ хорошему труду въ породахъ человѣческихъ, зависящія, главнѣйше, отъ различныхъ системъ національнаго питанія, отъ климата, отъ привычекъ, получаемыхъ съ дѣтства. Осторожность, напримѣръ, съ инструментами, съ матеріалами, съ издѣліемъ — какое драгоцѣнное качество у работника въ фабричномъ дѣлѣ, гдѣ расходы, выгоды и убытки разсчитываются не на рубли, а на копейки, на гроши, на четверти и восьмушки копеекъ, гдѣ десятая доля копейки, растраченная, или не сбереженная на аршинѣ, или пачкѣ, тотчасъ производитъ въ цѣломъ убытокъ въ пять, или десять тысячъ рублей! Русскій простолюдинъ геройски переноситъ стужу, ненастье, паръ, сырость, угаръ, всѣ неудобства суровыхъ климатовъ; онъ кротокъ и послушенъ, онъ доволенъ грубою и необильною пищею, даже удивительно-понятливъ, когда съ дѣтства привыкъ къ механическимъ занятіямъ, которыя требуютъ разсчета и соображенія: и вотъ уже многимъ кажется, что русскій простолюдинъ — чудо работникъ! А совсѣмъ нѣтъ. Онъ небреженъ въ работѣ, неостороженъ, неакуратенъ; чистота, опрятность и порядокъ въ трудѣ не его добродѣтель; онъ или копается до нестерпѣнія, что́ равно лѣни, или спѣшитъ и дѣлаетъ какъ-нибудь, что́ еще хуже лѣни, тѣмъ

хуже, что тутъ же не полѣнится онъ истратить вдвое болѣе времени на то, чтобы не вдругъ примѣтили дурное качество его работы. Все это проистекаетъ прямо изъ коренныхъ условій его воспитанія, положенія, быта, основнаго направленія, которыхъ измѣнить невозможно. Встащить десять пудовъ тяжести подъ дождемъ, подъ вѣтромъ, стужею онъ — герой, но работать *вплоть*, постоянно, съ ровнымъ прилежаніемъ и съ ровною внимательностью, особенно, работать въ комнатахъ и сидя онъ совсѣмъ не мастеръ: для того онъ слишкомъ-слабъ, какъ всѣ люди, употребляющіе пищу почти исключительно растительную и пристрастные къ ржаному хлѣбу. Половина рабочаго года мяса онъ не употребляетъ, питается грибами да капустнымъ листомъ, а въ другую половину мясо, въ нѣкоторомъ обиліи, по непривычкѣ къ нему съ дѣтскихъ лѣтъ, и въ комнатномъ воздухѣ, обыкновенно разстраиваетъ желудки, воспитанные въ чистомъ полѣ и на усиленномъ движеніи. Врачи замѣчаютъ постоянно особенное расположеніе къ тифознымъ страданіямъ въ нашихъ простолюдинахъ, переселяемыхъ съ полей, съ большихъ дорогъ, съ огородовъ, съ улицъ въ комнаты къ занятіямъ сидячимъ и постояннымъ.

Насчетъ бѣлаго хлѣба каждый русскій мастеровой знаетъ по опыту, что когда нужно, какъ они говорятъ, «поработать *плотно*», то надо сдѣлаться на это время нѣмцемъ — ѣсть бѣлый хлѣбъ и пить пиво да кофе. Очень-многіе

мастера наши, которые требуютъ хорошей и скорой работы, содержатъ работниковъ своихъ, и нѣмецкихъ и русскихъ, «по-нѣмецки», на бѣломъ хлѣбѣ, говядинѣ и кофе. Разумѣется, не теорія, а опытъ принуждаетъ ихъ къ этому: для теорій они слишкомъ разсчетливы и скупы. Сначала предпочитаютъ они русскихъ работниковъ именно съ тѣмъ соображеніемъ, что эти невзыскательны на пищу и содержаніе ихъ обходится дешевле, но впослѣдствіи, замѣтивъ ошибку, рѣшаются или давать имъ столъ другаго рода, или брать финновъ и нѣмцевъ.

Кто только бывалъ въ дѣлѣ съ русскими мастеровыми, кто только имѣлъ случай употреблять ихъ для работъ подъ своимъ руководствомъ, тому не нужно толковать этихъ ремесленныхъ тайнъ. Да извольте заглянуть въ мелочныя лавочки: всѣ онѣ наполнены по утрамъ колоссальными булыгами бѣлаго хлѣба по четыре и пяти (нынче по пяти и шести) копеекъ за фунтъ. Кто же потребляетъ его? Господа кушаютъ булки. Слуги, которыхъ работа сравнительно очень-легка — *легкомысленна*, какъ изъясняется мой плотникъ, человѣкъ съ топоромъ и со слогомъ — предпочитаютъ кислый ржаной хлѣбъ. А тотъ хлѣбъ разбираютъ мастеровые, которымъ приходится «поработать плотно» — скоро, чисто и *безъ фальши* — на нѣмцевъ. Для Гостинаго Двора они же работаютъ на черномъ хлѣбѣ.

Вы видите, что хлѣбъ у насъ не дешевъ, кофе, пиво—и подавно, и что работникъ «ра-

ботящій», скоро и безъ фальши, долженъ быть очень-дорогъ въ такихъ обстоятельствахъ, особенно, когда еще и его рабочій халатъ, и его праздничный кафтанъ, и его жилетъ, и его платокъ, и его шляпа, и даже всѣ гвоздочки въ его сапогахъ состоятъ подъ сѣнью искусственной протекціонной дороговизны на всѣ издѣлія. Четыре и пять копеекъ за фунтъ! Это значитъ 50 и 60 сантимовъ за килограмъ! Въ Парижѣ такихъ цѣнъ не бываетъ даже и въ неурожайные годы.

Мнѣ какая нужда, что хлѣбъ у насъ дешевъ гдѣ-нибудь, тамъ, гдѣ онъ не нуженъ, когда онъ дорогъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо его ѣсть хорошо, чтобы хорошо работать? Фабричныхъ издѣлій, добротныхъ и дешевыхъ, невозможно производить въ-глуши, далеко отъ центровъ дѣятельности, требованій, оборотовъ и торговыхъ соображеній: каждая неизвѣстность можетъ сдѣлаться источникомъ убыточныхъ ошибокъ, каждая отлучка за покупками матеріаловъ, инструментовъ, машинъ, за дѣлами сбыта и поставокъ, разстройствомъ для заведенія, всякая малѣйшая починка—остановкою; а тутъ минуты и секунды оцѣнены на рубли и копейки, и на нихъ-то, на времени, основанъ разсчетъ выгодъ и невыгодъ. Для цѣнъ высокихъ, защищенныхъ отъ соперничества, можно, пожалуй, заводить фабрики и въ степяхъ, да и самому никогда не видать ихъ, положась во

всемъ на прикащиковъ; но обществу, но государству есть отъ нихъ выгода?

Какая мнѣ нужда что дешевъ работникъ, ничего не умѣющій сработать, или что работникъ дешевъ тамъ, гдѣ нечего дѣлать, когда онъ безпощадно-дорогъ именно въ дѣльное и полезное фабричное предпріятіе? Да ужь какъ дорогъ! Петербургъ наполненъ портными: многіе изъ нихъ почти безъ хлѣба, а, между-тѣмъ—какъ вы думаете? — сколько стоитъ мастеру одно простое шитье сюртука, при всемъ его матеріалѣ? Страшно сказать: шесть, семь и восемь цѣлковыхъ! Въ «горячее время», передъ праздниками, задѣльная плата возвышается до девяти рублей, и мастера находятъ, что выгоднѣе дать работнику эту цѣну поштучно на домъ, чѣмъ содержать его у себя, въ мастерской.

Тѣ, которые научаютъ насъ заводить фабрики, велятъ имѣть «все свое» (кромѣ перца) и въ то же время вопіютъ противъ дороговизны, приказывая промышленику довольствоваться пятью, или десятью процентами, какъ за границею, забываютъ, кажется, одно очень-простое обстоятельство хронологическое, а именно: у англійскаго, у нѣмецкаго работника дней рабочихъ въ году 305, а у русскаго только 265 съ прогульными. Вотъ уже около 15 процентовъ разницы въ одной цѣнѣ производства.

Семь цѣлковыхъ за одну работу сюртука! Пуговицы, нитки, крашенина и прочія мелочи цѣлковыхъ два. Итого: девять рублей. Ма-

стеру нужно заработать, по-крайней-мѣрѣ, пятьдесятъ процентовъ на этой издержкѣ, чтобы заплатить за квартиру, купить дровъ и свѣчъ, одѣться прилично да хоть какъ-нибудь пообѣдать. Итого: четырнадцать съ полтиною за одну работу, кромѣ сукна и покладки. Это значитъ шестнадцать талеровъ. А въ Берлинѣ весь сюртукъ такой, очень-хорошаго сукна и на шелковой покладкѣ, стóитъ двѣнадцать, тринадцать талеровъ. Сшить мужскую рубашку — три цѣлковыхъ: въ Берлинѣ вся рубашка вестфальскаго, то-есть такъ-называемаго «голландскаго» полотна, стóитъ три талера. Да чего же лучше, когда простой плотникъ, скиѳъ, уничтожающій вамъ своимъ топоромъ начисто половину бревна, работающій безъ всякихъ инструментовъ, слѣдственно, грубо и медленно, когда и этотъ считаетъ долгомъ своего званія не брать менѣе восьми и десяти гривенъ на человѣка въ день въ рабочее время! Обыкновенно плотничій день въ Петербургѣ — рубль серебра. У всѣхъ ремесленныхъ мастеровъ принято основнымъ правиломъ разсчета, что если работникъ не приноситъ ему полтора рубля выгоды въ день, то нельзя продолжать ремесла, нужно закрыть мастерскую, потому-что работникъ самому стóитъ гривенъ восемь въ сутки, кромѣ того, что перепортитъ да перелѣнится; а изъ остальнаго едва можно заплатить за квартиру да развести огонь въ печахъ и подъ плитою.

Портные наши, мастера, шьютъ платья на

васъ съ большимъ удовольствіемъ, но сами носятъ выписанныя изъ-за границы готовыя платья, которыя, заплативъ пятьдесять процентовъ пошлины, все еще обходятся гораздо-дешевле платьевъ, сшитыхъ здѣсь изъ того же сукна. Когда были въ модѣ браслеты изъ лентъ, въ Перинномъ Ряду случилось мнѣ замѣтить двѣ пары очень-красивыхъ браслетокъ, одного и того же фасона, одной и той же ленты, одна шитая премило и съ таможеннымъ клеймомъ, другая довольно-грубо и безъ клейма. Спрашиваю: сколько стóятъ? Пара почище—цѣлковый; пара похуже—полтора рубля... Какъ такъ! лента одна! пружины одинаковы! «Точно такъ», отвѣчаетъ торговецъ, «эта пара парижскаго шитья: вотъ, изволите видѣть, клеймо; а та шита здѣсь.»

Это факты ремесленные.

А вотъ факты фабричные. Для изготовленія игорныхъ картъ Александровская Мануфактура употребляетъ французскую ангулемскую бумагу, которая славится особенною способностью къ этому роду издѣлій. Сдѣлано было одною изъ лучшихъ фабрикъ нашихъ предложеніе производить свою, русскую ангулемскую бумагу. Мануфактура соглашалась брать постоянно все годичное производство фабрики, если бумага будетъ точно такого же достоинства и не дороже настоящей ангулемской. Какъ не сдѣлать? Дѣло сподручное и вѣрное, сбытъ отличный, капиталъ можетъ оборотиться разъ десять, двѣнад-

цать въ годъ, и барышъ въ каждый оборотъ процентовъ шестьдесятъ. Притомъ, на заведеніе, на устройство не нужно никакихъ издержекъ. Фабрика давно работаетъ. Снаряды, инструменты, мастерскія, сушильни превосходны. Работники свои, приписные къ фабрикѣ крестьяне и для которыхъ бумажное дѣло давно уже не новость. Опытъ, слишкомъ-коротко мнѣ знакомый, сдѣланъ былъ при моихъ глазахъ.

Выписанъ изъ ангулемскихъ заводовъ, работающихъ на Мануфактуру, мастеръ-французъ, отлично знающій производство; выписаны всѣ приборы, инструменты, войлоки французскіе. Ангулемскій мастеръ, когда увидалъ наши бумаги, писчія и печатальныя, схватился обѣими руками за бороду отъ удивленія, что такія плохія издѣлія продаются у насъ по такимъ баснословнымъ цѣнамъ. «Тутъ-то, у васъ-то, и работать бумагу», говорилъ онъ, «тутъ-то и мильйоны наживать на бумагѣ!» Приступили къ опыту. Нейдетъ! Мастеръ-французъ въ отчаяніи, кричитъ: «Ваши работники не производятъ, а портятъ издѣліе!...» Ну, не сердись, французъ! для нашихъ бумагъ они очень-хороши, а къ вашей, ангулемской, высокой и особенной бумагѣ имъ нужна только снаровка: привыкнутъ, выучатся... Ну, такъ будемъ продолжать.

Учились, привыкали, снаровились: проку нѣтъ! порчи много, работы мало; но наконецъ-таки сдѣлали ангулемскій первый сортъ. Нечего сказать,

бумага хороша, *почти* такъ же хороша, какъ самая лучшая ангулемская.

— Сколько можете поставить въ годъ такой бумаги?

— Позвольте сообразиться и сдѣлать разсчетъ.

При точномъ разсчетѣ, оказалось, что съ убыткомъ восьмидесяти-пяти процентовъ можно сколько угодно поставлять точно такой бумаги по цѣнѣ, въ которую Мануфактурѣ обходится выписная ангулемская. Второй сортъ гораздо-выгоднѣе: двадцать-пять процентовъ убытка, не болѣе. Третій сортъ, самый низкій, къ которому работники наши оказали особенное дарованіе, обходился почти безъ убытка. Мастеръ, однакожь, усматривалъ еще одно, совершенно-простое и вѣрное, средство къ успѣху: стоило только выписать французскихъ работниковъ на всю фабрику. А своихъ-то куда дѣвать? Нѣтъ, не нужно. Кчему намъ эти заморскія затѣи — дѣлать хорошо и продавать дешево, когда мы имѣемъ прекрасный случай дѣлать плохо и продавать дорого? Прощайте! Мастеръ-французъ уѣхалъ восвояси.

Лѣтъ пять тому назадъ, или года четыре, не припомню, случилось мнѣ плыть на пароходѣ съ однимъ изъ лучшихъ у насъ строителей паровыхъ машинъ и пароходовъ, и я сказалъ ему, что, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, отправлюсь въ Ревель. — Когда? — Очень-скоро: думаю, черезъ недѣлю.— Ахъ! не можете ли обождать двѣ недѣли? Изъ Англіи пріидутъ два

наши парохода для ревельскихъ курсовъ: они уже совсѣмъ готовы. — Изъ Англіи? ваши новые пароходы? Какже это? Вѣдь у васъ свой собственный огромнѣйшій заводъ!... Вы дѣлаете отличные пароходы для другихъ... Вотъ недавно читалъ я въ газетахъ, что для одной компаніи пароходства вы взялись... — «Да! это правда!» сказалъ строитель, «для другихъ мы работаемъ, но для себя никакъ не можемъ: слишкомъ-дорого обходится!»

Сообщаю этотъ фактъ на пользу и въ назиданіе тѣхъ, которые хотятъ дѣлать русскіе рельсы, разсчитывая, что только первое обзаведеніе будетъ дорого стоить и только на первый разъ нѣтъ возможности работать дешевле полутора рубля съ пуда, а тамъ рельсы потекутъ у нихъ сами собою, по шестидесяти-пяти копеечекъ, какъ и англійскія. Не стали бы только и они находить современемъ, что выгоднѣе заказывать рельсы въ Англіи для своихъ рельсовыхъ фабрикъ, чѣмъ дѣлать ихъ самимъ? При всѣмъ томъ, я глубоко уважаю невинность въ фабричномъ дѣлѣ тѣхъ, которые чистосердечно радуются предпріятію.

Первое правило фабричной мудрости — не дѣлать самому того, что̀ можно дешевле купить у другихъ готовое, а дѣлать всегда то, что̀ можно сдѣлать лучше и дешевле всѣхъ: тогда только фабричность истинно полезна и производителю и обществу. Во всякомъ другомъ случаѣ она разореніе или для фабрикантовъ, или для общества.

Я сказалъ, что фабричныхъ работниковъ у васъ вовсе нѣтъ, что такого класса у насъ вовсе не существуетъ, что, слѣдовательно, и некому приносить пользу фабриками, работающими плохо и дорого,—развѣ одному фабриканту лично. Покажите мнѣ, пожалуйста, русскихъ фабричныхъ.

У насъ рабочихъ два сословія, или, точнѣе, полтора, даже одно съ четвертью: крестьяне и небольшая часть мѣщанъ, класса очень, очень-немногочисленнаго. Мѣщанинъ фабричнаго труда вовсе не жалуетъ: если бѣдность не позволяетъ ему попасть въ купцы, открыть лавочку — великій предметъ его амбиціи—то онъ старается, по-крайней-мѣрѣ, служить при торговлѣ, сидѣльцемъ, прикащикомъ, артельщикомъ, сторожемъ, или опредѣляется въ ремесленники, мастеровые, мастера, и надо замѣтить, что въ мастеровыхъ, особенно въ хорошихъ мастеровыхъ, у насъ большой недостатокъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ идетъ въ домашнее услуженіе. Къ фафабричному труду прибѣгаетъ онъ уже въ самой крайности и бросаетъ его тотчасъ, какъ представится случай къ перемѣнѣ занятія. Хуже невозможно вообразить фабричнаго. Онъ лѣнивъ, непослушенъ, гуляка и бо́льшею частью плутъ ужасный. Я уже не говорю, что работы онъ вовсе не знаетъ. Въ фабричномъ и ремесленномъ дѣлѣ, точно такъ же, какъ въ грамотѣ, кто уже взрослымъ принимается за дѣло, кто съ юныхъ лѣтъ не набилъ руки и не навострилъ

глаза, тотъ никогда не будетъ ни читать, ни работать скоро и прекрасно.

Остаются крестьяне и дворовые люди. Но — Боже мой! — вѣдь вы знаете, что они родятся не на фабрикахъ и не для фабрикъ, что воспитаніе и нравы какъ тѣхъ, такъ и другихъ совершенно противоположны фабричнымъ! Да и какъ получить этихъ работниковъ? Нанимать ли тѣхъ, которые ходятъ по плакатамъ, или владѣльческимъ билетамъ? Хорошо: вы набрали ватагу плакатныхъ и билетныхъ, усадили ихъ за работу, которой, разумѣется, они вовсе не знаютъ. Годъ, два года они привыкаютъ, учатся, работаютъ неловко и тихо, портятъ вашъ матеріалъ и издѣлія невообразимо; наконецъ, когда вы изъ двадцати такихъ работниковъ образовали пятерыхъ, или шестерыхъ довольно-хорошихъ, одному изъ этихъ будущихъ опоръ вашего великаго предпріятія не выслали паспорта изъ деревни, другаго владѣлецъ требуетъ къ себѣ въ кучера, или лакеи, третьему пришла очередь, четвертому надоѣла фабричность — тоска у него по деревнѣ, хочется пожить съ родными — на пятаго, узнавъ, что онъ вамъ необходимъ, наложили такой оброкъ, что или вы принуждены утроить ему плату, или отпустить его. И вотъ лучшіе сотрудники ваши, *получившіе фабричное образованіе* насчетъ фабрики, фабриканта и издѣлія, одинъ за другимъ всѣ въ разбродѣ: набирайте новыхъ, которые опять будутъ копаться и портить два года, а на третій васъ оста-

Я сказалъ, что фабричныхъ работниковъ у васъ вовсе нѣть, что такого класса у насъ вовсе не существуетъ, что, слѣдовательно, и некому приносить пользу фабриками, работающими плохо и дорого,—развѣ одному фабриканту лично. Покажите мнѣ, пожалуйста, русскихъ фабричныхъ.

У насъ рабочихъ два сословія, или, точнѣе, полтора, даже одно съ четвертью: крестьяне и небольшая часть мѣщанъ, класса очень, очень-немногочисленнаго. Мѣщанинъ фабричнаго труда вовсе не жалуетъ: если бѣдность не позволяетъ ему попасть въ купцы, открыть лавочку — великій предметъ его амбиціи—то онъ старается, по-крайней-мѣрѣ, служить при торговлѣ, сидѣльцемъ, прикащикомъ, артельщикомъ, сторожемъ, или опредѣляется въ ремесленники, мастеровые, мастера, и надо замѣтить, что въ мастеровыхъ, особенно въ хорошихъ мастеровыхъ, у насъ большой недостатокъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ идетъ въ домашнее услуженіе. Къ фафабричному труду прибѣгаетъ онъ уже въ самой крайности и бросаетъ его тотчасъ, какъ представится случай къ перемѣнѣ занятія. Хуже невозможно вообразить фабричнаго. Онъ лѣнивъ, непослушенъ, гуляка и бо́льшею частью плутъ ужасный. Я уже не говорю, что работы онъ вовсе не знаетъ. Въ фабричномъ и ремесленномъ дѣлѣ, точно такъ же, какъ въ грамотѣ, кто уже взрослымъ принимается за дѣло, кто съ юныхъ лѣтъ не набилъ руки и не навострилъ

лаза. [illegible] не будетъ [illegible]
аботать [illegible] и [illegible].

Остаются [illegible] и дворовые люди [illegible]
боже мой — [illegible]
е на фабрикахъ и [illegible] фабрик. [illegible]
ание и [illegible]
ерешенно противоположно [illegible]
акъ [illegible]
ѣкъ [illegible]
ѣльчивыхъ [illegible]
тку [illegible]
забыть. [illegible]
ить. Тоже [illegible]
забывшихъ [illegible]
іалъ и [illegible]
ы [illegible]
ыли [illegible]
ыкъ. [illegible]
него [illegible]
зъ [illegible]
ебѣ [illegible]
ведь [illegible]
[illegible]
— [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Я сказалъ, что фабричныхъ работниковъ у васъ вовсе нѣтъ, что такого класса у насъ вовсе не существуетъ, что, слѣдовательно, и некому приносить пользу фабриками, работающими плохо и дорого,—развѣ одному фабриканту лично. Покажите мнѣ, пожалуйста, русскихъ фабричныхъ.

У насъ рабочихъ два сословія, или, точнѣе, полтора, даже одно съ четвертью: крестьяне и небольшая часть мѣщанъ, класса очень, очень-немногочисленнаго. Мѣщанинъ фабричнаго труда вовсе не жалуетъ: если бѣдность не позволяетъ ему попасть въ купцы, открыть лавочку — великій предметъ его амбиціи—то онъ старается, по-крайней-мѣрѣ, служить при торговлѣ, сидѣльцемъ, прикащикомъ, артельщикомъ, сторожемъ, или опредѣляется въ ремесленники, мастеровые, мастера, и надо замѣтить, что въ мастеровыхъ, особенно въ хорошихъ мастеровыхъ, у насъ большой недостатокъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ идетъ въ домашнее услуженіе. Къ фафабричному труду прибѣгаетъ онъ уже въ самой крайности и бросаетъ его тотчасъ, какъ представится случай къ перемѣнѣ занятія. Хуже невозможно вообразить фабричнаго. Онъ лѣнивъ, непослушенъ, гуляка и бо́льшею частью плутъ ужасный. Я уже не говорю, что работы онъ вовсе не знаетъ. Въ фабричномъ и ремесленномъ дѣлѣ, точно такъ же, какъ въ грамотѣ, кто уже взрослымъ принимается за дѣло, кто съ юныхъ лѣтъ не набилъ руки и не навострилъ

глаза, тотъ никогда не будетъ ни читать, ни работать скоро и прекрасно.

Остаются крестьяне и дворовые люди. Но — Боже мой! — вѣдь вы знаете, что они родятся не на фабрикахъ и не для фабрикъ, что воспитаніе и нравы какъ тѣхъ, такъ и другихъ совершенно противоположны фабричнымъ! Да и какъ получить этихъ работниковъ? Нанимать ли тѣхъ, которые ходятъ по плакатамъ, или владѣльческимъ билетамъ? Хорошо: вы набрали ватагу плакатныхъ и билетныхъ, усадили ихъ за работу, которой, разумѣется, они вовсе не знаютъ. Годъ, два года они привыкаютъ, учатся, работаютъ неловко и тихо, портятъ вашъ матеріалъ и издѣлія невообразимо; наконецъ, когда вы изъ двадцати такихъ работниковъ образовали пятерыхъ, или шестерыхъ довольно-хорошихъ, одному изъ этихъ будущихъ опоръ вашего великаго предпріятія не выслали паспорта изъ деревни, другаго владѣлецъ требуетъ къ себѣ въ кучера, или лакеи, третьему пришла очередь, четвертому надоѣла фабричность — тоска у него по деревнѣ, хочется пожить съ родными — на пятаго, узнавъ, что онъ вамъ необходимъ, наложили такой оброкъ, что или вы принуждены утроить ему плату, или отпустить его. И вотъ лучшіе сотрудники ваши, *получившіе фабричное образованіе* насчетъ фабрики, фабриканта и издѣлія, одинъ за другимъ всѣ въ разбродѣ: набирайте новыхъ, которые опять будутъ копаться и портить два года, а на третій васъ оста-

вятъ. Такъ-какъ вы отлично знаете ариѳмети
то можете вычислить, въ какую жестокую цѣ
обходится вамъ этотъ дешевый работникъ.

Богачи, владѣющіе населенными землями, ж
лая сдѣлаться еще богаче, заводятъ фабрики
приписываютъ къ нимъ работниковъ изъ кр
стьянъ. Богачи ничего не разсчитываютъ: д
вольно, чтобы управляющіе увѣрили ихъ, ч
такимъ образомъ будетъ у нихъ дохода болѣ
чѣмъ отъ обыкновеннаго хозяйства, и они н
зываютъ себя фабрикантами, громко прослав
ютъ успѣхи своихъ предпріятій, толкуютъ о в
ликой пользѣ отъ ихъ затѣй *для государст*
Если они лично довольны своими фабриками,
можно ихъ поздравить, но очень-трудно пости
нуть, гдѣ тутъ и въ чемъ тутъ польза для г
сударства, когда его крестьяне не работаютъ
себя и не сами себя кормятъ, а онъ ихъ ко
митъ и всю ихъ работу обращаетъ на свой д
ходъ. Да посчиталъ бы онъ лучше то, сколь
ему самому стóитъ эта «польза». Изъ трех
четырехсотъ приписанныхъ къ фабрикѣ н
способныхъ и лѣнивыхъ, по-крайней-мѣрѣ, дв
сти-пятьдесятъ, которые портятъ и расхищаю
его добро напропалую; посредственныхъ три
цать; довольно-хорошихъ десять, или двадцат
А, между-тѣмъ, нужно содержать всѣхъ ихъ
многочисленными семействами, нуженъ для ни
врачъ, нужны помѣщенія и тысячи мелки
расходовъ, которые только понапрасну обрем
няютъ собою издѣліе. Умѣй самъ онъ правиль

разсчесть все это, по настоящей фабричной ариѳметикѣ, такъ и онъ и его работники въ убыткѣ. Но за кого считаютъ другіе, тотъ всегда въ барышахъ.

Обыкновенные фабриканты бо́льшею частью получаютъ работниковъ изъ деревень по условіямъ съ владѣльцами. Тѣ же недостатки и неудобства повторяются и здѣсь: не выбираютъ, а получаютъ, по чужому выбору, грубыхъ неучей, не зная, что́ изъ нихъ выйдетъ. Легко угадать, что для этого не выберутъ ничего хорошаго. Фабрикантъ долженъ образовать ихъ насчетъ доброты и цѣны издѣлія, то-есть насчетъ покупателей его. Надо и способныхъ и неспособныхъ содержать одинаково, одинаково платя за нихъ, или имъ по условію. И тутъ еще встрѣчается онъ нерѣдко съ новымъ неудобствомъ. У этихъ работниковъ есть другой начальникъ, поважнѣе фабриканта: ихъ владѣлецъ. Они жалуются барину, справедливо, или несправедливо, на «хозяина» фабрики. Несправедливыя жалобы естественнѣе въ такихъ случаяхъ и вѣроятнѣе, чѣмъ справедливыя, потому-что фабричная работа для нихъ неволя, и имъ хочется въ деревню. Баринъ сердится и вдругъ отнимаетъ у «хозяина» всѣхъ работниковъ. Да если баринъ и не склоненъ къ такому похвальному пристрастію, все же подобныя условія не могутъ быть заключаемы на большіе сроки. Болѣе, или менѣе поспѣшно эти «фабричные» воротятся въ деревню. И вотъ они опять какъ были—дворовые

люди и крестьяне. Гдѣ же тутъ польза, чья бы то ни было? И, главное, гдѣ тутъ фабричный классъ? Для кого и разводить фабричность? Для публики ли? Да публика не знаетъ, куда спрятаться отъ плохихъ издѣлій и производимой ими дороговизны на все. Для интересныхъ ли по уму и сердцу, но праздношатающихся работниковъ, которымъ очень-похвально доставить средства къ пропитанію? Да ихъ вовсе нѣтъ въ Россіи и— Богъ милостивъ!—никогда и не бывать имъ, пока русская земля будетъ «широка и обильна». Для любителей ли фабричнаго дѣла, спекуляторовъ, для охотниковъ къ огромнымъ барышамъ? Этихъ, конечно, найдется порядочное число; но барыши на бумагѣ и барыши на дѣлѣ—вещи совсѣмъ разныя. На дѣлѣ, гдѣ для пользы фабрикъ и посредствомъ фабрикъ все доведено до непомѣрной дороговизны, тамъ и содержаніе всякой фабрики, и производство издѣлія, и жизнь фабриканта, и все, все, что̀ до дѣла ни касается, обходится очень-дорого, и барышъ очень, очень сомнителенъ.

Такъ у насъ рѣшительно нѣтъ возможности сдѣлать что-нибудь превосходно и недорого? нѣтъ средства имѣть фабрики истинно-хорошія и полезныя?

Ну, какъ не быть! Такія фабрики прійдутъ и къ намъ, но не тогда, какъ прикажутъ экономисты, а тогда, какъ хорошимъ и полезнымъ фабрикамъ самимъ захочется прійдти. До того времени вы ничѣмъ не заманите ихъ на свой

дворъ. Когда для хорошихъ и полезныхъ фабрикъ все будетъ готово, онѣ возникнутъ сами собою безъ всякаго покровительства. По двумъ-тремъ отраслямъ можно было бы и теперь сочинить такія фабрики, но только не надолго... Да объ этомъ послѣ. Я уже далеко отъѣхалъ, и вы меня не слышите: быть-можетъ, уснули...

IX.

9 сентября 1856 года.

Вотъ я обратно къ вамъ, почтеннѣйшіе и у
нѣйшіе читатели и братья! Я опять въ ваше
любезномъ обществѣ и готовъ слушать вы
безконечно. Гдѣ я былъ? что дѣлалъ?... Э
не легко пересказать. Я былъ на томъ свѣтѣ.
видѣлъ то, чего нельзя видѣть у насъ на зе
лѣ: видѣлъ городъ счастливый—счастливый
полномъ смыслѣ слова—видѣлъ Москву лику
щею, видѣлъ нашу несравненную Бѣлокаменн
во всемъ ея блескѣ, во всемъ волшебствѣ и с
вѣ. Москвичей только не видалъ: они какъ-
исчезли въ усиленномъ приливѣ иногородны
сбѣжавшихся изъ всѣхъ областей Россіи взг
нуть на Батюшку-Царя, помолиться вмѣстѣ
нимъ въ великій и святой день за благополу
его царствованія и ликовать вмѣстѣ съ Москво
Я еще взволнованъ этимъ чуднымъ явленіем
ослѣпленъ этимъ сіяніемъ радости, оглуше
этимъ гуломъ восторга. Благословенъ по-исти
царь, имя котораго приводитъ огромный, мо
щественный народъ въ это невиданное и нева

яснимое состояніе! И счастливъ по-истинѣ народъ, который такъ свято понимаетъ долгъ свой къ высокому предводителю судебъ своихъ, къ своему *доброму царю*: это простое, но прекрасное и трогательное выраженіе слышится повсюду, и въ толпѣ и въ обществѣ. Глубока разница — всѣ иностранцы, собравшіеся въ Москвѣ, сознаются въ этомъ—да! глубока разница между днемъ священнаго коронованія въ Россіи и подобными торжествами у другихъ народовъ. Для русскихъ это отнюдь не политическая церемонія, служащая къ поддержанію извѣстныхъ правительственныхъ теорій, но религіозный, высокій и неразрывный передъ Богомъ и людьми союзъ царя съ народомъ и народа съ царемъ своимъ. Русскій, однимъ и тѣмъ же сердцемъ, съ однимъ и тѣмъ же убѣжденіемъ, вѣритъ въ Бога единаго и въ царя православнаго. Богъ и царь тѣсно соединены въ его вѣковомъ и непоколебимомъ благочестіи. Это основная черта русской національности, придающая торжеству коронованія видъ глубоко-умилительный, поразила и разстрогала нынче въ Москвѣ не одного изъ наблюдателей, мало знакомыхъ съ нашими народными понятіями и нравами. Я видѣлъ ихъ удивленіе и, вмѣстѣ, ихъ восторгъ. Искренность этого добраго чувства, этой твердой преданности Россіи царю, престолу, единодержавію и всему царскому дому была для нихъ тѣмъ явственнѣе, что никогда, быть-можетъ, подобный день не сопровождался такою сердечною и шум-

ною радостью всѣхъ сословій народа среди проявленія такой благоговѣйной любви. Россія душевно привязалась къ священной особѣ добраго монарха втеченіе двухъ-годичнаго тяжкаго горя, которымъ такъ долго и такъ глубоко огорчалось его отеческое сердце и изъ котораго вывели ее, благополучно и достойно, благость и мудрость его. Какъ любовь эта была безкорыстна и чужда всякаго разсчета, каждый изъ наблюдателей могъ убѣдиться въ томъ изъ слѣдующаго чрезвычайно-замѣчательнаго обстоятельства: иностранцы гораздо-живѣе, чѣмъ русскіе, любопытствовали узнать содержаніе всемилостивѣйшаго манифеста, который публикѣ и народу сдѣлался извѣстенъ только на третій, или на четвертый день. Безпримѣрныя, превосходящія всякое ожиданіе милости оказаны неисчерпаемою монаршею благостью народу статьями объ отмѣненіи рекрутскихъ наборовъ на три года и о немедленномъ составленіи новой народной переписи. Многочисленныя толпы стояли и стóятъ по цѣлымъ днямъ и нерѣдко ночью подъ окнами царскихъ палатъ въ надеждѣ хоть мелькомъ увидать возлюбленнаго монарха и привѣтствовать его сердечнымъ «ура». И когда кто-нибудь спрашивалъ: «ну, чтó въ манифестѣ? не слыхалъ ли?» постоянно можно было слышать отвѣтъ: «Не знаю, не спрашивалъ; да чтó и спрашивать! добрый царь не оставитъ дѣтей своихъ... узнаемъ послѣ.»

Стоялъ и я въ этой толпѣ. Билось и у ме

сердце тѣмъ же общимъ народнымъ чувствомъ, котораго проявленія часто бываютъ восхитительны своей оригинальною наивностью. Вдругъ подходитъ какой-то мой старинный знакомецъ, котораго, подъ новымъ украшеніемъ лица, живописною бородою, не имѣлъ я удовольствія узнать съ достовѣрностью, здоровается, заводитъ разговоръ: «А! и вы здѣсь?... давно ли въ Москвѣ?... А я вотъ здѣсь съ самаго утра: ужасно люблю подслушивать народные толки и сужденія. За минуту до встрѣчи съ вами чуть не расцаловалъ одного какого-то народнаго русскаго философа... мѣщанинъ онъ, что́ ли, не знаю... въ странномъ сюртукѣ, но въ перчаткахъ... видно, грамотный... стои́тъ впереди меня и говоритъ другому: «Что́, братъ, и толковать! «Они намъ цари, не только по роду, да и по «уму; все доброе и умное отъ нихъ, а все глу«пое и скверное отъ насъ самихъ. Вотъ хоть «бы, примѣрно сказать тебѣ, взятки. Они бе«регутъ наше добро, а мы-то ихъ добро таки «порядочно царапаемъ...» «Умница! нечего сказать! Вотъ настоящій русскій разумъ!» Этотъ же народоиспытатель, пока движеніе толпы не разлучило насъ, успѣлъ разсказать мнѣ еще нѣсколько подобныхъ анекдотовъ, которыми онъ душевно восхищался и за которые я чувствительно благодаренъ ему.

Втеченіе трехъ ночей видѣлъ я всю Москву въ радужныхъ огняхъ; жаль только, что не умѣю описывать шкаликовъ, а-то бы разска-

залъ вамъ столько же чудныхъ вещей, сколько разсказываютъ другіе. Иллюминаціи, какъ зрѣлище, имѣютъ для меня только ту цѣну, что освѣщаютъ собою движеніе чувствъ народныхъ при великихъ народныхъ случаяхъ. Собравшаяся въ Москвѣ Россія была, какъ кажется, того же мнѣнія: немногіе занимались иллюминаціей, несмотря на ея роскошь, но всѣ усердно бѣжали и тѣснились туда, гдѣ, при яркомъ свѣтѣ этихъ огней, могли увидать обожаемаго Монарха, или Августѣйшее Семейство и привѣтствовать ихъ восторженными кликами радости. Рисунокъ московскихъ улицъ и открытыхъ мѣстъ мало благопріятствуетъ на тѣсномъ разстояніи общему эффекту такихъ освѣщеній, которыя требуютъ еще близости большихъ площадей воды для полнаго очарованія. Разсматриваемыя же съ дальнихъ разстояній иллюминаціи лишаются почти всего своего блеска. При всемъ томъ, есть въ Москвѣ одно мѣсто, мало замѣчаемое мѣстными жителями, видъ съ котораго не имѣетъ себѣ равнаго во всей Европѣ относительно къ величію и живописной красотѣ. Это — небольшая часть набережной Москвы Рѣки, у Каменнаго Моста, поблизости Неглинной, гдѣ вдругъ открываются зрителю двѣ огромныя стѣны Кремля съ рядомъ чудныхъ башенъ, его глубокіе сады, его висячія террасы, заоблачный фасадъ новаго дворца и безконечная набережная правой стороны рѣки, упирающаяся въ громадное зданіе Воспитательнаго Дома. Нельзя ни видѣть, ни пред-

ставить себѣ ничего грандіознѣе, оригинальнѣе и красивѣе. Это нѣчто въ родѣ невозможныхъ видовъ театральной архитектуры, въ стилѣ фантастическихъ Мемфисовъ, Вавилоновъ и Ниневій. Въ яркій лѣтній день это невѣроятно. Въ осеннюю ночь, при богатыхъ послѣднихъ иллюминаціяхъ, это баснословнѣе самаго солнца. Замѣчательно, что зрителей бываетъ здѣсь немного. Видъ вдоль Тверской Улицы съ нѣкоторыхъ возвышенныхъ точекъ площади около новаго фонтана и видъ на Театральную Площадь принадлежатъ къ числу великолѣпнѣйшихъ. Нѣкоторые выѣзжали за городъ, чтобы съ ближайшихъ возвышеній любоваться на общій видъ иллюминаціи. Не знаю, много ли они тамъ видѣли, но съ верхнихъ этажей нѣкоторыхъ домовъ Тверскаго Бульвара, откуда видѣнъ весь Кремль и его окрестности, общее огненное зрѣлище, по умѣренности разстоянія, было истинно-чудесное. Да что̀ эти чужія освѣщенія за горами, за лѣсами! Встрѣтимъ и мы здѣсь нашего добраго царя съ радостными огнями не хуже московскихъ, а главное — встрѣтимъ его, солнце ясное, съ тѣми же чувствами горячей любви, глубокой преданности: да порадуется и между нами его благое, отеческое сердце.

Въ первые два дня прекрасная, яркая, совершенно лѣтняя погода особенно благопріятствовала великимъ наслажденіямъ Москвы. Но ужь лучше позвольте, позвольте не говорить о погодѣ. Что̀ за лѣто! Стыдно показать такое

лѣто иностранцамъ: Богъ знаетъ что подумаютъ! Даже и въ эти два дня прекрасной, яркой, совершенно лѣтней погоды, ночью съ субботы на воскресенье, одинъ изъ нашихъ спутниковъ на желѣзной дорогѣ вышелъ изъ вагона, между Тверью и Москвою, и принесъ намъ напоказъ любопытную вещицу—кусокъ льда—очень-красивую сосульку. Мы, между собою, разумѣется, можемъ значительно утѣшиться тѣмъ, что бываютъ лѣта еще хуже нынѣшняго. Въ 1832 году, если не ошибаюсь, съ шестаго іюля пошелъ осенній дождь и продолжался до глубокой осени, при шести, или восьми градусахъ теплоты въ полдень, постоянно. Вотъ было лѣто!... Я не хочу обижать Москву; но мнѣ кажется, что ея погода, лѣто и климатъ еще хуже, чѣмъ у насъ. На возвратномъ пути, около Петербурга, я замѣтилъ, что всѣ дороги сухи, тогда-какъ въ Москвѣ почва рѣшительно растворена ледовитыми и безпрестанными дождями. Хуже не можетъ быть на самомъ солнцѣ, гдѣ грязь, какъ увѣряютъ астрономы, почти въ четыре съ половиною раза жиже, чѣмъ на землѣ. То-то должна быть грязь! А, между-тѣмъ, это не мѣшаетъ ни солнцу, ни Москвѣ сіять великолѣпно на весь міръ.

Въ самой Москвѣ теперь всего любопытнѣе иностранцы: не мингрельцы безъ шапокъ, съ чудесными черными кудрями, не курды въ своихъ фантастическихъ нарядахъ, но настоящіе иностранцы: нѣмцы, французы, англичане, и

ѣхавшіе наблюдать, немногіе для себя лично, но бо́льшая часть для заграничныхъ газетъ и журналовъ, которымъ служатъ они «корреспондентами». Стоны ихъ на дороговизну, бѣготня ихъ за впечатлѣніями, толки ихъ о Москвѣ, о Россіи уморительны. Какія тутъ могутъ быть впечатлѣнія безъ денегъ? Для хорошихъ впечатлѣній первое условіе на цѣломъ свѣтѣ—хорошія деньги. Баронъ Ротшильдъ и корреспондентъ какого-нибудь лейпцигскаго журнала, который долженъ безпрестанно торговаться и ссориться съ трактирщицей, или съ извощикомъ, конечно, вывезутъ изъ Москвы совершенно-различныя впечатлѣнія.

Вообще, болѣе, чѣмъ празднества, болѣе, чѣмъ иллюминаціи, даже болѣе, чѣмъ самая Москва, удивляетъ иностранцевъ невообразимое богатство Москвы, залитой золотомъ, загроможденной серебромъ, засыпанной алмазами, яхонтами и изумрудами. Москва кажется имъ новою Голкондою. Въ-самомъ дѣлѣ, не говоря уже о сокровищахъ Оружейной Палаты, несмѣтное количество золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, накопленное и употребленное Москвою втеченіе многихъ столѣтій на разные предметы роскоши, но предпочтительно на предметы благочестія, не можетъ не казаться неимовѣрнымъ непривычному глазу, хотя и кажется совершенно-естественнымъ нашему.

Но одна изъ поразительнѣйшихъ чертъ нынѣшней Москвы, такъ богато убранной, такъ

ярко освѣщенной, такъ душевно радующейся, это — отсутствіе московской молодежи, прежде столь многочисленной, столь пристрастной ко всему французскому и которую издали можно было отличить отъ всякой другой по особенной картинности костюма, усовъ, бороды, манеръ. Въ мѣстахъ, нѣкогда самыхъ близкихъ ея сердцу, ея нравамъ, теперь вовсе не видно ея. Спросите: да гдѣ же ваши молодые люди? Вамъ отвѣтятъ очень-просто: «Еще не воротились изъ похода; многіе, вѣрно, и не возвратятся.» Благородные молодые люди! франтили напропакую, пока Россія не нуждалась въ ихъ защитѣ, и, по первому слуху о врагѣ, бросили модныя картинки и побѣжали всѣ пролить кровь за вѣру, царя и отечество!... А на нихъ такъ жестоко нападали наши пуритане!

X.

16 сентября 1856 года.

Спѣшу увѣдомить васъ, благоразумные читатели, что изъ Москвы я получаю самыя благопріятныя извѣстія. Когда я уѣзжалъ оттуда, ей предстояло еще съѣсть, на-радостяхъ, въ самое короткое время, такое множество большихъ обѣдовъ и выпить такія пучины разнаго вина, что я серьёзно боялся за здоровье моихъ друзей и знакомыхъ и просилъ ихъ извѣщать меня каждое утро по телеграфу о состояніи ихъ пищеваренія. Ничего! все обстоитъ благополучно! все съѣдено и выпито дочиста съ образцовою дѣятельностью и исправностью, и доктора сидятъ безъ дѣла. Удивительно, удивительно, сколько можетъ вынести этотъ бѣдный человѣческій желудокъ, который медицина такъ жестоко оклеветала передъ свѣтомъ!

При этомъ я составилъ для васъ маленькій, но очень-выгодный проектъ, которымъ вы должны воспользоваться непремѣнно. Благоразумные читатели! стройте желѣзныя дороги, стройте изъ всѣхъ силъ, изъ всѣхъ денегъ и разъѣзжайте по

нимъ безпрестанно. Представить себѣ не можете, какъ это весело ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ.

Когда я ѣхалъ въ Москву, спутники мои были почти исключительно русскіе; когда возвращался, большинство составляли иностранцы, струсившіе, какъ кажется, передъ московскими обѣдами или, скорѣе, бѣжавшіе отъ «чудовищныхъ» московскихъ цѣнъ съ великимъ, но совершенно-неумѣстнымъ ужасомъ, потому-что цѣны нашелъ и оставилъ я совсѣмъ-натуральныя, такія, какія тамъ водятся обыкновенно. Были тутъ французы, нѣмцы, англичане, испанцы, шведы, бразильцы, мормоны съ береговъ Орегона, славяне съ Моховой и другіе курьёзные народы. Было тоже (я говорю о своемъ вагонѣ) нѣсколько человѣкъ натуральныхъ русскихъ, какъ Богъ насъ создалъ, во фракахъ, сюртукахъ, вице-мундирахъ, съ надлежащею бритою бородою, и три человѣка искусственныхъ русскихъ: одинъ молодецъ съ желтою бородкою, въ бархатной шапкѣ кучерскаго фасона, высокихъ осадистыхъ сапогахъ лакированной кожи, коротенькомъ кафтанѣ зеленаго сукна съ двумя дюжинами складокъ назади, сшитомъ очень-щегольски, да двѣ молодки въ душегрейкахъ чернаго и темно-зеленаго атласа, нашитыхъ богатыми черными аграмантами и широкими кружевами, съ чудесными повязками изъ бархатныхъ клѣтчатыхъ лентъ на примѣчательно-миловидныхъ головкахъ, которыя, поверхъ повязокъ, были еще накинут

прекрасныя ліонскія шали, окутывавшія собою шею въ одинъ обходъ и падавшія спереди живописными складками. Эти два любезно-эксцентрическіе костюма, проѣхавшіе съ нами, къ-сожалѣнію, только четыре, или пять станцій, сначала возбуждали живѣйшее любопытство глубокомысленныхъ наблюдателей, въ томъ числѣ и мое смиренное любопытство. Тщетно знатоки утверждали, одни, что это торжковскія франтихи изъ купеческаго званія, другіе, что — архангельскія почетныя гражданки: обѣ ипотезы казались невѣроятными, если взять въ соображеніе отлично-парижскій вкусъ всѣхъ частей ультра-русскаго наряда и благовоспитанную кокетливость надѣвки. Но неизвѣстность и очарованіе мгновенно разсѣялись, когда она изъ двухъ загадочныхъ красавицъ, оставляя вагонъ, спросила вслухъ другую: Ma chère, où est donc mon sac de voyage? Ясно было, что это просто «русскіе *девятьнадцатаго столѣтія*», какъ говорится на Моховой, или «русскіе *въ полномъ смыслѣ слова*», какъ говорятъ иные на Арбатѣ, или, какъ я здѣсь говорю про-себя, искусственные русскіе, потѣшные русскіе, а по-французски — des Russes pour rire. Фантазія премилая, совершенно позволительная, но не стоившая того вниманія, котораго она отъ насъ удостоилась.

Двое креселъ насупротивъ меня заняты были двуия молодыми дамами, одѣтыми съ неукоризненнымъ благородствомъ. Одна изъ нихъ казалась незамужнею сестрою другой. Въ вагонѣ и на

станціяхъ часто бесѣдовали онѣ на англійскомъ и на французскомъ языкахъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ тутъ иностранцевъ. По англійскому ихъ выговору слѣдовало признать ихъ высокородными леди; между-тѣмъ, онѣ также чисто говорили и по-французски. Это соединеніе разнородныхъ лингвистическихъ совершенствъ, въ нашемъ обществѣ нерѣдкое, въ Англіи составляетъ принадлежность лишь немногихъ особъ самаго высокаго полета, чѣмъ и превосходно объяснилось то особенное почтеніе, съ какимъ путешествующіе англичане всегда обращались къ моимъ сосѣдкамъ или, точнѣе, моимъ противосѣдкамъ. Однажды, въ окрестностяхъ моихъ креселъ, собралось нѣсколько человѣкъ русскихъ, и завязалась бесѣда, довольно-одушевленная, на русскомъ языкѣ. Старшая изъ моихъ сосѣдокъ, діаметральная противосѣдка моя, погрузилась въ глубокое раздумье, или въ пріятный сонъ—трудно было рѣшить эту проблему по наружному виду прекрасной путешественницы при вечернемъ полумракѣ. Когда русскіе голоса стихли и снова послышались англійскія, французскія, нѣмецкія расужденія, у насъ съ прекрасною путешественницею вдругъ завязался презанимательный разговоръ, буквальный переводъ котораго съ французскаго языка на русскій при семъ прилагается:

Прекрасная путешественница. Эти господа рѣшительно неисчерпаемы по части разсказовъ о своихъ московскихъ приключеніяхъ.

Я. Они говорятъ такъ громко... мѣшаютъ вамъ спать.

Прекрасная путешественница. Я вовсе не спала: такъ только... замечталась.

Я. О московскихъ приключеніяхъ?

Прекрасная путешественница. Совсѣмъ нѣтъ! Я мечтала о русскомъ языкѣ, слушала и сравнивала. Какъ бы то ни было, а русскій языкъ, въ-самомъ-дѣлѣ, удивительно-благозвученъ!... *Жаль, что этотъ языкъ вовсе не въ употребленіи.*

Я. Вы испытали, однако, на себѣ непріятный примѣръ того факта, что иногда и русскій языкъ употребляется у насъ въ Россіи. Только-что мы навели на васъ если не сонъ, такъ скуку, нашею русскою болтовнею въ вашемъ присутствіи.

Прекрасная путешественница, съ любезнымъ негодованіемъ. Да что̀ вы это обвиняете меня то во снѣ, то въ скукѣ? Я, напротивъ-того, слушала вашъ разговоръ съ большимъ интересомъ.

Я. Какая честь для насъ, что онъ былъ въ-состояніи внушить этотъ лестный интересъ тонкому уху разборчивой иностранки, и какое счастіе, что вы не знаете нашего языка!... Весь интересъ могъ бы исчезнуть, если бы вы понимали...

Прекрасная путешественница, смѣясь. Такъ вы думаете, что я ничего не поняла? Вотъ прелестно! Вы, кажется, считаете насъ за иностранокъ.

Я. А вы не иностранки?

Прекрасная путешественница сестрѣ. Лили! ты спишь?... Знаешь ли, другъ мой, что насъ здѣсь принимаютъ за француженокъ, что́ ли, или за англичанокъ? Какой стыдъ!

Лили, спросонокъ, очень-чисто по-русски. Неужто?

Прекрасная путешественница, по-французски. А, между-тѣмъ, мы съ тобою русскія... коренныя русскія...

Лили, по-русски, полу-сонная. Быть не можетъ!

Я, въ то же самое время. Тѣмъ лучше для Россіи.

Прекрасная путешественница, не слушая меня. Она спитъ!... Ты вѣчно спишь, Лили! Проснись.

Прекрасная путешественница сказала мнѣ нѣсколько очень-любезныхъ словъ по-русски, съ превосходнымъ выговоромъ, но по правиламъ грамматики, не всегда употребительной, а впрочемъ чрезвычайно-милой. По словамъ ея, онѣ, съ сестрицею Лили, обыкновенно разговариваютъ между собою по-русски, и сестрица Лили говоритъ на этомъ неупотребительномъ языкѣ еще лучше, чѣмъ она. Лили выпрямилась въ своихъ креслахъ.

Я, обращаясь къ Лили, по-русски. Вамъ, я думаю, очень-неудобно спать на томъ мѣстѣ. Не угодно ли занять мои кресла?

Лили, по-русски, премилымъ выговоромъ и

голосомъ. Очень благодарю... я не имѣю... (*она остановилась и подумала, какъ бы сказать поправильнѣе*) я не имѣю сонъ...

Послѣ-того уже невозможно было сомнѣваться, что мои любезныя собесѣдницы были коренныя русскія и что этотъ языкъ— жаль!— вовсе не въ употребленіи. А такой звучный, такой прекрасный языкъ!...

Въ другой разъ—но уже въ другомъ углу — рѣчь шла объ одной пьесѣ Шопена, которую какой-то русскій «знатокъ» осуждалъ какъ безвкусную, какъ исполненную ложной гармоніи.

— А на мой вкусъ это чудесный *кусокъ*, вполголоса замѣтила мнѣ возлѣ сидѣвшая путешественница перваго класса, безмолвно слушавшая разглагольствіе «знатока».

Позади меня туристъ въ золотыхъ очкахъ, повидимому, швейцарецъ, спрашивалъ насупротивъ сидѣвшаго русскаго политическаго эконома или экономическаго политика:

— Объясните мнѣ, по-милости, одно обстоятельство, котораго я не могу никакъ объяснить себѣ безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія. Я много читалъ въ газетахъ и журналахъ о гигантскихъ успѣхахъ русской мануфактурной промышлености...

— О! на этотъ счетъ я могу сообщить вамъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, перебилъ нашъ экономическій политикъ:— потому-что я много писалъ объ этихъ успѣхахъ, истинно гигант-

скихъ, и, я думаю, вы читали, по-крайней-мѣрѣ бо́льшею частью, мои собственныя статьи.

— Я въ томъ увѣренъ, примолвилъ иностранецъ:—тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ были превосходно написаны (политическій экономъ поклонился). Я же читаю все, что́ прямо, или косвенно относится къ политической экономіи, и собираю лучшія по этой части сочиненія. Судя по тому, что́ имѣлъ я удовольствіе читать о русской мануфактурной дѣятельности, я полагалъ найдти въ Москвѣ цѣлыя сокровища произведеній по этой части. Вообразите мое удивленіе: я обѣгалъ всѣ магазины, всѣ базары московскіе и повсюду видѣлъ только французскія, англійскія и нѣмецкія издѣлія, продаваемыя и покупаемыя по цѣнамъ миѳологическимъ. Въ городѣ, въ обществахъ, въ театрахъ, на балахъ, въ домахъ, вездѣ, у всѣхъ и на всѣхъ узнавалъ я одни иностранныя произведенія, отъ самыхъ дорогихъ тканей до самыхъ простыхъ бездѣлокъ. Правда, мнѣ показывали образчики многихъ прекрасныхъ вещей, сработанныхъ въ Москвѣ по особеннымъ заказамъ; но вы понимаете, что для особенныхъ заказовъ полагаются и особенныя цѣны, что особенные заказы не составляютъ промышлености, потому-что произведенія ихъ не поступаютъ въ общую торговлю и не продаются по общимъ цѣнамъ. По заказу, за условленную плату, Архимедъ взялся бы засунуть Этну себѣ за пазуху. По заказу дѣлать прекрасныя вещи не штука — всѣ

это съумѣютъ—а штука дѣлать прекрасныя вещи для всѣхъ безъ заказа, не разоряя ни себя, ни публики.

— Разумѣется, замѣтилъ экономическій политикъ:—заказныя издѣлія или образцы того, что можно сдѣлать за деньги, изготовляемые для выставокъ, не промышленость, а только вывѣска промышлености, болѣе, или менѣе возможной. Эту идею, кажется, первый бросилъ я гдѣ-то, мелькомъ, мимоходомъ, на бумагу... въ одной изъ статей моихъ.

— Очень радъ, что мы сошлись въ идеяхъ, говорилъ туристъ.—Ну, такъ гдѣ же произведенія русской мануфактурной промышлености? Гдѣ искать ихъ? гдѣ можно ихъ видѣть?

— Гдѣ искать? забормоталъ экономическій политикъ, въ страшномъ затрудненіи:—то-есть, вы изволите спрашивать, гдѣ они находятся... или, такъ-сказать, гдѣ ихъ продаютъ?...

— Скажи, всѣ проданы! скажи, ничего не осталось въ наличности! подсказывалъ я ему сзади.—Скажи, что древній законъ нашего гостепріимства требуетъ прятать передъ иностранцами свой умъ, свое искусство и лучшія произведенія свои и дорогихъ гостей встрѣчать на ихъ языкѣ, въ ихъ собственныхъ издѣліяхъ, тканяхъ, убранствахъ, въ нужномъ случаѣ продавая имъ эти же издѣлія за тройную цѣну.

Но мой политическій экономъ не разслышалъ меня: въ такомъ ужасномъ былъ онъ смущеніи

отъ предательскаго вопроса путешественника въ золотыхъ очкахъ.

— Гдѣ найдти наши издѣлія? повторялъ онъ.— Мнѣ чрезвычайно-пріятно сойдтись съ вами въ главныхъ идеяхъ... въ неизмѣнныхъ принципахъ науки... тѣмъ болѣе, что вотъ и станція: здѣсь отлично завтракаютъ. Пойдемте.

— Эта неслыханная дороговизна всѣхъ предметовъ, всякаго труда, которая насъ изумляетъ, служитъ доказательствомъ, договаривалъ иностранецъ: —что фабричная промышленость давно уже пользуется здѣсь необыкновенно-сильною охраною: ну, гдѣ же плоды ея, плоды, хоть нѣсколько соотвѣтственные огромнымъ пожертвованіямъ, которыя несетъ для нея публика столько лѣтъ и съ такимъ патріотическимъ великодушіемъ?

— Удивительно, какъ мы согласны въ основномъ воззрѣніи на вопросъ! восклицалъ политическій экономъ, поправляя на себѣ пальто, галстухъ и фуражку.—Я тоже говорю имъ: ну, гдѣ же плоды вашей фабричной промышлености, о гигантскихъ успѣхахъ которой написалъ я столько статей, заслужившихъ вниманіе Европы, лестную оцѣнку судей, такихъ просвѣщенныхъ... такихъ... словомъ, плоды, достойные того сильнаго покровительства... Знаете ли, котлетки простынутъ: надо поспѣшить.

Иностранецъ пошелъ впереди насъ. Экономическій политикъ вытянулъ шею, наклонилъ го-

лову ко мнѣ, сдѣлалъ гримасу и, заслоняя уголъ рта ладонью, шепнулъ мнѣ таинственно:

— Шпіонъ! лазутчикъ, подосланный завистливою фабричностью гнилаго Запада!... Видишь, съ которой стороны хватилъ пріятель! Покажи ему издѣлія, покажи плоды!... А тутъ показывать нечего. Но это нашъ секретъ... тайна нашего фабричнаго генія... Мы не показываемъ нашихъ продажныхъ издѣлій. Кому угодно, можно посмотрѣть выставки и образцы особеннаго изготовленія, сдѣланные нарочно для показовъ. А продажныя чудеса наши,—это совсѣмъ другая статья. Сказано, напечатано, что́ есть, и будетъ съ тебя, любезнѣйшій! Ну, скажите сами, что́ ему показывать? Возможно ли показывать наши кривые и сѣрые фарфоры, наши страшные фаянсы, ситцы, и муслины, и прочее, третьяго и четвертаго, по ихъ счету, разборовъ?... Шпіонъ! фри-тредеръ! это ясно. Пойдемъ выпить вмѣстѣ бутылочку шампанскаго за благоденствіе нашей фабричности, гигантскіе успѣхи которой... Ну, вотъ и опоздали, по его милости! Звонятъ, чтобы садиться въ вагоны. Пропали наши котлетки!... Вотъ горькіе плоды плодовъ фабричности нашей, тщетно отъискиваемыхъ коварными соглядатаями!... Не дали даже и папироски выкурить!...

Видите, благоразумные читатели, какъ весело ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. Стройте же поскорѣе эти чудные пути сообщенія. Вамъ стои́тъ только вынуть изъ кармановъ свои толстые порт-

фёйли, и вы мигомъ набросаете на родную землю тысячъ двѣнадцать, или тринадцать верстъ двойныхъ желѣзныхъ полосъ во всѣхъ направленіяхъ. Меньше нельзя, при нашемъ народонаселеніи и нашихъ пространствахъ. Англія, которая величиною менѣе многихъ изъ нашихъ губерній, считаетъ у себя до восьми тысячъ верстъ желѣзныхъ дорóгъ, уже проложенныхъ и дѣйствующихъ. Сѣверная Америка, Франція, Германія, Австрія обладаютъ, или будутъ обладать скоро сѣтями рельсовъ не менѣе значительными. Даже Бельгія и Голландія говорятъ не иначе, какъ о тысячахъ верстъ желѣзныхъ линій. Какже намъ, богачамъ, намъ, великанамъ, дать себя этимъ нѣмцамъ въ обиду, не доказать нашего могущества, не построить вдвое и втрое болѣе того, чтó они у себя нагородили! Мы выстелемъ металломъ всю нашу землю до Урала, до Алтая и Амура; мы свяжемъ желѣзомъ всѣ моря и всѣ климаты. Тогда-то, благоразумные читатели, тогда-то откроется для нашего рабочаго класса лучшая изъ всѣхъ фабричныхъ промышленостей, трудъ, совершенно сродный русскому поселянину, трудъ въ чистомъ полѣ, на просторѣ, съ топоромъ, съ телегою, съ заступомъ, съ лопатою, пилою и скобелемъ, огромная всероссійская мануфактура съ одного конца Имперіи въ другой, здоровая, постоянная и прибыльная работа, которою воспользуются не двѣ, три сотни тысячъ, а цѣлые мильйоны рукъ бодрыхъ и дюжихъ. Гдѣ желѣзныя дороги водворяются,

тамъ онѣ строятся и перестраиваются безконечно: съ каждымъ днемъ требуется ихъ болѣе и болѣе, и все въ лучшемъ видѣ, для постепенно усиливающейся народной дѣятельности. Въ нашихъ же климатахъ для одного содержанія такихъ путей въ исправности и чистотѣ нужно, навѣрное, вдвое рукъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ. И тогда-то, если фабричность вздумаетъ пріѣхать къ намъ по желѣзнымъ дорогамъ, милости просимъ: тогда мы будемъ уже достаточно къ ней приготовлены, тогда самъ собою обратится къ фабричности добровольно образовавшійся избытокъ рабочихъ рукъ, и не будетъ надобности создавать, какъ теперь, дорогóю цѣною избытокъ рукъ искусственный, убыточный и, при коренныхъ учрежденіяхъ нашихъ, невозможный.

Издержки на двѣнадцать тысячъ верстъ далеко не такъ страшны, какъ иные воображаютъ. По 150,000 рублей на версту, 1,000 верстъ станетъ 150,000,000 рублей, а 12,000 верстъ потребуется 1,800,000,000 или 18 разъ по 100 мильйоновъ. Думаете ли вы, что въ 18 лѣтъ покровительства не переплатили мы нашей дорогóй фабричности гораздо-болѣе, чѣмъ 1,800,000,000 рублей, не отдавали ей даромъ, безприбыльно и безвозвратно, по 100 мильйоновъ въ годъ? Это было бы еще очень, очень-умѣренно. Междутѣмъ, на ситцѣ мы не проѣхали ни одной версты впередъ, а въ-дороговизну забрели по бороду.

XI.

30 сентября 1856 года.

Если вы мнѣ скажете, что я несносенъ, какъ фабричность, то я скажу вамъ, что вы скучны, какъ современные вопросы. Видно, вы ужасные обожатели дороговизны, когда не позволяете мнѣ досказать того, что́ существенно принадлежитъ къ философіи высокихъ цѣнъ и чего не успѣлъ я еще представить на ваше читательское благоусмотрѣніе.

Началъ я съ вами бесѣдовать объ этихъ сухихъ и печальныхъ дѣлахъ вовсе не съ цѣлью передѣлывать свѣтъ—по моему смиренному разумѣнію, свѣтъ, какъ онъ идетъ самъ собою, идетъ прекрасно: лучше идти ему нельзя—и отнюдь не съ намѣреніемъ спорить съ кѣмъ бы то ни было въ печатномъ царствѣ, гдѣ всѣ говорятъ и никто не слушаетъ, или давать наставленія мудрымъ, тѣмъ именно, которые считаютъ себя умнѣе меня. А считаетъ-то всякъ и каждый. Это я знаю по опыту. Предположивъ теперь — вещь совершенно-натуральную — что всякому изъ читающихъ я, тихомолкомъ, въ моемъ самолюбіи, плачу́ тѣмъ же счетомъ (по строгой справедливости, я, кажется, имѣлъ бы

точно такое же право считать себя умнѣе каждаго другаго писаки, какое искони имѣетъ каждый другой писака считать себя умнѣе меня), можете представить себѣ — о, несчастные читатели! — какую чепуху должны писать всѣ мы кругомъ, длятого, чтобы вы читали!... какіе должны нести вздоры и *про* и *контра* (ужасъ подумать!) для вашей пользы, какъ говорится, для удовлетворенія нашихъ самолюбій, какъ дѣлается. Фуй! зачѣмъ я говорю это?... Ахъ, Брамбеусъ! Брамбеусъ! нѣтъ, видно, тебѣ никогда умнымъ не бывать. Разсуди только самъ, что́ ты это говоришь и какъ ты это говоришь. И послѣ-того удивляешься, плачешь, пищишь: «да я, дескать, зла, кажись, никому не дѣлаю и не желаю! да за что́ же у меня такая куча враговъ?... да еще какіе враги! все такіе злые, такіе голосистые! да чѣмъ же-то я, ничтожный, самъ не будучи врагомъ никому, заслужилъ отъ Господа Бога такую великую милость, такую благодать?...»

Коротко сказать, началъ я эти бесѣды съ вами, любезнѣйшіе и умнѣйшіе читатели, съ той цѣлью, чтобы замолвить нѣсколько словъ въ пользу и защиту нашего русскаго купечества, которое такъ несправедливо и такъ страшно обвиняютъ великіе философы въ произвольномъ будто-бы учрежденіи высокихъ цѣнъ, въ жадности къ огромнымъ процентамъ, въ желаніи скораго обогащенія изъ страсти къ роскоши, къ мотовству, и прочая. И какіе же это фило-

софы взводятъ на него этотъ страшный навѣтъ? Тѣ же самые, которые съ такимъ фанатизмомъ проповѣдуютъ протекціонную фабричность, то-есть всеобщую дороговизну, которые утверждаютъ — пожалуй, чего добраго, статься-можетъ, и сами вѣрятъ—что мы можемъ и должны производить у себя все (кромѣ перца), для чего стòитъ только молить Бога о сохраненіи насъ отъ всякаго соперничества, и тогда-то—тогда-то—потекутъ на насъ рѣками обиліе, дешевизна и счастіе. По фабриколюбивымъ возгласамъ сказанныхъ великихъ философовъ, можно ихъ принять за самыхъ отчаянныхъ поклонниковъ дороговизны, въ храмъ которой хотятъ они обратить торжественно и навсегда всю Россію, а по горькимъ жалобамъ на высокія цѣны, по нападкамъ на мнимую жадность русскаго купечества — за самыхъ непримыхъ враговъ ея, за нѣжнѣйшихъ и пламеннѣйшихъ любовниковъ дешевизны. Вотъ чтò ужасно-обидно... собственно не мнѣ, а покойному профессору Рождественскому, автору «Логики» для училищъ. Я тутъ сторона.

Правда, за фунтъ паясной икры нѣкогда платили ассигнаціями почти ту нарицательную цѣну, которую нынче надо заплатить на серебро. Но когда это было? Не до изгнанія ли иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій и развитія плодовъ и послѣдствій искусственной протекціонной фабричности? Въ то же самое время и кофе, и сахаръ, и чай, и обѣдъ, и ужинъ, и

ножъ, и топоръ, и гвоздь, и пила, и извозъ, одежда, и обувь, и наемъ квартиръ и лавокъ,— все было гораздо-дешевле, чѣмъ нынче. Станете ли философствовать, доказывать, что не отъ фабричности? За фактами я не пойду въ карманъ: факты лежатъ предъ вами. Покорнѣйше прошу всякаго, кто лѣтъ шесть-семь тому назадъ былъ въ Финляндіи и потомъ посѣтилъ ее года за три, сказать безъ прибавки и безъ убавки, какую разницу нашелъ онъ въ цѣнахъ этихъ двухъ очень-близкихъ эпохъ. Сахаръ въ Гельсингфорсѣ былъ по 10 копеекъ за фунтъ (финляндскій фунтъ цѣлымъ лотомъ больше нашего), кофе по 12 и 15 копеекъ, черный чай по 50 и 60 копеекъ, за черный шелковый зонтикъ, сдѣланный гораздо-чище тѣхъ, которые продаются у насъ по 8 и 9 рублей, платили пріѣзжіе изъ Петербурга моты по 3 рубля, а разсчетливые туземцы по два съ полтиною. Самъ я ѣздилъ нарочно изъ Реваля за море, не страшась ни волны высокой, ни вѣтра бурнаго, ни морскихъ чудовищъ, чтобы за 2 рубля 8 гривенъ купить себѣ въ Гельсингфорсѣ точно такой зонтикъ, за какой въ Ревалѣ требовали съ меня 9 рублей серебра. Въ трактирахъ, или отеляхъ, большихъ отдѣльныхъ заведеніяхъ красивой архитектуры, содержимыхъ съ опрятностью, щегольствомъ и комфортомъ, совершенно заморскими, за 35 копеекъ давали: 1) закуску передъ обѣдомъ, на особомъ столѣ, по-шведски: двѣ-три разныя водки, масло, хлѣбъ, швейцарскій

и финскій сыръ, кильки, сельди, радиски, ветчину, въ-волю, à discrétion; 2) обѣдъ — супъ и четыре блюда французской кухни, за общимъ столомъ, на прекрасномъ фарфорѣ, съ прекраснымъ свѣжимъ бѣльемъ, безъ дыръ и безъ пятенъ; 3) послѣ обѣда—мороженое и кофе. Когда я, однажды, хозяину трактира, такъ дешево угощавшему насъ, пріѣзжихъ мотовъ, изъявилъ мое санктпетербургское удивленіе, онъ сказалъ мнѣ: «Если бы только двадцать человѣкъ постоянно, каждый день здѣсь у меня обѣдали, я былъ бы совершенно счастливъ и кормилъ бы еще лучше.»

О пятнахъ и дырахъ на столовомъ бѣльѣ упоминается по тому поводу, что сегодня же утромъ читалъ я въ le Nord трогательное описаніе обѣда въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ трактировъ: супъ и три блюда, безъ кофе, на «самомъ грубомъ фарфорѣ» и на скатерти, усѣянной дырами и пятнами, *по четыре рубля съ персоны*. Подлинность таковыхъ дыръ и пятенъ свидѣтельствую, равно-какъ и десятилѣтнюю давность оныхъ. Покойный другъ мой Михайло Николаевичь Загоскинъ, который пламенно любилъ Бѣлокаменную и старался показывать ее пріѣзжимъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, былъ того мнѣнія, что стыдъ часто бывать въ Москвѣ и не знать, что́ такое Новотроицкій Трактиръ, гдѣ каждый день обѣдаютъ человѣкъ по полтораста и по двѣсти, гдѣ чаю въ сутки потребляютъ по полупуда, сахара пудовъ по пяти, гдѣ

разныхъ настоекъ выпиваютъ ведеръ по пятидесяти, и такъ далѣе. Надо было смыть съ себя такой ужасный стыдъ, и я согласился подвергнуться китай-городскому трактирному обѣду. Мы поѣхали вмѣстѣ: въ послѣдней, самой фешенебельной комнаткѣ, на столѣ — простой фаянсъ, кое-гдѣ пятна и дыры, за столомъ—*французскій супъ* (жиденькое и жирное пюрѐ изъ шпината, грубаго приготовленія), пожарскія котлетки, родъ сотѐ или жаркаго изъ рябчиковъ, блюдо ниже посредственнаго, четыре обыкновенныя груши въ видѣ десерта, полбутылки портера и двѣ чашки кофе: за все — *семь съ полтиною*. Я замѣтилъ Загоскину, что это вовсе и не такъ отлично и не такъ дешево, какъ онъ увѣрялъ. Мой другъ, не любившій безполезной траты денегъ, тотчасъ же передалъ это замѣчаніе хозяину трактира, который тутъ случился и былъ его старинный знакомецъ. Но, когда хозяинъ знаменитаго заведенія изложилъ намъ, свѣтло и отчетливо, всю теорію содержанія трактира подъ сѣнью фантастическихъ цѣнъ и расходовъ искусственной промышлености, мы оба согласились съ нимъ безпрекословно что семь съ полтиною совсѣмъ-недорого—дешевле нельзя — и что всѣ эти пятна и дыры совершенно на своемъ мѣстѣ. Безъ этихъ дыръ и пятенъ— безъ этихъ семи рублей съ полтиною — нужно было бы закрыть заведеніе. Не изъ чего содержать!

Нынче и въ Гельсингфорсѣ все уже почти

такъ же дорого, какъ у насъ; а если по нѣкоторымъ статьямъ еще не достигли нашей дороговизны, то обѣщаютъ вскорѣ поровняться съ нами: надо только дать время вырости и укрѣпиться искусственной внутренней фабричности, которая вѣкъ ходитъ на-помочахъ и безъ нихъ ходить не умѣетъ.

Трактирными хрониками, по-случаю нашихъ трактировъ, занятыхъ въ настоящее время толпами богатыхъ и небогатыхъ, пишущихъ и не пишущихъ путешественниковъ, наполнены теперь всѣ газеты, русскія и иностранныя. Это могло бы послужить мнѣ оправданіемъ въ тяжкой винѣ новаго утомленія такихъ любезныхъ и милыхъ читателей, каковы читатели «Сына Отечества», разсказами такого неблагороднаго рода. Но я разсказываю не длятого, чтобы пѣть передъ вами заунывныя элегіи о нѣсколькихъ цѣлковыхъ и раздирать вамъ сердце жалобами на жестокія и незаслуженныя цѣны, которыми караетъ насъ внутренняя «промышленая дѣятельность» наша. Напротивъ, я разсказываю только для вящшей ясности вопроса о происхожденіи того, на что́ всѣ жалуются: я хочу показать, что эта дороговизна, эти жестокія цѣны совершенно-натуральны. Да и какъ не быть имъ натуральными, когда онѣ существуютъ?... Ужасно-натуральны! натуральны какъ причина и ея логическое слѣдствіе. А причина —наша несчастная страсть къ подражанію всему заморскому, всему нѣмецкому. Вздумалось за-

морскимъ нѣмцамъ фабричничать на теоретическихъ костыляхъ: дай-ка станемъ фабричничать и мы по тому же образу — фабричничать напропалую — а тамъ что́ Богъ дастъ. Не удастся, дѣлать нечего! По-крайней-мѣрѣ, не скажутъ, что мы не подражали. Разоримся— бѣда не велика! Земля наша широка и обильна, какъ говоритъ Несторъ: *русскому любо разорятися.*

Тутъ, однако, весьма-примѣчательное обстоятельство должно бы поражать собою глубокомысленность великихъ философовъ, поднимающихъ вопль на нашу дороговизну и въ то же время защищающихъ теоретическую фабричность.

Во всѣхъ европейскихъ земляхъ, гдѣ ни ведется донынѣ, или гдѣ ни былъ въ дѣйствіи протекціонизмъ, оказалъ онъ одинаковое вліяніе на экономію страны: произвелъ дороговизну —болѣе, или менѣе значительное противъ прежняго возвышеніе цѣнъ на всѣ статьи потребленія. Но эти сравнительныя дороговизны — пигмеи возлѣ великанской дороговизны, произведенной у насъ совершенно тѣмъ же путемъ и способомъ. Мы еще называемъ ихъ «удивительными дешевизнами»; мы находимъ, что французамъ, нѣмцамъ, австрійцамъ, неаполитанцамъ стыдно кричать, будто у нихъ все дорого, когда у нихъ все вдвое, втрое, вчетверо дешевле, чѣмъ у насъ. Откуда же такая страшная разница? Должно заключить попросту—и это очень-легко доказать весьма-«научнымъ» и тяжелымъ обра-

зомъ — что, несмотря на самую сильную протекцію, элементовъ для сноснаго существованія и дѣйствія фабричной промышлености у насъ втрое и вчетверо менѣе, чѣмъ въ тѣхъ земляхъ, а постоянныхъ препятствій и убыточныхъ случайностей впятеро и вшестеро болѣе. Тамъ частое народонаселеніе, малоземельность, особенно гражданскія учрежденія значительно приготовили-было общественную почву къ обширному фабричному трудолюбію. Близкія разстоянія и вѣковою ученою практикою усовершенствованное судопроизводство существенно обезпечивали быстрый, правильный ходъ спекуляцій и вѣрность промышленыхъ сдѣлокъ. Наконецъ, крайняя бѣдность, можно сказать, совершенная нищета значительныхъ частей народа, спасающихся отъ голода, за недостаткомъ въ мѣстной работѣ, ежегодными эмиграціями въ Америку, Африку, Азію, Австралію, нѣкоторымъ-образомъ и оправдывала пожертвованія, требуемыя отъ публики протекціею въ пользу ея питомицы, фабричности, искусственно водворяемой. Спрашиваю: гдѣ же это у насъ? И благодарю Бога, что до-сихъ-поръ не вижу на нашей землѣ и десятой доли этихъ коренныхъ *элементовъ фабричности*. А безъ нихъ какъ произвести что-нибудь и хорошо и недорого?

Имѣлъ я честь представить вамъ нѣкогда короткій и ясный разсчетъ тѣхъ барышей, корые въ фабричномъ дѣлѣ можетъ принести самый крошечный капиталъ, ворочающійся съ

достаточной быстротою. Вы видѣли, что если къ каждому вечеру изготовлять только на 25 рублей какого-нибудь издѣлія и каждое утро сбывать это издѣліе за 60 рублей *посредствомъ розничной продажи* — во многихъ производствахъ можно такимъ образомъ получить барыша и болѣе, чѣмъ сто процентовъ — то на 25 рубляхъ капитала въ первый уже годъ можно нажить 10,500 рублей чистой прибыли. Изготовляя и «спуская» товара на этотъ же капиталъ и по той же цѣнѣ по десяти, пятнадцати, или двадцати разъ въ сутки, можно выручить мильйоны. Но это не иначе, какъ будучи вмѣстѣ и фабрикантомъ и лавочникомъ, то-есть и производителемъ издѣлія и продавцомъ его маленькими количествами по такъ-называемымъ *продажнымъ* цѣнамъ — по цѣнамъ, существующимъ во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ, торгующихъ тѣмъ же издѣліемъ. Тогда въ рукахъ производителя скопляются и остаются двойные барыши: барыши фабриканта и барыши купца, продающаго помелочно или, говоря коммерчески, «торговца».

Но никакое фабричное предпріятіе, кромѣ самыхъ крошечныхъ, не можетъ полагать надеждъ своихъ на такой сбытъ, хотя и многіе вовсе не гнушаются содержать, при фабрикѣ и отдѣльно, свои собственные магазины, или лавки. Относительно къ сбыту производимаго издѣлія фабрикантъ совершенно зависитъ отъ этой несмѣтной стаи розничныхъ торговцевъ, которая гнѣз-

дится въ гостиныхъ и другихъ «дворахъ», на всѣхъ улицахъ, почти во всѣхъ домахъ нашихъ городовъ. Съ ними долженъ онъ щедро подѣлиться своими барышами: него они его «задавятъ» — техническій терминъ нашей коммерціи. Они обезславятъ его издѣліе передъ покупающимъ классомъ, отзываясь равнодушно, или презрительно: «Извольте поискать подальше. Мы такого товара не держимъ...» — Зачѣмъ? — «Да нейдетъ! никто его не спрашиваетъ... И, въ-самомъ дѣлѣ, товаръ-то... не такъ-то... чтобы сказать... хорошъ. Случалось прежде, нѣкоторые покупали и потомъ приносили обратно въ лавку промѣнять съ убыткомъ на что-нибудь другое. Издѣлія другихъ фабрикъ несравненно-лучше.» И тутъ станутъ усердно рекомендовать вамъ гораздо-худшее издѣліе другаго фабриканта, который даетъ имъ болѣе выгодную скидку, или побольше вѣритъ въ долгъ. «Вотъ, извольте посмотрѣть, этотъ товаръ: какая разница! не уступитъ ни въ чемъ иностранному... Нарочно пріѣжали изъ-за границы посмотрѣть и удостовѣриться... Въ концѣ прошедшей недѣли три англичанина повѣсились съ отчаянія среди Щукина Двора.»

Пока фабрикантъ неизвѣстенъ и не достигъ значительнаго сбыта, онъ рабъ и жертва розничныхъ продавцовъ. Но какъ-скоро «пойдетъ въ ходъ», прославится, разбогатѣетъ и будетъ въ-состояніи отпускать имъ много въ кредитъ, то, въ свою очередь, онъ дѣлается ихъ тира-

номъ: онъ запрещаетъ имъ торговать издѣліями другихъ фабрикъ, нсто онъ требуетъ немедленной уплаты долговъ и впередъ кредита имъ не дѣлаетъ. А, между-тѣмъ, они уже увѣрили публику, что издѣліе его превосходнѣе всѣхъ-возможныхъ, хотя, по обыкновенію, разбогатѣвшій фабрикантъ, держа въ рукахъ всю ватагу розничныхъ торговцевъ, и позволяетъ себѣ работать все хуже и хуже, то-есть старается выгадать заранѣе на качествѣ издѣлія то, что̀ нужно будетъ вслѣдъ затѣмъ потерять на его количествѣ, отпущенномъ въ кредитъ въ тысячи рукъ, вообще довольно-сомнительныхъ, въ сотни дальнихъ городовъ, гдѣ такихъ рукъ и не отъищешь, когда имъ вздумается быть невѣрными. По счетамъ, такой фабрикантъ просто Крезъ, или Ротшильдъ. Кромѣ производящагося издѣлія, еще не сошедшаго со станковъ и верстаковъ, и кромѣ издѣлія, уже внесеннаго въ кладовыя — тому и другому нарицательная цѣна мильйоны — *на книгѣ* у него тысячъ вссемьсотъ и болѣе. Сотни торговцевъ должны ему эту колоссальную сумму, которую можно уже считать чистымъ его барышомъ, потому-что фабрика дѣйствуетъ безъ нея. Эта сумма постоянно въ долгу за подвластными ему содержателями лавокъ и магазиновъ. Но скажи онъ: «полно! я богатъ, не хочу работать долѣе, закрываю фабрику и заключаю мои счеты: отдайте мнѣ мои восемьсотъ тысячъ!» можете быть увѣрены, что онъ не взыщетъ и десятой доли. У торговцевъ, требую-

щихъ кредита, никогда не бываетъ такихъ денегъ, которыя могли бы они вынуть вдругъ изъ своего оборота. Съ другой стороны, какъ-скоро разсорится онъ съ торговцами, всѣ его изготовленныя сокровища въ товарѣ, или издѣліи оттанутся у него на рукахъ. А, между-тѣмъ, при заключеніи счетовъ, ему нужно расплатиться со всѣми, кому только онъ ни долженъ по поставкамъ и отпускамъ матеріаловъ для фабрики. И вотъ изъ Креза онъ банкротъ. Въ избѣжаніе столь непріятнаго результата, волею, или неволею, онъ долженъ продолжать фабрику безконечно, вѣчно быть фабрикантомъ, вѣчно считаться мильйонщикомъ по книгѣ и нерѣдко искать денегъ взаймы подъ залогъ великолѣпныхъ домовъ, выстроенныхъ въ счетъ мнимаго богатства. Когда-нибудь наконецъ фабрика лопнетъ, не въ его рукахъ, такъ въ рукахъ сына, или племянника.

Такова всеобщая исторія фабрикъ.

Какъ вы изволите видѣть, крѣпко разжившійся фабрикантъ — настоящій монополистъ и тѣмъ только отличается отъ оффиціальнаго монополиста, что ничего не платитъ казнѣ за привилегію. Столько же, то-есть гораздо-болѣе, было бы пользы для казны, для народнаго богатства и для публики — закрыть всѣ малыя фабрики, которымъ онъ не оставляетъ почти никакой поживы, и отдать его часть на откупъ компаніи, съ правомъ производить и сбывать это издѣліе ей одной на все государство и съ

угрозою, что, буде она вздумаетъ работать дурно, или продавать дорого, на нее тотчасъ напустятъ англійскія издѣлія безпошлинно.

Слова «привилегированная монополія» въ-состояніи привести въ ужасъ всякое образованное общество: по особенной добротѣ сердца своего, оно требуетъ, чтобы всѣ были допускаемы къ раздѣлу выгодъ, доставляемыхъ фабричными предпріятіями, надѣясь втихомолку, что изъ этого родится соперничество, фабриканты станутъ разорять другъ друга, и оно будетъ покупать чудесныя издѣлія по ничтожнымъ цѣнамъ. А, между-тѣмъ, оно безпрестанно находится подъ игомъ разныхъ таинственныхъ монополій, которыя обираютъ его по своему произволу и съ которыми даже нѣтъ расправы. Невѣдѣніе — большое счастіе! Торговля и фабричность — двѣ древнѣйшія на землѣ мистеріи, которыя завѣтныхъ тайнъ своихъ никогда не любили сообщать непосвященной толпѣ. Поэтому каждый образованный человѣкъ въ Европѣ несравненно-яснѣе понимаетъ индійскую ѳеогонію, чѣмъ внутренній механизмъ торговой и фабричной промышлености, которыя производятся у него на глазахъ и съ которыми имѣетъ онъ дѣло ежедневно. Общество и торговля — два совершенно отдѣльные міра, знающіе другъ о другѣ только по невѣрнымъ преданіямъ.

Не подлежитъ спору, состоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, не можетъ быть опровержено ни математикою, ни политической экономіей, ни фелье-

тономъ, что великіе философы, которые дѣлаютъ столько шума о чудесахъ фабричной промышлености, производящей *все* вдругъ (кромѣ перца), и тутъ же кричатъ противъ дороговизны, обвиняютъ въ ней наше купечество, приказываютъ русскому торговцу довольствоваться *десятью процентами барыша*, что эти великіе философы по части торговли и фабричности блаженствуютъ въ полномъ невѣдѣніи дѣлъ сего міра. Это дѣлаетъ имъ честь. Значитъ, они еще не совсѣмъ невинны—не понимаютъ разныхъ каверзъ и коварствъ человѣческихъ, о торговлѣ судятъ по какимъ-то сказкамъ, вѣрятъ добродушію фабричностей и, когда тѣ порядочно ихъ надувзютъ, готовы прижать благодѣтельницъ къ сердцу, въ порывѣ благодарности. Я вижу ясно, что они не понимаютъ даже и того, что́ такое цѣны *фабричная* и *продажная*, къ чему онѣ служатъ, кѣмъ и какъ учреждаются.

Вотъ торговая аксіома: никакой розничный торговецъ не можетъ содержать въ большомъ городѣ благопристойной лавки, не получая тридцати, или, среднимъ числомъ, по-крайней-мѣрѣ, двадцати-пяти процентовъ.

Если вы нелицемѣрные друзья фабричной и торговой промышлености, то вашъ долгъ— безмолвно дать съ себя содрать полныхъ тридцать процентовъ честному торговцу за то только, что онъ, торговецъ, сидитъ въ лавкѣ съ товаромъ и ждетъ васъ, покупателя. Въ-противномъ-слу-

чаѣ, вы доведете его до разоренія. Торгующіе съѣстнымъ товаромъ и вообще статьями, подверженными быстрой порчѣ, должны заранѣе бѣжать изъ лавокъ, если не имѣютъ въ виду стадвадцати процентовъ выгоды на томъ, что̀ будетъ спасено продажею отъ порчи.

Когда фабрикантъ говоритъ, что онъ производитъ издѣлія на мильйонъ втеченіе года, то это значитъ, что издѣліе сто̀итъ половину этой суммы—вѣроятно, около 550,000. Если капиталъ его оборачивается успѣшно, быстро, напримѣръ, разъ десять втеченіе года, такъ-что онъ едва успѣваетъ удовлетворять требованія, то на созданіе этого знаменитаго мильйона рублей въ издѣліи употреблено не болѣе какихъ-нибудь ста тысячъ настоящаго капитала. Самъ фабрикантъ, разумѣется, никогда вамъ этого не скажетъ; да и я не сказалъ бы, если бы имѣлъ честь быть вашимъ фабрикантомъ, или вашимъ торговцемъ: благосостояніе всякаго промышленаго предпріятія зависитъ отъ множества большихъ и малыхъ тайнъ, которыя надо умѣть хранить, или разглашать съ особеннымъ искусствомъ. Но кто знаетъ теорію фабричныхъ вычисленій, тому нетрудно угадать истину, иногда по одному неосторожному слову. Слова велики. Услышавъ: «мильйонъ!» вы готовы снять шапку передъ такою лучезарною фабрикою; а настоящее значеніе словъ ничтожно.

Изъ этого мильйона на матеріалъ и работу или на фабричную стоимость издѣлія нужно

прежде всего отчесть около 550,000. Остальныя 450,000 должны быть взяты съ публики. Это составляетъ 80 процентовъ на фабричную стоимость. Многія издѣлія даютъ гораздо-болѣе — нѣкоторыя сто-двадцать, другія сто-пятьдесятъ, сто-семьдесятъ-пять; но въ общемъ разсчетѣ надо принимать проценты средніе, самые обыкновенные, именно восемьдесятъ, и тамъ, гдѣ фабрики держатся только протекціей высокихъ цѣнъ, не совѣтую вамъ рисковать и двугривеннымъ на фабричное предпріятіе, которое, по самой точной смѣтѣ, не обѣщаетъ, по-крайней-мѣрѣ, восьмидесяти процентовъ прибыли. Даже и обложенная высокою пошлиною, ограниченная казенною таксою, фабрикація папиросъ даетъ, изъ чистыхъ американскихъ и турецкихъ табаковъ, *безъ фальши*, восемьдесятъ процентовъ, а *съ фальшею*, съ подбавкою Малороссіи и Саратова, до ста-двадцати процентовъ. Сигары, въ искусныхъ рукахъ, даютъ и болѣе. Курительный табакъ даетъ вообще менѣе; но недочетъ въ процентахъ на стоимость вознаграждается другими выгодами.

Изъ этихъ 450,000 или 80 процентовъ на стоимость фабрикантъ долженъ отдать розничнымъ торговцамъ 30 процентовъ *съ продажной цѣны*, то-есть съ цѣлаго мильйона своего: значитъ, долженъ отдать до 300,000 рублей. Остальныя 150,000 рублей серебромъ — его личный барышъ, но барышъ чрезвычайно условный. Во-первыхъ, на содержаніе фабричныхъ строе-

ній, освѣщеніе, отопленіе, прислугу, на наемъ кладовыхъ и конторъ, на поѣздки, посылки, извозъ, случайные убытки, потери черезъ порчу, недосмотръ и покражу и прочая, нужно отдѣлить процентовъ 10, или 12 со 150,000. Остается уже только 140,000. Треть этой суммы будетъ существовать лишь номинально, находясь постоянно *на книгѣ*, то-есть въ долгу за торговцами всей Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ втеченіе года непремѣнно объявятъ себя, или будутъ объявлены несостоятельными. Иные, задолжавъ значительно фабриканту, вдругъ исчезнутъ изъ города, гдѣ торговали, и извольте искать ихъ отъ Архангельска до Эривани и отъ Иркутска до Варшавы. Да если и отъищете, что̀ съ ними дѣлать? Подавать ли на нихъ жалобы за тридевять земель? заводить ли съ ними процессъ? черезъ кого? какъ? для какой пользы? Другая треть суммы поступитъ въ кассу въ видѣ векселей на девять, тринадцать и восемьнадцать мѣсяцевъ отъ болѣе значительныхъ купцовъ, производящихъ родъ оптовой торговли; а въ десятилѣтней сложности, по весьма умѣренному счету, еще и треть этихъ векселей, навѣрно, подвергнется безполезнымъ протестамъ и поступитъ въ кредиторскіе комитеты, такъ-что фабрикантъ не увидитъ по нимъ ни копейки. Фабрика производитъ на мильйонъ, а у фабриканта никогда нѣтъ и 40,000 наличныхъ въ избыткѣ.

Вотъ какъ быстро и непріятно уменьшаются до незначительнаго итога тѣ огромные барыши,

на которые польстился жадный фабрикантъ подъ защитою высокихъ цѣнъ протекціи. Издѣліе его дорого; но и все, къ чему онъ ни прикоснется, такъ же дорого, какъ и его издѣліе. Общая дороговизна затрудняетъ общее движеніе денегъ. Мелкіе торговцы по-милости ея всегда близки къ нищетѣ, не сдерживаютъ обязательствъ, безпрестанно дѣлаются несостоятельными, или просятъ отсрочекъ. Фабриканту никогда не платятъ во́-время; а это часто еще хуже, чѣмъ вовсе не заплатить, объявивъ о невозможности заранѣе. И онъ въ безпрерывномъ затрудненіи. И фабрика дѣйствуетъ «безъ размаха»—sans essor, ohne Schwung. И издѣліе не улучшается. И даже издали не видна та обѣтованная будущность, когда фабричность не станетъ болѣе нуждаться въ протекціи. А, междутѣмъ, несмотря на строгость фабричной тайны и на всѣ предосторожности фабриканта, иной смышленый подмастерье успѣетъ разсчесть, что хозяину издѣліе сто́итъ девять, а въ продажѣ идетъ оно восемьнадцать рублей, и сообщитъ товарищамъ, что вотъ, дескать, хозяинъ платитъ намъ бездѣлицу, а за нашъ трудъ получаетъ чистыхъ восемьдесять процентовъ. Ни онъ, ни его товарищи не знаютъ, что изъ этихъ восьмидесяти процентовъ, за всѣми убытками, хозяину едва остается пять-шесть процентовъ прибыли на первоначальный капиталъ, что на дѣлѣ онъ, можетъ-статься, работаетъ и въ убы-

токъ. Но этого уже достаточно, чтобы возбудить ихъ зависть и озлобленіе.

Если аршинъ, фунтъ, или пудъ издѣлія стóитъ фабриканту въ матеріалѣ и работѣ 10 рублей и онъ долженъ получить на нихъ 80 процентовъ, то онъ объявляетъ, что крайняя и рѣшительная цѣна пуду, фунту, или аршину 18 рублей, и съ этихъ 18 рублей дѣлаетъ онъ скидку 80 процентовъ розничному торговцу, уступая ему аршинъ, пудъ, или фунтъ за 13 рублей, но съ-тѣмъ, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не продавалъ его издѣлія у себя въ лавкѣ дешевле 18 рублей: можетъ, если угодно, запрашивать вдвое и втрое, но если станетъ «портить» ему цѣну уступками изъ нужды въ деньгахъ, или изъ «уваженія» къ покупателю, то въ другой разъ товара не получитъ не только въ кредитъ, но даже и за наличныя деньги. Этотъ заговоръ противъ кармана покупателей считается и у фабрикантовъ и у купцовъ совершенно-честною и правильною сдѣлкою, законнымъ порядкомъ. Осмотрительные хозяева фабрикъ такъ строги въ этомъ отношеніи, что лучшему другу, матери, родной сестрѣ не спустятъ ни копейки съ 18 рублей, если тѣ не держатъ лавокъ—чтобы «не портить цѣны за издѣліе»—между-тѣмъ, какъ первому пришельцу въ сибиркѣ, который назоветъ себя торговцемъ, отдаютъ безъ разговора по 13 рублей, то-есть со скидкою тридцати процентовъ.

Первая изъ трехъ цѣнъ (10 рублей) назы-

вается *фабричною стоимостью*, valeur de fabrique, вторая (13 рублей) — *фабричною цѣною*, третья 18 рублей) — *продажною цѣною*.

Пусть великіе философы рѣшатъ теперь сами, мудро ли бранятъ они русскихъ купцовъ за то, что тѣ не довольствуются десятью процентами, когда любезнѣйшіе пріятели великихъ философовъ, протекціонные фабриканты, формально запрещаютъ имъ дать менѣе, чѣмъ по тридцати процентовъ, со всѣхъ безъ изъятія философовъ, и великихъ и малыхъ. Нѣкоторые фабриканты даютъ торговцамъ скидки 40, 50 и 60 процентовъ съ продажной цѣны и все съ тѣмъ условіемъ—не портить цѣнъ, не продавать издѣлія ниже цѣны, назначенной фабрикою для публики. Но слишкомъ-высокія скидки не одобряются фабричною мудростью: торговцы получаютъ дурное мнѣніе о состояніи дѣлъ фабриканта, предполагаютъ крайнюю нужду въ деньгахъ съ его стороны и дѣлаются несговорчивыми.

Великіе философы, быть-можетъ, думаютъ, что рабатъ въ 30 процентовъ—золотая розсыпь, на которой торговецъ, особенно при искусственной дороговизнѣ, можетъ въ нѣсколько дней составить себѣ фортуну и получить «страсть къ роскоши». Но эту розсыпь можно вычислить до послѣдней песчинки. Возьмемъ папиросы, товаръ самый выгодный для торговца: этотъ товаръ, какъ хлѣбъ, не выходитъ изъ моды, требуется постоянно во всѣхъ частяхъ горо-

и, какого бы качества ни былъ, можетъ всегда быть проданъ до послѣдней пачки. Всѣ папиросныя фабрики даютъ торговцамъ скидку въ 30 процентовъ съ продажной цѣны, то-есть отдаютъ имъ за шесть рублей тысячу штукъ съ-тѣмъ, чтобы онъ продалъ ее публикѣ за 8 рублей 40 копеекъ. Другими словами, съ каждой тысячи папиросъ торговецъ получаетъ чистаго барыша 2 рубля 40 копеекъ.

Наемъ очень-скромной лавки, не въ самомъ лучшемъ, а въ порядочномъ мѣстѣ, обходится ему не дешевле 400 рублей. Отопленіе, освѣщеніе, содержаніе чистоты 120 рублей въ годъ. Устройство и торговое обзаведеніе лавки рублей 900 вдругъ, или 150 рублей въ годъ, если раздѣлить эту важную издержку на шесть лѣтъ; гильдейскія и другія повинности 150 рублей; прикащикъ по 15 рублей въ мѣсяцъ, съ его кушаньемъ, 180 рублей. Кажется, я не преувеличиваю расходовъ. Капиталецъ на покупку папиросъ, сигаръ, струнъ, трубокъ, иголокъ, булавокъ 420 рублей. Наемъ квартиры для торговца и его семейства, по 20 рублей въ мѣсяцъ, 240 рублей. Имъ же на щи, кашу, лукъ, молоко, чай, сахаръ, дрова, свѣчи, по 60 рублей въ мѣсяцъ, 720. На юбку для супруги торговца, на сорочки для дѣтей, на сюртукъ, шинель и резиновыя галоши для господина купца ничего не полагается: пусть одѣваются какъ хотятъ. Итого 2,400 рублей въ годъ. Вы видите, что все это бѣдно до нищеты, а требуетъ уже

издержекъ 2,400 рублей. Въ Петербургѣ не найдете ни одной благопристойной лавки, содержаніе которой не стоило бы въ годъ болѣе 3,000 рублей, со включеніемъ насущнаго хлѣба хозяевъ.

Сколько же этотъ бѣдный торговецъ долженъ продать тысячъ папиросъ въ годъ, чтобы по 2 рубля 40 копеекъ съ тысячи прежде всего выручить 2,400 рублей, безъ которыхъ его выгонятъ изъ лавки, изъ квартиры и изъ гильдіи?

Ровно мильйонъ.

Мильйонъ папиросъ, по пачкамъ въ десять и двадцать-пять штукъ! Легко ли это? О барышахъ, о прибыли, о процентахъ, объ умноженіи товара въ лавкѣ тутъ еще нѣтъ и рѣчи; о роскоши — и подавно. Въ триста торговыхъ дней нужно ежедневно продать слишкомъ по три тысячи папиросъ, чтобы только имѣть право отпереть ставни своей лавки и самому не умереть съ голода, при *тридцати* процентахъ работа. А великіе философы не позволяютъ брать болѣе *десяти* и въ двадцати процентахъ видятъ уже непозволительное посягательство на свой карманъ и явную страсть къ роскоши!

По этому примѣру легко разсчесть, сколько надо продать тысячъ ящиковъ, аршинъ, или фунтовъ товара и какіе взять проценты съ покупателя, когда магазинъ, весь въ золотѣ, зеркалахъ и коврахъ, помѣщается на Невскомъ Проспектѣ, въ Шолковой Линіи Гостинаго Двора, или на Кузнецкомъ Мосту, когда наемъ и содержаніе ма-

газина стóятъ тысячъ шесть, восемь и десять.

Позвольте, кстати, сдѣлать еще коротенькое, но совершенно-необходимое замѣчаніе касательно неизбѣжной нужды для торговли и неоспоримаго права для торговца возвышать цѣну на товаръ, какъ-скоро этотъ товаръ остановится рѣдкимъ на рынкѣ. Въ этихъ возвышеніяхъ очень-тонкіе наблюдатели усмотрѣли явную хитрость русскаго купечества, удивительное умѣнье его «воспользоваться случаемъ» и нажить «большіе барыши».

Долженъ ли, спрашиваю, нашъ торговецъ, изъ лавочки котораго мы сейчасъ вышли, прежде всего и во чтó бы то ни стало, продать мильйонъ папиросъ въ годъ и выручить на нихъ 2,400 рублей серебромъ, чтобы уплатить по контракту за лавку, внести гильдейскія повинности и удовлетворить самыя первыя и самыя необходимыя издержки? Въ этомъ, кажется, не сомнѣваются и самые тонкіе наблюдатели. Но за-то и нельзя сомнѣваться, что они рѣшительно не угадываютъ, чтó такое нужно прежде всего, когда нужно, во чтó бы то ни стало, продать мильйонъ папиросъ. Впрочемъ, это ужасно-трудно угадать. Лучше прямо открыть великій торговый секретъ: нужно прежде всего имѣть мильйонъ папиросъ. Нужно добыть его откуда бы то ни было. Ну, а если въ который-нибудь годъ у папиросныхъ фабрикантовъ окажется папиросъ слишкомъ-мало для снабженія всѣхъ существую-

щихъ папиросныхъ лавокъ, и тѣ изъ нихъ, которыя получали по мильйону, получатъ только по пятисотъ тысячъ на весь годъ, что̀ тогда имъ дѣлать? Очевидно, что для торговца, который хочетъ спасти лавку и не умереть голодною смертью, единственное въ такомъ случаѣ средство—удвоить цѣну на товаръ и на пятистахъ тысячахъ папиросъ прежде всего выручить тѣ 2,400 рублей, которые выручалъ нѣкогда на мильйонѣ. Но и тутъ еще найдется онъ не въ завидномъ положеніи. При удвоенной цѣнѣ, покупателей будетъ менѣе, и онъ часто останется безъ обѣда. «Большіе барыши», когда торговать нечѣмъ, когда на рынкѣ нѣтъ товара!... Вотъ какъ тонкіе наблюдатели хорошо понимаютъ торговлю!

Возвратимся еще на-минутку къ тридцати процентамъ, рабату, общепринятому въ розничной торговлѣ: книги, бумаги, ткани шелковыя, шерстяныя, льняныя, бумажныя, металлы и металлическія издѣлія, пушной и кожаный товаръ, все, что̀ ни продаютъ въ лавкахъ, отъ шали до лаптей, достается потребителю 30 процентами дороже фабричныхъ цѣнъ и 25, или 20 дороже цѣнъ оптовыхъ. Даже и булочники скидываютъ поставщикамъ съ бѣлаго хлѣба до 30 процентовъ, метръ-д'отелямъ большихъ домовъ и разнощикамъ 20, кухаркамъ и лакеямъ семействъ средняго состоянія 10. Но оптовымъ купцамъ фабрики часто даютъ 40 и 50 процентовъ скидки, е[illegible] тѣ являются съ наличными деньгами: тогда у

оптовой купецъ уступаетъ розничному отъ себя 30 процентовъ съ продажной цѣны. Очень-немногія статьи быстраго сбыта, не подверженныя ни порчѣ, ни модѣ, въ-состояніи выдержать двадцать-пять и двадцать процентовъ.

Вы видѣли что на лучшемъ изъ всѣхъ товарѣ, папиросахъ, очень-трудно, при 30 процентахъ пользы, прожить отъ новаго до новаго года, когда для поддержанія фабрикъ цѣны на все прочее возвышены непомѣрно. Я желаю, чтобы вы еще лучше убѣдились, что при этихъ системахъ точно такъ же бѣдствуютъ и фабричность и торговля, какъ и общество, которое онѣ разоряютъ.

Если лавка торгуетъ товаромъ, который продается аршинами по цѣнамъ отъ двѣнадцати копеекъ до рубля, или, среднимъ числомъ, по полтинѣ, и если содержаніе такого заведенія обходится въ годъ не болѣе 3,000 руб., что́, при нашихъ цѣнахъ, едва возможно на Щукиномъ, гдѣ торгуютъ въ мышьихъ дыркахъ, *безъ печей и безъ свѣчей*, то сколько аршинъ разныхъ тканей нужно продать въ 300 дней, чтобы выручить 3,000 рублей, однѣ только издержки содержанія? Какъ средняя цѣна аршина 50 коп., то 30 процентовъ составятъ около 15 копеекъ. Три цѣлковыхъ прибыли получится отъ продажи 20 аршинъ: слѣдовательно, надо продать 20,000 аршинъ въ 300 дней, чтобы набрать 3,000 рублей на самыя первыя потребности. Легко ли это?

Вотъ почему весьма-естественно приходится или назначать «рѣшительныя цѣны», очень-высокія, или запрашивать втрое и болѣе, торговаться, лгать, божиться, чтобы стянуть хоть съ одного изъ трехъ покупателей что-нибудь въ подмогу къ рабату.

Посмотримъ ремёсла.

Однажды говорили мы о портныхъ, классѣ промышлениковъ, чрезвычайно-интересномъ, который деретъ съ людей кожу и одѣваетъ ихъ во фраки. Портной платитъ работнику 6 и 7 рублей поштучно за шитье кафтана, или сюртука. Шелковыя пуговицы и мелкій матеріалъ стóятъ ему отъ полтора до двухъ и болѣе рублей. Итого, круглымъ счетомъ, 9 рублей, кромѣ сукна и подкладки. Портной беретъ съ васъ не 30, а 50 и болѣе процентовъ пользы, беретъ рублей 14 взамѣнъ своихъ 9, и, при всемъ томъ, онъ едва сводитъ концы съ концами. Получая съ сюртука и съ фрака по 5 рублей лишнихъ, ему надо сшить 125 сюртуковъ и 125 фраковъ въ 250 рабочихъ дней, или по платью въ день, чтобы добыть 1,250 рублей на уплату найма квартиры для мастерскихъ и для себя, на дрова и свѣчи. Легко ли это? О пропитаніи и одеждѣ хозяина, жены и дѣтей тутъ еще нѣтъ и рѣчи.

Нѣтъ сомнѣнія и спора быть не можетъ, что когда публика приноситъ на жертвенникъ розничной торговли тридцать, а на нѣкоторыхъ статьяхъ сорокъ и пятьдесятъ процентовъ, то

это ровно, сколько нужно для простаго существованія этого рода промышлености. Надо же заплатить за удовольствіе имѣть повсюду лавки и магазины! Тридцать процентовъ, болѣе, или менѣе, приняты во всемъ торговомъ мірѣ, и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ теоретическая фабричность, гдѣ всѣ цѣны высоки, и тамъ, гдѣ ея нѣтъ и все продается дешевле. Но для общества, для покупателя, огромная разница—бросить 30 процентовъ лишнихъ, когда продажная цѣна предмета дошла до 9 рублей, и 30 процентовъ, когда цѣна того же предмета не выше 3 рублей. Въ первомъ случаѣ 30 процентовъ составляютъ около 3 рублей, во второмъ около цѣлковаго!

Взглянемъ еще па механическія художества.

Съ перваго взгляда, богатѣйшее въ свѣтѣ дѣло—фортепьянная фабрика: тутъ берутъ уже не по 30 или 50, а по 150 и 200 процентовъ. Зажиточному фортепьянному мастеру, который втеченіе многихъ лѣтъ набилъ свои нары и сараи большимъ запасомъ стараго и сухаго лѣса, флигель, или рояль въ матеріалѣ и работѣ стóитъ 180 рублей; а продаетъ онъ его за 500, 525 и 600 рублей. Новому и бѣдному такой инструментъ обойдется въ 200, 215 и 225 рублей. Возьмемъ 225 за фабричную стоимость нормальную, такъ-какъ противъ одного богатаго инструментальнаго фабриканта найдется, по-крайней-мѣрѣ, полсотни бѣдныхъ. Это значитъ 300 рублей или 130 процентовъ пользы, если продажная по прейсъ-куранту цѣна назначено 525 ру-

блей. Правда, что вмѣстѣ съ роялями идетъ въ продажу много четырехугольныхъ фортепьянъ, пьянино, роялино, на которыхъ, по малости ихъ продажной цѣны, нельзя зарабатывать по триста рублей серебромъ; но этотъ недочетъ вознаграждается маленькими коммерческими хитростями. Оклеить сосновый ящикъ, или корпусъ инструмента тоненькимъ листомъ (фанеркою) краснаго, орѣховаго, или палисандроваго дерева не составляетъ въ матеріалѣ и трехъ цѣлковыхъ разницы, а въ работѣ даже и трехъ копеекъ; между-тѣмъ, инструментъ «орѣховаго дерева» въ прейсъ-курантахъ всегда показывается 25 рублями дороже инструмента «краснаго дерева», а за палисандровую, или сахарданову фанерку берутъ съ покупателя 50 рублей лишнихъ. Спросите: на какомъ это основаніи? Вамъ отвѣтятъ, если вы опытный знатокъ ремесла и небывальщины наврать передъ вами нельзя: «Покупатель вѣдь ничего не понимаетъ. Въ промышлености, въ торговлѣ надо всѣмъ пользоваться: чѣмъ же нажить копейку? Да и нельзя иначе: пусти я инструменты всякаго дерева по одинаковой цѣнѣ, меня заѣдятъ товарищи, задавятъ торговцы, разорятъ одни рекомендатели.» И это сущая провда. Пружина съ ключемъ, для транспозиціи, стóитъ пять рублей, работы лишней—на цѣлковый; а за инструментъ съ транспозиціей берутъ рублей 50 дороже. Прибавятъ на восемь гривенъ въ пустомъ промежуткѣ два-три безполезные клавиша съ хрип-

лыми и глухими звуками: 100 рублей дороже! Навяжутъ струны не прямо, а вкось, или накрестъ: 300 рублей дороже! Плати, плати публика, за свое невѣжество, плати во всѣ стороны, плати безконечно! О! если бы ты знала, какъ дѣятельно, услужливо и мило тебя обираютъ, какъ правильно и честно надуваютъ тебя на каждомъ шагу, на всякой бездѣлицѣ! Вся промышленость, фабричная и торговая, состоитъ изъ подобныхъ хитростей, или уловокъ: въ этомъ лабиринтѣ честныхъ плутней, утвержденныхъ вѣковымъ употребленіемъ, все тѣсно связывается между собою, все подаетъ руку одно другому, все такъ замысловато устроено и такъ единомысленно хранится втайнѣ, что это прелесть: просто, генеральный злой умыселъ противъ человѣческаго кармана. Бѣдный карманъ! могучій карманъ! Всѣ ухищряются на твою погибель, всѣ рвутъ тебя, всѣ тебя обманываютъ, и ты все-таки живъ, богатъ и щедръ: великодушно прощаешь тѣхъ, которые вчера надули тебя, и беззаботно позволяешь имъ сегодня надувать себя снова. Кто бы подумалъ—тебѣ самому и въ голову никогда не приходило — чтобы даже и музыка, это невинное, мечтательное, заоблачное искусство, надувала тебя наравнѣ съ другими отраслями фабричной и торговой промышлености? Да какъ еще надуваетъ! Самъ посудишь.

Большая фортепьянная фабрика, пользующаяся славою въ публикѣ, *спускаетъ* у насъ въ годъ

до двухсотъ роялей. Фабрики среднія и малыя очень счастливы, когда могутъ продать отъ восьмидесяти до сорока и менѣе. Двѣсти роялей, по триста рублей пользы на каждомъ, составляютъ 60,000, изъ которыхъ, за вычетомъ издержекъ на содержаніе заведенія и семейства хозяина, останется всегда до 50,000 рублей на чистый барышъ, то-есть по 225 рублей на рояль, даже и въ такомъ случаѣ, когда продажная цѣна не превышаетъ пятисотъ рублей. Можно, скажете, разбогатѣть очень-скоро. Но вы забываете, что и тутъ есть торговцы, съ которыми нужно подѣлиться барышомъ, торговцы хуже всѣхъ торговцевъ, жадные, неумолимые, готовые мгновенно уничтожить фабриканта, какъ-скоро онъ не подчиняется ихъ притязаніямъ и мѣшаетъ ихъ выгодамъ. Кто они таковы?... Ахъ, Боже мой! да вы ихъ знаете, вы нерѣдко и обѣдаете и проводите вечера съ ними; вы отъ нихъ въ ужасномъ восторгѣ; вы ихъ обожаете. Это — пьянисты, или фортепьянные учителя. Отъ мала до велика, отъ самыхъ знаменитыхъ до самыхъ темныхъ, почти всѣ занимаются этимъ промысломъ. Вы неосторожно сказали: «Мнѣ хотѣлось бы купить себѣ новый рояль.» Учитель подхватываетъ: «Позвольте, я вамъ выберу. Какъ это кстати! я именно видѣлъ вчера удивительный инструментъ... подобнаго еще не бывало», и уже не отстанетъ отъ васъ, пока не выберетъ. Если вы не думаете покупать новаго, то онъ будетъ до-тѣхъ-поръ говорить вамъ, что

инструментъ вашъ никуда не годится, что на немъ играть невозможно, что вы непремѣнно должны купить себѣ новый, пока не убѣдитъ и дружески самъ не выберетъ для васъ. Дочка у васъ бренчитъ немилосердо на фортепьянахъ. Ваше нѣжное сердце видитъ тотчасъ удивительный талантъ. Надо взять для нея отличнаго учителя, знаменитаго пьяниста. Учитель совершенно согласенъ съ вами, что талантъ удивителенъ, но говоритъ, что инструментъ, на которомъ у васъ играютъ, ужасенъ, что она только понапрасну теряетъ трудъ и время, что онъ не можетъ давать уроковъ на такомъ инструментѣ. По его мнѣнію, вы должны купить для нея, непремѣнно, безотлагательно, новый рояль такого-то извѣстнаго фабриканта; самъ онъ выберетъ его для своей интересной ученицы. Съ разорваннымъ сердцемъ, съ уксусно-кислою гримасою, иногда и на занятыя деньги, рѣшаетесь вы на этотъ новый подвигъ родительской любви. Знаменитый учитель ведетъ своихъ благополучно убѣжденныхъ друзей, или кліентовъ къ тому фабриканту, который платитъ ему самую высокую *коммиссію* за протекцію и рекомендацію. Учитель уже знаетъ, гдѣ стоятъ рояли, которые хозяинъ считаетъ за неудавшіеся, или сомнительные, и великій артистъ садится за самый плохой изъ этихъ инструментовъ и играетъ... разумѣется, онъ играетъ чудесно и играетъ такъ, чтобы инструментъ показался вамъ очаровательнымъ. По его словамъ, это — первый

инструментъ въ мірѣ. Въ восторгѣ платите вы кровныхъ 500 рублей славному фабриканту, который въ тотъ вечеръ отдастъ изъ нихъ 200 рублей артисту, если онъ очень великъ, 150, если не очень, а тамъ и 125, если величина весьма-умѣренна. Но, вообще, фабриканты въ славѣ стараются давать, по-возможности, ровную всѣмъ коммиссію и по-необходимости самую высокую: за-то они въ славѣ. А много ли тогда имъ самимъ остается изъ продажной цѣны рояля? Сто рублей, не болѣе; иногда и семьдесятъ-пять. Работать было бы не изъ чего, если бы на выручку не подоспѣвали къ фабриканту «господа иногородные», которые прямо, безъ посредниковъ, присылаютъ имъ всѣ деньги сполна по прейсъ-куранту и просятъ о высылкѣ хорошаго инструмента по адресу. Лучшіе инструменты фабрикантъ естественно отдаетъ имъ, для поддержанія своей репутаціи въ провинціяхъ: плохіе продаютъ записные рекомендатели за такія коммиссіи, которыя въ-старину называли хожденіемъ по карманамъ!... И уменьшить этихъ коммиссій — продавать издѣліе по сходнѣйшей цѣнѣ — онъ не смѣетъ: тотчасъ прокричатъ, что инструменты его никуда не годятся. Коммиссіи въ полтораста, сто и семьдесять-пять рублей берутся только съ бѣдныхъ и мелкихъ фабрикантовъ безвѣстными и безденежными учителями.

И вотъ какъ восхитительно стянули съ васъ двѣсти рублей, при волшебномъ содѣйствіи му-

сикіи! Вы еще обнимаете, цалуете, отъ избытка счастія, усерднаго и преданнаго рекомендателя, въ карманѣ котораго, между-тѣмъ, бьются, прыгаютъ, животрепещатъ два ваши родные сторублевые билета, еще теплые вашею теплотою, еще согрѣтые жаромъ нѣжнаго сердца вашего. Не думайте, однако, что вы всегда отдѣлываетесь ничтожными двумя сотнями. Если вы богаты — если вы покупаете инструментъ на удивленіе, или отъ глубины сердца, для своей несравненной невѣсты, фабриканту будетъ сказано заранѣе запрашивать 900, 1,000, и 1,200 рублей за рояль, который онъ охотно продалъ бы за 350 безъ неотвязнаго посредничества рекомендателей. Въ такихъ случаяхъ вся надбавка принадлежитъ безраздѣльно пьянисту: это его добыча. Въ высокой классической музыкѣ ходила иногда молва о совершенно-простыхъ рояляхъ, проданныхъ такимъ образомъ по двѣ и по три тысячи рублей серебромъ. Эраръ парижскій даетъ рекомендателямъ по тысячѣ франковъ (250 рублей) съ рояля. Повѣствуется, будто великій Тальбергъ предпринималъ свое знаменитое музыкальное путешествіе преимущественно для прославленія и продажи его инструментовъ, съ которыхъ получалъ онъ по 1,200 франковъ. Онъ возилъ съ собою по всей Европѣ два отличные эрара. Въ два года онъ, говорятъ, размѣстилъ триста роялей, изъ которыхъ восемьдесятъ въ одной Россіи. Это составило 360,000 франковъ, вероятно, втрое болѣе, чѣмъ произведеніе всѣхъ

концертовъ, данныхъ въ это время великимъ предшественникомъ Листа.

Одинъ изъ моихъ гармоническихъ друзей, великій пьянистъ, великій учитель, нѣсколько лѣтъ заключалъ меня въ свои объятія, нѣсколько лѣтъ лобызалъ мои ланиты, всеусерднѣйшее уговаривая купить себѣ рояль Вирта по его выбору. Объятія и лобзанія составляли особенную принадлежность его музыкальной натуры. Однажды подвергся я имъ на тротуарѣ. По обыкновенію, за ними послѣдовала рѣчь о виртѣ.

— Право, стыдно вамъ не имѣть вирта!

— Я не вижу въ немъ ни малѣйшей нужды, тѣмъ болѣе, что тѣ инструменты, которые у меня есть, я ставлю гораздо-выше всѣхъ вашихъ виртовъ.

— Спора нѣтъ, они превосходны; но я не могу играть на нихъ: я привыкъ къ виртовскимъ клавитурамъ. Если бы у васъ былъ хорошій виртъ... моего выбора... съ какимъ удовольствіемъ заѣзжалъ бы я къ вамъ и днемъ и вечеркомъ поиграть... пофантазировать... услышать вашъ судъ о моихъ вдохновеніяхъ. Виртъ мнѣ другъ, и черезъ меня онъ уступитъ вамъ за шестьсотъ рублей чудесный инструментъ, который оцѣненъ въ девятьсотъ-пятьдесятъ.

Мой знаменитый другъ не зналъ, что тайны его ремесла извѣстны мнѣ во всѣхъ подробностяхъ. Эти грубыя хитрости, это нашествіе на мой бумажникъ съ объятіями и поцалуями среди

бѣлаго дня, на улицѣ вывели меня изъ терпѣнія. Я отвѣчалъ довольно-рѣзко:

— Послушайте! вы хотите вытащить у меня изъ кармана триста рублей и навязать мнѣ дрянной инструментъ. Помиримся на ровныхъ барышахъ: середку-на-половину; я вамъ подарю полтораста рублей, а вы не станете мнѣ болѣе говорить о виртахъ. Согласны ли вы?

Мой знаменитый другъ ужасно смѣшался, увидавъ себя разгаданнымъ такъ чисто и такъ неожиданно, и, казалось, въ первую минуту волненія, не зналъ, принять ли предложеніе, какъ хорошую и безхлопотную наживу, или отклонить какимъ-нибудь благовиднымъ оправданіемъ своихъ зловредныхъ намѣреній. Наконецъ онъ сказалъ, съ неслыханною наивностью:

— Пожалуйста, не обижайтесь!... Не хотите, какъ вамъ угодно... я вѣдь не принуждаю... Но мнѣ очень-пріятно, что вы такъ хорошо понимаете наши дѣлишки (notre petit négoce): покрайней-мѣрѣ, я могу говорить откровенно. Чѣмъ же намъ жить, скажите сами? не-уже-ли уроками? не-уже-ли концертами? Плохой хлѣбъ! Поневолѣ станешь промышлять. L'art consiste... (Искусство состоитъ...)

«Ахъ! вотъ это хорошо!» подумалъ я, «покрайней-мѣрѣ, при этомъ непріятномъ случаѣ услышу я отъ великаго пьяниста, въ чемъ именно состоитъ искусство, божественное искусство музыки.»

Онъ продолжалъ:

— Искусство состоитъ не въ томъ, чтобы продать хорошій инструментъ — хорошіе инструменты продаются сами собой — но въ томъ, *чтобы дрянной инструментъ продать хорошо.*

Не понимаю, какъ этимъ господамъ позволяютъ играть на фортепьянахъ безъ взноса пошлины! Они прямые, настоящіе торговцы, подъ названіемъ «артистовъ».

Жаль мнѣ разстаться съ вами. Но недолго уже бесѣдовать намъ дружески въ этомъ уютномъ литературномъ уголку. Я уѣзжаю въ Константинополь. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ-замѣнъ прежней чумы, жестоко начинаютъ тамъ свирѣпствовать фортепьяны. Турчанки барабанятъ на клавишахъ во всѣхъ этажахъ, по всѣмъ угламъ, да такъ, что—*Аллахъ! Аллахъ!*—мюэззиновъ на мечетяхъ не слышно. Великій пророкъ въ ужасѣ. Нельзя же и мнѣ не воспользоваться случаемъ. Прощайте! *Селямъ алейкюмъ... Аллаха эсмарладыхъ*, поручаю васъ Аллаху, души мои, читатели, утробы вы мои, розы сердца моего, ароматы моего мозга, разнюхиваемые носомъ моей благодарности за ваше испытанное терпѣніе. Да! случай хорошъ: нужно попользоваться имъ непремѣнно. Турки — народъ еще совершенно невинный въ цивилизаціи и вовсе не знаютъ, «въ чемъ состоитъ искусство». У меня же тамъ есть хорошая протекція. Я получилъ достовѣрное извѣстіе, что, въ весьма-непродолжительномъ времени, главою вѣры и закона, великимъ муфтіемъ, будетъ назначенъ

мой старинный пріятель, мужъ ученый и набожный, строгій блюститель заповѣдей пророка, бывшій дервишъ, съ которымъ мы иногда пили — смертный грѣхъ — скверну скверну, вѣчное проклятіе, старую остъ-индскую мадеру, четырежды переѣхавшую экваторъ. Этотъ сдѣлаетъ для меня все на свѣтѣ, чтобы только я молчалъ о старой остъ-индской мадерѣ. Черезъ него надѣюсь я получить отъ блистательной Порты привилегію, фирманъ, хатти-гумаюнъ, которымъ будетъ мнѣ дано исключительно право выбирать фортепьяны для турчанокъ. Въ Константинополѣ жителей до восьмисотъ тысячъ. Въ годъ потребуется около двухъ тысячъ пятисотъ новыхъ роялей. Я же хочу, для блага общаго, для облегченія и публики и этихъ бѣдныхъ фабрикантовъ, брать съ нихъ самую благонамѣренную коммиссію: сто рублей съ инструмента. Это составитъ много 250,000 рублей годоваго дохода, чѣмъ, по скромности моихъ привычекъ и желаній, я буду совершенно доволенъ.

XII.

7 октября 1856

Кончимте поскорѣе, любезнѣйшіе и ум
шіе друзья мои, эту нескончаемую бесѣ
фабричности. Она уже наскучила и вамъ и
Развѣ у насъ нѣтъ предметовъ повеселѣе!
этомъ уютномъ уголку мы можемъ, слава
и Царю, болтать обо всемъ межъ собок
кровенно и спокойно. Бесѣдами нашими м
измѣнимъ ни на волосъ теченія дѣлъ чело
скихъ, не остановимъ ни на одно мгновеніе
что́ Провидѣніе предначертываетъ для нас
Своей мудрости и къ чему ведетъ Оно и
и народы Своимъ всемогуществомъ. Мы
шемъ только для удовольствія писать, чит
только для удовольствія читать, толкуемъ,
димъ, гуляемъ, танцуемъ, мудрствуемъ,
емъ только для удовольствія толковать, та
вать, судить, играть, мудрствовать, гулять,
это одни лишь развлеченія, особенныя сре
шевелить нервы и ускорять обращеніе к
различныя потѣхи человѣческія. Другой ва
сти эти пріятныя упражненія головы, ру
ногъ не имѣютъ въ порядкѣ дѣлъ природы.

но быть исполненнымъ самаго жалкаго авторскаго самолюбія, чтобы воображать, будто вы производите какое-нибудь существенное дѣйствіе, или вліяніе на общество, или на частныя лица, тѣмъ, что́ пишете и печатаете. Съ вами будутъ согласны только тѣ, которые заранѣе думали точно такъ же, какъ и вы: эти будутъ васъ хвалить, будутъ восхищаться вами болѣе, или менѣе, соразмѣрно съ тою степенью таланта, какую вы покажете, угадывая и излагая собственныя ихъ убѣжденія и ваши. Прочіе или по равнодушію къ вопросу не примѣтятъ вашего краснорѣчія, или, по привычкѣ думать о немъ иначе, будутъ васъ опровергать, пересмѣивать, бранить; самые тщеславные и самые раздражительные, не терпя нигдѣ и ни въ комъ противорѣчія своему образу мыслей, будутъ даже серьёзно сердиться, кричать, что вы злой, опасный, вредный человѣкъ, доказывать, что отъ вашего слова вселенная сейчасъ обрушится имъ на голову. Гнѣвъ любитъ преувеличенія и готовъ перепугать весь міръ, чтобы оправдаться отъ неумѣстности, чтобы не показать, что онъ слишкомъ-много чести дѣлаетъ общему безсилію нашему. И пугливые безсмысленно повторяютъ его возгласы, не соображая того, что вселенная стоитъ такъ твердо, движется такъ вѣрно по направленію, указанному Промысломъ, что никакія разглагольствія наши не въ-состояніи совратить ее съ пути. И слабые писатели самолюбиво увѣряются въ своемъ небываломъ мо-

гуществѣ: думаютъ будто, рабы общественнаго мнѣнія, они управляютъ своимъ гордымъ и своенравнымъ господиномъ, потому-что общественное мнѣніе обыкновенно принимаетъ ихъ сторону противъ тщеславныхъ, раздражительныхъ и сердитыхъ. И эта комедія разъигрывается вѣчно, со дня вымышленія грамоты и донынѣ, доказывая собою каждый день съизнова ту незапамятно-старую истину, что опытной мудрости не существуетъ для человѣчества.

Не придавая ни малѣйшей дѣловой важности тому, что̀ по-случаю дѣловыхъ предметовъ можетъ быть сказано въ какой-нибудь литературѣ, считая всѣ подобныя разсужденія простыми развлеченіями для умовъ, измученныхъ хлопотами жизни, я, однакожь, не желаю, чтобы тѣ, которые слушаютъ меня благосклонно, принимали меня за протекціониста, или за фри-тредера и приписывали мнѣ то, чего я вовсе не думаю. Конечно, я не протекціонистъ: это всѣ видятъ, и я не отпираюсь. Однакожь, я и не заклятый фри-тредеръ: свободной торговли не ставлю въ коренную обязанность человѣчества, не называю ея единственнымъ основаніемъ благоденствія народовъ. Но я знаю могущество идей— для человѣчества идеи несравненно-важнѣе фактовъ—вижу, что старая идея, которую зовутъ протекціей, быстро теряетъ свое прежнее волшебство, отжила свой вѣкъ, одряхлѣла, не можетъ долѣе скрыть своего безсилія, вижу также, что на мѣсто ея новая идея, вольный размѣнъ

народныхъ трудовъ, свободная торговля, выйдя оттуда же, откуда вышла и протекція, встаетъ великаномъ надъ образованнымъ міромъ и, удовлетворяя полнѣе потребности эпохи, покоряетъ себѣ болѣе и болѣе умы, ясно понимающіе эти потребности, и вѣрю, говорю смѣло, утверждаю, что эта новая идея непремѣнно обойдетъ свѣтъ, точно такъ же, какъ обошла свѣтъ старая идея, ея предшественница. Что мы вступаемъ въ циклъ этой идеи, что дѣловой міръ неодолимо увлекается въ ея орбиту, въ этомъ, я думаю, не можетъ быть сомнѣнія. Но нѣкоторые воображаютъ, будто они сопротивленіемъ своимъ въ состояніи остановить торжественный ходъ господствующей идеи; а это болѣе, чѣмъ сомнительно: это противно всей исторіи идей и можетъ быть заранѣе признано невозможностью. Я вѣрю, говорю, утверждаю тутъ же, что эта новая идея будетъ такъ же преувеличена и употреблена во зло современемъ, какъ была и старая, какъ бываютъ всѣ вообще идеи; но хлопотать теперь объ этомъ было бы слишкомъ преждевременно. Вопросъ для Европы состоитъ, въ настоящую минуту, не въ выборѣ одной изъ двухъ идей—выборъ рѣшенъ общимъ мнѣніемъ — а въ томъ, какъ покончить со старою идеей, отъ которой добра нельзя ждать долѣе, и воспользоваться благами, обѣщаемыми новой. Всѣ чувствуютъ, что отлагательство убыточно, но многіе смѣшиваютъ дѣла частныхъ спекулляторовъ, еще извлекающихъ свои выгоды изъ ста-

рой идеи, съ дѣлами общества, которое никогда не видало отъ нея пользы, и неизбѣжный разрывъ замедляется навремя нерѣшимостью.

Я былъ бы тоже въ отчаяніи, если бы вы меня провозгласили врагомъ всякой фабричности. Я, напротивъ, обожаю фабричность и только не слишкомъ въ большомъ восхищеніи отъ такихъ фабричностей, которыя все дѣлаютъ скверно и все продаютъ дорого. У насъ—для насъ—современный вопросъ состоитъ, по моему разумѣнію, не въ свободномъ, или ограниченномъ размѣнѣ народныхъ трудовъ, не въ сравненіи достоинствъ той, или другой экономической теоріи, а просто въ томъ, какъ оправдалъ на опытѣ нашъ фабричный геній тѣ блестящія надежды, на пользу которыхъ нашъ горячій и щедрый патріотизмъ принесъ такія несмѣтныя пожертвованія? и стóитъ ли онъ подобныхъ пожертвованій на будущее время, когда все хорошее, добротное и красивое мы и донынѣ принуждены выписывать изъ-за границы, а онъ, геній, между-тѣмъ, въ двадцать-пять лѣтъ самой могущественной протекціи съ великимъ трудомъ достигъ лишь того, что для низшихъ классовъ производитъ издѣлія, негодныя къ порядочному употребленію, по цѣнамъ, разорительнымъ для этихъ классовъ и вреднымъ для всѣхъ дѣлъ торговыхъ, общественныхъ и административныхъ? That is the question! А тамъ слѣдуетъ вопросъ: нельзя ли этихъ пожертвованій упо-

[illegible]бить полезнѣе для всѣхъ сословій народа и [illegible] самой администраціи, которая, при новѣй[illegible]мъ устройствѣ правительственныхъ механиз[illegible], бываетъ одною изъ главныхъ потребитель[illegible]ъ и наравнѣ съ публикою страдаетъ отъ все[illegible]ей дороговизны, производимой такою фаб[illegible]ностью.

[illegible]озьмите одно желѣзо, котораго различныя [illegible]инистраціи потребляютъ такія огромныя [illegible]ы. Вы знаете изъ оффиціальныхъ объявле[illegible], что англійскіе фабриканты могутъ поста[illegible]ть намъ пудъ обдѣланнаго желѣза (въ рель[illegible]) по 65 копеекъ. Между-тѣмъ, пудъ необ[illegible]ланнаго желѣза, въ грубыхъ полосахъ, стóитъ [illegible]дѣшнихъ рынкахъ, самаго низкаго достоин[illegible], рубль 25 копеекъ, втораго достоинства— [illegible]тора рубля, третьяго—рубль семь и восемь [illegible]енъ. Пудъ листоваго желѣза или кровель[illegible] толя, котораго фабричная обдѣлка легче и [illegible]евле, чѣмъ изготовленіе рельсовъ, послѣд[illegible]хъ сортовъ, 2 рубля 40 и 2 рубля 60 копеекъ, [illegible]учшаго, яковлевскаго, 3 рубля 25 копеекъ, [illegible] конторѣ. Цѣны гигантскія! И въ этой же [illegible]змѣрности цѣны всѣхъ прочихъ издѣлій.

[illegible]Позвольте! Я вспомнилъ кстати одно желѣз[illegible] обстоятельство. Я часто читаю—вѣрно, и [illegible] читаете — прекрасные диѳирамбы нашему [illegible]лѣзу, которое, по стереотипному выраженію [illegible]сныхъ энтузіастовъ фабричности, *гораздо[illegible]е англійскаго*. Странно! А когда намъ нуж[illegible]дѣлать порядочный инструментъ, хирургиче-

скій, или другой, то мы должны искать хорошаго англійскаго желѣза! Безъ англійской стали мы и ступить не можемъ въ нашихъ ремеслахъ и механическихъ искусствахъ! Я подозрѣваю, что записные энтузіасты восхищаются наугадъ, «научно», не зная вовсе практическаго толка въ предметахъ своего восхищенія. Есть разныя англійскія желѣза, какъ есть разныя русскія желѣза, смотря по цѣнамъ. По той цѣнѣ, которую нужно заплатить у насъ за хорошее желѣзо русское, вы купите въ Лондонѣ превосходнѣйшее въ свѣтѣ англійское желѣзо, съ которымъ никакое другое не сравнится. Оно идетъ только на высокія издѣлія: рельсовъ изъ него не дѣлаютъ. Рельсовое же англійское желѣзо, 65 копеекъ за пудъ съ фабричною обдѣлкою и коммиссіей, соотвѣтствуетъ по достоинству тому низкому сорту нашего желѣза, котораго пудъ въ полосахъ, безъ обдѣлки, стóитъ на рынкѣ рубль съ четвертью.

Между-тѣмъ, уральскіе заводчики согласились изготовить три милійона пудовъ рельсовъ, по полтора рубля за пудъ. Это у насъ ужасно-дешево! Ихъ желѣзо, въ полосахъ, продается здѣсь дороже этой цѣны. Значитъ, необдѣланное желѣзо свое они могли бы продавать на мѣстѣ по полтинѣ. Чтó же утроиваетъ цѣну? Увы! географія: разстоянія! сообщенія!... Этого физическаго препятствія къ развитію полезной для общества фабричности не устранять вполнѣ даже и желѣзныя дорòги, которыя дешево не во-

ить на большихъ разстояніяхъ. А зима-то? Шесть мѣсяцевъ въ году гавани наши заперты льдами: капиталы не ворочаются, проценты нарастаютъ на огромныя заготовленія матеріаловъ, запасаемыхъ за многіе мѣсяцы впередъ; иныхъ матеріаловъ и издѣлій зимою и перевозить нельзя. Географія рѣшительно не благопріятствуетъ у насъ фабричнымъ начинаніямъ. Мы всегда должны будемъ, по-милости географіи, работать дорого, въ убытокъ для общества, когда даже и всѣ другія препятствія исчезнутъ.

И не дай Богъ, чтобы мы когда-нибудь принуждены были фабричничать дешево. Тогда хоть въ степь бѣги отъ нашего фабричнаго генія. Вы не знаете нашей дешевой фабричности! Злодѣйка! Вздумалось мнѣ однажды выклеить весь мой бѣдный домишко бѣлою бумагою, и я покупалъ на Невскомъ Проспектѣ, въ заморскомъ обойномъ, магазинѣ, такъ-называемый «глянецъ», по цѣлковому за кусокъ. Цѣна безчеловѣчная! Но дѣлать нечего: у меня страсть къ бѣлому цвѣту, къ невинности. Попадается навстрѣчу энтузіастъ народной фабричности. «Какъ вамъ не стыдно», говоритъ, «платить нѣмцамъ по цѣлковому, когда въ нашихъ русскихъ лавкахъ, по Садовой, противъ Гостинаго Двора, продаютъ по сорока-пяти копеекъ глянецъ нашихъ родныхъ фабрикъ, точно такой же и еще лучше: три англичанина, увидѣвъ это чудо нашей фабричности, повѣсились съ отчаянія вчера середи Щукина Двора... Такъ дешево и

такъ мило, говоритъ, что изъ рукъ вонъ! Пойдемте! говоритъ, я васъ сведу.» Восторгъ его сообщился моей смиренной душѣ, отъ природы склонной къ дешевизнѣ. Мы отправились.

Входимъ. «Что́ это у васъ такъ ужасно пахнетъ?» «Ничего-съ! такъ-съ! немножко-свѣжій товаръ... есть маленькій душокъ.» Глянецъ, въ самомъ-дѣлѣ, былъ прекрасенъ. Куплено съ радостью, выклеено съ восторгомъ. Пока, лѣтомъ, всѣ окна были раскрыты на садикъ, наполненный цвѣтами, ничего: все бѣло, безпорочно, благоуханно. Но осенью, какъ-скоро поставили зимнія рамы и затопили въ печахъ, вонь нестерпимая, тошнота одолѣваетъ всѣхъ, въ комнатахъ жить нельзя. На домашнемъ совѣтѣ рѣшено, что, вѣрно, подъ поломъ скончалась мышь, или крыса. Зови кошекъ и котовъ со всего квартала, ставь по всѣмъ угламъ фосфорную кислоту, подымай всѣ полы. Ничего не оказалось! Мыши и крысы торжественно объявлены непричастными къ дѣлу о вони. Между-тѣмъ, смрадъ сверлитъ въ ноздряхъ, царапаетъ въ горлахъ, причиняетъ головныя боли. Нужно было защищаться духами, которые безпрестанно лили на ковры, и цѣлыя двѣ зимы вытерпѣть это мученіе. Наконецъ случай открылъ настоящій источникъ этого домашняго бѣдствія: нашли на чердакѣ лоскутокъ стараго глянца той же фабрики, прекрасно сохранившій втеченіе многихъ лѣтъ тотъ же самый неблагопристой[illegible] запахъ, котораго ничѣмъ нельзя было из[illegible]

изъ комнатъ. Тогда все объяснилось. Въ фабрикацію глянца входитъ столярный клей. Есть клей, бѣлый, отборный, безъ всякаго запаха, по двадцати и двадцати-двѣ копейки за фунтъ, и есть клей черный, дешевенькій, по пяти копеечекъ, отъ котораго, при дѣйствіи теплоты, несетъ чистѣйшею падалью: дешевая фабричность, скромно и честно, прибѣгаетъ-себѣ къ этому милому клейку. Срывай со всѣхъ стѣнъ, съ цѣлаго дома предательскій дешевый глянецъ! Шутка ли это, посудите сами! не считая новаго и уже недешеваго глянца, которымъ слѣдовало замѣнить его. Къ-счастію, нечего было жалѣть даже и его невинной, нѣжной бѣлизны, потому-что еще въ первую зиму, когда стали снимать пыль со стѣнъ полотенцами, онъ осыпался и вышелъ весь черными пятнами, которыя кое-какъ затирали меломъ. Ай да дешевая фабричность! Не хочу я доносить на твою, какъ ты называешь, дешевизну, зная, что твои понятія о честности еще не различаютъ дешевизны отъ плутовства; но мнѣ кажется, что эти пахучія обойныя лавки и эти свѣжіе обои съ душкомъ имѣли бы полное право подлежать разборчивому и благодѣтельному обонянію Вѣдомства Общественнаго Здравія. Медленное, постоянное и ничѣмъ неотразимое гніеніе животныхъ частицъ на стѣнахъ жилыхъ комнатъ не можетъ быть чрезвычайно спасительно для здоровья жильцовъ. Между-тѣмъ, произведенія дешеваго «обойнаго издѣлія» раскупаются бѣднымъ и по-

лу-бѣднымъ классами въ огромномъ количествѣ и, заражая своимъ непозволительнымъ духомъ цѣлыя тысячи маленькихъ квартиръ, доставляютъ прекрасные барыши не очень-совѣстливымъ бородамъ народной фабричности.

Пошлите, для опыта, на Щукинъ, въ кладовыя дешевыхъ мёбельныхъ фабрикантовъ, купить для вашего лакея недорогой спальный диванъ, этакъ цѣлковыхъ въ девять, или десять, набитый, честное слово, чесаной мочалкой въ полтора рубля за пудъ, безъ всякаго обманства: если внутри его, кромѣ гнилыхъ кульковъ и столярныхъ стружекъ, не найдете полу-истлѣвшей вороны, или мертвой высохшей кошки, такъ не принимайтесь ни за какую важную спекуляцію: значитъ, у васъ нѣтъ счастія!

Но вотъ вы опять скажете, что я не люблю фабричности! А я фабричность обожаю. Только я не совсѣмъ въ ладахъ, послѣ глянца, съ дешевою фабричностью; а на дорогую давно уже сердитъ мой карманъ.

Конечно, еще болѣе, чѣмъ всякую фабричность, я обожаю Россію и, по истинной, нелицемѣрной любви къ ней, терпѣть не могу пролетаріевъ; а они-то и составляютъ основный камень, великій элементъ фабричности въ другихъ странахъ. Фабричные тамъ, изволите видѣть, это—пролетаріи, это—люди, которыхъ единственную собственность составляютъ ихъ дѣти. Крестьянинъ не пролетарій: у него есть домъ, свой, или наемный, все-равно; онъ у себя хозяинъ;

онъ фермеръ. Ремесленникъ, мастеровой — тоже не пролетарій: онъ надѣется и можетъ быть поэтомъ, можетъ нажить не только собственность, но даже и богатство. Но фабричный существуетъ насущно, поденно, ничего не надѣется въ будущемъ и никогда ничѣмъ не владѣетъ въ настоящемъ. Это и есть пролетарій. Признаюсь, я не вижу никакой особенной нужды искусственно создавать пролетаріевъ тамъ, гдѣ сама природа не создала этого бича обществъ, и я вовсе не желаю такого опаснаго класса людей Россіи. Спора нѣтъ, это чувство довольно-трудно согласовать съ моею великою любовью къ фабричности; но я какъ-то ихъ согласую... по-крайней-мѣрѣ, они у меня не ссорятся явно. Я люблю фабричность безъ фабричныхъ.

Идеальное прекрасное въ народной экономіи состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ народы производили все вдругъ (кромѣ перца)—какъ хотѣла и учила протекціонная теорія—потому-что тогда, за недостаткомъ въ весьма-обширномъ сбытѣ для каждой статьи, все будетъ производиться дорого и плохо, но въ томъ, чтобы каждый народъ, не раздробляя своихъ капиталовъ и силъ, производилъ только то, что можетъ онъ произвести лучше всѣхъ и дешевле всѣхъ, по свойству климата, по условіямъ географическаго положенія, по способностямъ и нравамъ туземцевъ. Тогда, если бы всѣ народы, или, по-крайней-мѣрѣ, главные производящіе народы приняли у себя тарифы, по-возможности, одинаковые,

всѣ были бы въ барышахъ: ни одинъ не работалъ бы въ убытокъ своему обществу. Англія тогда взяла бы на себя, естественно, поставку для всѣхъ издѣлій бумажныхъ, шерстяныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, оловянныхъ и каменнаго угля, Франція—поставку шелковыхъ, галантерейныхъ и другихъ статей моднаго потребленія и винъ. Германія, Австрія и полуострова дѣлали бы то же, что дѣлаютъ онѣ и теперь съ изряднымъ успѣхомъ: пополняли бы производства Англіи и Франціи преимущественно издѣліями и продуктами низшихъ достоинствъ, поставляя всемірной торговлѣ то, чего тѣ не успѣваютъ изготовить. На долю Россіи пришлась бы обширная и богатая часть сельской промышлености со всѣми ея отраслями. Лишь бы только капиталы наши не были понапрасну растрачиваемы на безсильную, пустую и убыточную для всѣхъ фабричность, лишь бы только всѣ они дружно и совокупно обратились на первѣйшую потребность нашей земли, на обширнѣйшую въ мірѣ фабрику, именно на наши пути сообщенія, сельская промышлености доставила бы намъ одна несмѣтныя выгоды и по внутренней и по внѣшней торговлѣ. По нашимъ понятіямъ, учрежденіямъ, правамъ, земля—наслѣдственный даръ Божій, а не капиталъ, даровая собственность, которая ничего не стоитъ, а не предметъ коммерческой спекуляціи. Мы земли не считаемъ, и совершенно-основательно; сельскій трудъ намъ привыченъ и пріятенъ, притомъ же онъ у насъ

легокъ и дешевъ. И вотъ почему мы можемъ производить на полѣ гораздо-дешевле, чѣмъ другіе; а доброта произведеній зависитъ отъ немногихъ и незначительныхъ улучшеній. Кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, кромѣ масляныхъ сѣмянъ, кромѣ пеньки, льна, кожи, сала, рогатаго скота, мы могли бы поставлять всемірной торговлѣ огромныя количества свекло-сахарнаго песку, котораго съ каждымъ днемъ требуется все болѣе и болѣе въ образованномъ и образующемся мірѣ. Это уже фабричность — и какая благодѣтельная для земледѣльца! — только бы намъ не строить сахарныхъ фабрикъ съ длинными трубами да не рафинировать самимъ. Бога ради, не рафинируйте: не умѣете да и не можете рафинировать хорошо и дешево. Передайте это дѣло другимъ: отрафинируютъ вамъ отлично и задаромъ, а вы только кушайте сахаръ и наслаждайтесь. Льняная промышленость — изготовленіе тонкихъ полотенъ по деревнямъ, въ крестьянскихъ избахъ, въ зимнее и въ другое пропадшее время—могла бы также составить богатую статью и внутренней и заграничной торговли, въ существенную подмогу земледѣльцу, не удаляя его отъ родныхъ полей, не превращая его въ бездомнаго пролетарія: трудъ здѣсь почти не шелъ бы въ счетъ; а доброта издѣлія зависитъ отъ хорошихъ инструментовъ и отъ искусства учителей. Ремесла у насъ находятся еще въ самомъ грубомъ положеніи, между прочими причинами, по недостатку въ ремесленникахъ.

Развѣ этого не достаточно для выгоднаго занятія всѣхъ лишнихъ рукъ, особенно при постоянномъ требованіи огромнаго числа работниковъ для размноженія, усовершенствованія и содержанія удобныхъ и безчисленныхъ путей сообщенія?

Если бы еще мы могли производить при этомъ какія-нибудь низкія и дешевыя фабричныя статьи для простаго, или бѣднаго сословія, *только никакъ* не *дороже самыхъ дешевыхъ, заграничныхъ цѣнъ*, тогда чего же и желать намъ болѣе для вещественнаго благоденствія нашей святой и дорогóй Руси?

XIII.

21 октября 1856 г.

Я хотѣлъ побесѣдовать съ вами о желѣзныхъ дорогахъ, распросить васъ кое-о-чемъ по этому предмету, который вы такъ превосходно знаете, какъ вдругъ узнаю, что желѣзныя дороги уже не нужны, что, совсѣмъ-нечаянно и непредвидимо, нашли средство путешествовать и возить тяжести съ необыкновенною скоростью безъ помощи паровъ, огня, воды, дыма, искръ и американскаго колесомаазства, — средство легкое, простое, удобное, дешевое, богатое, чудное, пустячное, незатѣйливое, да ужь такое незатѣйливое, что я только удивляюсь, какъ это мы съ вами давно его не выдумали. Непостижима изобрѣтательность генія человѣческаго!... Коротко сказать, говорятъ за достовѣрное — вѣрно, и вы слышали — будто уже составляется компанія для приведенія этого дивнаго средства въ надлежащее и прибыльное дѣйствіе: сто-двадцать-пять процентовъ чистѣйшаго барыша, говорятъ, по самому умѣренному разсчету!... компанія подъ фирмою: *Первая и пятая безхвостая на акціяхъ компанія плѣннаго вѣтролет-*

ства или пронизанной воздушношарности... этакъ какъ-то... Извините мой слогъ: я въ большомъ волненіи. Послалъ взять одну акцію — не знаю, достанутъ ли — сто-двадцать-пять процентовъ, посудите сами! Нельзя пропустить случая! хочу разбогатѣть непремѣнно.

Между-тѣмъ, позвольте узнать ваше мнѣніе: что́ вы думаете о «плѣнномъ вѣтролетствѣ, то-есть о «пронизанной» воздухошарности? или, яснѣе, объ ѣздѣ по воздуху на проволокѣ, или, если угодно, о летаніи на блокахъ?... Эта часть тоже отлично вамъ извѣстна: я знаю, вы ужасно любите смотрѣть и вникать, какъ въ театрѣ летаютъ на проволокѣ и на блокахъ — удивительныя милашки, нечего сказать! — да какъ плѣнительно размахиваютъ ручками и ножками!... что́ также приноситъ, я думаю, хорошіе проценты. Вотъ по этой-то части послалъ я взять для меня акцію... то-есть по части «плѣннаго вѣтролетства», которое даетъ не менѣе ста-двадцати-пяти процентовъ чистой прибыли, даже и въ-случаѣ совершенной неудачи, и для котораго въ эту минуту составляется, говорятъ, безхвостая компанія. Самъ я знаю объ этой выдумкѣ только по небольшой, но чрезвычайно-интересной брошюрѣ, на-дняхъ вышедшей изъ печати и подписанной *Л. З...*, съ заглавіемъ: *Объ аэростатѣ или Вѣтролетѣ, въ примѣненіи къ общественному быту*, 1856, въ палевой обверткѣ, съ рисунками, планами, чертежами, видами, всякими разными изображеніями. Очень-ясно! Сущ-

ность изобрѣтенія я понялъ какъ-нельзя-лучше. Почему въ фирму вѣтролетной компаніи совершенно-необходимо ввести эпитетъ «безхвостая», это также я смекаю, хотя въ брошюрѣ и ничего объ этомъ предметѣ не сказано.

Всѣ занимавшіеся и занимающіеся аэростатикою или воздухоплаваніемъ особенно горюютъ о томъ, что у нихъ нѣтъ хвоста: будь у нихъ порядочный хвостъ, будь хотя самый пустой хвостикъ, какъ у воробья, они были бы совершенно счастливы. Рыба поворачивается по своему произволу и удерживаетъ принимаемыя направленія помощью своего хвоста. Корабль дѣлаетъ то же самое помощью руля, который тотъ же хвостъ. Птица управляетъ летомъ своимъ посредствомъ такого же механизма. Хвостъ основаніе всего; а его-то и не далъ Богъ воздухоплавателямъ и любителямъ летанія, которые, со времени покойнаго Икара, великаго механика древности, и донынѣ все еще мечтаютъ о возможности двигаться въ воздухѣ горизонтально и управлять въ немъ по волѣ своими движеніями. Придѣлывали они себѣ, или предлагали придѣлать разные хвосты и подмоги къ хвостамъ, каковы крылья, шеи, кормила, заднія, боковыя, переднія; но все безуспѣшно. Корабль можетъ управлять помощью искусственнаго хвоста движеніемъ, которое сообщаетъ ему токъ воздуха, вѣтеръ, потому-что подъ кораблемъ не воздухъ, не вѣтеръ, а вода. Тѣло гораздо-плотнѣе и тяжелѣе воздуха: оно пред-

ставляетъ хорошую точку упора для сопроти
ленія дѣйствію вѣтра. Но въ воздухѣ нѣтъ эт
удобства или, лучше сказать, необходимаго ус
вія. Вѣтеръ несетъ вашъ шаръ, напирая на н
сзади, и тотъ же вѣтеръ у васъ подъ шаро
надъ шаромъ и по сторонамъ шара: рѣшитель
не во что упереться... «Хвостъ! хвостъ благо
тель»! кричатъ пылкіе любители летанія. «Да
намъ только хвостъ, то-есть руль, увидите
да пару крыльевъ, то-есть веселъ, да шею,
есть носъ... носъ корабельный, разумѣет
Чѣмъ же мы хуже, говорятъ, какой-нибудь
роны, или совы, карася, или щуки, котор
точно также окружены тѣмъ же воздухомъ и
вѣтромъ, а другіе водою и ея теченіемъ, и, м
ду-тѣмъ, прекрасно управляютъ своими дви
піями противъ вѣтровъ и теченій?...»

Извольте, я согласенъ: вотъ вамъ и хвос
и крылья, и шея; только я того мнѣнія, что
бывать вамъ никогда ни воронами, ни сова
на то нужно совсѣмъ-особенное искусство. В
моему, добродѣтели и заслуги хвоста и кры
евъ у рыбъ и у птицъ ужасно преувеличе
тѣми, которые смѣшиваютъ механику органи
скую съ механикою ремесленною. Разница мех
разумомъ природы и разумомъ человѣческим
между искусствомъ, которымъ обладаетъ она
искусствомъ, дозволеннымъ и доступнымъ нам
состоитъ именно въ томъ, что намъ предост
лена только механика жесткихъ и твердыхъ р
чаговъ, осей, колесъ, трубокъ, то-есть прос

механика тяжести, или давленія, и не дано даже средствъ постигнуть и разгадать механику рычаговъ, трубокъ, осей, колесъ, мягкихъ и упругихъ, которыми природа дѣйствуетъ въ организмахъ и которые, починиваясь и обновляясь сами собою, зависятъ непосредственно отъ таинственной работы атомовъ. У человѣка нѣтъ ни хвоста, ни крыльевъ, ни руля, ни веселъ, и, между-тѣмъ, онъ легко поворачивается въ любую сторону и удерживаетъ, пока ему нужно, согласное съ его волею направленіе. Какъ онъ это дѣлаетъ? Объясните! Вся человѣческая мудрость, или хитрость становится здѣсь втупикъ. Всякое объясненіе, почерпаемое изъ нашей практической механики, изъ понятій о твердыхъ рычагахъ, о тяжести, давленіи, треніи, ведетъ къ самымъ важнымъ заключеніямъ. Обезьяна, медвѣдь держатся и поворачиваются и на двухъ и на четырехъ ногахъ съ одинаковою ловкостью. Змѣя отлично управляетъ своими движеніями безъ всякихъ наружныхъ членовъ. Муха проворно бѣгаетъ спиною внизъ по зеркалу, вдѣланному въ потолокъ. Выньте изъ головы животнаго, или живой птицы маленькую часть задняго мозга: воля у нихъ остается въ-цѣлости, они хотятъ бѣжать, или летѣть впередъ и, *между-тѣмъ, движутся назадъ*. Выньте другую маленькую часть: они усиливаются двигаться впередъ, или назадъ и, между-тѣмъ, невольно вертятся на мѣстѣ. Этой механики нельзя растолковать никакимъ тяготѣніемъ однѣхъ частей на

другія, никакимъ упоромъ, никакимъ треніемъ
никакимъ понятіемъ практической механики
данной, или пріобрѣтенной силѣ. Механика орга
ническихъ тѣлъ не образецъ и не правило
Хвостъ, крылья, шея — только внѣшнее и при
бавочное пособіе къ движеніямъ птицъ и рыбъ
но самое движеніе и механизмъ, имъ управляю
щій, кроются въ тайникахъ внутренней, *мягко*
механики этихъ существъ. Птица подымается
въ воздухъ и удерживается въ немъ на произ-
вольной высотѣ явственно по другимъ законамъ
нежели какъ воздушной шаръ, который стре-
мится вверхъ только потому, что наполненъ
газомъ гораздо-легче воздуха и вѣситъ около
164 разъ менѣе, чѣмъ воздухъ въ равномъ ему
объемѣ. Никто, я полагаю, подумавъ хорошенько,
не станетъ утверждать, что объемъ воздуха, вы-
тѣсняемый птицею во время ея плаванія въ зем-
ной атмосферѣ, тяжелѣе самой птицы, даже и
въ такомъ случаѣ, когда захотимъ положить на
счеты поверхность каждаго ея перышка и пред-
ставить себѣ объемъ ея равнымъ суммѣ всѣхъ
поверхностей растущихъ на ней перьевъ, что
было бы явственнымъ преувеличеніемъ: летучія
мыши летаютъ и безъ перьевъ. Будь, въ это
время, птица легче воздуха, она не упала бы
мгновенно наземь, когда вы убиваете ее налету,
попадая въ верхнюю часть черепа зернышкомъ
свинца и не повредивъ ни горла, ни крыльевъ,
ни ногъ, ни хвоста, никакой другой части тѣ.
достаточно раздутаго горячимъ воздухомъ д

свободнаго летанія. Ей бы слѣдовало остаться недвижимою въ воздухѣ, съ распростертыми крыльями, съ расправленнымъ хвостомъ и потомъ опускаться медленно къ землѣ, по-мѣрѣ-того, какъ простываютъ кровь и тѣло, съ надлежащимъ сохраненіемъ равновѣсія тѣла съ воздухомъ въ каждомъ слоѣ атмосферы, какъ спускается воздушной шаръ, когда онъ оканчиваетъ путешествіе свое добровольно, безъ бѣды и безъ приключеній. Испуганная птица не могла бы также подняться въ одно мгновеніе ока съ земли, если бы для бѣгства отъ врага и для летанія, особенно зимою, въ двадцати-градусный морозъ, нужно было накатывать себя сперва воздухомъ и согрѣвать этотъ воздухъ до сорока градусовъ теплоты, чтобы получить превосходящую легкость.

Въ летаніи птицы, въ плаваніи рыбы, въ ходьбѣ животнаго главный рычагъ внѣшней и видимой механики — добровольное движеніе, чему аэростаты подражать не могутъ, а главная внутренняя пружина — сжимаемость и растяжимость ячеекъ, составляющихъ сцѣпленіемъ своимъ трубчатыя волокна и сотканныя изъ нихъ упругія трубки, основаніемъ которыхъ служитъ единственное и могучее дѣйствіе безконечно-малыхъ частицъ вещества вибрирующаго, то-есть само-движущагося въ безконечно-малыя частицы времени. Мы движимся не потому, что у насъ есть ноги, а потому, что все въ насъ движется, каждый мельчайшій атомъ мельчай-

шей нашей ячейки движется, качается, виб
руетъ безпрерывно (таково его свойство). I
этихъ атомическихъ движеній возникаютъ,
различныхъ частяхъ тѣла, различныя дру
мѣстныя, но уже болѣе цѣльныя движенія
сумма всѣхъ мѣстныхъ движеній выражає
внѣшнимъ горизонтально и движеніемъ в
тѣла. Будь мы безъ ногъ и безъ рукъ, мы
катились, быть-можетъ, шаромъ, но всегда
направленіяхъ, согласныхъ съ нашею волею.
ганизмъ — это сложенныя въ одинъ итогъ
мическія движенія вещества извѣстнаго сост
и приспособленныя къ одному роду, или къ
нымъ родамъ внѣшняго движенія, для котор
наружные члены совсѣмъ не то, что руль, ве
или паруса.

Нѣчто похожее на атомическое вибраціон
движеніе органическихъ тѣлъ поймали мы
мертвомъ веществѣ и называемъ это электри
ствомъ, магнитностью, электро-магнитизмом
другими странными словами. Здѣсь мы, дѣ
вительно, вторглись въ сокровенную область
чательныхъ и гармоническихъ движеній бе
нечно-малыхъ частицъ въ безконечно-малыя
мена и, вовсе не понимая ихъ сущности, у
но воспользовались ими для устройства элект
ческихъ телеграфовъ, дѣйствующихъ, такъ-
зать, симпатическими сотрясеніями. Грубое
добіе сжимательнаго и растяжительнаго дѣйст
животныхъ ячеекъ, въ которыя укладываю
вибрирующіе атомы органическихъ вещест

жетъ дать рядъ магнитовъ извѣстной длины. агнитъ дѣйствуетъ съ полезною силою только самомъ близкомъ разстояніи. Если поставить одинъ рядъ, напримѣръ, 200 довольно-сильихъ временныхъ магнитовъ, каждый толщию въ пол-дюйма, и всѣ въ разстояніи полуніи одинъ отъ другаго — это потребуетъ около естидесяти дюймовъ пространства въ длину — если устроить магниты такъ, чтобы они могли ободно двигаться впередъ и назадъ, и помѣить на двухъ концахъ этого ряда двѣ свободно редвигающіяся массы желѣза, тоже на разояніяхъ полу-линіи отъ крайныхъ магнитовъ, гда, при каждой перемѣнѣ полюсовъ, въ элекическомъ токѣ весь рядъ магнитовъ то склеся въ плотную кладку, то расщелится въ прежe промежуточное расположеніе. Онъ будетъ перемѣнно сокращаться и растягиваться на сять дюймовъ, сильно двигая впередъ и назъ находящіяся на оконечностяхъ массы желѣ. Это было бы единственное средство полуть отъ магнитовъ значительную и вѣрную двигельную силу. Она, какъ вы видите, уподобласъ бы силѣ мускулярной. Въ то же время, ли приложить ее къ движенію большихъ орныхъ мѣховъ, немудрено было бы построить ъ искусственныхъ птичьихъ легкихъ, могудышаніе которыхъ доставило бы воздушшару, по-крайней-мѣрѣ, до извѣстной стеи, искомую точку упора для горизонтальнаго ія. Къ-несчастію, такое употребленіе элек-

тро-магнитности принадлежитъ болѣе царст
мечты, чѣмъ области практики. Да зачѣмъ в
зиться съ магнитами? что́ далеко искать? п
дымите съ собою въ воздухъ паровую машин
ова прекрасно приведетъ вамъ въ дѣйствіе ваш
искусственныя легкія, и кое-какъ вы будете л
тать горизонтально, безъ хвоста, безъ крыльев
безъ всего, пока не свернете себѣ шеи.

Я ужасно радъ, что остроумная брошюра
«плѣнномъ вѣтролетствѣ» не строитъ на хвос
никакихъ воздушныхъ за́мковъ, отвергая е
какъ выдумку неблагородную и, для воздухопл
ванія, безполезную, тѣмъ болѣе, что самъ
лично, знаю совершенно-безхвостыхъ птиц
которыя летаютъ превосходно, и, наоборот
какіе чудесные хвосты у индѣйскихъ пѣтухов
а къ чему они имъ служатъ? Мнѣ досадно толь
то, что остроумная брошюра считаетъ нужны
крылья или, все равно, паруса. Ничего нель
представить себѣ опаснѣе этого пособія. Вы зн
ете, какъ безчеловѣчно раскачиваетъ кораб
подъ парусами, при попутномъ вѣтрѣ, и как
страшно клонитъ ихъ на бокъ при боковом
что́ же будетъ, когда станетъ такъ качать
такъ переваливать васъ въ воздухѣ? Всѣ блок
всѣ проволоки оборвутся мгновенно.

Хотите ли знать, въ чемъ дѣло? Вотъ,
немногихъ словахъ, вѣрное и общепонятное и
ложеніе «плѣннаго вѣтролетства», на котор
послалъ я взять поскорѣе акцію. Предлагают
каждыя *три, или четыре версты* построить в

тролетныя станціи съ крытыми гарами, какъ на желѣзныхъ дорогахъ. Это будетъ стоить ужасно-дешево—ровно ничего. Подъ этими равно красивыми, какъ и неизбѣжными навѣсами поставить по два столба и натянуть на нихъ, на высотѣ полуторы сажени отъ земли, по двѣ проволоки *толщиною въ палецъ*: это будутъ «воздушные рельсы» или, если угодно, «висячіе рельсы», хотя въ рисункѣ они натянуты удивительно-прямо—вовсе не висятъ. На проволоки положить раму, или досчатую платформу, сцѣпленную съ ними блоками, которые должны быть *пронизаны* на эти прямые желѣзные пруты такъ, чтобы рама свободно скользила по воздушнымъ рельсамъ, продѣтымъ между колесъ блока. Черезъ каждыя три версты, у каждой пары столбовъ, на вѣтролетныхъ станціяхъ, нужно отвинчивать и опять привинчивать эти блоки, которые, разумѣется, не пройдутъ черезъ точки укрѣпленія проволокъ въ столбахъ. Да это ничего: были бы только туго, ровно и прямо натянуты длинныя версты на три, на четыре прута, безъ всякихъ промежуточныхъ подставокъ и подпоръ—все пойдетъ хорошо; а главное достоинство изобрѣтенія въ томъ именно и состоитъ, что эти пруты или воздухолетные рельсы прямы, какъ струна, съ конца въ конецъ на всемъ протяженіи, не будучи нигдѣ подперты, ни поддержаны. Это непремѣнно нужно видѣть въ чертежѣ: прелесть смотрѣть! Такой прямизны, такой ровности еще не бывало.

Какъ-скоро двѣ такія проволоки хорошо и твердо натянуты, такъ, чтобы и не пошевелились при самомъ сильномъ давленіи, или дерганіи, болѣе нечего тутъ и дѣлать. Къ серединѣ платформы, сверху, привязать воздушный шаръ, который, подъемною силою своей водородной легкости, подыметъ въ воздухъ тысячу пассажировъ и пятьдесятъ тысячъ пудовъ товара вдругъ, между-тѣмъ, какъ проволоки, при хорошо разсчитанной тяжести груза, не дозволятъ платформѣ улетѣть съ добромъ и животомъ за облака, не дадутъ ей своротить въ-сторону при боковомъ вѣтрѣ, и она всегда будетъ оставаться и ѣхать ровно и въ одинаковой высотѣ. Воздушный шаръ на веревкѣ, или на проволокѣ я назвалъ бы по-русски *привѣшнымъ*. Брошюра называетъ его по-французски *плѣннымъ* шаромъ— aérostat captif. Для меня все-равно — лишь бы приносилъ хорошіе проценты. Возлѣ шара, по сторонамъ платформы, и на задней части ея утверждаются мачты, паруса, всякія разныя вѣтрогонныя средства. Изъ каждой станціи — вотъ этого-то я не понялъ въ прекрасномъ планѣ вѣтролетства, на которое послалъ взять акцію—изъ каждой станціи должны, повидимому, выходить восемь паръ воздушныхъ рельсовъ по направленіямъ восьми главныхъ вѣтровъ, такъ что всякая трехверстная станція рождаетъ 8 новыхъ трехверстныхъ станцій, а тѣ 8 рождаютъ 64, которыя рождаютъ 512, изъ которыхъ возникаютъ 4,096, 32,768, 262,144 и такъ

далѣе, дотого, что на поверхности твердой земли только и видишь, что вѣтролетныя станціи проволоки толщиною въ палецъ, натянутыя, какъ струны... просто, прелесть смотрѣть! А впрочемъ, какое мнѣ дѣло до числа станцій! Чѣмъ больше станцій, тѣмъ болѣе пассажировъ и товаровъ и тѣмъ большій дивидендъ.

Вотъ по этимъ-то «воздушнымъ рельсамъ», при содѣйствіи «пронизанныхъ» блоковъ, «плѣнные» вѣтролеты будутъ свободно и безопасно летать съ удивительнымъ удобствомъ и съ быстротою вѣтра, скользя по прямой, тугой, твердой, ни въ которую сторону не подающейся проволокѣ.

Ахъ, Боже мой! что же я сдѣлалъ? послалъ взять акцію, а не разсчелъ того, что скользить имъ никакъ нельзя: въ воздухѣ, въ холодной дѣйствительности, трехверстныя проволоки далеко не будутъ держать себя такъ прямо, какъ держатся въ чертежѣ, нарисованномъ горячею мечтою: онѣ одною уже тяжестью своей натянутся внизъ и лягутъ наземь... непремѣнно, неизбѣжно! Конечно, палецъ пальцу рознь: есть пальцы не толще спаржи и пальцы съ порядочную морковь. Если принять въ основаніе и умѣренный палецъ, въ разрѣзѣ равный пяткѣ стеариновой свѣчи, то аршинъ желѣзной проволоки даже и этой благоприличной толщины будетъ вѣсить не менѣе 25 фунтовъ. При

трехъ и болѣе верстахъ, или при 5,000 арши нахъ протяженія, на центръ ея будетъ налегат съ двухъ концовъ болѣе 3,000 пудовъ тяжеств которые вытянутъ ее до земли почти на всей длинѣ. Если же не ляжетъ, если не зароетс въ землю, то проволока такой длины будет болтаться по вѣтру, какъ шелковая ниточка Страшно подумать, какая сила нужна длятого чтобы натянуть ровно и туго, какъ струну, 5,000 аршинъ толстой желѣзной проволоки, когда пя ти саженъ тонкой проволоки никакъ нельзя вы прямить до безукоризненной прямизны и даж посредственной тугости, когда 48 аршинъ стальной струны въ восьмушку линіи въ діаметрѣ раздѣленные на 60 частей и достаточно натянутые, въ-состояніи скрутить и изломать полудюймовыя полосы желѣза, очень-короткія и притомъ, поставленныя на ребро. Да и нѣт физической возможности *на*тягивать проволоки, или прутья такой длины: даже и при употребленіи самой гигантской силы онѣ будутъ только *вы*тягиваться, удлинняться. Отъ одного вибраціоннаго волненія онѣ порвутся въ куски. Хороша будетъ ѣзда по «воздушнымъ рельсамъ», когда «плѣнные вѣтролеты», кое-какъ поднявъ ихъ съ сырой земли, станутъ ихъ дергать, качаться на нихъ, плясать вмѣстѣ съ ними то въпопрыжку, то въ присядку. Не хочу акціи! ни за что въ свѣтѣ не хочу! Да это явное разореніе! Позвольте проститься съ вами: бѣгу

остановить покупку, сказать, что не нужно, возвратить акцію, если возможно...

Какже я такъ странно обчелся? кажись, знаю толкъ и въ желѣзѣ и въ натяжкѣ не хуже другихъ... Бѣгу!... Прощайте!

XIV.

28 октября 1856 г.

Quousque tandem — гремѣлъ нѣкогда въ римскомъ сенатѣ краснорѣчивый Цицеронъ — abutimini patientia nostra, Catilina?... Долго ли еще во зло употреблять будешь терпѣніе наше, Катилина? Долго ли еще всѣхъ насъ будешь считать дураками, Ростиславъ Ѳеофилычъ преопчтеннѣйшій? увѣрять что вся русская публика всѣ публики сего міра, все образованное общество европейское состоитъ изъ болвановъ и олуховъ? Чѣмъ заслужили мы отъ тебя такую обиду, Катилина? Тѣмъ развѣ, что — неблагодарный!—многіе годы, многія зимы имѣли высокодобродѣтельное терпѣніе читать твои «Музыкальныя Бесѣды», что, выходя изъ оперы, покорно кланяемся тебѣ, Ростиславу Ѳеофилычу, какъ страшному знатоку музыки, хотя музыку то понимаемъ нѣсколько-яснѣе твоего, Катилина, какъ это и будетъ доказано въ предлежащемъ отрывкѣ нашего краснорѣчія. Слушайте отцы отчизны, слушайте всѣ древніе, средні и новѣйшіе римляне, слушайте, греки и варвары, галлы, египтяне, персы, люди, пьющі

воду замерзшаго Борисѳена, и племена, купающіяся въ кипяткѣ пучины эѳіопскія, слушай, Русь современная, земля широкая, толковая и смышленая, всѣ до едина слушайте и услышьте, какіе ужасы расписываетъ про васъ, про насъ, про все человѣчество этотъ ужасный Ѳеофилъ Ростиславичъ! Великъ и славенъ онъ у насъ единственно нашимъ радушнымъ вниманіемъ къ нему, къ его «Бесѣдамъ», и онъ же, въ своемъ величіи, объявляетъ намъ преучтиво, что всѣ *мы*, сколько насъ ни есть и ни было, *не заслуживаемъ ни малѣйшаго вниманія, за исключеніемъ только его*, Ростислава Ѳеофилыча, да еще мосьё *Улыбышева*, который на русской сторонѣ сочиняетъ французскія книги о нѣмецкой музыкѣ. Разочти, Катилина! сообрази, Ростиславъ! что же значитъ твое величіе, твоя слава, если мы, которые дали тебѣ величіе, *не заслуживаемъ ни малѣйшаго вниманія?* Развѣ скажешь, что мы дали понапрасну, по ошибкѣ? Ну, тогда совсѣмъ другой разсчетъ.

Какъ! мы не заслуживаемъ *ни малѣйшаго вниманія*, мы, публика, мы, человѣчество, мы, итогъ всего, что ни есть на свѣтѣ умнаго, чувствующаго и понятливаго, мы, душа и разумъ земли, не стоимъ *ни малѣйшаго вниманія*? А вы-то съ мосьё Улыбышевымъ одни стоите всяческаго вниманія и почтенія? Нашъ судъ ничего на свѣтѣ не значитъ, а важенъ только вашъ судъ непогрѣшимый? Вы вдвоемъ проглотили весь вкусъ, весь инстинктъ прекраснаго, всю

мудрость ощущеній, а мы *другіе*, всѣ вмѣстѣ, ничего не смыслимъ, ничего не понимаемъ и не смѣемъ безъ вашей указки ничего одобрять, ни отвергать, ни въ чѣмъ находить ни удовольствія, ни скуки? Намъ должно нравиться только то, что́ вамъ нравится: въ-противномъ-случаѣ, мы —невѣжды, мы—своенравныя дѣти, потѣшающіяся нивѣсть чѣмъ, мы непокорные ученики, бунтующіе противъ самоуправной опеки нашей надъ нашимъ чувствомъ и разумомъ? Будь себѣ педантъ, сколько душѣ твоей угодно, Катилина, будь музыкальный старообрядецъ, если въ сердцѣ твоемъ вѣры хватаетъ на одно только старое, въ дѣтствѣ заученное, но, ради золотой бороды Юпитера Капитолійскаго, не простирай педантства до грубости, не слѣдуй дурному вкусу горькихъ посредственностей, позволяющихъ себѣ говорить ученообразныя дерзости публикѣ, владычицѣ и судьѣ талантовъ, когда публика не раздѣляетъ ихъ бѣдныхъ понятій, не говори, человѣче, намъ, тебѣ подобнымъ человѣкамъ, что всѣ мы не сто́имъ *ни малѣйшаго вниманія*, nos que valemos tanto que vos y podemos muy que vos, мы, *знакомые съ общимъ предметомъ для всего человѣчества* ровно столько же, сколько и ты, а чувствующіе его, ужь конечно, свѣжѣе, яснѣе, свободнѣе отъ предразсудковъ, чѣмъ ты.

Рѣшительно, эти господа, которые — сказать чисто по-русски—*имѣли несчастіе* изучить «науку гармоніи», то-есть музыкальную грамматику

и риторику, пустѣйшую изъ всѣхъ наукъ, смѣсь нѣсколькихъ простыхъ правилъ, едва достаточныхъ на одинъ вечеръ изученія для понятливой головы, съ нѣсколькими ремесленными бреднями, не стоющими даже и изученія, эти такъ-называемые «знатоки» и «критики» искусства рѣшительно забираютъ себѣ въ голову, что, кромѣ ихъ, никто не понимаетъ и не имѣетъ права понимать музыки, что всѣ *другіе* должны имъ кланяться, чтобы знать, скучно ли, весело ль, сочувственно ли, противно ль то, что́ слышатъ и ощущаютъ на свой счетъ, своими собственными нервами. И какъ для такихъ оцѣнщиковъ музыка уже не живая душевная рѣчь, но сухая и холодная риторика звуковъ, то постоянно случается, что имъ нравится именно то, что́ наводитъ убійственную скуку на всѣ прочія уши человѣческія, нравится наборъ болѣе, или менѣе затѣйливыхъ фигуръ риторическихъ, изложеніе изысканное, темное, запутанное, педантское и не нравится все ясное, сильное, страстное, дѣйствующее прямо и непосредственно на душу, жаждущую ощущеній, открытую впечатлѣніямъ, не заклеенную дешевымъ глянцемъ гармонической фабричности, И, чтобы поддержать славу тяжелыхъ и скучныхъ предметовъ своего предпочтенія, они прибѣгаютъ къ средству, которое — не знаю, подумали ль они объ этомъ, или нѣтъ — которое очень-вѣрно переводится словомъ «шарлатанство»: увѣряютъ, будто хорошее музыкальное сочиненіе нужно

прослушать пять, шесть, семь разъ со вни
ніемъ, чтобы почувствовать его таинствен
красоты и оцѣнить его достоинство!... Это
же внесено въ число аксіомъ мнимой науки.

И, несмотря на грубую несообразность та
аксіомы, ей добродушно вѣрятъ многіе изъ
посвященныхъ въ мнимую науку!

Потише, господа! Полноте морочить пар
Божій! Для васъ, быть-можетъ, музыка—п
метъ ремесленныхъ фокусовъ; для насъ музык
языкъ, такой же, какъ всѣ языки, и еще
лѣе: языкъ всемірный, всепонятный, всеч
вѣчный, для выраженія и передачи самыхъ
щихъ и самыхъ могучихъ чувствъ, страсте
ощущеній рода нашего. Для насъ она—крас
рѣчіе, не требующее рѣчей, звучная поэ
независимая отъ словъ частнаго языка, и
позиторъ для насъ — народный ораторъ,
мосѳенъ, Цицеронъ, Бэркъ, который долж
разгадать нашъ духъ, взволновать въ насъ
чувство, возжечь страсти, обаять, убѣд
увлечь, тутъ же, сейчасъ, на мѣстѣ: не-то
объявляемъ его риторомъ, скучнымъ нѣмц
и, вмѣсто восторженныхъ рукоплесканій, з
дываемъ его разварнымъ картофелемъ. Хор
былъ бы такой Цицеронъ, котораго нужно
слушать пять, шесть, семь разъ прежде, ч
поймешь, о чемъ онъ говоритъ. Что ска
бы вы о поэтѣ, стихотвореніе котораго тр
вало бы пятикратнаго прочтенія, чтобы п
заться толковымъ? А, между-тѣмъ, эту же

мую несообразность вы принимаете отъ знатоковъ музыки за глубокомысленное замѣчаніе и не подумаете объ его шарлатанствѣ!

Ну, а вы господа знатоки, кто вы таковы? Вы производители музыки, музыкальные фабриканты, или, по-крайней-мѣрѣ, хотите прослыть производителями, знающими всѣ тайны и уловки фабрикаціи: ну, такъ вы и не имѣете права судить и рядить о музыкѣ; вы не можете, вы не должны: мнѣніе ваше уже въ зародышѣ заражено пристрастіемъ и предубѣжденіемъ. Судъ принадлежитъ намъ, потребителямъ музыки, намъ, публикѣ, намъ, массамъ человѣчества. Что̀ мы рѣшимъ, то и свято. Гласъ общій — гласъ Божій. Въ дѣлахъ нашего собственнаго счастія, нашего душевнаго удовольствія, изящнаго наслажденія мы, потребители красотъ, никогда не можемъ ошибиться. Заблуждаться въ этомъ отношеніи можете только вы, поставщики и браковщики. Вамъ легко не понимать, что̀ намъ нужно; но мы... мы прекрасно понимаемъ, насъ не проведешь. Не забывайте, господа, что всѣ музыкальныя величія рѣшили мы, публика, массы, общества, наперекоръ вамъ, знатокамъ, а вы, всегда злѣйшіе враги всякаго новаго величія въ началѣ, вы стали поклоняться имъ уже тогда, когда нашъ ѳиміамъ потухъ совершенно, когда съ новыми потребностями души и сердца мы уже перешли-было къ новымъ геніямъ-истолкователямъ этихъ таинственныхъ потребностей. Вспомните, какъ

на нашей памяти поносили и преслѣдовали Россини, котораго теперь называете великим. Ниже и хуже Россини не было для васъ ни го и ничего въ поднебесной: нѣкоторые и васъ давали обѣтъ умерѣть скорѣе, чѣмъ е разъ въ жизни услышать хотя одинъ зву Россини, и сдерживали мудрый обѣтъ! Не слыхалъ ли самъ я отъ васъ, что это—варварская музыка, что это ни на что не похоже, не что иное, какъ шумъ, оглушительный, безтолковый и нестерпимый, что это, просто, порча и разрушеніе голосовъ, упадокъ хорошаго пѣнія. Упадокъ пѣнія при Россини! при композиторѣ, примѣръ и творенія котораго образовали знаменитую донынѣ вокальную школу, блистательнѣйшую изъ всѣхъ извѣстныхъ! Подите, говорите!... Россини, сынъ и музыкальное выраженіе вѣка нравовъ эпикурейскихъ, затѣй граціозныхъ, обычаевъ блестящихъ и щеголеватыхъ до вычурности, философіи насмѣшливой, остроумной, злой, веселой, ко всему равнодушной, Россини господствовалъ по праву надъ эпохою, которую онъ понималъ въ совершенствѣ и удовлетворялъ геніально. Какъ-скоро началась реакція и общества стали клониться къ сантиментальности и мистицизму, Россини явилъ новое доказательство своего необыкновеннаго генія: послѣ огромнаго торжества, послѣ «Вильгельма Теля», самъ добровольно сошелъ съ поприща, сказавъ: «Время мое прошло: я болѣе не гожусь»,

Беллини сдѣлался зеркаломъ и владыкой но-

[illegible] эпохи. Боже мой! какъ вы опять ругали [illegible]ого бѣднаго хвораго, мечтательнаго молодаго [illegible]ловѣка! какъ называли его невѣждою, осломъ, [illegible]слѣднимъ изъ послѣднихъ учениковъ вашихъ!.. [illegible] хотѣли признавать его композиторомъ!... посылали учить гаммы!... А теперь Беллини у васъ—геній, да еще какой!... и «Норма» — великое созданіе! и «Соннамбула» — чудо-опера, образцовое и несравненное произведеніе!... Онъ тоже портилъ и уничтожалъ голоса, неправда ли? не писали ль вы этого, скажите по-совѣсти, про Беллини? И вслѣдъ затѣмъ не взводили ль тѣхъ же обвиненій, не закидывали ль такою же недостойною бранью Доницетти, когда Европа горячо рукоплескала каждому звуку его, когда образованныя массы не хотѣли слушать другой музыки, кромѣ музыки творца «Лучіи» и «Любовнаго Напитка»? Ожесточеніе вашего цѣха знатоковъ выходило изъ всѣхъ предѣловъ приличія въ-отношеніи Доницетти: точно такъ же, какъ не понимали вы Россини и Беллини, вамъ не случилось понять въ потребное время и Доницетти, мелодичнаго представителя послѣдовавшей затѣмъ эпохи—эпохи страннаго боренія идей, смѣси страстей со смѣхомъ, тайныхъ и явныхъ волненій умовъ, стремленій къ новому и возвратовъ къ старому, господства матеріальныхъ выгодъ, напряженной дѣятельности и спѣха жить и наслаждаться. Слова «варваръ» и «невѣжда» были уже недостаточны для Доницетти, и вы, въ своихъ гармоническихъ сло-

варяхъ, тщетно отъискивали довольно-сильные ругательные эпитеты для этого музыкальнаго «сапожника». А теперь, посмотрите, какъ этотъ сапожникъ великъ и славенъ у васъ, когда вамъ вдругъ пришлось не понимать новаго музыкальнаго представителя новой эпохи человѣчества, когда нужно унижать геній Верди, чудно осуществляющій чудными звуками мысль и чувство настоящаго времени вообще и своей родины въ особенности, Верди, композитора въ высшей степени современнаго, нынѣшняго, сегодняшнаго, въ каждой нотѣ котораго животрепещетъ характеръ настоящихъ западныхъ и южныхъ обществъ, серьёзный, угрюмый, жадный къ раздирающимъ ощущеніямъ, ищущій радости въ бурѣ страстей и отчаянно утопающій въ изысканномъ сладострастіи, рѣшительный врагъ стараго, поклонникъ нововведеній, исполненный презрѣнія къ принятому и желанія явиться независимымъ отъ условныхъ приличій. Таковъ теперь Западъ, такова преимущественно Италія, гдѣ уже давно не смѣются, гдѣ озабоченность замѣнила собою прежнее буфонство, гдѣ вездѣ клокочатъ подземные волканы страстей, усердно прикрываемые самыми роскошными цвѣтами физическаго наслажденія,—и такова музыка Верди, и онъ претерпѣваетъ отъ васъ, неугомонныхъ знатоковъ, такое же гоненіе, какое поочередно претерпѣвали другіе геніальные композиторы, его предшественники, другія вѣрныя музыкальныя отраженія внутренняго характера своихъ

эпохъ. Вы, неугомонные знатоки, вы-таки просебя думаете рѣшительно, что по какой бы то ни было части, въ какомъ бы то ни было искусствѣ, въ музыкѣ, въ поэзіи, въ живописи, въ словесности, можно всѣ, или многія образованныя общества взволновать, очаровать и увлечь безъ генія, или что можно быть геніемъ внѣ своей эпохи, совсѣмъ не понимая ея, не сочувствуя ей, не слившись съ ней мыслью, душою, сердцемъ? Нутка, попробуйте вы, мудрецы безъ генія: посмотримъ!... Какъ сдѣлаете, по-итальянскому, ужасное фіаско, а въ русскомъ переводѣ: какъ шлепнетесь наповалъ въ грязь, то, можетъ-быть, и выучитесь немножко уважать геніальныхъ людей, съ ущербомъ своего носа, и впередъ не станете судить съ учительскою спѣсью, какъ о пустыхъ мальчишкахъ, о людяхъ гораздо-выше васъ талантомъ, умѣньемъ и разумомъ.

Общее психологическое правило, которое осмѣлюсь предложить вамъ въ руководство: въ искусствахъ разумъ и чувство обществъ покоряютъ себѣ одни только геніи; никакимъ другимъ средствомъ нельзя достигнуть этого торжественнаго владычества, и всѣ ваши разглагольствія о прихоти и своенравіи публикъ, о счастливыхъ случаяхъ, о модѣ — пустое чванство, или неблагородная клевета. Если вы свѣтъ такъ понимаете, то не беритесь судить о произведеніяхъ, которыя завистливо, съ притворнымъ презрѣніемъ называете «модными»: вы ничего

въ нихъ не смыслите. И, Бога ради, не говорите о «модѣ»: вы себя этимъ уничтожаете. Зачѣмъ же на васъ-то никогда не бываетъ «моды»? Вѣдь вы же смѣло, безъ обиняковъ провозглашаете себя наставниками и руководителями этихъ модныхъ людей, а въ моду никакъ попасть не можете! Странно!

Не понимать же ихъ вы можете очень-просто, совершенно-безобиднымъ для васъ образомъ, при всемъ знаніи вашемъ грамматики и риторики искусства: вы можете быть человѣкъ другой эпохи, прошедшій человѣкъ по воспитанію, по ученію, по нравамъ, по обстоятельствамъ. Время течетъ мимо васъ и васъ не увлекаетъ съ собою: вы остаетесь, съ своими понятіями, неподвижны на своемъ привычномъ убѣжденіи, какъ изваяніе на гранитномъ утесѣ, не сочувствуете новымъ людямъ, вновь выступающему на поприщѣ жизни поколѣнію, не ощущаете его душевныхъ потребностей, и, слѣдовательно, вы не судья тому, чѣмъ оно восхищается, не можете понимать тѣхъ, кто приводитъ его въ удивленіе.

Ростиславъ Ѳеофилычъ!... (съ другими знатоками я и говорить не хочу) но вы, Ѳеофилъ Ростиславичъ! вы такой умный человѣкъ, такой даровитый и понятливый писатель: ну, что вамъ стóитъ подумать немножко да и понять, что Верди вы вовсе не понимаете? Пожалуйста! умоляемъ! сдѣлайте это одолженіе намъ, публикѣ, всему образованному европейскому обществу,

душевно васъ уважающему. Это было бы намъ особенно-пріятно: представить себѣ не можете, какъ немелодично и какъ неловко слушать, что если исключить васъ и господина Улыбышева, то всѣ мы, *другіе*, все остальное человѣчество, *не заслуживаемъ ни малѣйшаго внимания!*... да еще, кромѣ-того, разныя другія знатоковскія любезности, изъ которыхъ злые люди готовы заключить, будто человѣкъ просто дуракъ; а это неправда: человѣкъ вообще ужасно-уменъ, на-зло знатокамъ, любитъ безъ памяти то, что ему доставляетъ истинное удовольствіе, обожаетъ Верди, какъ композитора, умѣющаго говорить прямо его нынѣшней душѣ, и находитъ совершенно-смѣшными тѣхъ, которые *протестуютъ* противъ его удовольствія и жалуются, что *вопіютъ* въ пустынѣ. Ну, скажите, что не понимаете! А я вамъ скажу, кто на этомъ свѣтѣ музыку понимаетъ, какъ слѣдуетъ, въ совершенствѣ, гораздо-лучше, несравненно-лучше и васъ, и мосьё Фетиса, и Берліоза, и Скудо, и д'Ортига, и даже меня: это — всѣ, весь свѣтъ. Ахъ, Ростиславъ Ѳеофилычъ! еслибъ намъ далъ Богъ быть умными, какъ всѣ, то-то были бы мы умны! Мы бы, я думаю, убѣдились, что для сужденія о прекрасномъ въ музыкѣ нужно знать кое-что поумнѣе генералъ-баса и чувствовать кое-что получше доминанты, или уменьшенной сексты.

Вотъ, изволите видѣть, я вамъ приведу очень-простой примѣръ того, какимъ образомъ, *не*

заслуживая ни малѣйшаго вниманія такихъ искусныхъ судей, какъ вы съ господиномъ Улыбышевымъ, можно чувствовать и понимать музыку вѣрнѣе всѣхъ знатоковъ. Былъ у меня пріятель, нѣкто Модестъ Мелодинъ. Лѣтъ пять или шесть тому, когда о Верди въ главныхъ столицахъ Европы еще и говорить не хотѣли, когда у насъ знали его только по двумъ операмъ, «Эрнани» и «Ломбарды», безчеловѣчно коверкаемымъ нѣмецкими оркестрами, великій знатокъ искусства, герръ Дамке, однажды приноситъ къ Мелодину, для напечатанія, статью о разныхъ музыкальныхъ дѣлишкахъ, между-прочимъ и о Верди, котораго, какъ знатокъ, научный авторъ статьи счелъ долгомъ, безъ отлагательства затоптать въ грязь. Мой Мелодинъ взялъ да и помаралъ безъ церемоніи весь этотъ знатоковскій вздоръ, вмѣсто котораго написалъ самъ нѣсколько строчекъ о Верди, написалъ почти то же, что́ *я*, грѣшный, сейчасъ имѣлъ честь вамъ докладывать, и заключилъ извѣстіе, какъ теперь помню, этими словами: «Пожалуйста, не говорите о Верди! Вы не понимаете этого композитора. Не пройдетъ десяти лѣтъ, творенія Верди торжественно обойдутъ весь образованный міръ, и Европа не захочетъ слушать другой музыки.» Ну, что́ жь, Ростиславъ Ѳеофилычъ! вѣдь Мелодинъ-то правъ — предсказалъ съ удивительною вѣрностью судьбу этой музыки — а вы, между-тѣмъ, *протестуя* противъ нея и наставляя великаго композитора,

какъ ученика, браня за него публику, вы вѣдь не остановили торжественнаго шествія генія и теперь *вопіете въ пустыню!* И забавно еще то, что, получивъ этотъ неожиданный щелчокъ, герръ Дамке, съ досады, вздумалъ познакомится короче съ произведеніями Верди, сталъ разъигрывать ихъ самъ и открылъ удивительныя красоты въ томъ, что́ прежде презиралъ съ капельмейстерскою спѣсью, какъ ничтожное и грубое. Кончилось тѣмъ, что герръ Дамке полюбилъ синьйора Верди и сталъ защищать его противъ другихъ знатоковъ. Вердіевскіе хоры, главный предметъ знатоковскаго негодованія, приводили его въ особенный восторгъ.

Разумѣется, что мнѣніе господина Дамке, приводимое мною, точно такъ же, какъ и приводимыя Ростиславомъ Ѳеофилычемъ препочтеннѣйшимъ мнѣнія какого-нибудь господина Скудо, Фіорентино, Берліоза, или стараго болтуна Фетиса, который льститъ Мейерберу безсовѣстно по личнымъ отношеніямъ и поноситъ Верди безтолково изъ обиженнаго тщеславія — за то, что Верди не сдѣлалъ, или не отдалъ ему визита въ Венеціи — разумѣется, что всѣ эти мнѣнія и сужденія, со включеніемъ сюда и мнѣній самого Ѳеофила Ростиславича съ товарищемъ, равно столько же *не заслуживаютъ* у насъ *ни малѣйшаго вниманія*, сколько наши не заслуживаютъ у него. Ну, станемъ ли мы, Европа, спрашивать, что́ думаетъ о предметѣ нашихъ душевныхъ восторговъ, нашего очарованія, нашего счастія какой-

нибудь капельмейстеръ, или кланяться какому-нибудь знатоку объ указаніи намъ времени и мѣры нашего внутренняго блаженства?... Развѣ знатоки знаютъ что-либо, кромѣ своего собственнаго самолюбія? Развѣ знать толкъ въ геніяхъ — капельмейстерское дѣло? На то Господь Богъ создалъ насъ, публику, общество, человѣчество, и надѣлилъ насъ, по благости Своей, удивительнымъ чутьемъ геніальности. Мельчайшую частицу генія мы чуемъ за сто саженъ подъ землею и непремѣнно добудемъ магнитомъ, или вытянемъ золотомъ оттуда этотъ драгоцѣнный алмазъ, для нашего наслажденія и счастія. А капельмейстеру и знатоку на что́ это добро? Развѣ они не счастливы своей посредственностью? да еще какъ!... Отстанутъ отъ человѣчества, отъ обществъ, отъ всего движенія душевнаго быстро смѣняющихся поколѣній, завалятся за Моцарта и за Бетховена и блаженствуютъ въ тяжелой атмосферѣ полу-истлѣвшихъ аккордовъ. Я стою́ за публику, за ея умъ, за ея геній. У людей въ массѣ геній огромный, чувство истиннаго непостижимое: знатоки и понятія не имѣютъ объ этихъ вещахъ, думаютъ-себѣ, будто они руководствуютъ массу. Стою́ за непреложное право публики на уваженіе и смиреніе передъ судомъ ея отъ всякаго, кто пріемлетъ смѣлость говорить съ нею объ ея дѣлахъ. Стою́ за ея любимцевъ, потому-что она мастерица выбирать людей. Знатоковъ какъ-то не беретъ: ну, за-то же умѣютъ знатоки терзать

ея любимцевъ. Злоупотребленіе гармоніи, дошедшее до смѣшнаго и пошлаго помощью самыхъ странныхъ, самыхъ изысканныхъ и невѣроятныхъ сочетаній, уже утомляетъ слухъ обществъ: эти вѣчныя, неотвязныя квинты, терціи, сексты уже надоѣли всѣмъ; общественное чувство требуетъ музыки болѣе натуральной, и Верди дѣлаетъ смѣлый, обратный шагъ отъ преувеличеній перехитреннаго ремесла къ величественной и трогательной простотѣ природы. Бранить его, варвара, какъ невѣжду! гнать, какъ разрушителя искусства! Вокальное пѣніе, забывъ свой важный санъ, бросилось въ вѣтролетство, въ быстродвижность нотъ и тоновъ, въ безконечныя и безтолковыя рулады. Верди старается пѣніе воротить, по-возможности, къ достоинству человѣческаго пѣнія. Бранить его опять за грубую вокализацію, за истребленіе породы искусныхъ пѣвцовъ, за разстройство голосовъ, которые почти всегда разстраиваются, не отъ пѣнія, но отъ пороковъ!

Нѣтъ! вы не понимаете Верди! Мало-того, что геній его нашъ, нынѣшній геній, что его музыка наша внутренняя музыка: онъ еще будетъ точкою исхода, съ которой пойдетъ далѣе и далѣе коренное преобразованіе новѣйшей музыки и возвратъ ея отъ вавилоновъ зазнавшагося искусства къ чистымъ линіямъ натуры. Въ музыкѣ должно произойдти то же, что́ произошло въ литературѣ, вопреки всѣмъ сопро-

тиленіямъ и протестамъ: или стрѣлка времени остановится и не пойдетъ далѣе.

О, Моцартъ! о, Бетховенъ! жаль мнѣ васъ! близокъ вашъ конецъ! Не желалъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ. Вы сдѣлались исключительными идеалами всѣхъ бездарностей и посредственностей. Вы теперь въ такой у нихъ славѣ, въ такой страшной милости, что не сдобровать вамъ: они, навѣрное, васъ погубятъ.

А помнишь ли, добродушный Бетховенъ, какіе ужасы писали про тебя знатоки? помнишь ли, какъ петербургскіе музыканты не хотѣли, даже за деньги, разъигрывать твоихъ «сумасбродныхъ» и «безтолковыхъ» твореній? Ну, а ты, Моцартъ, забылъ ли, какъ твоего «Донъ-Жуана»...

Но Моцартъ дѣло другое. «Донъ-Жуанъ» сегодня былъ бы невозможенъ: не въ характерѣ времени! Живи ты, пылкій и страстный нѣмецъ, въ наше время, ты, Моцартъ, былъ бы Верди.

XV.

4 ноября 1836 г.

Въ послѣдній разъ пришлось намъ съ вами, любезнѣйшіе друзья мои, говорить неожиданно и ex abrupto о музыкѣ. Слѣдовательно, мы должны теперь побесѣдовать о кухнѣ. Я знаю, что вы любите строгій логическій порядокъ предметовъ.

Всѣ философы со вкусомъ — правду сказать, такихъ очень-мало на свѣтѣ, однако попадаются — всегда усматривали большую аналогію между двумя важнѣйшими для человѣчества искусствами, двумя обильнѣйшими источниками высокихъ наслажденій и счастія—музыкою и гастрономіей. Отличный супъ все-равно, что прекрасная мелодія. Превосходный обѣдъ — это пятая симфонія Бетховена, и я даже примѣчалъ неоднократно, что истинные, неподдѣльные музыканты рѣшительно предпочитаютъ хорошій обѣдъ этой знаменитой симфоніи.

Природа такъ тѣсно соединила музыку съ кухнею, что у всѣхъ народовъ, съ незапамятныхъ временъ и донынѣ, большіе обѣды обыкновенно сопровождаются концертами, вокаль-

ными и инструментальными. Барельефы и картины этрусковъ, египтянъ, ассирійцевъ несомнѣнно доказываютъ глубокую древность этого обычая, который, тѣмъ-не-менѣе, одна изъ неудачнѣйшихъ выдумокъ человѣческихъ. Обыкновенно, на такихъ обѣдахъ ни ѣсть, ни слушать невозможно, случается даже, что и ѣсть и слушать нечего; но главное неудобство то, что, по законамъ физіологіи, всякій шумъ, оглушая слухъ, смущая голову, стѣсняя свободное движеніе мысли, препятствуя живой и веселой бесѣдѣ, существенно разстраиваетъ пищевареніе и поражаетъ желудокъ безсиліемъ. Лучшая музыка въ свѣтѣ за обѣдомъ—любезный и умный разговоръ. Между тарелками нужно непремѣнно говорить: во-первыхъ, больше съѣшь, во-вторыхъ, здоровѣе; воздухъ лучше смѣшивается съ пищею и обильнѣе проникаетъ въ желудокъ. Разговоръ даже можетъ прекрасно замѣнить зубы. Главная цѣль жеванія — не столько измельченіе кусковъ яствъ, сколько выжатіе изъ железъ рта значительнѣйшаго количества слюны, которая, смѣшиваясь съ шарикомъ пережеванной пищи и при этомъ обращаясь въ родъ пѣны наподобіе мыла, насыщается воздухомъ и вводитъ его съ собою въ пищеварительную сумку. Значитъ, если у васъ нѣтъ зубовъ, или зубы плохи, говорите какъ-можно-болѣе, болтайте, врите, врите столько, чтобы запѣнилось во рту: можете проглотить пушечное ядро, и оно отлично переварится въ желудкѣ. Но опытомъ

дознано, что гораздо-здоровѣе, и для себя и для застольныхъ сосѣдей, врать умно: глупости не растворяются въ желудочномъ сокѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что хорошій обѣдъ не допускаетъ значительнаго числа гостей: семь, восемь человѣкъ, не болѣе, такъ, чтобы разговоръ могъ быть общій, быстрый, одушевленный, чтобы всѣ удобно слышали другъ друга безъ крика и шума. Притомъ же, авторитетомъ величайшихъ поваровъ рѣшено, что нѣтъ никакой возможности изготовить истинно-художественный и тонкій обѣдъ болѣе, чѣмъ для девяти человѣкъ, изъ которыхъ трое должны быть молодыя женщины, блестящія, какъ розы, и кушающія, какъ птички. Быть-можетъ, хлѣбосольство—добродѣтель; но оно зазываетъ безъ всякой критики такое множество гостей и заказываетъ такія массы яствъ, что добродѣтель выходитъ хуже порока. Обѣдъ у этой добродѣтели всегда прескверенъ. Хлѣбосольство — изобрѣтеніе вѣковъ объѣдавшихся, временъ грубыхъ, пожиравшихъ много, но совершенно чуждыхъ искусства ѣсть разумно и учено. Это искусство—свойство и признакъ высокой цивилизаціи.

Ничѣмъ такъ ясно и вѣрно не доказывается, что наша Русь великая достигла этой славной степени образованія, какъ петербургскою и московскою кухнею, особенно петербургскою. По свидѣтельству глубокомысленнѣйшихъ всемірныхъ обжоръ, извѣдавшихъ всѣ очаги вселенной, это—лучшая кухня въ Европѣ, истинно

эклектическое собраніе превосходнѣйшихъ кушаньевъ всѣхъ народовъ, составленное съ геніальнымъ инстинктомъ смачности и наслажденія.

Но если похвально и полезно обладать такою кухнею и умѣть съѣдать ея творенія, то еще похвальнѣе и полезнѣе умѣть ихъ заказывать такъ, чтобы они представляли, при высокой вкусности подробностей, истинно-гармоническое и художественное цѣлое. Самый лучшій поваръ ни къ чему не годится, въ-состояніи васъ истязать, или отравить своими блюдами, если самъ хозяинъ не надѣленъ отъ природы прекрасными гастрономическими вдохновеніями, если, въ-случаѣ недостаточнаго знанія подробностей предмета, онъ чуждъ тѣхъ геніальныхъ прозрѣній, которыя ясно видятъ на днѣ кострюли, насквозь проникаютъ сотейникъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, который никогда не задавалъ большихъ обѣдовъ и — вѣчная ему память! — проѣлъ два мильйона серебромъ (значитъ, умѣлъ ѣсть!), завѣщалъ мнѣ спасительное наставленіе, золотое правило въ этомъ отношеніи. «Какъ можно, говорилъ онъ, «въ пять минутъ времени начать и окончить совѣщаніе съ поваромъ, разговоръ объ обѣдѣ, который вы заказываете? Мой другъ! съ поваромъ своимъ должно бесѣдовать три, четыре часа, и болѣе, каждое утро; надо разобрать и обсудить съ нимъ каждое обстоятельство, всякую малѣйшую подробность съ величайшимъ вниманіемъ; надо подать ему идею... Эти люди не выдумаютъ сами ничего новаго,

ничего истинно-вкуснаго !... рутинщики !... печники !... никакого воображенія !... На днѣ каждаго блюда непремѣнно долженъ лежать умъ самого хозяина. Повѣрьте моей опытности.» И мой пріятель былъ правъ : такъ дѣлаютъ всѣ великіе люди, стяжавшіе себѣ безсмертіе обѣдами. Князь *** занималъ нѣкогда важное государственное мѣсто. Все утро, съ восьми часовъ до одинадцати, иногда до двѣнадцати, въ залѣ ожидаютъ секретари, докладчики, просители; а онъ, между-тѣмъ, въ кабинетѣ, держитъ совѣтъ съ поваромъ-французомъ. И поваръ-французъ говаривалъ съ восторгомъ, выходя изъ кабинета: C'est un vrai plaisir de travailler avec son excellence: le prince... oh ! le prince... est essentiellement cuisinier ! «Просто, прелесть заниматься съ княземъ ! Его сіятельство—поваръ въ душѣ !»

Но если великое искусство мудро заказывать и умно откушивать хорошіе обѣды доведено у насъ до такого завиднаго совершенства, къ-сожалѣнію, должно сознаться, что наши столовыя недалеко подвинулись впередъ на поприщѣ истинной цивилизаціи. Непонятно, какъ люди, дорожащіе этимъ великимъ наслажденіемъ жизни, основывающіе славу свою на блюдахъ, избравшіе цѣлью земнаго существованія своего благотворную должность хорошо кормить, оставляютъ эти интересныя комнаты въ состояніи первобытной дикости и наготы. Вмѣсто роскошныхъ, пуховыхъ креселъ, въ которыхъ такъ сладко

ными и инструментальными. Барельефы и картины этрусковъ, египтянъ, ассирійцевъ несомнѣнно доказываютъ глубокую древность этого обычая, который, тѣмъ-не-менѣе, одна изъ неудачнѣйшихъ выдумокъ человѣческихъ. Обыкновенно, на такихъ обѣдахъ ни ѣсть, ни слушать невозможно, случается даже, что и ѣсть и слушать нечего; но главное неудобство то, что, по законамъ физіологіи, всякій шумъ, оглушая слухъ, смущая голову, стѣсняя свободное движеніе мысли, препятствуя живой и веселой бесѣдѣ, существенно разстраиваетъ пищевареніе и поражаетъ желудокъ безсиліемъ. Лучшая музыка въ свѣтѣ за обѣдомъ—любезный и умный разговоръ. Между тарелками нужно непремѣнно говорить: во-первыхъ, больше съѣшь, во-вторыхъ, здоровѣе; воздухъ лучше смѣшивается съ пищею и обильнѣе проникаетъ въ желудокъ. Разговоръ даже можетъ прекрасно замѣнить зубы. Главная цѣль жеванія — не столько измельченіе кусковъ яствъ, сколько выжатіе изъ железъ рта значительнѣйшаго количества слюны, которая, смѣшиваясь съ шарикомъ пережеванной пищи и при этомъ обращаясь въ родъ пѣны наподобіе мыла, насыщается воздухомъ и вводитъ его съ собою въ пищеварительную сумку. Значитъ, если у васъ нѣтъ зубовъ, или зубы плохи, говорите какъ-можно-болѣе, болтайте, врите, врите столько, чтобы запѣнилось во рту: можете проглотить пушечное ядро, и оно отлично переварится въ желудкѣ. Но опытомъ

дознано, что гораздо-здоровѣе, и для себя и для застольныхъ сосѣдей, врать умно: глупости не растворяются въ желудочномъ сокѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что хорошій обѣдъ не допускаетъ значительнаго числа гостей: семь, восемь человѣкъ, не болѣе, такъ, чтобы разговоръ могъ быть общій, быстрый, одушевленный, чтобы всѣ удобно слышали другъ друга безъ крика и шума. Притомъ же, авторитетомъ величайшихъ поваровъ рѣшено, что нѣтъ никакой возможности изготовить истинно-художественный и тонкій обѣдъ болѣе, чѣмъ для девяти человѣкъ, изъ которыхъ трое должны быть молодыя женщины, блестящія, какъ розы, и кушающія, какъ птички. Быть-можетъ, хлѣбосольство—добродѣтель; но оно зазываетъ безъ всякой критики такое множество гостей и заказываетъ такія массы яствъ, что добродѣтель выходитъ хуже порока. Обѣдъ у этой добродѣтели всегда прескверенъ. Хлѣбосольство — изобрѣтеніе вѣковъ объѣдавшихся, временъ грубыхъ, пожиравшихъ много, но совершенно чуждыхъ искусства ѣсть разумно и учено. Это искусство—свойство и признакъ высокой цивилизаціи.

Ничѣмъ такъ ясно и вѣрно не доказывается, что наша Русь великая достигла этой славной степени образованія, какъ петербургскою и московскою кухнею, особенно петербургскою. По свидѣтельству глубокомысленнѣйшихъ всемірныхъ обжоръ, извѣдавшихъ всѣ очаги вселенной, это—лучшая кухня въ Европѣ, истинно

эклектическое собраніе превосходнѣйшихъ кушаньевъ всѣхъ народовъ, составленное съ геніальнымъ инстинктомъ смачности и наслажденія.

Но если похвально и полезно обладать такою кухнею и умѣть съѣдать ея творенія, то еще похвальнѣе и полезнѣе умѣть ихъ заказывать такъ, чтобы они представляли, при высокой вкусности подробностей, истинно-гармоническое и художественное цѣлое. Самый лучшій поваръ ни къ чему не годится, въ-состояніи васъ истязать, или отравить своими блюдами, если самъ хозяинъ не надѣленъ отъ природы прекрасными гастрономическими вдохновеніями, если, въ-случаѣ недостаточнаго знанія подробностей предмета, онъ чуждъ тѣхъ геніальныхъ прозрѣній, которыя ясно видятъ на днѣ кострюли, насквозь проникаютъ сотейникъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, который никогда не задавалъ большихъ обѣдовъ и — вѣчная ему память! — проѣлъ два мильйона серебромъ (значитъ, умѣлъ ѣсть!), завѣщалъ мнѣ спасительное наставленіе, золотое правило въ этомъ отношеніи. «Какъ можно», говорилъ онъ, «въ пять минутъ времени начать и окончить совѣщаніе съ поваромъ, разговоръ объ обѣдѣ, который вы заказываете? Мой другъ! съ поваромъ своимъ должно бесѣдовать три, четыре часа, и болѣе, каждое утро; надо разобрать и обсудить съ нимъ каждое обстоятельство, всякую малѣйшую подробность съ величайшимъ вниманіемъ; надо подать ему идею... Эти люди не выдумаютъ сами ничего новаго,

ничего истинно-вкуснаго!... рутинщики!... печники!... никакого воображенія!... На днѣ каждаго блюда непремѣнно долженъ лежать умъ самого хозяина. Повѣрьте моей опытности.» И мой пріятель былъ правъ: такъ дѣлаютъ всѣ великіе люди, стяжавшіе себѣ безсмертіе обѣдами. Князь *** занималъ нѣкогда важное государственное мѣсто. Все утро, съ восьми часовъ до одинадцати, иногда до двѣнадцати, въ залѣ ожидаютъ секретари, докладчики, просители; а онъ, между-тѣмъ, въ кабинетѣ, держитъ совѣтъ съ поваромъ-французомъ. И поваръ-французъ говаривалъ съ восторгомъ, выходя изъ кабинета: C'est un vrai plaisir de travailler avec son excellence: le prince... oh! le prince... est essentiellement cuisinier! «Просто, прелесть заниматься съ княземъ! Его сіятельство—поваръ въ душѣ!»

Но если великое искусство мудро заказывать и умно откушивать хорошіе обѣды доведено у насъ до такого завиднаго совершенства, къ-сожалѣнію, должно сознаться, что наши столовыя недалеко подвинулись впередъ на поприщѣ истинной цивилизаціи. Непонятно, какъ люди, дорожащіе этимъ великимъ наслажденіемъ жизни, основывающіе славу свою на блюдахъ, избравшіе цѣлью земнаго существованія своего благотворную должность хорошо кормить, оставляютъ эти интересныя комнаты въ состояніи первобытной дикости и наготы. Вмѣсто роскошныхъ, пуховыхъ креселъ, въ которыхъ такъ сладко

жить и ѣсть, обыкновенно — жосткіе, неловкіе стулья; ѣсть на нихъ еще можно довольно-хорошо, но хорошо пить очень-опасно. Подъ ногами нѣтъ мягкаго бархатнаго ковра. О каминѣ, совершенно необходимомъ для очистки и освѣженія воздуха, почти никто не подумаетъ. Это странное смѣшеніе изысканной роскоши въ главномъ, съ отсутствіемъ множества существенныхъ удобствъ и изяществъ въ частностяхъ составляетъ разительную черту нашего образованнаго быта и происходитъ преимущественно отъ страшной дороговизны: при этихъ баснословныхъ цѣнахъ на все, никакихъ доходовъ нехватитъ на равную повсюду оконченность. Стѣны у насъ убраны богато, а построены такъ грубо, выведены такъ криво, оштукатурены такъ небрежно и гадко, что совѣстно сравнить наши богатѣйшіе дома съ домикомъ небогатаго итальянца, или бельгійца. Такія же противоположности бросаются въ глаза по всѣмъ статьямъ. Устройство мусорной части въ домахъ остается донынѣ то же, какъ, вѣроятно, было *при* Рюрикѣ, и объ опрятности тѣхъ отдѣленій, куда господа не ходятъ, не спрашивайте. Еще хуже этого: во многихъ изъ знаменитѣйшихъ кухонь, изъ грязной экономіи, варятъ и стряпаютъ все въ мѣдной посудѣ — жалѣютъ нѣсколькихъ рублей на фаянсовыя кострюли!

Охъ! ужь эти ужасные стулья нашихъ столовыхъ! На нихъ вы никогда не бываете въ *своей тарелкѣ*, хотя почти на всѣхъ находите глу-

бокія *тарелки*. Я думаю, вы понимаете меня. Вамъ извѣстно, что assiette по-французски вовсе не значитъ *тарелка*, какъ полагали тѣ, которые пошлую фразу être dans son assiette перевели на русскій языкъ словами: *быть въ своей тарелкѣ*, и какъ донынѣ думаютъ многіе французо-руссы. Слово assiette происходитъ отъ глагола assoir и значитъ собственно сидѣнье, *посадка*. Фундаментъ дома, основаніе горы называются также assiette, то, на чемъ *сидитъ* домъ, или гора. N'être pas dans son assiette—не сидѣть на своемъ привычномъ мѣстѣ, не сидѣть удобно и покойно, какъ я всегда сижу, когда обѣдаю, сидя на чужомъ стулѣ....

Много спорили и гастрономы и историки о лучшемъ положеніи тѣла нашего во время принятія пищи, и донынѣ еще мечтаютъ иные о блаженствѣ древнихъ римлянъ, которые обѣдали лежа. Этому спокойному обычаю выучились грубые потомки Ромула у враговъ своихъ, карѳагенцевъ, утонченнѣйшихъ, повидимому, обжоръ древняго міра. Обѣденные диваны ихъ триклиніевъ походили на нынѣшніе оттоманы; но всѣ попытки подражать въ наше время счастію Лукулла и Августа Цезаря на такой утвари были рѣшительно неудачны. Въ нашемъ неудобномъ костюмѣ, при множествѣ пуговицъ, нѣтъ никакой возможности наслаждаться гастрономіей въ лежачемъ положеніи, хотя, по весьма-основательному замѣчанію ученѣйшихъ антикваріевъ, положеніе это представляетъ то великое

удобство, что вы не подвергаетесь непріятности свалиться со стула подъ столъ въ концѣ обѣда, особенно, если сидите *не въ своей тарелкѣ*. Еще болѣе препятствуетъ возобновленію триклиніевъ необходимость, въ которую были бы поставлены наши прекрасныя застольныя сосѣдки разснуровывать и снимать корсеты свои передъ обѣдомъ: извѣстно, что ихъ гибкія таліи вовсе не гнутся въ этихъ тискахъ. Коротко сказать, о лежаніи съ тарелкою супа въ рукѣ нечего и думать въ наше время; но тамъ же, въ Африкѣ, гдѣ жили Карѳагенцы, есть другой обычай, которымъ, я думаю, могла бы прекрасно воспользоваться наша гастрономія. Въ Абиссиніи порядочный человѣкъ никогда не унизитъ себя до того, чтобы собственная рука его кормила его благородную особу: на то у порядочнаго человѣка есть люди. Онъ сидитъ на коврѣ. Передъ нимъ служитель разрѣзываетъ кушанье, а по обѣимъ сторонамъ стоятъ два лакея, которые проворно накладываютъ ему въ ротъ готовые куски; онъ же только раскрываетъ ротъ, глотаетъ куски и поглаживаетъ себя обѣими руками то по бородѣ, то по колѣнямъ. Все это происходитъ очень-быстро и ловко. Послѣ каждаго кушанья, порядочный человѣкъ раскрываетъ ротъ настежь, и особенный служитель издали льетъ ему струю вина прямо въ горло изъ бутылки. Абиссинцы очень дорожатъ этою методою объядѣнія, и вся Африка считаетъ ихъ счастливѣйшимъ въ мірѣ народомъ.

Есть въ Европѣ имя, знаменитое на полѣ брани. Тоже имя носитъ и «бывшій метръ-д'отель двора Его Императорскаго Высочества, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго». Бывшій метръ-д'отель не разбивалъ никогда враговъ, но за-то разбилъ въ жизнь свою множество горшковъ, соусниковъ, сотейниковъ, фаянсовыхъ кострюль, и прочая, и на славной грудѣ обломковъ этой посуды поставилъ себѣ памятникъ, написалъ и издалъ въ трехъ томахъ, на русскомъ языкѣ, «Альманахъ Гастрономовъ», заключающій въ себѣ проекты девяноста артистическихъ обѣдовъ по запискамъ, русскимъ и французскимъ и подробное описаніе процесса приготовленія каждаго кушанья. Однажды посылалъ я къ книгопродавцу спросить «Исторію походовъ Радецкаго въ Италію». Услужливый книгопродавецъ прислалъ мнѣ интересную книгу, которую сейчасъ я назвалъ, съ отвѣтомъ, что объ итальянскихъ дѣлахъ нѣтъ ничего новѣе этого «Альманаха». Я очень радъ, что это маленькое недоразумѣніе доставило мнѣ случай познакомиться съ твореніемъ бывшаго метръ-д'отеля. Еще болѣе буду радъ, если другой благополучный случай сведетъ меня лично съ ученымъ авторомъ книги. Я хочу просить моихъ любезнѣйшихъ читателей сдѣлать мнѣ честь и удовольствіе отобѣдать со мною, но приглашу только восемь человѣкъ—не болѣе—и-то отличнѣйшихъ гастрономовъ, я—девятый. Господинъ Радецкій состряпаетъ намъ обѣдъ, достойный

его славы, кухмистерской и литературной, обѣдъ истинно художественный, въ самомъ высокомъ стилѣ. Сперва я потолкую съ нимъ часа четыре, пять, шесть. Мы глубоко обсудимъ каждый корешокъ селлерей, каждый шампіонъ, каждую трюфель; потомъ онъ примется за дѣло. У меня есть немножко воображенія. Притомъ, я желаю доказать, не словами, а дѣломъ, мою глубокую признательность любезнѣйшимъ и добрѣйшимъ читателямъ и могу завѣрить напередъ, что обѣдъ будетъ на-славу, объядѣніе объядѣній, какого еще не бывало. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ душевнымъ умиленіемъ уже теперь воображаю ихъ восторгъ, ихъ страшный, всепоглощающій апетитъ, ихъ высокое гастрономическое блаженство! Послѣ обѣда, когда подадутъ кофе, чистую, неподдѣльную мокку, и настоящій яванскій ликёръ, дверь вдругъ распахнется, и въ столовую внесутъ восемь, заранѣе заказанныхъ, гробовъ, для восьмерыхъ любезнѣйшихъ моихъ читателей и дражайшихъ гостей: они, навѣрное, лопнутъ скоро послѣ ликёра. Я постараюсь ѣсть очень-умѣренно: нужно же кому-нибудь провожать ихъ на кладбище! За гробами, надѣюсь, пойдетъ со мною и господинъ Радецкій, утирая салфеткою слезы живѣйшей признательности усердію, апетиту и умѣнью этихъ достойныхъ читателей оцѣнить вполнѣ его дарованія.

Въ книгѣ нашелъ я «Взглядъ на гастрономію, древнюю и новѣйшую», и тутъ же сказано, что

права автора на кухмистерско-литературную самостоятельность опираются главнѣйше на его философическій выборъ трехсотъ-тридцати отличнѣйшихъ блюдъ и кушаньевъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Я полагаю, что господинъ Радецкій гораздо-ловчѣе бросаетъ взгляды подъ плиту, чѣмъ на древнія и на новѣйшія времена, тѣмъ-не-менѣе, найдете у него много полезныхъ наставленій и совѣтовъ по части искусства хорошо кормить и прилично сервировать.

Съ тѣмъ глубокимъ и совѣстливымъ вниманіемъ, какого требуетъ высокая важность предмета, изучалъ я menus или записки для девяносто идеальныхъ обѣдовъ, созданныхъ поэтическимъ вдохновеніемъ господина Радецкаго и предлагаемыхъ имъ въ видѣ проектовъ или плановъ окормленія. Это—девяносто сладкихъ сонетовъ Петрарки, девяносто восхитительныхъ мотивовъ, девяносто звучныхъ и ученыхъ аккордовъ: оно не безъ диссонансовъ, примѣчательныхъ болѣе своей смѣлостью, чѣмъ эстетическимъ достоинствомъ, но эти диссонансы почти всегда разрѣшаются удачно жаркимъ и дессертомъ хорошаго стиля. При всемъ томъ, не могу сказать, чтобы возбуждали его записки очень-сильное движеніе апетита въ моей жевательной и пищеварительной системѣ. Ученыхъ соображеній въ нихъ бездна; но чувства, души и настоящаго поэтическаго смысла немного: я готовъ сравнить эти записки съ музыкою Мейербера и Берліоза. Болѣе всего удивляетъ меня въ эклекти-

ческомъ выборѣ лучшихъ національныхъ кушеньевъ всѣхъ народовъ совершенный пропускъ такихъ знаменитыхъ блюдъ, каковы olla podrida испанская, stuffata papale римская, турецкій пилавъ à la sultan Mahmoud, русскій варенецъ, который безспорно и вкуснѣе и основательнѣе всѣхъ французскихъ кремовъ. Варенецъ — это знаменитый *югуртъ*, для котораго толпы гастрономовъ ежегодно отправляются въ Константинополь со всѣхъ концовъ вселенной, съ тою только разницею, что югуртъ дѣлаютъ изъ буйволовыхъ сливокъ, а варенецъ изъ коровьихъ Эти блюда, cher monsieur Radetzky, мы непремѣнно представимъ нашимъ восьми читателямъ, которыхъ я имѣю намѣреніе пригласить и закормить. Между-тѣмъ, мерзкій нѣмецкій *вассерсупъ* и отвратительный литовскій *крупникъ*, Богъ знаетъ за что̀, получили права гражданства въ «Альманахѣ Гастрономовъ». Первымъ супомъ въ мірѣ, въ первомъ идеальномъ обѣдѣ, выставлено пюре изъ зеленаго гороха: фи! какой неприличный супъ!... дѣвицы, которыя себя уважаютъ, никогда гороха не трогаютъ. Да и что̀ за такой рѣдкостный вкусъ въ горохѣ? Глава и свѣтило втораго обѣда — супъ à la reine, изъ тертой курицы, который умѣютъ стряпать и кухарки для низшихъ ярусовъ гастрономіи. Третій, наконецъ, супъ—à la tortue, супъ изъ черепахи или, какъ выражается авторъ, изъ желвя, à la française. Насилу-то явился! Между-тѣмъ, какъ знатоку гастрономіи, древней и но-

вѣйшей, слѣдовало бы знать господину Радецкому, что и въ историческомъ и въ кулинарномъ отношеніяхъ это главный супъ въ природѣ, прародитель всѣхъ суповъ. Первый супъ, о которомъ упоминаетъ первая писанная исторія человѣческаго рода, былъ супъ изъ черепахи. По свидѣтельству Геродота, изобрѣтатель его никто иной, какъ самъ царь Крезъ, богатѣйшій и знаменитѣйшій царь древнѣйшаго въ мірѣ царства. Кажется, что въ кабинетѣ царя Креза, какъ въ кабинетѣ короля Людовика XVIII, была потаенная кухня, закрытая большою картиною. Крезъ, наслышавшись о плутовствѣ грековъ, былъ не совсѣмъ-выгоднаго мнѣнія и о нравственности ихъ боговъ. Желая испытать правдивость ихъ Аполлона, онъ отправилъ къ дельфійскому оракулу торжественное посольство, которому поручено было представить греческому богу обѣтные дары въ нѣсколько мильйоновъ и спросить его: что́ дѣлаетъ царь Крезъ въ эту минуту? Пиѳія отвѣчала прекрасными гекзаметрами: «Царь Крезъ варитъ супъ изъ черепахи съ бараньей головою (телячія головки, видно, еще не были изобрѣтены). Горе! горе ему! онъ сомнѣвается въ правдивости нашего бога, и онъ будетъ жестоко наказанъ за это: царство его падетъ, столица его разрушится въ прахъ, и самъ онъ ничтожно погибнетъ въ плѣну у врага. Но супъ изъ черепахи, который создаетъ онъ въ это мгновеніе, этотъ супъ будетъ безсмертенъ, переживетъ всѣ царства и

изъ рода въ родъ не перестанетъ славиться на землѣ, когда люди забудутъ и Фригію, и Лидію, и самое имя Креза.»

Пиѳія съ чудною вѣрностью предсказала судьбу черепаховаго супа... Царь Крезъ, дѣйствительно, въ то самое утро, какъ вопросъ былъ предложенъ Аполлону, запершись одинъ въ своемъ кабинетѣ, составлялъ и варилъ супъ изъ черепахи. Даже министръ его двора ничего не зналъ объ этомъ. Этимъ супомъ было доказано окончательно всему древнему міру, что если греки не могутъ ступить, чтобы не солгать, зато ихъ Аполлонъ всегда говоритъ правду, и слава дельфійскаго оракула упрочилась на многія столѣтія.

Очень жаль, что такой ученый поваръ, какъ господинъ Радецкій, не рѣшился предпринять нарочное путешествіе въ Англію, чтобы изучить сущность черепаховаго супа и сообщить міру настоящій рецептъ его. Въ своемъ рецептѣ онъ слѣдуетъ скверпѣйшимъ преданіямъ французской школы и даже самый супъ называетъ «французскимъ». О царѣ Крезѣ ни слова. Вотъ какъ люди пишутъ исторію!

Славное изобрѣтеніе царя Креза досталось, не знаю, какими путями, Англіи, которая нынче гордится имъ передъ свѣтомъ болѣе, чѣмъ ньютоновою солнечною системою.

Въ гастрономіи принято за правило, что приговоръ о поварѣ должно произносить по его умѣнью приготовлять шпинатъ. Но я ве-

ликимъ поваромъ называю того, кто умѣетъ стряпать жареные въ маслѣ артишоки... не сердцевины артишоковъ, какъ предлагаетъ «Альманахъ»: это старо и пошло,—но полные и цѣльные артишоки. Я видѣлъ примѣры, и мужчинъ и женщинъ, которые гнушались не только вкусомъ, но даже и видомъ артишоковъ, приготовляемыхъ обыкновенными образами подъ разные обветшалые соусы, и откусывали себѣ пальцы вмѣстѣ съ мякотью листьевъ, когда имъ давали отвѣдать артишоковъ, жареныхъ въ маслѣ по особенному способу, который, кажется, вовсе не извѣстенъ знаменитому автору книги.

Все это только простая критика искусства. Но я уже слишкомъ-много сужу. Господинъ Радецкій всегда вправѣ отвѣчать: не судите обо мнѣ по тому, что́ даю вамъ читать, но по тому, что́ дамъ вамъ кушать!

XVI.

11 ноября 1836 г.

Я сказалъ и подтверждаю сказанное, что безъ генія нельзя увлекать большихъ массъ человѣчества и что геніемъ нельзя быть внѣ своего вѣка: нельзя произвести ничего великаго ни обратными, прошедшими, отжившими свой вѣкъ идеями и чувствами, ни тѣми, которыя еще не родились, или еще не распространились въ массахъ. Это справедливо не только въ музыкѣ, въ поэзіи, во всѣхъ искусствахъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ къ быту и дѣламъ человѣческимъ. Данте, Сервантесъ, Рафаэль, Корнель, Гайднъ, безспорно, были геніи — мы видимъ, чувствуемъ и признаемъ это донынѣ — но, если бы они жили въ наше время и производили теперь именно то и именно такъ, что и какъ произвели въ свои эпохи, они не воспламенили бы воображеній, не потрясли бы массъ, не увлекли бы общественнаго чувства и мнѣнія. Гомеръ усыпилъ бы сегодня обо полушарія планеты, издавъ «Иліаду» и «Одиссею» первымъ изданіемъ. Гоголь за-поясъ заткнулъ бы Гомера, если бы они встрѣтились въ книжномъ ма-

гавинѣ Смирдина, точно такъ же, какъ Гомеръ проглотилъ бы Гоголя, какъ муху, передъ своей іонійскою публикою. Самъ Шекспиръ, къ которому питаемъ мы, нынѣшніе, удивленіе теоретическое, заученное, показался бы намъ страннымъ, неудовлетворительнымъ, необразованнымъ послѣ нашихъ Шекспировъ, если бы теперь написалъ и поставилъ на сцену «Макбета», «Гамлета», или даже «Короля Лира». Что касается до посягательствъ ума, или таланта на будущее, то донынѣ одинъ только герръ докторъ Вагнеръ— и-то по-милости остроумія покровителя своего Листа — умудрился сочинять музыку нарочно для нѣмецкихъ правнуковъ. Прельстясь его фанатическою теоріей гармоніи, какъ прельщался прежде другими восторженными ученіями, и видя, что даже и самые закоснѣлые современные нѣмцы засыпаютъ при его гармонической чепухѣ, Листъ, чтобы спасти художественную важность друга и свое собственное самолюбіе, прозвалъ это «будущею музыкою». Какъ ни часто умные люди, о бывшихъ геніальныхъ людяхъ повторяютъ за достовѣрное, что они будто бы умѣли «опередить свой вѣкъ», это выраженіе, однако, не выражаетъ ничего болѣе, какъ звучную и пустую риторическую фигуру. Нѣтъ никакой возможности опередить время: и умственныя силы и жизнь человѣческая едва-едва достаточны, чтобы съ нимъ согнаться. Но если смотрѣть на геній въ прошедшемъ, издали, изъ книгъ, ему современныхъ, то можетъ, дѣйстви-

тельно, показаться, будто вѣкъ не понималъ его и онъ обогналъ-было вѣкъ, думалъ, разсуждалъ и дѣйствовалъ уже тогда такъ, какъ стали думать, разсуждать, дѣйствовать въ послѣдующее время. Но кто не понималъ его? кто не признавалъ генія? Навѣрно, не массы, не публика, если только онъ къ нимъ обращался. Не понимали и не признавали «ученые», и предпочтительно ученые по той же части, которую озарялъ онъ новымъ свѣтомъ. Учеными называю я не однихъ гелертеровъ: художники, артисты—тѣ же ученые, каждый въ своемъ ремеслѣ. Всѣ же они «знатоки», «критики», «судьи», зовутъ себя и любятъ, чтобы ихъ звали «компетентными судьями». Возможно ли, чтобы ученый, съ своей ученою спѣсью, призналъ кого-нибудь добровольно «геніемъ», тоесть ученымъ гораздо-ученѣе и гораздо-умнѣе себя, когда, по его искренному убѣжденію, самъ онъ первый мудрецъ въ мірѣ? Не вѣрить тому, чему онъ вѣритъ, передѣлывать понятія, съ которыми онъ сроднился, дотого, что почитаетъ ихъ за свои собственные выводы: можетъ ли быть преступленіе ужаснѣе этого? Отсюда безсмѣнное сопротивленіе современнымъ геніямъ со стороны ученыхъ, или знатоковъ. Надъ ними же и вокругъ ихъ всегда носятся стаи полуученыхъ вороновъ, или возражателей по ремеслу. Есть головы, нарочно устроенныя для этого: не мыслятъ и мыслить не умѣютъ, сами ничего не придумаютъ, а только другимъ воз-

ражаютъ, возражаютъ всѣмъ и на все, всегда и вѣчно возражаютъ: закричатъ и заглушатъ громъ небесный въ своемъ околоткѣ, такъ-что едва-только слѣдующія «научныя» поколѣнія бываютъ въ-состояніи разобрать и постигнуть закиданную «научными» возраженіями геніальность. Къ-счастію, въ поэзіи, въ словесности, вообще въ искусствахъ, равно-какъ въ политикѣ, верховные судьи—не стихотворцы, не литераторы, не художники, не артисты, но само человѣчество лично, сердце и чувство массъ, голосъ обществъ, и знатоки, возражатели «вопіютъ въ пустынѣ». Тутъ неузнанныхъ геніевъ не бываетъ для современныхъ. Партіи мечутся, бѣснуются; но геній сіяетъ торжественно на весь свой міръ.

Возраженіе и склонность къ возраженію не особенное дѣйствіе, или потребность ума, но душевный недугъ, болѣзнь, родъ нарыва на разумѣ, производящій непріятный зудъ въ мозгу, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ къ яркому свѣту. Этою болѣзнью нерѣдко страдаютъ люди очень-ученые и отлично-умные. Бываютъ мудрецы, которые и теперь еще возражаютъ противъ ньютоновой теоріи солнечной системы, несмотря на всю торжественность свидѣтельствъ, и числительныхъ и опытныхъ. Мосьё Нарсисъ, который, выдумалъ, не помню, золото, или, всеравно, способъ сочинять золото, возражалъ противъ желѣзныхъ дорогъ: кто забудетъ его незабвенное твореніе, гдѣ онъ доказывалъ, что желѣзныя дороги — пренесчастная выдумка и

что санная дорога несравненно-лучше и выгоднѣе? Но мосьё Нарсисъ не совсѣмъ авторитетъ первой степени. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ министровъ финансовъ, совершенно свѣдущій въ наукахъ физическихъ и механическихъ, когда вся Европа быстро покрывалась желѣзными дорогами, опровергалъ умѣстность новой системы путей сообщенія тѣмъ возраженіемъ, что постройка ихъ—напрасная трата денегъ, потому-что вскорѣ, можетъ-быть, отъищутъ въ природѣ двигателя сильнѣе и удобнѣе паровъ. Человѣкъ съ умомъ почти геніальнымъ, запечатлѣвшій славною смертью жизнь доблестную и полезную, человѣкъ съ познаніями, достойными отличнѣйшаго инженера—странно!—прославлялъ вѣтролетство и воздушные шары для удовольствія подкрѣплять мечтами возраженія свои противъ явственныхъ выгодъ паровозовъ. Можно было бы представить множество подобныхъ примѣровъ своенравной оппозиціи геніальнымъ дѣламъ, подвигамъ и нововведеніямъ со стороны превосходнѣйшихъ умовъ, не считая знатоковъ по званію, которые не видятъ никого умнѣе себя, и темной толпы возражателей, которые возражаютъ только длятого, чтобы возражать, казаться свѣдущими и важничать въ своемъ ничтожествѣ. Критика геніевъ такъ обольстительна для нашихъ обыкновенныхъ разумовъ! Быть судьею генія, обнаруживать его ошибки, низвергать его высокія соображенія, учить его уму-разуму такъ лестно для нашего самолюбія!

И, притомъ, это такъ легко: взять да и возражать, сѣсть да и судить! Стóитъ только забыть на это время существенную разницу между умами геніальнымъ и обыкновеннымъ: для генія нѣтъ препятствій. Свѣтлая и быстрая проницательность его всегда прямо идетъ къ цѣли, мгновенно видитъ средство не только устранить затрудненіе, но еще извлечь изъ него пользу, и напередъ знаетъ послѣдствія; а обыкновенный умъ, по своему безсилію, дрожитъ передъ непонятнымъ, всякое обстоятельство для него преграда, общество, природа, міръ не что иное, какъ огромное собраніе помѣхъ, невозможностей, возраженій. Разумѣется, обыкновенный умъ сдѣлалъ бы совсѣмъ-иначе, когда геній за то у людей и величается геніемъ, что ничего не дѣлаетъ по его методѣ!

Знаете ли, почтеннѣйшіе и умнѣйшіе друзья и читатели, что эти посильныя замѣчанія наши можно было бы удобно приложить къ явленію, совсѣмъ не новому на Руси, но, тѣмъ-не-менѣе, любопытному еще и донынѣ странному столько же, если не болѣе, теперь, какъ было при началѣ,—къ критикѣ генія Петра Великаго, предпринятой изъ подражанія нѣмцамъ и продолжаемой не насчетъ своего собственнаго «научнаго» самолюбія особенною школою русской политической исторіи? Какже! въ Берлинѣ было въ страшной модѣ, между учеными, по мѣстнымъ и совершенно временнымъ обстоятельствамъ, «историческое развитіе учрежденій на-

что санная дорога несравненно-лучше и выгоднѣе? Но мосьё Нарсисъ не совсѣмъ авторитетъ первой степени. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ министровъ финансовъ, совершенно свѣдущій въ наукахъ физическихъ и механическихъ, когда вся Европа быстро покрывалась желѣзными дорогами, опровергалъ умѣстность новой системы путей сообщенія тѣмъ возраженіемъ, что постройка ихъ—напрасная трата денегъ, потому-что вскорѣ, можетъ-быть, отъищутъ въ природѣ двигателя сильнѣе и удобнѣе паровъ. Человѣкъ съ умомъ почти геніальнымъ, запечатлѣвшій славною смертью жизнь доблестную и полезную, человѣкъ съ познаніями, достойными отличнѣйшаго инженера—странно!—прославлялъ вѣтролетство и воздушные шары для удовольствія подкрѣплять мечтами возраженія свои противъ явственныхъ выгодъ паровозовъ. Можно было бы представить множество подобныхъ примѣровъ своенравной оппозиціи геніальнымъ дѣламъ, подвигамъ и нововведеніямъ со стороны превосходнѣйшихъ умовъ, не считая знатоковъ по званію, которые не видятъ никого умнѣе себя, и темной толпы возражателей, которые возражаютъ только длятого, чтобы возражать, казаться свѣдущими и важничать въ своемъ ничтожествѣ. Критика геніевъ такъ обольстительна для нашихъ обыкновенныхъ разумовъ! Быть судьею генія, обнаруживать его ошибки, низвергать его высокія соображенія, учить его уму-разуму такъ лестно для нашего самолюбія!

И, притомъ, это такъ легко: взять да и возражать, сѣсть да и судить! Стóитъ только забыть на это время существенную разницу между умами геніальнымъ и обыкновеннымъ: для генія нѣтъ препятствій. Свѣтлая и быстрая проницательность его всегда прямо идетъ къ цѣли, мгновенно видитъ средство не только устранить затрудненіе, но еще извлечь изъ него пользу, и напередъ знаетъ послѣдствія; а обыкновенный умъ, по своему безсилію, дрожитъ передъ непонятнымъ, всякое обстоятельство для него преграда, общество, природа, міръ не что иное, какъ огромное собраніе помѣхъ, невозможностей, возраженій. Разумѣется, обыкновенный умъ сдѣлалъ бы совсѣмъ-иначе, когда геній за то у людей и величается геніемъ, что ничего не дѣлаетъ по его методѣ!

Знаете ли, почтеннѣйшіе и умнѣйшіе друзья и читатели, что эти посильныя замѣчанія наши можно было бы удобно приложить къ явленію, совсѣмъ не новому на Руси, но, тѣмъ-не-менѣе, любопытному еще и донынѣ странному столько же, если не болѣе, теперь, какъ было при началѣ,—къ критикѣ генія Петра Великаго, предпринятой изъ подражанія нѣмцамъ и продолжаемой не насчетъ своего собственнаго «научнаго» самолюбія особенною школою русской политической исторіи? Какже! въ Берлинѣ было въ страшной модѣ, между учеными, по мѣстнымъ и совершенно временнымъ обстоятельствамъ, «историческое развитіе учрежденій на-

родныхъ». Нельзя же было отставать намъ! развѣ мы не ученые? И хотя обстоятельства совсѣмъ у насъ другія, нужды нѣтъ! надо быть учеными, какъ нѣмцы, надо пустить въ ходъ «историческое развитіе». Изъ этого оказалось, что Петръ Великій былъ, конечно, великій геній, но совсѣмъ не профессоръ исторіи и въ «историческомъ развитіи» неопытенъ: повернулъ слишкомъ-круто, не преобразовалъ Россію, а перевернулъ, уничтожилъ ея національность, исказилъ ея почтенную историческую фигуру, русскихъ передѣлалъ въ иностранцевъ: слѣдовательно, надо поправить «научно» ошибки этого великаго человѣка. И это совсѣмъ не трудно при надлежащемъ знаніи тонкостей исторической философіи. Стóитъ только надѣть татарскіе *пурты* или порты, *зипунъ съ зепью, кушакъ съ бакрама да ферязь*, маленько отростить бороду, кушать плотно да пироги заказывать побольше и пожирнѣе, и вы будете «новѣйшій, современный Русской», или «Русской девятнадцатаго вѣка», или «Русской въ полномъ смыслѣ слова» (я буквально списываю выраженія школы), національность процвѣтетъ между нами, «историческое развитіе» засіяетъ на Руси, какъ въ Берлинѣ.

Мнѣ кажется, что наши историческіе философы, или философическіе историки находятся въ сильномъ заблужденіи относительно къ сущности и послѣдствіямъ преобразованій Петра Великаго, что основаніемъ ихъ теорій національности и историческаго развитія служитъ,

просто, недоразумѣніе, что слово «національность», такъ громко и такъ часто повторяемое школою, не пользуется у нея опредѣлительнымъ и яснымъ смысломъ, что самое понятіе о національности не вышло еще изъ темнаго состоянія миѳа. И отсюда-то происходятъ тѣ странныя сужденія, которыя, имѣя видъ глубокомысленности, не содержатъ въ себѣ никакой дѣйствительной мысли.

Спрашивается: что̀ такое національность? Но требуется отвѣтъ ясный, удобопонятный, безъ научныхъ туманностей и безъ игры въ слова. Такихъ отвѣтовъ школа не любитъ: она изобрѣла способъ на русскомъ языкѣ говорить понѣмецки, что̀ въ-сущности не очень-національно, и произноситъ оракулы не иначе, какъ на этомъ таинственномъ діалектѣ. Между-тѣмъ, просто и ясно, всякая національность состоитъ и заключается въ трехъ положительныхъ элементахъ кореннаго различія между націями: въ религіи, образѣ правленія и языкѣ народа. Болѣе ни въ чемъ не состоитъ она, и съ-тѣхъ-поръ, какъ выдумано слово «національность», это слово нигдѣ и никогда не выражало ничего другаго. Православіе, русскій царь и русскій языкъ—вотъ русская національность, настоящая національность, и настоящая русская. Въ чемъ же преобразованія Петра Великаго нарушили эти три стихіи нашей національности? Слава Богу, двѣ первыя остались точно такъ же святы и неприкосновенны для преобразованнаго

русскаго, какъ были искони для непреобразованнаго. А что́ касается до третьей, до языка, то скажите, по совѣсти, виноватъ ли геній Петра въ томъ, что изъ потомковъ его преобразованныхъ Русаковъ одна небольшая часть, увлекаясь несказанными прелестями французскаго романа, добровольно не хочетъ знать по-русски, а другая, еще меньше, разсуждая нѣмецкимъ умомъ, выдумываетъ такія русскія слова, которыхъ и сама понять не можетъ? Администрація и законодательство, или такъ-называемыя «учрежденія»—статьи существенно измѣнчивыя, сообразующіяся съ обстоятельствами, съ потребностями, съ правами каждой особенной эпохи. У всѣхъ народовъ администрація и законодательство разъ по десяти измѣнялись до основанія, не измѣнивъ нисколько ихъ національности. Какъ-скоро верховный образъ правленія остается неприкосновенно древній, историческій, строго національный, всѣ учрежденія, которыя проистекаютъ изъ этого священнаго источника, всегда въ равной мѣрѣ національны, равно дороги для всей націи, къ чему бы ни клонились и какъ бы ни назывались. И какія же это «учрежденія» изъ нашихъ старинныхъ учрежденій, которыя геній Петра Великаго скрутилъ не совсѣмъ-философически и которыя очень-пріятно и лестно было бы нынче видѣть получающими «научное историческое развитіе»? Не мѣстничество ли? не боярская ли дума? не полкъ ли стрѣлецкій? Я не думаю, чтобы школа осо-

бенно обожала эти три историческія драгоцѣнности и объ нихъ-то плакала сердцемъ, когда плачетъ глазами о скрученомъ; а другихъ серьёзныхъ «учрежденій» съ политическимъ значеніемъ я не вижу въ сломанномъ прошедшемъ.

Нужно допустить поэтому, что историческая философія или философическая исторія наша, не понявъ туманныхъ берлинскихъ теорій, придуманныхъ нѣмецкою научностью для особеннаго мѣстнаго приложенія, и не обративъ вниманія на коренную разность нашихъ историческихъ обстоятельствъ, стала наугадъ поставлять національность въ томъ, что̀ никогда національностью не бывало въ свѣтѣ, что̀ вовсе не заслуживаетъ этого торжественнаго названія, что̀ мудрецы зовутъ попросту обычаями, нравами, пустяками, каковы костюмъ, упряжь, кухня и другія мелочи частнаго житейскаго быта. Я боюсь, что, при всей своей проницательности, историческая философія смѣшала «учрежденія» съ «модами» и на этомъ-то невинномъ недоразумѣніи построила свой золотой чертогъ идеальной русской національности. Нравы и обычаи, не происходящіе прямо изъ законовъ религіи и кореннаго образа правленія, на всемъ земномъ шарѣ, у всѣхъ племенъ и народовъ — вещи непостоянныя, измѣнчивыя, временныя, зависятъ отъ моды, безпрестанно перенимаются однимъ народомъ у другаго. Въ прошедшемъ они всегда кажутся чѣмъ-то твердо усвоеннымъ и продолжительно принятымъ, потому-что мы не были

свидѣтелями ихъ своенравной подвижности; но въ свое время они не болѣе славились постоянствомъ, какъ и наши нынѣшніе.

По этой капризной части была у насъ одна статья, существенно принадлежащая къ области моды, но, по важности своего нравственнаго дѣйствія, нѣсколько похожая на учрежденіе: это—терема. Съ теремомъ или гинекеемъ сопряженъ особенный родъ женскаго воспитанія, совсѣмъ другія чувства стыдливости и приличія; а съ воспитаніемъ женщины и ея положеніемъ въ обществѣ тѣсно связывается обширное и многосложное отдѣленіе занятій, нравовъ и обычаевъ, касающихся до нуждъ домашнихъ, до отношеній двухъ половъ, до воспитанія дѣтей, до всего, не только семейнаго, но и холостаго, быта. Что̀, въ-самомъ-дѣлѣ? не думаетъ ли историческая философія, на пользу «развитія» исторической національности, упразднить сахарные заводы и въ этихъ огромныхъ строеніяхъ, съ длинными-предлинными трубами, устроить удобные и надежные терема? Я совсѣмъ непрочь отъ этого «историческаго развитія»: сахаръ рафинадъ у насъ такъ дорогъ, все дороже и дороже, несмотря на пониженіе пошлины на сырецъ! Надо же какъ-нибудь покончить съ этими разорительными заводами! Самое простое средство—выбросить вонъ формы для сахарныхъ головъ и запереть туда женщинъ, съ визитами же позволять имъ ѣздить и замужъ выходить не иначе, какъ—исторически—въ мѣшкѣ. Но я

не думаю, чтобы историческіе философы наши рѣшились на такую смѣлую поправку преобразованій Петра Великаго. Кажись, они люди женатые и... страхъ боятся своихъ супругъ: заикнуться не смѣютъ насчетъ сахарныхъ заводовъ, заранѣе оговариваютъ, что, конечно, разумѣется, они будутъ «русскими въ полномъ смыслѣ слова», «строго-историческими русскими», самыми «настоящими русскими», но самыми *настоящими историческими русскими девятнадцатаго вѣка*. А исторія девятнадцатаго вѣка извѣстна: балы! маскарады! шампанское! дачи! карты! лѣтнія таинства!... Немногимъ же тутъ попользуются «историческое развитіе» и національность «въ полномъ смыслѣ слова». А я такъ имѣю честь доложить вамъ, что, если вы нашихъ барынь не закупорите въ сахарные заводы — другаго удобнаго помѣщенія покамѣстъ нѣтъ въ виду—то изъ всѣхъ попытокъ возврата къ старинной русской философіи, къ историческимъ нравамъ и обычаямъ ничего не будетъ. Не позволятъ вамъ, да и только! Нравы и обычаи—это сама женщина лично. Не угодно ли завести съ нею разсужденіе объ историческомъ развитіи, о родовомъ бытѣ, о славянщинѣ: посмотримъ, чѣмъ оно кончится. Одному «русскому въ полномъ смыслѣ слова», моему пріятелю, въ Москвѣ, на Мясницкой, жена приказала, въ началѣ сентября, сбрить историческую бороду, которую носилъ онъ со славою уже около десяти лѣтъ, и полнословіе его раз-

рушилось въ-конецъ—изъ-за пустяковъ! — изъ-за нѣсколькихъ сѣдинъ, не нравившихся барынѣ. Съ горя онъ теперь сталъ читать русскія книги. И этимъ недолго будетъ наслаждаться. Зачѣмъ попустому тратить деньги? Барыня русскихъ книгъ не читаетъ: совсѣмъ-лишняя издержка, Можно читать и французскія, которыя покупаютъ для нея.

Подите, развивайтесь исторически!

Петръ Великій, однимъ ударомъ, разрушилъ терема на всей Руси. Хорошо ли сдѣлалъ? Премудро! прегеніально! Теремная жизнь сопряжена со страшными неудобствами для нравственности обоихъ половъ, благопріятствуетъ развитію самыхъ грубыхъ пороковъ, искажаетъ сердце и умъ женщины и пагубно дѣйствуетъ на воспитаніе дѣтей, на умственныя способности юношества. Тупоуміе мужчинъ, страшное умноженіе числа болвановъ—естественный и давно замѣченный плодъ гинекеевъ. Затворничество женщины большое зло для мужчины. Свобода слабаго пола, конечно, открываетъ тоже поле разнымъ злоупотребленіямъ нравственности; но тутъ только женщина достигаетъ чувства своего собственнаго достоинства, тутъ только мать, умная и благородная, даетъ обществу сына благороднаго и умнаго, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ удобства и средства къ полному, нестѣсненному развитію умственныхъ способностей и своихъ и своего потомства.

Если историческая философія не можетъ и не

думаетъ «развивать» у насъ терема, такъ что же, въ послѣднемъ результатѣ, остается на долю теоретической національности? Старинный нашъ костюмъ? Но—Боже мой!—этотъ костюмъ вовсе не коренной, не родовой русскій и напоминаетъ собою самую горестную эпоху нашей исторіи—униженіе Россіи подъ монгольскимъ игомъ. Исторической философіи, которая все знаетъ, непростительно не знать исторіи этого костюма. Онъ заимствованъ щеголями той ужасной эпохи у татаръ Золотой Орды. Баскаки служили образцами раболѣпной моды. Если бы этотъ покрой одежды не былъ хорошо извѣстенъ иллюстрированной этнографіи другимъ образомъ, самыя названія различныхъ частей наряда указали бы на его настоящій источникъ: всѣ эти названія, отъ *ферязи до армяка* — чисто татарскія. Ну, такъ что же? до Петра Великаго мы изъ щегольства носили татарское платье. Петръ Великій велѣлъ намъ для щегольства надѣть нѣмецкое. Въ чемъ же тутъ пострадало историческое развитіе? По моему разсчету, нѣмецъ стоитъ татарина, татаринъ стоитъ нѣмца: убытка нѣтъ никакого для русской національности, до которой это нескончаемое дѣло о портахъ и штанахъ даже и не касается. Добро бы историческіе философы наши, чтобъ явиться «русскими въ полномъ смыслѣ слова», историческими русскими, настоящими русскими, одѣлись въ наше время по модамъ Рюрика и Олега, какъ одѣвались древніе историческіе

руссы, варяги, скандинавы! Противъ этого ни слова. Нарядъ преживописный! Такъ одѣваются донынѣ шотландскіе горцы. Эта мудрая мѣра была бы тѣмъ болѣе кстати, что, между-тѣмъ, какъ мужская часть народа послѣдовала татарскимъ модамъ, женщины русскія сохранили неприкосновенно историческій нарядъ древнихъ русинокъ: сарафанъ, кокошникъ, передникъ, повязанный повыше груди, несомнѣнный костюмъ храбрыхъ женъ и дочерей готовъ, скандинавовъ, руссовъ. Оба пола были бы одѣты научно, къ великой славѣ исторической философіи. Но нарядиться, возлѣ прямой русинки, прямымъ татариномъ, свирѣпымъ баскакомъ— вотъ странное историческое удовольствіе!... кромѣ-того, какое затрудненіе! Можно ли серьёзно подумать о возстановленіи этихъ забытыхъ покроевъ въ наше время, когда Золотой Орды давно уже нѣтъ на свѣтѣ? Откуда же станемъ мы получать модныя картинки фериязей, зипуновъ, высокихъ собольихъ шапокъ? Зачѣмъ намъ презирать парижскія моды?... Но на русскую историческую философію не угодишь: ей непремѣнно хочется въ Орду!...

Упряжь! кухня!... Многое можно сказать объ этихъ элементахъ «историческаго развитія», но только не сегодня... До свиданія.

XVII.

18 ноября 1856 г.

Въ послѣднюю бесѣду нашу имѣлъ я честь и удовольствіе, умнѣйшіе и добрѣйшіе читатели, излагать передъ вами почтеннѣйшій вашъ образъ мыслей въ разсужденіи бороды, кафтана, кушака и жирныхъ пироговъ, въ-особенности, и насчетъ искусственной національности, которая хотѣла на нихъ основаться, вообще. Вы того мнѣнія—и я за вами — что это вовсе не національность, а такъ себѣ, ничего, остатки прихотей и странностей старинныхъ модъ и прадѣдовскихъ вкусовъ, ничѣмъ, для настоящей національности, не важнѣе странностей и прихотей нынѣшнихъ модъ и вкусовъ. Разумѣется, что я тутъ только докладчикъ — докладываю вамъ, что́ такое изволите вы думать про-себя объ этихъ вещахъ и о прочемъ, а вы слушаете и повѣряете. Выдумать отъ себя, отъ моего лица что-нибудь этакое... новое... то, что́ никому теперь въ голову не приходитъ, я не въ-состояніи. Для этого нужно было бы непремѣнно быть умнѣе «всѣхъ»; а развѣ это возможно, когда «всѣ» такъ умны?... Я живу съ вами,

съ вами смотрю, испытываю, чувствую, разсуждаю, бесѣдую, каждый день слышу ваши отзывы то о томъ, то о другомъ, и мой умъ не что иное, какъ слабое, блѣдное, но вѣрное отраженіе вашего почтеннѣйшаго ума. Какъ вы изволили задумать, такъ я и высказалъ на-досугѣ, по-мѣрѣ силъ и возможности. Простите великодушно, если въ чемъ обмолвился. Не взыщите, если чего не домолвилъ: я знаю, что это—главнѣйшій недостатокъ моего слога: я всегда не досказываю.

Будучи вашимъ секретаремъ, я знаю все, что́ вы думаете о русскомъ языкѣ, третьемъ основномъ элементѣ великой русской національности, главномъ орудіи развитія, успѣховъ и силы русскаго національнаго ума, русскаго генія, о настоящемъ положеніи и о первыхъ потребностяхъ этого прекраснаго языка, о томъ вліяніи, которое онъ могъ бы и долженъ бы имѣть на образованіе твердаго и строгаго общественнаго мнѣнія и, слѣдовательно, на исправленіе разныхъ статей житейской и служебной нравственности. Знаю, что вопросъ о языкѣ вы ставите несравненно-выше вопроса о кушакѣ, который хотѣли связать съ «историческимъ развитіемъ учрежденій», но который вы связываете только съ кулебякою, связывая, съ другой стороны, кулебяку съ искусственною національностью, а искусственную національность съ искусственною фабричностью, а искусственную фабричность съ

двумя животрепещущими вопросами: объ искусственной дороговизнѣ и объ усиленномъ взяточничествѣ или—научно—о вліяніи дороговизны на честность. А какъ все это у васъ связывается одно съ другимъ, о томъ и будетъ предлежащій докладъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что говорится, на всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ языкахъ, *національное* блюдо и *національное* платье; но, совсѣмъ тѣмъ, нигдѣ ни блюда, ни платья не называли и не называютъ *національностью*, потому-что говорится также и *національный* порокъ, и *національное* невѣжество, и *національная* неопрятность, и *національная* спѣсь, хвастливость, легкомысленность, и мало ли что́ еще говорится! Говорятъ иногда и о *національныхъ* добродѣтеляхъ. И все это, однакожь, не *національность* какого-нибудь народа, а только болѣе, или менѣе общія черты его. Эти черты образуются подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ каждой эпохи и съ перемѣною обстоятельствъ измѣняются существенно, длятого, что даже органическая принадлежность, характеръ породы, иногда совсѣмъ измѣняется, между-тѣмъ, какъ «національность», состоящая въ вѣрѣ, образѣ правленія и языкѣ, остается неприкосновенною, вѣчно дорого́ю народу и въ дѣйствительности и въ преданіяхъ. Тѣмъ измѣнчивѣе и тѣмъ ничтожнѣе для національности нравы, обычаи и привычки, зависящіе прямо отъ моды, каковы покрой платья, родъ и способъ при-

готовленія пищи, упряжь, увеселенія, потѣхи. Кто нынче можетъ понять нѣмца безъ картофеля и табаку? Однако, картофель и табакъ — не нѣмецъ; національность нѣмецкая существовала до открытія и распространенія этихъ американскихъ драгоцѣнностей, которыя распространились очень-недавно, и не только отъ нихъ не измѣнилась, но еще сдѣлалась, кажется, восторженнѣе въ табачномъ дыму, при содѣйствіи картофеля, поджареннаго со шпекомъ. Развѣ капуста, огурцы, лукъ, хлѣбное вино и чай не составляютъ въ нашемъ народѣ нынче необходимыхъ статей питанія? Можете ли понять русскаго человѣка изъ класса простолюдиновъ безъ этихъ пяти элементовъ его здоровья, крѣпости, наслажденія? Между-тѣмъ, капуста и лукъ вышли изъ Италіи и начали распространяться на сѣверѣ не ранѣе пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтія. Огурцы принесены изъ Средней Азіи татарами. Дистилировка спиртныхъ напитковъ вошла въ общее употребленіе около времени открытія Америки; а о существованіи Китая и чаю узнали мы только при царѣ Борисѣ Годуновѣ. И кто поручится, что новыя растенія и новые напитки не отнимутъ у нихъ вскорѣ владычества, которое намъ кажется утвержденнымъ на такомъ прочномъ основаніи?

Въ одинадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ, какъ видно изъ монетъ и другихъ памятниковъ, вся Западная Европа одѣвалась по-итал-

янски. Вы знаете этотъ почтенный костюмъ, который во Франціи былъ національнымъ еще при Карлѣ Великомъ: въ немъ обыкновенно является къ вамъ донъ-Базиліо въ «Севильскомъ Цырюльникѣ». Этотъ покрой сохраняется теперь исключительно въ оффиціальномъ нарядѣ западныхъ и южныхъ судей, адвокатовъ, приказныхъ и въ уставной одеждѣ католическихъ священниковъ. У насъ, на сѣверѣ, еще недавно носили его евреи, и — довольно-забавно—историческій костюмъ Карла Великаго эти люди считали и теперь еще считаютъ, въ фанатическомъ невѣжествѣ, своимъ національнымъ, іудейскимъ костюмомъ, освященнымъ древнѣйшими преданіями вѣры, между-тѣмъ, какъ онъ былъ имъ предписанъ спѣсью властелиновъ, которые хотѣли особеннымъ платьемъ выразить свое презрѣніе къ племени. Древнѣйшіе короли польскіе на монетахъ и портретахъ одѣты точно также, даже съ ермолкою на головѣ и съ пейсами á la Mazarin на вискахъ, и, кажется, все польское дворянство такъ одѣвалось до вторженія модъ испанскихъ, венгерскихъ и татарскихъ. Когда гордые паны оставили для этихъ новыхъ модъ прежній свой, національный, итальянскій костюмъ, они не позволили жидамъ подражать примѣру благородныхъ щеголей. Евреи принуждены были, въ знакъ своего униженія, носить старинное, вышедшее изъ моды платье польскаго дворянства и наряжаться Карлами Великими, какъ отверженное племя, а

поляки, между-тѣмъ, нарядились по-татарски, по послѣдней крымской модѣ, которую, повидимому, распространили между ними литовскіе щеголи — бывшіе «лапотники» Нестора. Костюмъ, извѣстный подъ названіемъ польскаго и малороссійскаго и почитаемый впослѣдствіи поляками за національный польскій, былъ подлинный костюмъ крымскихъ татаръ того времени, которые заимствовали его у кавказскихъ народовъ, подражавшихъ персіянамъ, какъ образцамъ остроумія и вкуса на Востокѣ. Примѣчательно, что въ промежуткѣ между двумя мнимо-національными костюмами, итальянскимъ или жидовскимъ и крымско-татарскимъ, два, или три столѣтія не было въ Польшѣ никакого національнаго костюма. Всякъ одѣвался по своей собственной фантазіи, и это чрезвычайно удивляло путешественниковъ. Ясное доказательство того, какъ мало нуженъ костюмъ для національности!

За-апенинская Италія и венеціянцы одѣвались нѣсколько-различно съ остальною частью полуострова, и эти покрои примѣтно преобладаютъ всюду во время возрожденія наукъ и искусствъ, тогда-какъ въ архитектурѣ видно вліяніе арабскаго или мавританскаго вкуса. Болонья и Падуа, два знаменитѣйшіе въ то время университетскіе города, куда усердно стремился цвѣтъ европейскаго юношества, предписываютъ законы портнымъ и парикмахерамъ всей Европы; мало-того: итальянская кухня,

итальянскій языкъ и его литература становятся источниками ея образованныхъ восторговъ, и донынѣ мы поклоняемся этой кухнѣ, оставивъ въ-сторонѣ литературу. Нѣсколько измѣненная временемъ и усовершенствованная новѣйшимъ искусствомъ, она слыветъ теперь подъ именемъ «французской». Испанія — давнишній предметъ фантастическихъ сказокъ о волшебныхъ замкахъ, о заколдованныхъ городахъ, о роскоши халифовъ, о пышности ихъ чертоговъ—продолжаетъ до времени подавать тонъ вычурному зодчеству въ ожиданіи ученаго воскресенія греческаго и римскаго вкуса или классическаго стиля. Этотъ-то сомнительный родъ прекраснаго, давно уже произведшій на восточной оконечности Европы родъ, называемый «византійскимъ», такъ жестоко нравится намъ теперь подъ названіемъ, еще болѣе сомнительнымъ, á la Renaissance. Вздумалось, послѣ разныхъ попытокъ, попробовать французамъ быть немножко арабами и будутъ. А почему и не быть? Оно и ученѣе и благороднѣе.

Низверженіе мавританскаго владычества, открытіе Америки, потомъ славное царствованіе Карла Пятаго пускаютъ наконецъ Испанію въ такую страшную моду, что вся Европа одѣвается по-испански, говоритъ по-испански, не хочетъ знать другаго языка и другой литературы, кромѣ испанскихъ. Тогда испанскій костюмъ становится, особенно во Франціи и въ Италіи, всеобщимъ и совершенно національнымъ.

При Людовикѣ Четырнадцатомъ, основателѣ системы постоянныхъ армій, и при его наслѣдникахъ національнымъ костюмомъ во Франціи, habit français, почитаютъ покрой военно-придворный, установленный предписаніями «великаго короля», который и самъ исполнялъ въ-точности и строго наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ изобрѣтенныхъ и введенныхъ имъ формъ этикета. Блескъ двора и царствованія, новое политическое значеніе государства, сдѣлавшагося тогда первымъ, и по силѣ и по образованности, огромная слава новой литературы увлекли Европу: раскрытый «французскій кафтанъ», болѣе, или менѣе яркихъ цвѣтовъ, съ золотымъ и шелковымъ шитьемъ, съ огромными и дорогими пуговицами, съ кружевами, вышивками, пряжками, при невѣроятномъ, напудренномъ парикѣ, оффиціальной шпагѣ и треугольной шляпѣ, французскій языкъ, французская литература и кухня дѣлаются модными, даже и у вѣчныхъ враговъ Франціи. Изящное общество англійское одѣвалось и болтало по-французски заодно съ прочими образованными обществами Европы. Шекспиръ былъ объявленъ варваромъ и забытъ на своемъ родномъ островѣ. Знатоки, учители вкуса, риторы прославляли классицизмъ и французскіе образцы.

Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія вліяніе англійскихъ идей, а потомъ внезапное лучезарное появленіе на островѣ огромнаго числа могучихъ, геніальныхъ во всѣхъ родахъ талан-

товъ рѣшили реакцію противъ французскаго кафтана и французской литературной школы, реакцію, въ которой даже и кружевная, нѣжная кухня французская испытала опасное потрясеніе отъ кровавыхъ бифстексовъ, естественныхъ де свирѣпства ростбифовъ и непричесанныхъ пататовъ au naturel. Черный, высоко застегнутый фракъ, безъ всякаго шитья, безъ всякихъ отличительныхъ украшеній, даже безъ снѣжныхъ слѣдовъ пудры на откидномъ воротникѣ какъ у шинели, матросскіе брюки, манежные сапоги и конюшенный ихъ товарищъ redingoat, для котораго не было даже и названья на изящной твердой землѣ и который, наскоро, прозвали какъ-нибудь, сюртукомъ, круглая черная шляпа,—словомъ, весь нарядъ самыхъ угрюмыхъ, самыхъ сердитыхъ великобританскихъ пуританъ произвелъ дерзкое нашествіе на это пестрое, надушенное, напудренное, распятое на четыре булавки, впухъ разряженное общество, имѣя впереди Вильберфорса, а въ арьергардѣ Байрона. Напрасно пытался великій Наполеонъ поддержать французскій кафтанъ блескомъ своего генія, могуществомъ своей славы. Съ его паденіемъ вся Франція одѣлась окончательно по строгому великобританскому стилю, по модѣ англійскихъ пуританъ. Нынче этотъ вражій костюмъ пріобрѣлъ тамъ всѣ права національнаго костюма, и къ сѣверу отъ Рейна едва-ли кто изъ ученыхъ юношей, молодыхъ и старыхъ, получающихъ парижскій Journal des tailleurs, зна-

етъ тотъ достовѣрный фактъ историческій, что, нарядясь по этимъ картинкамъ, онъ не французъ, а прямой англичанинъ. Извѣстно, что въ послѣднее время нѣкоторые парижскіе портные, послѣдователи «историческаго развитія», старались воскресить «французскій кафтанъ», l'habit-français, хотя по одному покрою, безъ шитья и безъ яркихъ цвѣтовъ. Не пошло!... Французы не хотятъ быть французами «въ полномъ смыслѣ слова», «настоящими девятнадцатаго вѣка» французами, не покупаютъ историческихъ «французскихъ кафтановъ», даже и готовыхъ, и «историческое развитіе», съ иголкою и утюгомъ въ рукѣ, обанкрутилось въ самомъ Парижѣ, гдѣ портные были еще недавно законодателями.

Я счелъ нужнымъ доложить вамъ объ этихъ странныхъ судьбахъ національныхъ костюмовъ, національныхъ кухонь и національныхъ литературъ длятого, чтобы вамъ было еще яснѣе, еще убѣдительнѣе извѣстное мнѣ убѣжденіе ваше, что геній Петра Великаго совсѣмъ не перевертывалъ насъ слишкомъ-круто и, направляя къ образованности, въ иностранцевъ не передѣлывалъ. Не было никакой нужды. Всѣ иностранцы любятъ быть иностранцами. Это общая слабость народовъ, особенно образованныхъ. Одни уже успѣхи наукъ и искусствъ, одни уже новыя открытія и новыя изобрѣтенія, быстро слѣдующія другъ за другомъ, пріучаютъ образованнаго человѣка къ новизнѣ и дѣ-

лаютъ его воспріимчивымъ. Онъ безпрестанно иностранецъ, иногда болѣе, иногда менѣе, иногда той націй, иногда другой, смотря по испытуемому восторгу, или наслажденію и смотря по ихъ источнику, но всегда безъ ущерба своей національности. Дикарь неподвиженъ въ своихъ историческихъ нравахъ и привычкахъ, — вовсе не потому, что онъ особенно дорожитъ національностью, а потому, что глупъ, тупъ и невѣжда. Ну, что̀ же! вотъ мы, не хвастаясь, встрѣтились съ иностранцами въ Крыму лицомъ-къ-лицу, и я не увѣренъ, не было ли тамъ, между образованнѣйшими русскими, такихъ ужасныхъ иностранцевъ, что и грамоты русской не разбирали какъ слѣдуетъ; а спросите другихъ иностранцевъ, что̀ думаютъ они о нашей иностранности и довольны ли прославленнымъ пристрастіемъ нашимъ къ нимъ, ко всему иностранному, нашимъ прокричаннымъ равнодушіемъ къ своему, ко всему родному, русскому? Кажется, они не очень благодарны генію Петра Великаго за его крутой поворотъ и охотно бы согласились, чтобы онъ отворотилъ насъ немножко-назадъ, въ прежнюю сторону. Это и хочетъ сдѣлать наша историческая философія; да кто же ея послушается? И кчему эти ея высокопарныя разсужденія? Мы по-нѣмецки не понимаемъ.

Петръ Великій принадлежалъ вѣку, въ который совершилось величайшее событіе въ новѣйшей исторіи... Я смѣю быть того мнѣнія — по

вашему примѣру—что историческая философія не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, огромнѣйшей важности этого событія, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ настоящемъ характерѣ новой эпохи и поэтому не видитъ, какимъ несказаннымъ благодѣяніемъ для Россіи было безотлагательное приведеніе въ дѣйствіе того крутаго поворота, который имѣлъ несчастіе заслужить критику рѣченной философіи. Я скажу вамъ въ слѣдующій разъ, что́ вы объ этомъ думаете. Длинная исторія: докладъ нуженъ обстоятельный.

XVIII.

25 ноября 1856 г.

Вы хотѣли поговорить о вѣкѣ Людовика Четырнадцатаго — о «великомъ вѣкѣ» и «великомъ королѣ», какъ выражаются французы — о томъ крайне-любопытномъ и важномъ времени, съ котораго, какъ мы съ вами полагаемъ, собственно началась «новѣйшая исторія» человѣчества и — замѣчательно! — вмѣстѣ съ «новѣйшей исторіей» началась и новѣйшая или новая Россія. Мы съ вами — дѣло извѣстное — не профессоры всеобщей исторіи и не историческіе философы: не обязаны думать чужой головою, повторять сказанное до насъ мудрецами другаго времени, слѣдовать дѣленіямъ на эпохи, придуманнымъ Богъ знаетъ когда, при какихъ господствующихъ понятіяхъ и по какой особенной логикѣ. Мы сами мудрецы и новѣйшей исторіи не начинаемъ съ открытія Америки. Америка для насъ — трынъ-трава въ-отношеніи къ исторіи человѣчества. Она ничего не измѣнила ни въ быту, ни въ судьбахъ его. Немножко-болѣе, немножко-менѣе золота въ обращеніи важно, быть-можетъ, для спекуляторовъ

*

на чужую нужду, или чужое мотовство, для жидовъ, которые обрѣзываютъ червонцы, да для золотыхъ дѣлъ мастеровъ: люди тогда дѣлаютъ болѣе долговъ и болѣе золотыхъ цѣпочекъ, золотятъ крыши и потолки, желудокъ ихъ не варитъ говядины, разрѣзываемой за столомъ не золотымъ приборомъ не на золотой тарелкѣ. Но для человѣчества, для его судьбы все золото Мексики и Перу, Калифорніи, Австраліи и иныхъ не стоитъ и мѣдной копейки, если въ его понятіяхъ, потребностяхъ, родѣ и количествѣ его дѣятельности нѣтъ никакой существенной перемѣны. Для насъ новая эпоха и новая исторія начинаются, попросту, со введенія въ составъ, бытъ и хозяйство обществъ новаго элемента, который даетъ имъ совсѣмъ-другое направленіе, порождая потребности, дотолѣ неизвѣстныя. Этимъ новымъ элементомъ, этимъ новымъ членомъ общественнаго состава, быта и хозяйства были регулярныя постоянныя арміи — большая, благоустроенная и образованная военная сила, безсмѣнно присутствующая въ государствѣ, какъ стражъ и правило всѣхъ дѣлъ его, внутреннихъ и внѣшнихъ. Создалъ и учредилъ первый въ Европѣ такую силу Людовикъ Четырнадцатый, государь властолюбивый и надменный до самоослѣпленія, но правитель геніальный, государственный человѣкъ съ необыкновенными способностями, распорядительный, дѣятельный, твердый въ предпріятіи, дальновидный и, въ свое время, истинно-великій человѣкъ.

Позвольте посмотрѣть, какъ управлялся міръ Божій до того времени, во все продолженіе средней исторіи, для вящшей ясности дѣла, для лучшаго уразумѣнія тѣхъ коренныхъ перемѣнъ въ быту и тѣхъ огромныхъ пользъ, выгодъ, благодѣяній въ разныхъ отношеніяхъ, которыя проистекли отъ содержанія большихъ регулярныхъ и постоянныхъ армій для обществъ, для ихъ образованности и для ихъ вещественнаго благоденствія. Деньги — не драгоцѣнный металлъ, а полезный трудъ. Міръ Божій не думалъ тогда о трудѣ — думалъ совсѣмъ о другомъ — и деньги не являлись. Онѣ были, но забивались на дно сундуковъ, зарывались въ землю и спали сномъ безмятежнымъ. Какже ему, міру Божію, было управляться безъ наличныхъ денегъ? Всѣ казначейства были пусты. Перебивался, какъ могъ. Тянулся по образу и подобію обнищавшихъ богачей, которымъ никто безъ залога не дастъ и гривенника. На безденежьѣ свѣтъ и устроился-было такъ, чтобы ему жить безъ доходовъ и безъ расходовъ. Жалованья не платилъ никому: ко всякой должности, ко всякому мѣсту и чину приписано было недвижимое имѣніе, на *кормъ* должностному, или чиновному лицу — на *кормъ*, по-нашему, а по-нѣмецки на food, föd или fend, отчего и произошло слово *феодальность*, или метаніе кормовыми помѣстьями. Важнѣйшія лица получали иногда цѣлыя области на кормъ — на food — на прокормленіе себя и своей дворни или, какъ

турки изящно выражаются по-своему, по-турецки, на *арпа*—на овесъ для своихъ лошадей. То-есть этимъ лицамъ за труды управленія отдавался, на ихъ жалованье и содержаніе, весь податной и поземельный сборъ съ области, обыкновенно съ обязанностью привести съ собою и на свой счетъ извѣстное число вооруженныхъ людей въ-случаѣ войны. Въ государственную казну поступало очень-немного изъ этого источника: правительства едва были въ-состояніи содержать небольшія дружины тѣлохранителей на средства своихъ бѣдствующихъ казначействъ и, когда случалась война, то, на издержки похода, занимали у жидовъ — сколько вы полагаете?— ужасныя суммы!... сто!... двѣсти-тысячъ червонныхъ!... обыкновенно подъ залогъ таможеннаго сбора на два, на три года впередъ. Таможенный сборъ составлялъ главное средство тогдашнихъ казначействъ и, для усиленія его, учреждали пошлинныя заставы по всѣмъ городамъ на торговыхъ трактахъ, какъ-что одинъ и тотъ же товаръ отплачивался десять разъ пошлиною, прежде, чѣмъ доходилъ до своего рынка. Можно себѣ представить цвѣтущее состояніе торговли при такой *пошлинѣ*, то-есть при такомъ *обычаѣ!* Маленькое корнесловное уклоненіе. Вы знаете—мнѣ ли учить ученыхъ! — что слово «пошлина», изобрѣтенное новгородскими филологами, представляетъ буквальный переводъ западнаго торговаго выраженія coûtume, custom. На англійскомъ языкѣ и нынче Custom-house, *домъ обы-*

чая, означаетъ таможню. Къ тогдашнимъ пошлинамъ или обычаямъ принадлежало право не только получать съ торговца пользу, но и презирать его всею благородною спѣсью, какъ мошенника. Человѣкъ, который *мѣряетъ аршиномъ*, считался недостойнымъ носить оружіе. Дворянинъ, допустившій себя до такого унизительнаго ремесла, исключался во Франціи изъ дворянскаго сословія. Учредить фабрику значило осрамить весь свой родъ: изъ милосердія и въ видѣ особеннаго исключенія, нѣкоторымъ изъ разорившихся дозволялось завести стеклянный заводъ — дѣлать рюмки и стаканы — но и тѣхъ общество презрительно называло «стекольщиками», gentilhomme-verrier. Эти понятія господствовали съ полною силою еще и при Людовикѣ Четырнадцатомъ и стóятъ быть замѣченными, если хотимъ измѣрить разстояніе, пройденное съ-тѣхъ-поръ европейскими обществами по пути къ познанію пользъ своихъ и къ истинному просвѣщенію вслѣдствіе учрежденія регулярныхъ армій, которое такъ высоко подняло, такъ много обезопасило, облегчило и облагородило торговлю.

До этого учрежденія, въ ту блаженную старину, о которой такъ нѣжно вздыхаетъ историческая философія, правительства вовсе не думали ни строить дорóги, или мосты, ни очищать рѣки, ни проводить каналы, воздвигать общественныя зданія, или разоряться на учебныя заведенія. Причины этой неподвижности,

этого равнодушія, нынче непостижимаго, къ общей пользѣ ясны совершенно. Во-первыхъ, денегъ въ казнѣ не было; а во-вторыхъ, никто не чувствовалъ нужды въ общей пользѣ: каждому своей личной пользы было совершенно достаточно. Люди, гордившіеся тѣмъ, что не знаютъ грамоты, считавшіе грамотность ремесломъ презрѣнныхъ дьяковъ, могли ли заботиться о просвѣщеніи? Многіе государи любили и покровительствовали поэтовъ, художниковъ и ученыхъ, но не по чувству государственной нужды въ образованности, или просвѣщеніи, а только по личному вкусу, потому-что сами получили-было воспитаніе, болѣе, или менѣе ученое, или артистическое. Это ведется на Востокѣ и нынѣ.

То же самое нужно сказать и о многихъ сановникахъ, членахъ тогдашнихъ правительствъ. Университеты, академіи, училища существовали, и многія изъ нихъ славились въ книжныхъ кругахъ; но правительства издерживали на этотъ важный предметъ одинъ только пергаментъ для письма утвердительныхъ грамматъ. Заведенія эти и основались и содержали себя своими собственными средствами и доходами съ имѣній, отказанныхъ въ ихъ пользу частными завѣщателями. Въ эпоху такъ-называемую Возрожденія науки и искусства были въ модѣ, подобно тому, какъ и борода древнихъ философовъ; но правительства ничего для нихъ не дѣлали: не было никакой нужды въ познаніяхъ. Да и какія были это познанія, филологическія и философиче-

скія! Кромѣ вычурнаго слога, они не могли ничего принести государственному управленію. Госпитали, богадѣльни, всѣ вообще благотворительныя заведенія принадлежали къ той же категоріи, какъ и учебныя: частные завѣщанія и дары составляли ихъ достояніе.

Въ-случаѣ ссоры съ сосѣдомъ, или особенной охоты подраться и пограбить, отправляли приказаніе вассаламъ явиться съ своими людьми, въ числѣ, причитающемся съ волостей, пожалованныхъ имъ на «кормъ» личный, или родовой и наслѣдственный, и посылали по областямъ *кличъ* къ народу: кто хочетъ идти воевать врага? Головорѣзы, баши-бузуки, собирались въ нестройныя и буйныя ополченія, болѣе въ помѣху, чѣмъ въ подкрѣпленіе дружинѣ правительства. И все это, безъ строя, безъ припасовъ, безъ толку, безъ дорогъ, брело къ границѣ, опустошая на пути мызы, деревни, города, расхищая съ особеннымъ удовольствіемъ купеческую собственность и надѣясь обогатиться грабежомъ на непріятельской землѣ. Если вмѣсто побѣды походъ находилъ тамъ неудачу и низложеніе, то бѣгство этихъ воевъ восвояси бывало для родной земли пагубнѣе нашествія врага. Описанія перевоза пушекъ, оставленныя очевидцами, ужасаютъ нынче читателями видомъ страшныхъ трудовъ пушкарей и страшнаго угнетенія обывателей. Историческіе философы говорятъ: до учрежденія регулярныхъ армій войны не обременяли государствъ долгами! А развѣ

опустошеніе цѣлыхъ провинцій своего отечества обходится кому-нибудь дешевле процентовъ на правильно сдѣланный долгъ?

Первыя войны при Людовикѣ Четырнадцатомъ, въ его малолѣтство и въ его молодость, отличались еще этимъ свирѣпымъ и разорительнымъ характеромъ, который нынче, благодаря постепеннымъ усовершенствованіямъ его системы регулярныхъ армій, исчезъ совсѣмъ съ лица европейской земли. Но не одна эта перемѣна была послѣдствіемъ начатаго имъ дѣла. Какъ ни важна она для человѣчества и для его образованности, другія неизбѣжныя послѣдствія великой мысли Людовика измѣнили еще болѣе образъ дѣйствія правительствъ и стремленія обществъ. Представьте себѣ неожиданное появленіе большой регулярной военной силы, искусно обученной и отлично знающей свое многосложное дѣло, вслѣдъ за этими неустройствами, этимъ безпорядкомъ, нищенствомъ на средства и равнодушіемъ къ общей пользѣ, вслѣдъ за этою сварливою и пустою ученостью, и разочтите, какая масса наличной казны и положительной науки должна вдругъ потребоваться для цвѣтущаго состоянія этого новаго члена обществъ, этого могучаго охранителя ихъ спокойствія и благосостоянія! Большая регулярная армія стóитъ очень-дорого: нужны большіе государственные доходы. А для этого чтó нужно? позвольте спросить историческую философію. По нашему простому разсчету, нужно большое на-

родное богатство. Надо, чтобы всѣ производительныя силы государства и всѣ умственныя способности народа пришли въ дружное дѣйствіе и раскрыли разнообразныя средства родной страны. Надо оживить и возвысить торговлю, на которую долженъ опереться кредитъ, душа богатства. Надо создать промышленость. Надо всѣми мѣрами устремлять общество къ умственной дѣятельности, къ наукѣ, къ изобрѣтательности, къ положительнымъ и полезнымъ приложеніямъ мысли, познаній и труда, — словомъ, нужно просвѣщеніе. И нужно еще, чтобы все это развивалось и цвѣло вмѣстѣ, скоро, безостановочно, чтобы просвѣщеніе доставляло, въ большомъ количествѣ, знающихъ и способныхъ людей и арміи и промышлености, чтобы промышленость обильно питала торговлю, чтобы торговля давала много работы и много средствъ къ работѣ и промышлености и наукѣ: не-то казна будетъ пуста и большая регулярная армія разстроится. А лишь-только большой регулярной арміи нестанетъ, сейчасъ воротится средняя исторія: прощай, просвѣщеніе! прощайте, торговля и промышленость! Богатство мгновенно исчезнетъ. Человѣчество снова оглупѣетъ. Съ недостаткомъ въ средствахъ дѣлать полезное правительства прійдутъ въ прежнюю апатію. Равнодушіе къ общей пользѣ займетъ мѣсто пробужденнаго и горячаго усердія, и эта прекрасная, умная, богатая Европа будетъ нищая и тупая Азія, Персія, Кабулъ, быть-можетъ, еще хуже.

Безъ неуклонной потребности ничего не дѣлается въ человѣчествѣ. Людямъ нужны большія деньги на большіе государственные расходы. Такъ все, всякая мысль, всякое значеніе, всякое открытіе немедленно превращаются въ деньги, и свѣтъ получаетъ новыя удобства жизни, новые избытки, новыя наслажденія. Пароходы, желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы, которые окончательно дали совсѣмъ-отдѣльный характеръ новѣйшей эпохѣ и новѣйшей исторіи, существовали ли бы, спрашиваю, безъ этой страшной нужды людей въ деньгахъ на огромные расходы народовъ, принявшихъ систему постояннаго содержанія большой регулярной военной силы, сухопутной и морской, безъ этой страсти народовъ дѣлать изъ всего деньги, безъ этой горячечной дѣятельности людей, которую эта страсть въ нихъ разбудила и поддерживаетъ? Всѣ наши новѣйшія открытія и выдумки были бы, можетъ-быть, открыты и выдуманы и при старой системѣ равнодушія, бездѣйствія и безденежья, но пропали бы въ книгахъ, безъ пользы для обществъ и безъ процентовъ на геній человѣка. Сколько разъ открывали въ старые вѣка двигательную силу паровъ, и сколько разъ приходила она въ забвеніе, даже и между учеными?

Убѣдительный примѣръ этого могучаго и благотворнаго дѣйствія большихъ регулярныхъ армій на коренное пересозданіе правительственныхъ системъ, на преобразованіе обществъ, на

быстрое раскрытіе умственныхъ и вещественныхъ сокровищъ странъ представляетъ само царствованіе Людовика. Посмотрите, какъ усердно онъ и его умный сотрудникъ Кольберъ, чего никогда не бывало, сосредоточиваютъ всѣ лучи правительственнаго дѣйствія, чтобы доставить безопасность и просторъ торговлѣ, какъ дѣятельно разводятъ и поощряютъ промышленость, какъ пекутся о просвѣщеніи — учреждаютъ кадетскіе корпуса и разныя школы, ищутъ людей съ наукою и дарованіями, открываютъ поприще талантамъ во всѣхъ родахъ! И, если бы страшное властолюбіе и несговорчивый фанатизмъ короля не такъ часто портили общее дѣло его генія и генія его министра, Франція достигла бы тогда же безпримѣрнаго въ исторіи благоденствія. Въ предъидущее царствованіе доходы государства не превышали 135,000,000 ливровъ, около сорока мильйоновъ рублей. Людовикъ и Кольберъ довели государственный доходъ до двухсотъ мильйоновъ рублей или до 785,000,000 ливровъ. Съ-тѣхъ-поръ втеченіе полутора вѣка онъ возвысился только одною третью: нынче доходъ Франціи простирается до трехсотъ мильйоновъ рублей (1,200,000,000 франковъ). Людовикъ сдѣлалъ на свои безполезныя войны до пяти тысячъ мильйоновъ ливровъ (1,250,000,000 рублей) долгу; но въ этомъ виноваты его личныя страсти, а не учрежденіе большой регулярной арміи, которое, напротивъ,

послужило поводомъ и основаніемъ одному изъ блистательнѣйшихъ въ исторіи развитій народнаго богатства, науки и литературы, прославившему навсегда имя и вѣкъ Людовика Четырнадцатаго.

Историческіе философы, которые очень любятъ критиковать не совсѣмъ-понятныя себѣ дѣла геніальныхъ умовъ, обвиняютъ Людовика въ томъ тяжкомъ преступленіи, что учрежденіемъ большой регулярной постоянной арміи въ своемъ отечествѣ онъ принудилъ прочія государства содержать такія же арміи для безопасности своей отъ Франціи и обремениться непомѣрными расходами. Въ-самомъ-дѣлѣ, ужасное преступленіе! Онъ принудилъ ихъ отречься отъ апатіи въ дѣлѣ общаго блага, отъ феодальныхъ любезностей, отъ варварской войны и позаботиться о своемъ просвѣщеніи, промышленности, торговлѣ, сдѣлаться богатыми и образованными! Находятъ же теперь у себя государства, которыя онъ принудилъ, деньги, нужныя на содержаніе большихъ и прекрасныхъ армій, а прежде не находили на небольшія и грубыя дружины! Между-тѣмъ, общества въ этихъ государствахъ наслаждаются обиліемъ и удобствами жизни, которыхъ прежде не видали. Не знаю, была ли бы на свѣтѣ и сама историческая философія, если бы старинный порядокъ дѣлъ остался въ своей силѣ.

Но дѣло въ томъ, что принужденія н

никакого. Всѣ государства—почти всѣ — мгновенно постигли необыкновенную выгоду учрежденія, основаннаго Людовикомъ, и одно за другимъ поспѣшили подражать ему для своей собственной пользы. Каждому захотѣлось быть богатымъ, какъ Франція — получать мильйоновъ двѣсти годоваго дохода: это очень-пріятно. И всѣ добровольно пустились просвѣщаться, промышлять, торговать, на пользу своихъ регулярныхъ армій и на свою собственную. Удивленіе уму Людовика, красотѣ его арміи, блеску его двора сдѣлалось моднымъ чувствомъ. Оно сообщалось даже и тѣмъ, которые, лично, имѣли всѣ поводы не любить его. Идея регулярныхъ армій носилась въ воздухѣ въ юные годы Петра Великаго. Это была идея вѣка и не могла остаться чуждою, или неизвѣстною ему. Величіе его генія состоитъ собственно не въ томъ, что онъ умѣлъ вполнѣ усвоить ее, усмотрѣвъ съ отличною проницательностью огромнѣйшую выгоду отъ нея для Россіи: перемѣны и преобразованія, на которыя онъ рѣшился, невзирая ни на какія препятствія, требовались сущностью предмета и нѣсколько-позже совершились бы сами собою, вслѣдствіе одного уже учрежденія регулярной арміи, но только совершились бы медленно и мучительно безъ его твердой и настойчивой воли, такъ-какъ просвѣщеніе и народное богатство— два основныя условія такого предпріятія, и нужны большіе доходы и большія познанія. Истин-

но-удивительная черта преобразовательнаго генія Петра, напротивъ, состоитъ въ томъ, что онъ, не увлекаясь страстями вѣка, не послѣдовалъ безусловно образцу, которому вѣкъ поклонялся: принялъ его великую идею, но, въ то же время, чудно разгадалъ ошибочную сторону системы Людовика и Кольбера и превосходство образа дѣйствія враговъ великаго короля—голландцевъ. Частнымъ богачамъ частные люди кланяются въ поясъ. Но богатый народъ обыкновенно ненавидитъ всѣ прочіе народы. Кто хотя немного знакомъ съ политическою литературою того времени, тому не нужно очень-подробно докладывать, что бранить и пересмѣивать голландцевъ считалось тогда такъ же умнымъ и необходимымъ, какъ теперь бранить и пересмѣивать другой богатый народъ, названія котораго не припомню въ эту минуту. Ихъ, называли «народомъ лавочниковъ», жадными и безсовѣстными торгашами, сборищемъ дерзкихъ жидовъ, и, за неимѣніемъ въ виду коленкора, остроуміе любителей политики очень-мило издѣвалось надъ селедкою и стокфишами. Напротивъ-того, благоговѣть передъ геніемъ, силою и великолѣпіемъ Людовика, прославлять все французское означало хорошій тонъ, высокій родъ и благонамѣренный образъ мыслей. Нужны были поэтому необыкновенная сила ума, проницательность сверхъестественная и почти невѣроятное торжество инстинкта истины надъ современ

разсудками, чтобы, въ личномъ положеніи Петра Перваго, избрать Голландію своей любимицей и образцомъ дѣятельности для Россіи. Петръ Великій твердо былъ увѣренъ, что государство его можетъ не иначе достигнуть настоящаго просвѣщенія и богатства, какъ голландскими путями. Петръ Великій былъ убѣжденъ, что Людовикъ и Кольберъ дѣйствовали въ ложномъ направленіи, что искусственная промышленость, которую привили они Франціи, не поведетъ ея къ добру. Вѣрно, находилъ онъ эту промышленость непрочною и опасною—истина, доказанная позднѣйшими событіями—когда не дѣлалъ у себя протекціонныхъ опытовъ. Какъ голландцы фабрикъ не заводили, даже и голландскаго полотна не дѣлали, а заказывали его вестфальскимъ ткачамъ — что у нихъ благополучно водится и донынѣ — то, въ нѣкоторомъ отношеніи, они изображали собою фри-тредеровъ, вольноторговцевъ петрова вѣка. Петръ вполнѣ вѣрилъ мудрости ихъ системы. Переписка его доказываетъ, что успѣхи настоящей, полезной промышленности представлялись ему несбыточною мечтою при большихъ разстояніяхъ и рѣдкомъ народонаселеніи. Не приходила ль ему мысль, что, если бы собрать и сжать плотно нѣсколько губерній около новой столицы, все народонаселеніе тогдашней Россіи, оставивъ прочія части пустынею, то Россія очень-скоро и безъ всякихъ натяжекъ почувствовала бы сама собою просвѣщеніемъ, про-

мышленостью и богатствомъ со славнѣйшими странами міра? Разберите эту мысль хорошенько.

Какое основное понятіе служитъ ей началомъ?

Явственно, та истина, что фабричная промышленость должна являться тогда уже, когда все готово для быстраго и полезнаго дѣйствія этой промышленности, и что искусственность никуда тутъ не годится.

XIX.

2 декабря 1856 года.

Какое же выйдетъ у насъ рѣшеніе по дѣлу здраваго русскаго толка съ премудрою историческою философіею о «крутомъ поворотѣ» Петра Великаго, который, какъ значится въ жалобѣ сказанной премудрой философіи, не преобразовалъ насъ, а передѣлалъ якобы въ иностранцевъ? По доказательствамъ здраваго толка, крутаго поворота вовсе не было: сдѣлалось все то, и, къ счастію Россіи, сдѣлалось равно и скоро, подъ руководствомъ одного изъ геніальнѣйшихъ въ мірѣ государей, что́ должно было сдѣлаться непремѣнно тѣмъ, или другимъ образомъ въ вѣкъ Петра Перваго, въ періодъ великаго, капитальнаго въ быту человѣчества событія, или переворота, рожденія совсѣмъ-новой исторіи правительствъ и обществъ, въ знаменитый періодъ основанія регулярныхъ армій, то-есть благоустроеннаго, свѣдущаго и постояннаго военнаго сословія, сухопутнаго и морскаго. До того времени общества состояли изъ трехъ сословій: дворянскаго, духовнаго и общаго или такъ-называемаго «*третьяго* сословія», tiers-éta, къ ко-

но-удивительная черта преобразовательнаго генія Петра, напротивъ, состоитъ въ томъ, что онъ, не увлекаясь страстями вѣка, не послѣдовалъ безусловно образцу, которому вѣкъ поклонялся: принялъ его великую идею, но, въ то же время, чудно разгадалъ ошибочную сторону системы Людовика и Кольбера и превосходство образа дѣйствія враговъ великаго короля—голландцевъ. Частнымъ богачамъ частные люди кланяются въ поясъ. Но богатый народъ обыкновенно ненавидитъ всѣ прочіе народы. Кто хотя немного знакомъ съ политическою литературою того времени, тому не нужно очень-подробно докладывать, что бранить и пересмѣивать голландцевъ считалось тогда такъ же умнымъ и необходимымъ, какъ теперь бранить и пересмѣивать другой богатый народъ, названія котораго не припомню въ эту минуту. Ихъ, называли «народомъ лавочниковъ», жадными и безсовѣстными торгашами, сборищемъ дерзкихъ жидовъ, и, за неимѣніемъ въ виду коленкора, остроуміе любителей политики очень-мило издѣвалось надъ селедкою и стокфишами. Напротивъ-того, благоговѣть передъ геніемъ, силою и великолѣпіемъ Людовика, прославлять все французское означало хорошій тонъ, высокій родъ и благонамѣренный образъ мыслей. Нужны были поэтому необыкновенная сила ума, проницательность сверхъестественная и почти невѣроятное торжество инстинкта истины надъ современными пред-

разсудками, чтобы, въ личномъ положеніи Петра Перваго, избрать Голландію своей любимицей и образцомъ дѣятельности для Россіи. Петръ Великій твердо былъ увѣренъ, что государство его можетъ не иначе достигнуть настоящаго просвѣщенія и богатства, какъ голландскими путями. Петръ Великій былъ убѣжденъ, что Людовикъ и Кольберъ дѣйствовали въ ложномъ направленіи, что искусственная промышленость, которую привили они Франціи, не поведетъ ея къ добру. Вѣрно, находилъ онъ эту промышленость непрочною и опасною—истина, доказанная позднѣйшими событіями—когда не дѣлалъ у себя протекціонныхъ опытовъ. Какъ голландцы фабрикъ не заводили, даже и голландскаго полотна не дѣлали, а заказывали его вестфальскимъ ткачамъ — что у нихъ благополучно водится и донынѣ — то, въ нѣкоторомъ отношеніи, они изображали собою фри-тредеровъ, вольноторговцевъ петрова вѣка. Петръ вполнѣ вѣрилъ мудрости ихъ системы. Переписка его доказываетъ, что успѣхи настоящей, полезной промышлености представлялись ему несбыточною мечтою при большихъ разстояніяхъ и рѣдкомъ народонаселеніи. Не приходила ль ему мысль, что, если бы собрать и сжать плотно нѣсколько губерній около новой столицы, все народонаселеніе тогдашней Россіи, оставивъ прочія части пустынею, то Россія очень-скоро и безъ всякихъ натяжекъ поровнялась бы сама собою просвѣщеніемъ, про-

мышленостью и богатствомъ со славнѣйшими странами міра? Разберите эту мысль хорошенько.

Какое основное понятіе служитъ ей началомъ?

Явственно, та истина, что фабричная промышленость должна являться тогда уже, когда все готово для быстраго и полезнаго дѣйствія этой промышленности, и что искусственность никуда тутъ не годится.

XIX.

2 декабря 1856 года.

Какое же выйдетъ у насъ рѣшеніе по дѣлу здраваго русскаго толка съ премудрою историческою философіею о «крутомъ поворотѣ» Петра Великаго, который, какъ значится въ жалобѣ сказанной премудрой философіи, не преобразовалъ насъ, а передѣлалъ якобы въ иностранцевъ? По доказательствамъ здраваго толка, крутаго поворота вовсе не было: сдѣлалось все то, и, къ счастію Россіи, сдѣлалось равно и скоро, подъ руководствомъ одного изъ геніальнѣйшихъ въ мірѣ государей, что́ должно было сдѣлаться непремѣнно тѣмъ, или другимъ образомъ въ вѣкъ Петра Перваго, въ періодъ великаго, капитальнаго въ быту человѣчества событія, или переворота, рожденія совсѣмъ-новой исторіи правительствъ и обществъ, въ знаменитый періодъ основанія регулярныхъ армій, то-есть благоустроеннаго, свѣдущаго и постояннаго военнаго сословія, сухопутнаго и морскаго. До того времени общества состояли изъ трехъ сословій: дворянскаго, духовнаго и общаго или такъ-называемаго «*третьяго* сословія», tiers-éta, къ ко-

торому причислились всѣ прочіе классы, или состоянія. Съ той минуты вдругъ являются четыре сословія: военное, самое важное, самое блестящее и силою славы и силою науки, которому едва-ли не суждено быть въ результатѣ и самымъ образованнымъ, и три прежнія сословія, передавшія ему бо́льшую часть своего стариннаго государственнаго вліянія и приведенныя ближе къ настоящимъ цѣлямъ своего учрежденія. Это уже совсѣмъ-новый міръ. Средніе вѣка и Азія кончились въ Европѣ. Съ основанія регулярныхъ армій — разумѣется, и регулярныхъ флотовъ, необходимаго дополненія сухопутной силы — вмѣсто трехъ, бо́льшею частью разрозненныхъ, дѣйствуютъ дружно и ровно четыре сословія. Неизбѣжно все должно измѣниться — дѣлайте что̀ хотите, философствуйте сколько угодно, поворачивайте въ любую сторону, по всѣмъ направленіямъ мечты, а четыре не три — старое трехпольное хозяйство должно уступить новому, четырехпольному: другія сѣмена, другія орудія, другой порядокъ обработки и уборки, другіе плоды и другія цѣны.

Россіи нужна была безотлагательно — ея положеніе, ея польза, духъ и обстоятельства времени этого требовали — нужна была регулярная армія съ флотомъ. Для прочнаго основанія такой арміи нужно было въ Россіи, какъ и во Франціи при Ришльё и Людовикѣ Четырнадцатомъ, перестроить всю старинную администрацію и все прежнее общество, сосредоточить и

усилить дѣятельностью правительственное дѣйствіе, устранить мѣстныя препятствія, сопротивленія, помѣхи, расчистить, удобрить и приготовить поле. Благодаря свѣтлому соображенію и неустрашимой волѣ геніальнаго государя, мы получили такую армію безотлагательно. Существованіе и правильное дѣйствіе регулярной сухопутной и морской силы и сообразной съ ея благосостояніемъ администраціи требуютъ, вы знаете, большой массы науки и большой кучи денегъ. Я не скажу вамъ ничего новаго, смиреннѣйше представивъ на ваше благоуваженіе, что народы, коснѣющіе въ невѣжествѣ, безсильны, лѣнивы и нищи. Кто хочетъ значительной и дѣльной регулярной арміи со всѣми ея дополненіями и принадлежностями, какой хотѣла Россія, тотъ, по необходимости, хочетъ и просвѣщенія, самой живой, быстрой и обширной умственной дѣятельности, потому-что дѣятельность умственная порождаетъ дѣятельность вещественную, и обѣ вмѣстѣ ведутъ народъ къ богатству, а богатство ведетъ къ страсти дѣлать изъ всего выгоду и доходъ. И вотъ деньги находятся на всѣ потребности, и арміи славныя цвѣтутъ, и порядокъ, безопасность, спокойствіе утверждаются, и по прекраснымъ дорогамъ, мостамъ, пристанямъ, необходимымъ для движенія регулярной вооруженной силы, которыхъ до учрежденія ея не было и въ поминѣ, торговля удобно и скоро перевозитъ золотыя горы, наука, образованность, вкусъ, изящныя искусства и

удовольствія, роскошь, моды, разнообразіе скачутъ на почтовыхъ. И пусть ихъ скачутъ: все это деньги, потому-что все это дѣятельность, движеніе, трудъ; а деньги нужны для развитія государственныхъ доходовъ. Какъ-скоро, благодаря генію Петра Великаго, мы получили регулярную армію — а получили ее очень-кстати, потому-что безъ нея мы могли бы погибнуть — тутъ мы бы сами передѣлались въ скоромъ времени въ «иностранцевъ», какъ утверждаетъ историческая философія, въ людей образованныхъ и европейцевъ, какъ говоритъ здравый толкъ. Иностранность и образованность были одно и то же для насъ. Другой образованности или иностранности невозможно было и выдумать. Для этого нужно было бы выдумать другія науки и торговлю замѣнить философскимъ камнемъ. Учрежденія, послѣ основанія регулярной арміи, по-необходимости, одни и тѣ же и у насъ и въ остальной Европѣ, составъ общества, государственныя и общественныя потребности — одни и тѣ же, наука—одна и та же, торговля—общая, всемірная: такъ и кухня будетъ скоро одна и та же, и кафтанъ, парикъ, башмакъ — одинъ и тотъ же. Нѣтъ возможности не «передѣлаться» въ иностранца, то-есть въ образованнаго, и тутъ же нѣтъ возможности не остаться настоящимъ русскимъ, потому-что сѣвера на югъ не поворотишь: русское дѣло — сѣверное и не можетъ сдѣлаться ни южнымъ, ни западнымъ. Натуру, нравъ, родимое чувство можно пересо-

дѣть — даже заставить играть комедію на чужомъ языкѣ — но измѣнить нельзя никакъ.

Кстати ли было поспѣшное основаніе регулярной арміи, нельзя ли было повременить и вводить новизну потихоньку, безъ явнаго разрыва со стариною, по любимой методѣ боязливыхъ и не рѣшительныхъ посредственностей, это, понастоящему, не требовало бы толкованія. Жаль, что историческая философія не сообразитъ порядкомъ опасности, въ какой тогда находилось Московское Государство и отъ которой спасъ ее Петръ Великій. Швеція уже обладала прекрасною регулярною арміей и флотомъ и, подъ предводительствомъ молодаго, страстнаго къ подвигамъ и славѣ властелина, становилась чрезвычайно-опасною для Россіи. Вѣчная польская анархія могла со-дня-на-день превратиться въ самодержавіе подъ ударомъ смѣлаго и искуснаго честолюбца и выставить большую регулярную армію. Безъ сопротивленія Петра Великаго и юной русской арміи Карлъ Двѣнадцатый сдѣлалъ бы это непремѣнно. Турція еще была страшна всѣмъ сосѣднимъ государствамъ остатками своего стараго регулярнаго корпуса янычаръ, усердно разрушиваемаго лихоимствомъ министровъ Блистательной Порты и начальниковъ этой нѣкогда знаменитой дружины. Можно ли было откладывать? Самый крутой поворотъ былъ бы совершенно оправданъ такимъ стеченіемъ обстоятельствъ. Но здравый толкъ все-таки твердитъ свое: крутаго поворота не

было. И по весьма-простой причинѣ: за неимѣніемъ въ немъ надобности.

Регулярная армія и правильный флотъ были уже у насъ основаны, сообразная съ ними администрація учреждена. Для благаго дѣйствія и успѣховъ всего этого нужны намъ были только наука и деньги. Мы отъ регулярной арміи и правильнаго флота и пошли, путями, для нихъ изготовленными, прямехонько, безъ всякихъ крутыхъ поворотовъ, къ деньгамъ и наукѣ, къ торговой промышлености и просвѣщенію, къ дѣятельности и образованности, только, по-милости генія Петра Великаго и подъ волшебнымъ вліяніемъ его исторической трости, пошли скорѣе, ровнѣе и даже еще немножко-прямѣе прямехонькаго: не заходили къ историческимъ философіямъ разсуждать о «развитіяхъ древнихъ учрежденій» и болтать пустяки о бородѣ и татарской ферязи. Эту драгоцѣнную трость наслѣдовалъ отецъ Фридриха Великаго и потомъ самъ Фридрихъ Великій. Въ ихъ рукахъ она тоже оказала чудеса. Старина другой логики не понимала.

Историческая философія можетъ себѣ проливать горячія слезы о прекрасномъ татарскомъ туалетѣ, который Петръ Великій замѣнилъ у насъ нѣмецкимъ платьемъ, то-есть собственно французскимъ форменнымъ кафтаномъ изобрѣтенія Людовика Четырнадцатаго, распространявшимся тогда по всей Европѣ: здравый русскій толкъ плакать не станетъ о модахъ, раболѣпно

вывезенныхъ нѣкогда изъ Золотой Орды вмѣстѣ съ бѣдствіемъ и униженіемъ отечества. А подъ «крутымъ поворотомъ», конецъ-концовъ, историческіе философы разумѣютъ про-себя одно лишь уничтоженіе Петромъ Великимъ татарскаго наряда, который, какъ изъ дѣла видно, очень-скоро уничтожился бы и самъ собою. Есть о чѣмъ сѣтовать! Зачѣмъ намъ не одѣваться по парижскимъ моднымъ картинкамъ? Чѣмъ онѣ мѣшаютъ русской національности? Какъ татарскія моды не «передѣлали» насъ въ иностранцевъ-татаръ, такъ и французскія не «передѣлаютъ» никогда въ иностранцевъ-французовъ. Съ національностью эти мелочныя фантазіи не имѣютъ ни малѣйшей связи. Несмотря на это, по торжественному манифесту, который историческая философія наша обнародовала даже и за границею, если только ей дадутъ ножницы да иголокъ, то она берется передѣлать насъ въ «русскихъ въ *полномъ смыслѣ слова*», «въ *настоящихъ* русскихъ, *но русскихъ девятнадцатаго вѣка*». Но въ черномъ фракѣ и черныхъ брюкахъ, въ пальто и круглой шляпѣ мы же и есть *настоящіе русскіе девятнадцатаго вѣка, въ полномъ смыслѣ слова!* Нѣтъ никакой надобности принимать трудъ передѣлывать. Мы уже передѣланы на девятнадцатый вѣкъ, какъ слѣдуетъ. Какже намъ быть иначе въ девятнадцатомъ вѣкѣ?

Историческая философія, не примѣчая того, какъ столѣтія и народы мѣняются нарядами,

безпрестанно заимствуясь другъ у друга, полагаетъ въ своей мудрости, что одни только мы русскіе — иностранцы, по-милости «крутаго поворота», а другіе иностранцы — вовсе не иностранцы, что, напримѣръ, Французы — настоящіе, въ полномъ смыслѣ слова французы и никогда не передѣлываютъ себя въ иностранцевъ. Я уже имѣлъ честь докладывать философіи, что вся Европа и французы вмѣстѣ съ нею одѣты въ настоящее время по-англійски. Вообразите же только, какіе эти французы ужасные иностранцы! что́ они выдумали еще! Будучи одѣты по-англійски, въ сороковыхъ годахъ вдругъ всѣ остриглись по-русски, á la mougik. и англичане за ними, и нѣмцы за ними, наконецъ и мы сами за ними начали обрѣзывать волосы свои по-русски, по извѣстной страсти нашей ко всему иностранному. А теперь въ Парижѣ тотъ не французъ, кто не кушаетъ русской паясной икры. И никому во Франціи въ голову не приходитъ жаловаться, что французская національность въ опасности, что кто-нибудь круто поворачиваетъ ее!

Вслѣдъ за волосами á la mougik, многіе львы парижскихъ бульваровъ, нерасположенные каждый день бриться и умываться, стали находить, что очень-полезно было прибавить къ этой прическѣ и бороду á la mougik, и отростили себѣ окладистыя бороды. Сначала называли ихъ barbes russes. Но форма этихъ бородъ не понравилась любителямъ живописности: ихъ начали

подстригать и прозвали бородами à la Rembrandt, потомъ à la Rennaissance. Первый въ Петербургѣ разносилъ круглую бороду по тротуарамъ Невскаго Проспекта мой бывшій портной, мосьё Викторъ, человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ, высокими манерами и большими свѣдѣніями въ политикѣ: онъ былъ женатъ на русской, нажилъ у насъ въ короткое время тысячъ сорокъ капитала, воротился въ Парижъ, проигралъ все въ карты и теперь ищетъ золота въ Калифорніи. Мосьё Викторъ вывезъ на лицѣ своемъ изъ Парижа, въ лѣтнія поѣздки въ столицу модъ, копію одной изъ первыхъ возсіявшихся тамъ бородъ и служилъ здѣсь образцомъ для первыхъ бородъ возрожденныхъ: русская борода, выписанная изъ Парижа, произвела фуроръ; наши львы нашли ее tout à fait charmante!!! и около того же времени историческая философія заговорила о «крутомъ поворотѣ». Борода мосьё Виктора превратилась въ особенную теорію національности, дошедшую мало-по-малу до восторженной напыщенности. Однажды мосьё Викторъ приходитъ ко мнѣ узнать, не намѣренъ ли я заказать ему что-нибудь, и — о, диво! — приходитъ безъ бороды.

— Какъ, мосьё Викторъ? у васъ уже нѣтъ этой знаменитой бороды?

— Да! сбрилъ!... c'est mauvais genre... истинный аристократъ не носитъ бороды. Я вчера изъ Парижа.

— Но въ Парижѣ борода въ такой славѣ...

— Высшее общество отвергло бороду окончательно. Нѣкоторые франты втораго разбора спасаютъ бороду, подстригивая, разнообразя формы и названія; но вообще борода—признакъ сомнительныхъ нравовъ и дурнаго тона. Очень сожалѣю, что я носилъ бороду такъ долго... только окомпрометировалъ себя... подалъ дурной примѣръ... Многіе думаютъ теперь, будто борода нѣчто особенно-громоударное, глубокое, потому-что я носилъ ее. Ошибка!... Не станемъ говорить объ этомъ... Я привезъ съ собою изъ Парижа удивительныя матеріи на брюки, на жилеты... Не угодно ли?...

Мосьё Викторъ, до окончательнаго удаленія своего въ Парижъ, пребылъ твердымъ аристократомъ и не отращалъ болѣе бороды, даже сдѣлался горячимъ поклонникомъ Петра Великаго, который заставилъ русскихъ людей comme-il-faut снять съ лица этотъ mauvais genre. Мосьё Викторъ очень-мило подшучивалъ надъ прежними его послѣдователями, которые хотѣли выразить оппозицію свою генію великаго преобразователя бородами спорнаго цвѣта и друсмысленной красоты. Я привожу этотъ случай по той причинѣ, что имя мосьё Виктора должно непремѣнно быть сохранено въ исторіи возрожденія бороды на Руси и тѣхъ ученій, которыя на ней основались.

Крутой поворотъ—это, преимущественно, борода, коренная часть бывшаго татарскаго костюма, безъ которой этотъ нарядъ разрушался самъ

собою. Спора нѣтъ, что Петръ Великій сбрилъ намъ бороду безъ мыла, довольно-круто; но когда въ этой бородѣ гнѣздилась такая куча предразсудковъ, упрямства, неповоротливости!... Странное дѣло: были на свѣтѣ четыре геніальные образователя регулярныхъ армій: Александръ Великій, Сципіонъ Великій, Людовикъ Великій и Петръ Великій, и всѣ четыре гнали бороду единогласно, не справляясь съ мелкою историческою эрудиціей. Петръ сдѣлалъ точь-въ-точь то самое, что сдѣлали Александръ и оба Сципіона и что сдѣлалъ бы непремѣнно Людовикъ, если бы борода сама собою не упала при его предшественникѣ, потому-что и самъ не носилъ бороды и не терпѣлъ ея ни при дворѣ, ни въ арміи. Александръ выбрилъ всю Македонію въ одинъ день — ужасно-круто! Сципіонъ Старшій, величайшій изъ древнихъ полководцевъ, который геніемъ своимъ дважды создалъ римлянамъ изъ ничего отличныя регулярныя арміи, когда они лишены были карѳагенцами послѣднихъ средствъ къ защитѣ, который возстановилъ, преобразовалъ и утвердилъ дисциплину, выгналъ бороду и изъ рядовъ и со своего лица. Сципіонъ Младшій тоже брился каждый день тщательно. Конечно, Сципіонъ не имѣлъ права выбрить, уже заодно, римскихъ сенаторовъ, квесторовъ и другихъ бородатыхъ франтовъ, которые пронырствами и неспособностью своей довели отечество до этого положенія; но каждый изъ этихъ достойныхъ мужей полагалъ, что

стòитъ только выбриться хорошенько, и онъ будетъ уменъ и великъ какъ Сципіонъ. И всѣ римляне выбрились добровольно. Греки, послѣ Александра Великаго, всѣ были бриты. Въ Римской Имперіи борода стала возрождаться не ранѣе царствованія императора Адріана, при вторженіи азіятскихъ костюмовъ и азіятскихъ нравовъ. До того времени борода оставалась исключительною принадлежностью философовъ, какъ людей, отказавшихся отъ мірскихъ занятій и презирающихъ свѣтскія приличія.

Такъ пусть же историческіе философы и носятъ себѣ бороду, по древней модѣ циниковъ и стоиковъ, если они такіе страшные философы. Но мы-то, русскіе, настоящіе русскіе, нефилософы, съ какой стати, на какомъ историческомъ, или физіологическомъ основаніи должны щеголять мохнатымъ лицомъ? Борода— вещь не русская. Отечествомъ и гнѣздомъ ея была всегда тупая и сонная Азія. Европейскія племена, бодрыя и остроумныя по природѣ, постоянно отвергали ее—портной Викторъ сказалъ прекрасно—какъ mauvais genre, какъ помѣху и неопрятность. Какъ потомки руссовъ и славянъ, мы не имѣемъ никакого историческаго права, или предлога носить бороду. Положительныя письменныя свидѣтельства удостовѣряютъ, что древніе германскіе народы всѣ были бритые, и борода отращалась у нихъ только навремя, по-случаю траура, или обѣта, до исполненія задуманнаго мщенія злодѣю. Тогда они еще и не

мывались, не расчесывали волосъ, не обрѣзывали ногтей, не перемѣняли ни бѣлья, ни платья. Норманны, тѣ же самые, которыхъ звали и руссами, брились очень-чисто: это также фактъ историческій. Вся скандинавская и поморская страна, родина русскаго рода, никогда не отказывалась отъ бритвы. Славянскіе народы, точно такъ же, какъ и германскіе, всѣ брили бороду. На русскомъ сѣверѣ простой народъ Бѣлой, Малой и Червенской Руси, прежней земли древлянъ и земли дреговичей, вся та часть, которая избѣгла татарскаго ига и вліянія татарщины, брѣется вгладь донынѣ, какъ брилась въ старыя времена: борода начинаетъ господствовать ровно отъ предѣловъ прежняго владычества Золотой Орды, по направленію къ востоку, Волгѣ и заволжской сторонѣ, около старыхъ татарскихъ гнѣздилищъ. Высшее сословіе, въ монгольскій періодъ нашей исторіи, перенимало, изъ бонтонства, у князей и вельможъ Золотой Орды ихъ азіятскіе пріемы, обычаи, наряды и, нераздѣльную часть его, бороду. Купечество наше, вслѣдствіе безпрерывныхъ сношеній и дѣлъ своихъ съ татарскимъ купеческимъ классомъ, подражало въ своей сферѣ высшему сословію. Простолюдины слѣдовали примѣру тѣхъ и другихъ, тѣмъ неизбѣжнѣе, что лучшія платья свои покупали у татарскихъ и бухарскихъ торговцевъ: не слишкомъ дорожа опрятностью, имъ и очень-пріятно было не имѣть болѣе нужды въ бритвѣ, и борода, чрезъ дворовыхъ людей и го-

стинный народъ, отъ бояръ низошла до но
лянъ. Но до монгольскаго періода они брил
непремѣнно, не только поближе къ западу,
и у самыхъ восточныхъ предѣловъ славянс
стороны. Славянская часть народонаселенія
ликихъ болгаръ не носила бороды. Несторъ у
рѣетъ, что вятичи происходятъ отъ ляхо
слѣдственно, они были бритые, какъ ляхи.

Въ позднѣйшей Византіи, гдѣ Азія уже в
совалась въ полномъ цвѣтѣ, борода, однако,
ставляла не правило, а изъятіе: была знако
отличія нѣкоторыхъ должностей и классовъ. П
чіе восточные римляне, *ромеи*, которыхъ
обыкновенно называемъ греками, брили боро
такъ же, какъ и западные. Слѣдовательно,
татаръ борода не могла прійдти къ намъ
Византіи.

Когда бритые германскіе народы овладѣ
Западною Римскою Имперіей, борода не мог
быть въ большой славѣ въ государствахъ, н
основанныхъ. Дѣйствительно, уже съ возрожд
ніемъ наукъ и искусствъ возрождается тамъ
борода, и-то по ошибкѣ: все древнее станов
лось предметомъ удивленія и подражанія; а ка
представить себѣ древняго человѣка безъ бор
ды? Начали носить бороду, чтобы болѣе пох
дить на древнихъ, не зная еще того, что Цин
ронъ жестоко насмѣхался надъ безвкусіемъ тѣ
изъ римлянъ, которые пытались городить ист
рическую философію и возстанавливали въ е

время забытую бороду предка Сципіоновъ, Сципіона Бородатаго. Однако, ультра-франты въ тогахъ носили при Цицеронѣ родъ нынѣшнихъ испанскихъ бородокъ. Въ эпоху Возрожденія борода въ различныхъ видахъ пошла въ моду преимущественно въ ученомъ сословіи, которое хотѣло занять мѣсто древнихъ философовъ, и въ образованнѣйшей части высшаго общества, имѣвшей прикосновеніе къ искусствамъ и художникамъ, или притязаніе на особенную важность своего лица. Въ первой половинѣ XVII вѣка бороды повсюду рушились сами собою. Послѣднія разсѣялись въ Испаніи, откуда прогналъ ихъ форменный кафтанъ Людовика Четырнадцатаго, какъ и у насъ, и почти въ то же время.

Изъ этой краткой всеобщей исторіи бороды каждый усмотрѣть изволитъ, что національность и борода нигдѣ на свѣтѣ не ходили объ-руку, а рускому человѣку и подавно до нея дѣла нѣтъ, если онъ не раскольникъ. Во-всякомъ-случаѣ, борода для насъ такая печальная страница прошедшаго, что всякій охотно вырвалъ бы ее изъ отечественной исторіи, разобравъ происхожденіе покойной бороды нашей. Кто ничего не разбираетъ, тотъ, пожалуй, можетъ философствовать о «крутыхъ поворотахъ»: если сдѣлается смѣшнымъ, придавая такую страшную важность такой пустой вещи, какова борода и вообще и въ-особенности, то это его выигрышъ.

Хорошо ли сдѣлалъ Петръ Великій, что опрокинулъ и разбилъ этотъ грубый памятникъ татарщины, за которымъ прятались невѣжество, лѣнь и вражда къ просвѣщенію? Прекрасно! безподобно! Да и, оставивъ это обстоятельство въ сторонѣ, скажите, кчему служитъ борода? Какая была отъ нея польза для Россіи? Только понапрасну заваливала собою дорогу. Но, скажутъ, пожалуй, бородолюбивые историческіе философы: можно было обойдти бороду. Безвредное изобрѣтеніе: зачѣмъ уничтожать его? Нѣтъ! не совсѣмъ-безвредное: должно же быть въ бородѣ нѣчто такое несовмѣстное со строгимъ порядкомъ, когда всѣ великіе полководцы вытѣсняли бороду изъ благоустроенныхъ войскъ. Даже и въ Турціи, въ царствѣ самыхъ тяжелыхъ и неподвижныхъ бородъ, янычары—хотя этого войска нельзя сравнивать съ новѣйшими регулярными арміями—обязаны были бриться, по уставу.

Что́ же борода сдѣлала великимъ полководцамъ и геніальнымъ людямъ? что́ въ ней такого неблагонамѣреннаго? Это мы увидимъ, разобравъ бороду по волоску. Если у васъ есть терпѣніе подождать до будущей субботы, я надѣюсь представить ясныя доказательства, что Петръ Великій, искорененіемъ бороды, вовсе не обезобразилъ русскаго лица и не причинилъ намъ зубной боли, такъ-какъ борода не украшеніе мужскаго лица да и не охрана его отъ просту-

ды—это только философскія сплетни—но очень-непріятная для самой природы случайность, или неправильность въ организмѣ и дана человѣку временно, только до изобрѣтенія хорошей стали. Зная напередъ фабричный геній человѣка, природа оставила на умномъ и прекрасномъ лицѣ его бороду, въ той увѣренности, что онъ сейчасъ смастеритъ бритву и сбрѣетъ себѣ эту гадость.

XX.

9 декабря 1856 г.

Мы условились — неправда ли? — поговорить серьёзно о бородѣ. Борода угрожаетъ нашей будущности — бездѣлицею!—возвратомъ азіятства. Дѣло совсѣмъ-нешуточное. Надо вывести бороду на чистую воду; надо показать свѣту, что́ она такое; надо приступить къ критическому разбору бороды и опредѣлить ея настоящее значеніе въ чинѣ природы.

Я знаю, куда вы мѣтите. Въ этихъ легкихъ бесѣдахъ, въ нашихъ бѣглыхъ разговорахъ, шутя, играя, смѣясь, вы хотите забраться въ секретный ящикъ природы и посмотрѣть украдкою ея глубочайшія тайны, ея сокровенные разсчеты по дѣламъ творенія, съ образовательною силою, веществомъ и жизнью, то, что́ составляетъ самые любопытные вопросы науки и мудрости человѣческой. Я самъ ужасно люблю такіе вопросы — для меня они занимательнѣе всякихъ другихъ вопросовъ, по-случаю которыхъ люди безпрестанно схатываются за бороды—и я отъ васъ не отстану, любезнѣйшіе и умнѣйшіе читатели и главы мои! Я съ вами. Вы позволите

мнѣ воспользоваться всѣмъ, что̀ знаете, какъ вѣчные и не умирающіе читатели всего читаемаго; я скажу вамъ все, что̀ узналъ, странствуя по міру, что̀ сообразилъ и придумалъ въ уединеніи и что̀ слышалъ отъ великаго философа, раджи Ксутры-Брахманутры, моего бенаресскаго профессора древнихъ и новѣйшихъ языковъ птицъ, четвероногихъ и насѣкомыхъ, и мы проведемъ вечеръ прекрасно. Кчему намъ эти фабричности, эти дороговизны, эти диссертаціи о цѣнахъ на продукты и издѣлія, особенно, когда денегъ ни у кого нѣтъ въ карманѣ, ни у васъ, ни у меня? Не занимательнѣе ли разобрать и удостовѣриться:

Зачѣмъ борода дана человѣку?

Созданъ ли человѣкъ для бороды, или борода для человѣка, который, слѣдственно, можетъ располагать ею по прихоти и произволу своему?

Что̀ она такое, собственно, по разуму природы—съ умысломъ ли налѣпленное на нашъ родъ украшеніе мужскаго лица, или по обстоятельствамъ допущенное безобразіе?

Нужна ли борода человѣку для здоровья, или ему здоровѣе брить себѣ бороду исправно?

Зачѣмъ борода есть у мужчины, и зачѣмъ у женщины нѣтъ бороды?

Что̀ было бы съ человѣкомъ, если бы человѣкъ былъ весь борода?

И, наоборотъ, что̀ было бы съ бородою и съ историческою философіей, если бы у человѣка не случилось волосъ? А отсутствіе этихъ тонень-

кихъ палочекъ совершенно въ порядкѣ дѣлъ природы и нашего организма.

Однимъ словомъ, что́ такое волосъ? Вопросъ капитальный, любопытнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ физіологіи и антропологіи.

Правда ли то, что́ говорилъ великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, будто судьбы человѣчества, буквально, безъ всякой метафоры, *висятъ на волоскѣ?*

Великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, профессоръ древнихъ и новѣйшихъ языковъ птицъ, четвероногихъ и насѣкомыхъ при бенаресской академіи, въ Индіи, увѣрялъ меня, что не Азія дорожитъ бородою, какъ своимъ лучшимъ алмазомъ, а борода не хочетъ оставить Азіи, за неимѣніемъ въ этой сторонѣ геніальной бритвы Петра Великаго: Азія, говоритъ, оттого сдѣлалась такою азіей, что искони заросла дремучимъ лѣсомъ бородъ, въ которомъ, говоритъ, давно уже свѣта Божьяго не видно.

Вотъ животрепещущіе вопросы! Вотъ вопросы настоящіе современные: они современны всѣмъ временамъ и будутъ вѣчно спрашиваться, доколѣ борода растетъ на землѣ. Хороши ли мы собою съ бородой? какъ вамъ кажется, къ лицу ли мнѣ борода? не сталъ ли я отъ бороды красивѣе, великолѣпнѣе и умнѣе прежняго? Въ самомъ-дѣлѣ, скажите, безъ шутокъ, что́ она— украшеніе ли лица?... или какъ?... Историческое любомудріе, которое не-охотникъ умываться,

бриться, чиститься, разстраивать свое лѣнивое философское спокойствіе, говоритъ: удивительное украшеніе! просто, прелесть!

Какъ угодно любомудрію, но если это его ученое или, пожалуй, «научное» мнѣніе, то оно находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ исконнымъ и общимъ чувствомъ всей бородатой части человѣчества. Никогда человѣкъ, инстинктивно, по прямому ощущенію своего глаза, по тѣмъ врожденнымъ понятіямъ своимъ о томъ, что́ на свѣтѣ красиво, или некрасиво, не раздѣлялъ этого убѣжденія. Торжественное доказательство тому: вездѣ и во всѣ времена борода была у людей знаменемъ и принадлежностью именно тѣхъ особъ, которыя, посвятивъ себя созерцательной жизни и высшимъ душевнымъ стремленіямъ, отрекшись отъ міра и его суеты, чувствуютъ и оказываютъ явное презрѣніе къ наружной красѣ тѣлесъ, миловидность отвергаютъ, какъ опасный соблазнъ, физическую красоту мужчины замѣняютъ красотою душевною. Поэтому и философы, изъ тщеславія, изъ честолюбія, желая быть похожими на этихъ избранныхъ особъ если не добродѣтелью, то, по-крайней-мѣрѣ, наружностью, вѣчно ссорясь со свѣтомъ и съ приличіями, вѣчно придираясь ко всему, чѣмъ прельщаются глаза, носъ, языкъ, кожа, ухо человѣка, съ давняго времени оказывали особенное притязаніе на бороду. Они съ умысломъ дѣлали изъ себя чучелъ по платью, уродовъ по внѣшности головы, животныхъ по

кихъ палочекъ совершенно въ порядкѣ дѣлъ природы и нашего организма.

Однимъ словомъ, что́ такое волосъ? Вопросъ капитальный, любопытнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ физіологіи и антропологіи.

Правда ли то, что́ говорилъ великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, будто судьбы человѣчества, буквально, безъ всякой метафоры, *висятъ на волоскѣ?*

Великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, профессоръ древнихъ и новѣйшихъ языковъ птицъ, четвероногихъ и насѣкомыхъ при бенаресской академіи, въ Индіи, увѣрялъ меня, что не Азія дорожитъ бородою, какъ своимъ лучшимъ алмазомъ, а борода не хочетъ оставить Азіи, за неимѣніемъ въ этой сторонѣ геніальной бритвы Петра Великаго: Азія, говоритъ, оттого сдѣлалась такою азіей, что искони заросла дремучимъ лѣсомъ бородъ, въ которомъ, говоритъ, давно уже свѣта Божьяго не видно.

Вотъ животрепещущіе вопросы! Вотъ вопросы настоящіе современные: они современны всѣмъ временамъ и будутъ вѣчно спрашиваться, доколѣ борода растетъ на землѣ. Хороши ли мы собою съ бородой? какъ вамъ кажется, къ лицу ли мнѣ борода? не сталъ ли я отъ бороды красивѣе, великолѣпнѣе и умнѣе прежняго? Въ-самомъ-дѣлѣ, скажите, безъ шутокъ, что́ она— украшеніе ли лица?... или какъ?... Историческое любомудріе, которое не-охотникъ умываться,

бриться, чиститься, разстраивать свое лѣнивое философское спокойствіе, говоритъ: удивительное украшеніе! просто, прелесть!

Какъ угодно любомудрію, но если это его ученое или, пожалуй, «научное» мнѣніе, то оно находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ исконнымъ и общимъ чувствомъ всей бородатой части человѣчества. Никогда человѣкъ, инстинктивно, по прямому ощущенію своего глаза, по тѣмъ врожденнымъ понятіямъ своимъ о томъ, что́ на свѣтѣ красиво, или некрасиво, не раздѣлялъ этого убѣжденія. Торжественное доказательство тому: вездѣ и во всѣ времена борода была у людей знаменемъ и принадлежностью именно тѣхъ особъ, которыя, посвятивъ себя созерцательной жизни и высшимъ душевнымъ стремленіямъ, отрекшись отъ міра и его суеты, чувствуютъ и оказываютъ явное презрѣніе къ наружной красѣ тѣлесъ, миловидность отвергаютъ, какъ опасный соблазнъ, физическую красоту мужчины замѣняютъ красотою душевною. Поэтому и философы, изъ тщеславія, изъ честолюбія, желая быть похожими на этихъ избранныхъ особъ если не добродѣтелью, то, по-крайней-мѣрѣ, наружностью, вѣчно ссорясь со свѣтомъ и съ приличіями, вѣчно придираясь ко всему, чѣмъ прельщаются глаза, носъ, языкъ, кожа, ухо человѣка, съ давняго времени оказывали особенное притязаніе на бороду. Они съ умысломъ дѣлали изъ себя чучелъ по платью, уродовъ по внѣшности головы, животныхъ по

привычкамъ, чтобы удостовѣрить свѣтъ въ своемъ отвращеніи отъ наружной красоты и въ своей преданности красотѣ внутренней, такъ-называемому у нихъ «верховному благу», и чѣмъ грязнѣе бывали и въ персонѣ своей и въ нравахъ, чѣмъ глубже утопали въ лѣни и праздномъ пустословіи, тѣмъ болѣе благоговѣли передъ бородою, то-есть передъ самими собой. Многіе изъ свѣтскихъ людей, нѣсколько слабоумные, или порядочно тщеславные, увлекались повременамъ ихъ софизмами, прибѣгали къ бородѣ, какъ къ вывѣскѣ ихъ личной мудрости, или важности, и бороды то получали силу моды, то падали, какъ мимолетная прихоть. Но никогда человѣкъ — никогда! — не находилъ по природному чувству своему, чтобы борода была вещь очаровательная: напротивъ, въ состояніи почти еще полудикомъ человѣчества бритва уже была въ ходу, цѣлые народы, цѣлыя племена брились съ особеннымъ удовольствіемъ. Даже и въ самой Азіи, гдѣ борода царствуетъ самовластно, у турковъ и другихъ народовъ, люди неженатые брѣются постоянно: женившись, азіятецъ считаетъ уже неприличнымъ заниматься красотою своего лица, отращаетъ себѣ бороду и записывается въ степенные отцы семейства. Странное уваженіе Азіи къ бородѣ происходитъ вовсе не изъ идей эстетическихъ, или понятій о прекрасномъ, но изъ началъ особенной логики, по которой устроены азіятскія головы. Сообщу вамъ, по дружбѣ, фактъ, открытый и

вполнѣ доказанный великимъ философомъ, раджею Ксутрой-Брахмапутрой, фактъ несомнѣнный, основный фактъ міроздания, а именно то весьма-замѣчательное въ природѣ обстоятельство, что у всякой палки есть два конца и что палка съ однимъ концомъ невозможна. За который изъ двухъ концовъ ни держите, все она та же палка; длина, вѣсъ и сила ея не измѣняются, и, если палку примѣнить къ спинѣ, такъ же больно отъ одного конца, какъ и отъ другаго. На этомъ-то фактѣ основана вся гармонія творенія, весь порядокъ натуры. Можно привести въ примѣръ самое ощутительное проявленіе порядка и строгой послѣдовательности, физическую гармонію звука: ни-дать-ни-взять палка съ двумя концами. Станете ли играть гамму снизу вверхъ, или сверху внизъ, отъ баса къ дисканту, или отъ дисканта къ басу, порядокъ, связь и гармонія тоновъ не нарушаются: впечатлѣнія другія, обратныя, эффекты совсѣмъ противоположные, но результатъ тотъ же: все ладно, все въ должномъ, логическомъ порядкѣ и доставляетъ одинаковое количество наслажденія. Умъ нашъ та же палка — бо́льшею частью, дубина — но лѣсъ неважное дѣло: главное — форма. Въ головѣ, въ работѣ нашего мозга, въ игрѣ орудій разума, гдѣ тоны замѣнены идеями, замѣчаются точно такіе же два гармоническіе порядка, прямой и обратный, снизу вверхъ и сверху внизъ, отъ толстаго конца или баса къ тонкому и наоборотъ,—коротко сказать, двѣ логики,

совершенно одна другой противоположныя. Да и весь родъ человѣческій подходитъ подъ теорію палки, которая такъ существенно нужна ему для порядка, благоустройства и счастія: въ этомъ родѣ тоже два конца—двѣ разныя породы крови и двѣ различныя формы ума: порода *круглоглазая* или европейская, къ которой принадлежитъ и западная половина Азіи, занятая народами персидскаго и арабскаго корня, и *порода узкоглазая*, состоящая изъ народовъ китайскихъ, монгольскихъ, тибетскихъ, турецкихъ и иныхъ. Съ различіемъ въ формѣ глазъ и форма черепа и очертанія мозга различны. У каждой изъ двухъ породъ своя логика: то, что́ у одной *да*, у другой *нѣтъ*; что́ у насъ, круглоглазыхъ, *первое*, то у нихъ, въ узкоглазой Азіи, *послѣднее*, и такъ далѣе. Чувства, нужды, обычаи, нравы, понятія, убѣжденія, звуки языковъ, слова даже одни и тѣ же тутъ и тамъ; но порядокъ цѣлаго другой, расположеніе и послѣдовательность элементовъ обоюдно вспятны, все идетъ, думается, дѣлается противоположно другъ другу. Это обстоятельство искони удивляло само собою наблюдателей и философовъ; а оно, какъ вы видите, очень-просто и даже неизбѣжно: палка!...

Европа и Азія держатъ палку за два конца: мы, круглоглазые, за толстый конецъ, за безконечную, громадную будущность, за могучій басъ; они, узкоглазые, за тонкій, за тощее прошедшее, за дискантъ. Порядокъ умственныхъ тоновъ, или идей и въ образѣ сужденія и въ

устройствѣ языковъ прямой, если угодно — у нихъ: они-то слѣдуютъ прямо, снизу вверхъ; у насъ же — обратный, сверху внизъ, въ даль, въ толстое и густое неизвѣстное. И выходятъ двѣ разныя игры мысли, съ двумя расходящимися гармоніями, съ двумя противными убѣжденіями. То и другое составляютъ одно цѣлое. Результатъ — одинъ. Живемъ, переливая, тамъ изъ пустаго въ порожнее, тутъ изъ порожняго въ пустое, и наслаждаемся. И доля счастія у насъ ничуть не больше ихъ доли.

По нашей логикѣ, человѣчество идетъ безостановочно впередъ къ бо́льшему и бо́льшему совершенству, благоустройству и счастію: каждое поколѣніе постепенно и знаетъ болѣе и можетъ болѣе. Старина, старость—у насъ не мудрость, а отсталое, или отстающее безсиліе: свѣжій умъ—молодецъ! Мы, явственно, обладаемъ нынче тысячью всякаго рода улучшеній, открытій, изобрѣтеній, удобствъ и выгодъ, которыхъ дѣды наши не знали. Мы гораздо-просвѣщеннѣе ихъ, образованнѣе, дѣятельнѣе, богаче и, слѣдственно, нравственнѣе. Мы уже достигли такой мудрости, что насъ нелегко соблазнить; уже знаемъ теперь, что безнравственность даетъ плохіе проценты и что потому должны мы стараться быть съ каждымъ днемъ воздержнѣе, кротче, милѣе. Наша логика показываетъ намъ убѣдительно, что современемъ, при этихъ безпрерывныхъ успѣхахъ совершенства и ума, мы прогрессивно дойдемъ до того, что Богъ знаетъ,

что́ станется съ нами, съ человѣчествомъ: вѣрно, помѣшаемся, или, пожалуй, взбѣсимся отъ избытка мудрости и счастія.

По своей прямой узкоглазой логикѣ, старый Востокъ, напротивъ, твердо убѣжденъ, что человѣчество, въ глубокую старину, при началѣ обществъ, представляло безусловное совершенство, въ добродѣтели, въ знаніи, въ образованности, въ силѣ, въ благоденствіи, во всемъ; но порода, по-несчастію, вырождается: каждое новое поколѣніе слабѣе, глупѣе и злѣе предшествующаго, и мудрость состоитъ въ томъ, чтобы держаться, по-возможности, правилъ, совѣтовъ и обычаевъ предковъ, стараясь всѣми силами о возвращеніи человѣка и общества къ первобытному прошедшему, къ утраченному совершенству. Отсюда то безпредѣльное благоговѣніе передъ стариною и вмѣстѣ передъ старостью, которая по узкоглазой логикѣ все-равно, что́ мудрость и совершенство, эта вѣками непоколебимая неподвижность Азіи, это самовластіе старшихъ въ родѣ, сдѣлавшееся основнымъ догматомъ Востока. У китайцевъ нѣтъ даже другихъ боговъ, кромѣ предковъ: каждый поклоняется духамъ своей прабабушки, дѣдушки, батюшки, тетушки, духамъ праотцевъ своего рода, между которыми кто древнѣе, тотъ мудрѣе и святѣе.

Разумѣется, что при такой логикѣ борода должна быть въ ужасной чести, потому-что первый предокъ каждаго рода, должно полагать,

жилъ еще до изобрѣтенія бритвы: онъ былъ совершенство съ бородою, и вы, послѣдній и глупѣйшій его потомокъ, должны совершенствовать себя до того, пока не достигнете его идеальной добродѣтели, чего безъ бороды достигнуть никакъ невозможно. О красотѣ тутъ не можетъ быть рѣчи: борода, въ этой послѣдовательности идей—догматъ, а не украшеніе. Западная часть Азіи, круглоглазая, собственно, могла бы разсуждать иначе, наоборотъ, по-нашему, по-круглоглазому, принадлежа, на основаніи палки, къ ея европейскому концу; но какъ Азія, вообще, безпрестанно бывала да и теперь находится вся подъ властью многолюдной узкоглазой породы, то и она усвоила себѣ этотъ смиренный родъ понятій.

Такъ вотъ въ чемъ и откуда та разительная разница между Востокомъ и Западомъ, которой историческая философія объяснить себѣ не можетъ. Она — разница коренная и, въ порядкѣ дѣлъ природы, неизбѣжна: палки съ однимъ концомъ быть не можетъ. Круглоглазый конецъ рода стремится впередъ, узкоглазый—назадъ. То же самое, сказать мимоходомъ, найдено и въ электричествѣ и въ иныхъ мѣстахъ. Западъ тянетъ человѣка къ будущему и идетъ, бѣжитъ: движется. Востокъ тянетъ къ прошедшему и стоитъ на-мѣстѣ: не движется, потому-что въ прошедшее входа нѣтъ: что́ прошло, то закрылось навсегда. Онъ живетъ идеей, мы — дѣйствительностью. Какъ Востокъ стои́тъ-себѣ спокой-

но, то борода у него виситъ гладко, прилично, благопристойно. Но какъ мы бѣжимъ опрометью впередъ, и не по доброй волѣ нашей, а по закону природы, по палкѣ, то къ намъ борода нейдетъ: мѣшаетъ!... Видѣли ль вы когда-нибудь человѣка съ великолѣпною бородою, бѣгущаго по улицѣ, когда вѣтеръ подымаетъ, гнетъ, рветъ, растрепываетъ его бороду во всѣ стороны: одна часть за плечомъ, другая закрыла глаза, третья попала въ раскрытый ротъ, и онъ выплевываетъ ее съ сердитою гримасою, вертитъ головою, не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ «украшенія» своего лица. Хорошъ ли тогда? Каррикатура! И какая умора видѣть его съ этою бородою въ азартѣ, когда онъ волнуется страстями, жарко ораторствуетъ, дѣлаетъ трагическія движенія головою: борода, при каждомъ поднятіи головы, высовывается впередъ, словно изъ дождевой трубы стариннаго подъѣзда зеленый жестяной драконъ съ длиннымъ краснымъ языкомъ; при ускоренныхъ головныхъ движеніяхъ презабавно летаетъ передъ лицомъ зигзагами, наподобіе прежнихъ телеграфовъ; при одушевленной рѣчи, съ протянутой впередъ шеей, быстро машетъ кончикомъ: подумаешь, рубитъ капусту. Посмотрите тогда на разглагольствующаго бородача съ боку, или, еще лучше, на тѣнь его, на стѣнѣ, въ профиль: вамъ покажется, будто губъ нѣтъ, рта не существуетъ, а говоритъ за него конецъ бороды. Вы покатитесь со смѣху, хотя бы и сами были бородатые. И какой онъ несчастный и въ

то же время уморительный въ морозъ, когда, въ покрытой инеемъ бородѣ образовались центры замерзанія, склеились волосы льдомъ, и висятъ кругомъ сосульки, какъ на старой соломенной крышѣ, или когда на него упалъ проливной дождь: борода вся обвисла, прильнула къ кожѣ, свойлочилась, раздѣлилась на безобразныя веревочки, которыхъ концы слѣпились въ двѣ кучки, два ручья воды льются изъ нихъ, какъ изъ баннаго вѣника, онъ совсѣмъ похожъ на моржа. Не тотъ ли самый смѣшной и непріятный видъ являетъ онъ послѣ каждаго умыванія лица водою, съ мыломъ, или безъ мыла? И каждый разъ, какъ онъ мучится, сколько теряетъ времени, чтобы смоченные волосы бороды обсушить до надлежащей степени: нерѣдко часа два не можетъ выйдти на холодный воздухъ, боясь, чтобы влажная борода не замерзла коломъ и не обломалась. Въ сухую бороду, на воздухѣ, набивается то песокъ, то снѣгъ, въ комнатахъ и при ручныхъ работахъ—пыль невидимая; за обѣдомъ конецъ бороды непременно попадетъ въ супъ и задѣнетъ два соуса. Какже тутъ круглоглазому человѣку свободно бѣжать впередъ, прогресса ради, съ такимъ «украшеніемъ» мужскаго лица? И гадко и неловко. Хлопотъ съ бородою бездна; а польза-то какая? Развѣ ужь рѣшиться умывать лицо разъ въ недѣлю, какъ и дѣлаютъ бородачи бо́льшею частью, разлѣнившись подъ тяжестью своего украшенія, или проводить, какъ древніе персы, половину дня за уборкою боро-

ды: держать для этой важной части домашняго хозяйства шесть человѣкъ служителей, которые вамъ, церемоніяльно, разчесываютъ бороду въ двѣ гребенки, помадятъ, красятъ, завиваютъ, укладываютъ локонами, вспрыскиваютъ духами, повторяя эту работу каждый разъ, какъ вѣтеръ Божій, или вспышка барскихъ сердецъ разстроятъ изящное ихъ твореніе. Говорите же, что борода не располагаетъ къ лѣни, и тѣлесной и умственной! Чего стóитъ мужчина, занимающійся половину жизни своей бородою, которую такъ трудно содержать въ строгой опрятности и приличномъ порядкѣ?

Украшеніе ли борода, или нѣтъ по разуму природы, это вы можете рѣшить въ три секунды времени. Правильное и свѣжее женское лицо, безспорно, верховный идеалъ красоты въ человѣческой формѣ. Налѣпила ли на него бороду природа, которая, однако, не жалѣла здѣсь никакихъ украшеній? Напротивъ, она открыла это лицо вполнѣ, представила его удивленію и восторгу обоихъ половъ, всего рода нашего, въ полномъ блескѣ, во всей чистотѣ свѣтовъ и цвѣтовъ, въ непомраченной прозрачности тканей, такъ, чтобы черезъ нихъ ясно просвѣчивалась еще и внутренняя красота человѣка — гармонія движеній ума, дивная игра мыслей и ощущеній души. Скажите по совѣсти, многоученые и многоуважаемые господа философы «крутаго поворота», въ-состояніи ли вы влюбиться въ женщину съ бородою? Если да, то я прячусь въ

уголъ и молчу, сказавъ печально: о вкусахъ спорить нельзя! Но пока этого пункта не утвердите признаніемъ и не докажете опытомъ, позвольте не вѣрить намѣренію природы сдѣлать васъ особенными красавцами посредствомъ бороды.

Спросите у умнаго живописца, что́ онъ думаетъ о красотѣ мужскаго лица, въ которомъ находитъ болѣе сокровищъ замысловатости въ строеніи чертъ, ясности въ ихъ значеніи, прелести въ ихъ игрѣ, болѣе колорита, выраженія, мысли, души—въ очищенномъ ли бритвою и открытомъ, или въ поросшемъ крапивою и мхомъ, бородатомъ? Множество душевныхъ движеній кисть даже никакъ не можетъ выразить посредствомъ лица, закутаннаго въ бороду: для нихъ нужно лицо совсѣмъ-гладкое и ясное. Борода, въ искусствѣ, служитъ предпочтительно къ тому, на что́ годятся всѣ заслонки и занавѣски: къ выраженію скрытности, лицемѣрства, мстительности, злобы, коварства и другихъ подобныхъ чувствъ, которыя человѣкъ старается запрятать и утаить. Борода обыкновенно придаетъ лицу суровость, жосткость, мрачность, выраженіе угрюмое и свирѣпое, нѣчто дикое и страшное: въ полномъ живописномъ безобразіи борода—необходимость; въ представленіяхъ неопрятности, неряшества, цинизма, лѣни—тоже. Словомъ, въ искусствѣ, которое въ природной красотѣ и природныхъ украшеніяхъ знаетъ толкъ немножко-лучше, чѣмъ историческая философія,

борода не знаменуетъ ничего лестнаго. Одна только сѣдая борода, бѣлая и мягкая, внушаетъ художнику и зрителю идею мудрости, или созерцательной, или опытной. Однако, въ житейской дѣйствительности очень-опасно было бы полагаться на такую вывѣску. Даже и турки, народъ узкоглазый и существенно бородатый, при всемъ поклоненіи старинѣ и старости, сочинили у себя довольно-непочтительную поговорку насчетъ сѣдыхъ бородъ. *Сакалы дейірменде акъ олду*, часто говорятъ они: «борода у него побѣлѣла въ мельницѣ», отъ мучной пыли, хотятъ сказать, а не отъ мудрости. Въ практикѣ сѣдыя бороды выходятъ то же, что́ и «сѣдые бритые подбородки». Не изъ чего хлопотать!

Наконецъ — это фактъ — человѣкъ, выбрившись, кажетъ всегда моложе лицомъ. А молодость и есть красота въ природѣ. То, что́ помрачаетъ молодость, не можетъ быть «украшеніемъ», по ея смыслу.

Можетъ ли борода, въ предвамѣреніяхъ природы, составлять собою, какъ утверждали многіе, охрану лица отъ стужи, или другое гигіеническое средство? Но женское лицо подвержено всѣмъ вліяніямъ воздуха точно такъ же, какъ и мужское; а оно не защищено бородою. Кромѣ того, относительно къ цвѣту родъ человѣческій содержитъ въ себѣ четыре породы: бѣлокожую (круглоглазая), желтокожую (узкоглазая), краснокожую и чернокожую. Двѣ изъ нихъ бородатыя, а двѣ безбородыя. У негровъ и у красныхъ во-

все не растетъ борода, хотя красная порода распространяется черезъ самыя жаркія полосы до весьма-суровыхъ климатовъ, и къ югу и къ сѣверу. У негровъ даже и волосъ нѣтъ: на черепѣ растетъ немножко пуха, родъ овечьей шерсти—вотъ все. Племена самаго глубокаго сѣвера, смѣшанныхъ породъ, получили на свою долю только тѣнь бороды — пустѣйшую въ мірѣ бороду: курамъ насмѣхъ! Борода чистой узкоглазой породы, которая такъ дорожитъ бородою, рѣдка и ничтожна. Да и въ породѣ круглоглазой, бородатой по преимуществу, народы арабскаго корня не могутъ похвастаться богатствомъ своей бороды: бородки, а не бороды!... Прекраснѣйшія подъ солнцемъ бороды растутъ именно тамъ, гдѣ онѣ всего менѣе нужны для защиты отъ холода: въ Италіи, Греціи, Малой Азіи и сѣверной Персіи.

Изъ всего видно, что борода, по дѣламъ природы, означаетъ нѣчто совсѣмъ особенное въ организмѣ, противное красотѣ и безполезное для здоровья: какое-то уклоненіе отъ установленнаго порядка, которое очень-любопытно изслѣдовать и постигнуть.

Почему бороды нѣтъ у женщины и почему она есть у мужчины, въ нѣкоторой части нашего рода, и что́ было бы съ человѣкомъ, если бы онъ былъ весь борода, о томъ у насъ послѣдуютъ пункты.

XXI.

23 декабря 1856 г.

А я все-еще держусь за бороду! Меня ужасно занимаетъ вопросъ: ежели бриться мужчинѣ такъ стыдно, ежели борода такая прелесть, такая мудрость, такое благодѣяніе, то что́ было бы съ человѣкомъ, если бы онъ былъ весь борода? Вы знаете, господа, что съ этимъ вопросомъ крѣпко связывается другой вопросъ, чрезвычайно-важный и въ высшей степени современный: почему борода есть у васъ, и почему бороды нѣтъ у вашихъ возлюбленныхъ? Всякій разъ, какъ влюблялся въ женщину, я спрашивалъ себя и вамъ очень совѣтую то же самое: на какомъ основаніи бороды у нея не имѣется? какъ могу я любить человѣка безъ бороды, когда у меня, человѣка, борода такая чудесная? Я знаю, что есть люди, которые влюбляются, и любятъ, и, пожалуй, готовы еще жениться, ничего не разбирая; но я не таковъ: я привыкъ дѣлать все основательно; я хочу прежде всего разобрать и видѣть, откуда эта странная разница между моимъ лицомъ и лицомъ моей возлюбленной, когда мы оба влюбились собствен-

но въ лицо, или сквозь лицо, или посредствомъ лица, когда въ лицѣ сидитъ весь человѣкъ, когда безъ лица влюбиться нельзя?

Я не говорю о моей возлюбленной. Она — женщина; а для женщины наружная красота — не великая важность въ мужчинѣ. Красивое лицо мужчины восхищаетъ и возбуждаетъ ее, какъ восхищаетъ и возбуждаетъ все красивое; но она можетъ влюбиться, и ужасно влюбиться, и при лицѣ совсѣмъ-некрасивомъ: только безъ лица никакъ не можетъ. Многія женщины чувствуютъ даже невольное отвращеніе отъ записныхъ красавцевъ, считая красоту своею исключительной собственностью и поразительную миловидность въ мужчинѣ посягательствомъ съ его стороны на главную силу ея, слабаго существа, которое красотою только и можетъ побѣдить и держать подъ башмакомъ этого великана. Природа сама даетъ женщинѣ инстинктивное сознаніе той истины, что красота лица у мужчины уменьшаетъ ея личную силу, ограничиваетъ ея средства къ достиженію своего счастія, дѣлаетъ ея хранителя, хозяина, владыку земли, султана, раба уже слишкомъ-сильнымъ для его тоненькой, паутинной слабости. Но все это бабьи чувства и бабьи дѣла. Я же, великанъ, я, владыка земли, я, султанъ, я поставляю красоту первымъ условіемъ моего наслажденія. Странно! почему же, при моей султанской бородѣ, ищу я, для моихъ восторговъ и моей любви, непремѣнно лица безъ бороды? Видно, борода-то моя—

дрянь какая-нибудь, безвкусная и неприличная, которою загромоздили мнѣ лицо, пожалуй, быть-можетъ, длятого, чтобы я не перепугалъ всѣхъ женщинъ моей невыносимою красотою и, въ заключеніе — чего добраго! — самъ въ себя не влюбился!

Долой! борода моя, бородушка! борода моя султанская!... Сбрить ее и выбросить на мусорную кучу! Что̀ за стыдъ мужчинѣ бриться? Великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, мой профессоръ древнихъ и новѣйшихъ птичьихъ, четвероногихъ и рыбьихъ языковъ, брился безъ всякаго стыда: напротивъ, утверждалъ, что онъ брѣется изъ стыдливости, потому-что бороды, говоритъ, не должно показывать; борода, говоритъ, относится къ секретнымъ дѣламъ и, кромѣ-того, придаетъ порядочному человѣку особенный запахъ, въ-родѣ козлинаго, который для привычныхъ не замѣтенъ, но для носовъ другихъ породъ, для безбородыхъ, очень ощутителенъ и непріятенъ. Южные китайцы, у которыхъ борода очень скудна, увѣряютъ, будто небритый европеецъ пахнетъ не совсѣмъ-благоуханно, а бородатый еще противнѣе. Въ самой Европѣ нѣкоторыя особы съ чувствительнымъ обоняніемъ, преимущественно изъ безбородаго пола, вполнѣ согласны съ мнѣніемъ китайцевъ, и физіологія вовсе не намѣрена спорить съ ними.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ этомъ непріятномъ, но положительномъ обстоятельствѣ, нужно

заглянуть въ нашъ бездонный желудокъ. Анатомію вы знаете отлично. Вы знаете этотъ мѣшокъ изъ толстой замши съ предлинною трубою, о которомъ еще Гомеръ сказалъ гдѣ-то въ «Одиссеѣ», исчисливъ различныя бѣдствія и страданія человѣчества: «А всему виноватъ *мерзавецъ желудокъ*!» Вы знаете и эту чудную механику тысячи перепутанныхъ и переплетенныхъ трубочекъ, нитокъ, насосовъ, шприцевокъ, губокъ, цѣдилокъ, ситокъ, всякихъ разныхъ приборовъ, которая вытягиваетъ изъ желудка, моетъ, чиститъ, просѣваетъ, краситъ и разноситъ по тѣлу все годное для починки и содержанія его въ возможной исправности, выгоняя вонъ въ то же время все негодное и лишнее. Изъ замшевыхъ стѣнокъ желудка струится въ него сокъ особеннаго вкуса и свойства, сокъ «желудочный», назначенный способствовать къ броженію, размывкѣ, переваркѣ и полному растворенію всего, что́ изъ принятой пищи можетъ раствориться и быть введено въ кровь. Изъ этого раствора приборъ трубочекъ, вдѣланныхъ въ стѣнки желудка, стряпаетъ предварительно оржадъ — бѣлую кровь, если угодно — или полукровь, которая прежде всего течетъ по разнымъ трубкамъ къ сердцу, рядомъ съ настоящею, или старою кровью, изъ сердца переходитъ въ легкія, тамъ окрашивается въ красный цвѣтъ, а оттуда, смѣшанная со старою кровью, разносится по всему тѣлу тоже трубочками, которыхъ тончайшіе кончики упираются въ кожу. Изъ этой-то

красной влаги безпрерывно лѣпится въ насъ новый человѣкъ намѣсто стараго человѣка, который испаряется дыханіемъ и улетаетъ газами. Для очистки крови есть два рѣшета или сита, двѣ очень-искусно устроенныя цѣдилки: печень и кожа. Первая отдѣляетъ изъ нея острую примѣсь (жолчь) и лишнюю воду: для жолчи есть особенный мѣшочекъ, для лишней воды—пузырь, изъ котораго она уходитъ своимъ путемъ, по-принадлежности. Этотъ приборъ достаточенъ для приданія крови нужной степени плотности и чистоты; но онъ не мѣрило ея количества. Желудокъ почти всегда выработываетъ бѣлой крови, а легкія и печень красной крови гораздо-больше, чѣмъ нужно для всѣхъ потребностей тѣла: вся эта избыточная или запасная кровь пригоняется къ губчатой подстилкѣ другаго сита—кожѣ—гдѣ заплетаются кончики кровоносныхъ трубочекъ и нервовъ. Жидкая часть избытка, вода, можетъ испариться сквозь поры кожи; но остальная густая часть—куда дѣвать ее? Вотъ она-то и выгоняется сквозь сито кожи въ видѣ тоненькихъ и мягкихъ макароновъ, упругихъ трубочекъ: волосъ, шерсти. Производство это очень похоже на «заведеніе *макароннаго издѣлія*». Густая часть избыточной крови, будучи выжата сквозь кожу, крѣпнетъ въ воздухѣ, принимаетъ свойства роговаго вещества и является волосомъ. Бычачій, бараній, или козлиный рогъ не что иное, какъ одинъ большой, толстый волосъ. Часто рога и вьются такъ же, какъ кудря-

вые волосы, неправильнымъ полу-кругомъ, или толстымъ локономъ. Если тоненькій волосъ достаточно увеличить въ стекло, то онъ представляетъ прямой волосъ рога. Но если разодрать рогъ на волокна, то оказывается, что рогъ бычачій, или всякій другой рогъ состоитъ изъ многихъ тысячъ волосъ, сплоченныхъ и склеенныхъ, но такъ, чтобы коренная форма волоса не утрачивалась. Когда быкъ бодаетъ рогомъ, то онъ бодаетъ *однимъ волосомъ* или, если угодно, пучкомъ волосъ, сплоченныхъ въ одинъ толстый волосъ. У оленя тонкіе волоски этого пучка свертываются и сплачиваются такъ, что рогъ принимаетъ видъ губчатаго дерева съ сучьями и узлами: если распилить его на живомъ олснѣ, то изнутри сочится густая кровь. Эти рога ежегодно выростаютъ до непомѣрной величины и тяжести, сохраняя всегда одну и ту же форму относительно къ узламъ и вѣтвямъ, и сваливаются сами собою, отколовшись отъ лба собственною тяжестью: столько избыточной крови выбрасываетъ кожа сквозь ткань свою у этого животнаго! Оно очень страдаетъ и во время роста и при паденіи этихъ огромныхъ и безполезныхъ лѣсовъ, которые собственно родъ племянной болѣзни, а не оружіе, или украшеніе головы. У людей, въ извѣстной болѣзни головы, которую зовутъ «колтуномъ», повторяется то же самое явленіе. Кожа такъ быстро и обильно изгоняетъ изъ себя избыточную кровь, что она не успѣваетъ, хорошо окрѣпнувъ, образовать во-

лосяныя трубки; часть ея набѣгаетъ внутро волосъ и остается тамъ въ видѣ испорченной крови. Волосы сплачиваются безобразными узлами и вѣтками. Все тѣло страдаетъ. Можно сказать: у человѣка растутъ оленьи рога, или: у оленя — не рога, а родъ колтуна.

Колтунъ болѣзнь не племянная, а мѣстная. Она искони занимаетъ длинную и довольно-широкую полосу земли, которая начинается у границъ Курляндіи, проходитъ черезъ Литву, Волынь, Галицію и оканчивается въ Венгріи. За предѣлы своей полосы она не выступаетъ. Это очень похоже на образъ распространенія нѣкоторыхъ породъ инфузорій и водорослей. Иностранцы, пріѣхавшіе въ колтунную полосу изъ далекой стороны, получаютъ колтунъ иногда черезъ девять дней. Туземцы колтунной полосы обыкновенно освобождаются отъ этой гадкой болѣзни, переселясь въ другой край. Какъ колтунъ развивается не только у людей, но и у животныхъ этой полосы, вовсе не питающихся тѣми растеніями, которыя употребляетъ человѣкъ, то явственно одна вода — причиною недуга, вода, то-есть какое-нибудь незримое животное, или другое органическое вещество, распространенное въ водахъ колтунной полосы. Очень-вѣроятно, что и великорогіе олени обязаны своимъ бѣдовымъ головнымъ убранствомъ причинѣ того же рода, скрывающейся въ ихъ родимыхъ болотахъ и мхахъ. Во-всякомъ-случаѣ, то и другое происходитъ не отъ кореннаго распоряженія приро-

ды, но отъ желудка, отъ пищи, которой нераздѣльная часть — вода, отъ того, что въ какой сторонѣ переходитъ въ кровь черезъ желудокъ; то и другое—простыя мѣстныя неправильности въ организмѣ, причиняемыя—коротко сказать—*климатомъ*, потому-что и родъ пищи, и образъ жизни, и качества воды, и свойства таинственныхъ существъ водянаго міра,—все это вполнѣ зависитъ отъ климата.

Мнѣ ли учить васъ? Вы лучше моего знаете, изъ физіологіи, изъ анатоміи, изъ всякихъ разныхъ наукъ и научностей, что два пучка волосъ, которые торчатъ у васъ на двухъ половинкахъ подбородка и разростаются по щекамъ до самыхъ глазъ, образуя собою вашу знаменитую бороду, что это тѣ самые два пучка, которые въ другихъ формахъ органической жизни, поселясь на лбу, сплачиваются въ рога различныхъ видовъ. Лобъ человѣческій природа устроила для цѣли гораздо-высшей, а не для роговъ: такъ этимъ путемъ не могъ извергнуться избытокъ густой подкожной крови, въ какомъ бы климатѣ человѣкъ ни обрѣтался. Вотъ онъ и нашелъ себѣ дорогу черезъ подбородокъ и щеки. Нужно же было выкинуть куда-нибудь остающуюся отъ употребленія кучу кровяной гущи! Бо́льшая часть круглоглазой породы, по-милости своихъ климатовъ, ѣстъ и пьетъ такъ много, производитъ въ себѣ столько лишней крови, что организму некуда дѣвать ее. Онъ и гонитъ ее, куда попало, гдѣ ни найдетъ удобныя къ тому

скважинки, не думая вовсе о томъ, испортитъ ли лицо, или нѣтъ, обезобразитъ ли круглоглазаго щеголя, или сдѣлаетъ изъ него нѣчто удивительно-изящное. И, по-моему, природа, запретивъ бородѣ рости на лбу, распорядилась премудро: допусти она избытку подкожной крови образовать себѣ два главныя жерла изверженія, два куста волосъ надъ бровями, здѣсь бы они непремѣнно, на такомъ близкомъ разстояніи отъ передняго мозга, слѣпились въ претолстые рога, и человѣкъ никогда бы не изобрѣлъ ни штыка, ни пушки: нашелъ бы, что этого не нужно — можно атаковать крѣпость и рогами.

Какъ бы то ни было, въ бородѣ я до-сихъ-поръ не вижу никакого глубокомыслія въ преднамѣреніи, ни малѣйшаго желанія украсить, или отличить мужчину: случайность, накликанная климатами и желудкомъ на нѣкоторую часть человѣческаго рода, простое изверженіе подкожной нечистоты, съ полу-гнилымъ запахомъ и со множествомъ существенныхъ неудобствъ, для лица въ-особенности и для всего тѣла вообще. Хлопотъ прóпасть, пользы рѣшительно никакой; а безобразіе положительно и несомнѣнно, не говоря о неизбѣжномъ вліяніи на отяжелѣніе и головы и прочаго. Тѣ же оленьи рога!

Въ другихъ, низшихъ формахъ организма природа...

Вы знаете, чтó такое называемъ мы природою. Это — установленный всеблагимъ Провидѣніемъ

порядокъ бытія, воспроизведенія и примѣненія къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ всего созданнаго Творцомъ Всевышнимъ.

Въ другихъ, низшихъ, формахъ организма природа употребила эту подкожную нечистоту въ явственную для животныхъ пользу, съ несомнѣнною цѣлью доставить имъ удобство, наслажденіе, счастіе, часто даже и красоту. И особенно еще замѣчательно то, что, какъ животнымъ не дано разума, она замѣнила у нихъ умъ и геній подкожною нечистотою. Средство, если хотите, необычайное, но чрезвычайно-простое и вѣрное. Кчему имъ умъ (будутъ только дѣлать глупости!), когда изъ подкожной нечистоты можно устроить для нихъ полное и всегда готовое счастіе, какого и съ умомъ нелегко достигнуть на землѣ! Почему у животныхъ нѣтъ бороды? У козла, правда, есть испанская бородка—третій пучекъ волосъ, кромѣ тѣхъ двухъ, которые превратились въ рога; зато же и пахнетъ онъ очень-пріятно. Но, вообще, у животныхъ бороды нѣтъ потому, что все животное — борода. Излишекъ запасной крови, который извергается въ цѣломъ нашемъ родѣ черезъ кусокъ кожи, лежащій на черепѣ, а у нѣкоторыхъ породъ еще на-придачу и черезъ подбородокъ до самыхъ скулъ, этотъ излишекъ разведенъ у четвероногихъ подъ всю ихъ кожу и, извергаясь сквозь всю ея поверхность въ видѣ шерсти, щетинъ, волосъ, образуетъ на нихъ богатыя шубы. Въ этихъ шубахъ имъ такъ же отрадно,

какъ намъ въ великолѣпнѣйшихъ хоромахъ, въ англійскомъ сукнѣ, во французскомъ бархатѣ, въ итальянской шляпѣ. Блаженство безпримѣрное! Работать вовсе не нужно. Ѣсть, пить, гулять и спать — вотъ все занятіе. Развѣ человѣкъ желаетъ для себя что-нибудь болѣе? Немногіе размышляютъ о томъ, какъ природа явила себя щедрою на радость и счастіе для животныхъ, какой раекъ устроила она имъ изъ ничего—изъ подкожной нечистоты—какъ однимъ распространеніемъ бороды на все тѣло освободила ихъ отъ всѣхъ заботъ, хлопотъ, кручинъ, печалей, терзаній! Оттого они всегда веселы, всегда довольны, вѣчно дѣти, ребятишки! живутъ да играютъ! Ѣсть: ну, это бездѣлица! многое ли нужно? вездѣ добудешь насущный кусокъ, побѣгавъ немножко поутру. Пить: вода повсюду готова. Для сна и гуляній — времени пропасть. Не надо строить дома, не надо думать объ уплатѣ въ срокъ за квартиру, не надо ни рубить дрова, ни таскать воду въ верхній этажъ; нечего даже хлопотать о паспортѣ за границу и занимать деньги на поѣздку къ водамъ. Полная независимость отъ всякихъ житейскихъ обязанностей! Если бы человѣкъ былъ весь борода, если бы природа пожаловала и ему такую чудесную полсть, какъ медвѣдю, и онъ [illegible]лалъ бы то же самое, непремѣнно: умъ бы [illegible] въ крапиву, лежалъ бы на боку, ѣлъ бы [illegible] пилъ бы себ[illegible]евую воду, пр[illegible] веселился, ш[illegible] кошка, ужь [illegible]

не ткалъ бы платьевъ и не строилъ бы домовъ да и вообще не изобрѣталъ бы ничего: кчему? развѣ возиться съ затѣями, ломать себѣ спину и голову, трудиться въ потѣ чела—счастіе? Мы давно знаемъ, что нѣтъ! Былъ бы себѣ медвѣдь, такой же, какъ и настоящіе медвѣди, и еще немножко-счастливѣе, потому-что независимѣе настоящихъ: не было бы кому и для кого водить его на цѣпи, принуждать палкою выдѣлывать трудныя па иностранныхъ танцевъ и представлять—скажите, медвѣжье ли это дѣло?—какъ румянятся деревенскія дѣвки. Былъ бы, просто, дуракъ, если бы вздумалъ что-нибудь работать. Полсть достаточно защищаетъ отъ мороза и вѣтра. Она же вмѣстѣ и матрацъ. Спалъ бы себѣ всю зиму, впросонкахъ сосалъ бы лапу, а весной пошелъ бы гулять по-міру—ловить барановъ и грабить пчелъ. Домъ не нуженъ: такъ нѣтъ и заботъ домашней жизни. На чистомъ воздухѣ отраднѣе. У меня есть собака, большая, дворовая, съ богатѣйшею полстью и совсѣмъ не глупая: напротивъ, удивительно-тонкая и хитрая, когда ей хочется полѣниться, или обмануть дворника. У нея есть чудесная будка, построенная со вкусомъ и всякими удобствами, теплая, мягкая, устланная и обитая внутри войлоками и сукномъ, и есть прекрасныя связи въ кух[illegible] покровители, покровительницы, искренніе и [illegible]цемѣрные друзья. Что же! она не любит[illegible]ваться ни въ прохладн[illegible] будкѣ, одна, ни въ [illegible] кухнѣ, въ хорош[illegible] обществѣ:

отобѣдавъ, она выходитъ въ трескучій морозъ на дворъ и ложится спать на снѣгу, и спитъ отлично: когда ее будитъ дворникъ, человѣкъ съ манерами немножко-угловатыми, она притворяется, будто не слышитъ, опасаясь, что, изъ отеческой заботливости объ ея здоровьѣ и удовольствіи, велятъ ей лежать въ будкѣ. Лѣтомъ, возлѣ будки, въ прохладномъ мѣстѣ, кладутъ ей соломенный тюфякъ: нѣтъ! она идетъ на улицу и растягивается на острыхъ камняхъ мостовой. Но въ томъ, что она совершенно счастлива, я представить могу самыя вѣрныя поручительства. Я часто вижу, съ какимъ удивленіемъ, задумчиво смотритъ она на своего пріятеля-дворника, когда тотъ колетъ дрова, таскаетъ связки, или перебрасываетъ снѣгъ лопатою, и слышу, какъ она говоритъ про-себя, на языкѣ четвероногихъ: «Странно!... право, непонятно!... ну, какое удовольствіе находятъ люди работать?... лежали бы себѣ на снѣгу... или на мостовой... Впрочемъ, и то правда: природа ужасно обидѣла человѣка!... голъ какъ соколъ!... шерсти ни слѣда!... клочка два на щекахъ; да что́ отъ нихъ толку, когда спина и брюхо какъ зеркало? Бѣдные эти люди!... Впрочемъ, кушаютъ хорошо, нечего сказать. Да чего это имъ сто́итъ!...»

Въ томъ-то и сила: у человѣка нѣтъ природной шубы! Даны ему и разумъ, и воображеніе и любопытство, этотъ источникъ знанія, и геніальная проницательность, дана ктому еще ру-

ка, чудно устроенная и способная осуществить все задуманное; но природа не довѣряла ни его уму, ни его рукѣ и, для всякой предосторожности, тщательно лишила тѣло шерсти и весь избытокъ крови согнала въ одно мѣсто, на черепъ, чтобы онъ тамъ выжимался-себѣ длинными-предлинными палочками подъ названіемъ «волосъ», образуя крышку, не освобождающую отъ необходимости въ хорошей фуражкѣ, однако полезную къ прикрытію головы въ посредственно-жаркое, или холодное время и къ притупленію легкихъ ударовъ. Вотъ человѣкъ и принужденъ употребить весь свой умъ и всѣ руки въ дѣло: нагъ! холодно! непріятно! стыдно! дѣлать нечего, надо изобрѣтать станки, иголки, ножницы, ножи, ткать, шить, одѣваться. Да этого мало: осенью платье промокнетъ, зимою оледенѣетъ: надо строить домъ, пилить, строгать, обтесывать камни. Лиха бѣда начало: умъ расходился, заработалъ порядочную долю наслажденія и счастія, а тамъ уже и полюбилъ трудъ. Подоспѣло воображеніе, вскочилъ на ноги геній, родился вкусъ, мало-по-малу составилось знаніе, и вотъ отъ рогожи изъ пальмовыхъ волоконъ человѣкъ дошелъ до электрическихъ телеграфовъ, потому только, что онъ не весь борода.

Замѣтьте, что всѣ удивительныя открытія, всѣ важныя изобрѣтенія, всѣ чудеса науки и искусства совершены породами брѣющимися. Борода не выдумала ничего мутнаго: тянетъ

человѣка назадъ — къ прошедшему — къ пустой мечтѣ, и ничего больше. Скажите, не правъ ли я, уговаривая васъ, милые друзья мои — убѣдительнѣйше, всепокорнѣйше, пожалуйста — умоляю, не возвращайтесь къ бородѣ! благодарите великаго человѣка, мудраго и славнаго творца новѣйшей Россіи, за то, что онъ сорвалъ съ насъ бороду! не слушайтесь коварныхъ философовъ, которые длятого только хотѣли бы воскресить покойную старину, что надѣются водить васъ за бороды да и отвести вдругъ къ азіятству, не понимая сами, что́ оно такое. Скажу вамъ примѣромъ: я-таки люблю полѣниться, хотя умъ мой и твердитъ мнѣ: нехорошо! лѣниться не надо! мы должны идти все впередъ. Думаю: отчего, бишь, это? Снимаю съ себя мѣрку: оказывается, что вся кожа моя составляетъ 16 футовъ и 2 квадратные дюйма поверхности, а часть, поросшая волосами на головѣ и на лицѣ — борода у меня окладистая — 2 фута и 2 дюйма, то-есть восьмую часть всего корпуса. Значитъ, я осьмушка медвѣдя! Осьмушка медвѣжей лѣни уже во мнѣ есть. Ну, долго ли мнѣ сдѣлаться полнымъ медвѣдемъ! Не забудьте, что, хотя у человѣка вся лишняя кровь и направлена къ надчерепной кожѣ, хотя особенная подкожная нечистота и вылѣзаетъ изъ меня въ образѣ огромной бороды, однако, полный приборъ къ выгонкѣ этой нечистоты сквозь всю поверхность кожи оставленъ природою на мѣстѣ. Это доказывается тѣмъ тонкимъ пухомъ, который

растетъ повсюду на нашей кожѣ и, въ разныхъ мѣстахъ, особенно на ногахъ и на груди, нерѣдко принимаетъ видъ рѣдкихъ волосъ. Многое ли нужно, чтобы климаты измѣнились — ученые мужи даже стращаютъ насъ этого рода пріятностями: ну, а какъ на долю круглоглазыхъ прійдется такой климатъ, что крови будетъ производиться въ нихъ втрое противъ нынѣшняго, вѣдь этотъ непомѣрный избытокъ разольется по всей подкожной ткани и все наше тѣло покроется полстью, весь человѣкъ будетъ одна борода и заживетъ прямымъ медвѣдемъ! Великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, правду говоритъ, что судьба человѣчества... «виситъ на волоскахъ!» Лишь-только прощусь съ вами сегодня, тотчасъ же сбрѣю свою окладистую бороду. Не хочу быть даже и осьмушкою медвѣдя! Кчему мнѣ это?

Мы съ вами ужасно любимъ счетъ. Такъ станемте считать. У мужчинъ основательнаго, не очень-жиденькаго сложенія, каковы, напримѣръ, мы съ вами, если обстоятельства мѣшаютъ имъ бриться регулярно, борода въ четверо сутокъ вырастаетъ на полную осьмушку дюйма и даже болѣе. Это каждый можетъ измѣрить на своей персонѣ; я, на моей, измѣрялъ множество разъ. Слѣдовательно, въ мѣсяцъ борода должна вырастать на цѣлый дюймъ, въ годъ — на 12 дюймовъ, въ 12 лѣтъ—на 144 дюйма, или полныя 2 сажени. Въ 24 года борода у насъ должна достигать 4 саженъ, а въ 30 лѣтъ ровно 5

отобѣдавъ, она выходитъ въ трескучій морозъ на дворъ и ложится спать на снѣгу, и спитъ отлично: когда ее будитъ дворникъ, человѣкъ съ манерами немножко-угловатыми, она притворяется, будто не слышитъ, опасаясь, что, изъ отеческой заботливости объ ея здоровьѣ и удовольствіи, велятъ ей лежать въ будкѣ. Лѣтомъ, возлѣ будки, въ прохладномъ мѣстѣ, кладутъ ей соломенный тюфякъ: нѣтъ! она идетъ на улицу и растягивается на острыхъ камняхъ мостовой. Но въ томъ, что она совершенно счастлива, я представить могу самыя вѣрныя поручительства. Я часто вижу, съ какимъ удивленіемъ, задумчиво смотритъ она на своего пріятеля-дворника, когда тотъ колетъ дрова, таскаетъ связки, или перебрасываетъ снѣгъ лопатою, и слышу, какъ она говоритъ про-себя, на языкѣ четвероногихъ: «Странно!... право, непонятно!... ну, какое удовольствіе находятъ люди работать?... лежали бы себѣ на снѣгу... или на мостовой... Впрочемъ, и то правда: природа ужасно обидѣла человѣка!... голъ какъ соколъ!... шерсти ни слѣда!... клочка два на щекахъ; да что́ отъ нихъ толку, когда спина и брюхо какъ зеркало? Бѣдные эти люди!... Впрочемъ, кушаютъ хорошо, нечего сказать. Да чего это имъ сто́итъ!...»

Въ томъ-то и сила: у человѣка нѣтъ природной шубы! Даны ему и разумъ, и воображеніе, и любопытство, этотъ источникъ знанія, и геніальная проницательность, дана ктому еще ру-

ка, чудно устроенная и способная осуществить все задуманное; но природа не довѣряла ни его уму, ни его рукѣ и, для всякой предосторожности, тщательно лишила тѣло шерсти и весь избытокъ крови согнала въ одно мѣсто, на черепъ, чтобы онъ тамъ выжимался-себѣ длинными-предлинными палочками подъ названіемъ «волосъ», образуя крышку, не освобождающую отъ необходимости въ хорошей фуражкѣ, однако полезную къ прикрытію головы въ посредственно-жаркое, или холодное время и къ притупленію легкихъ ударовъ. Вотъ человѣкъ и принужденъ употребить весь свой умъ и всѣ руки въ дѣло: нагъ! холодно! непріятно! стыдно! дѣлать нечего, надо изобрѣтать станки, иголки, ножницы, ножи, ткать, шить, одѣваться. Да этого мало: осенью платье промокнетъ, зимою оледенѣетъ: надо строить домъ, пилить, строгать, обтесывать камни. Лиха бѣда начало: умъ расходился, заработалъ порядочную долю наслажденія и счастія, а тамъ уже и полюбилъ трудъ. Подоспѣло воображеніе, вскочилъ на ноги геній, родился вкусъ, мало-по-малу составилось знаніе, и вотъ отъ рогожи изъ пальмовыхъ волоконъ человѣкъ дошелъ до электрическихъ телеграфовъ, потому только, что онъ не весь борода.

Замѣтьте, что всѣ удивительныя открытія, всѣ важныя изобрѣтенія, всѣ чудеса науки и искусства совершены породами брѣющимися. Борода не выдумала ничего мутнаго: тянетъ

человѣка назадъ — къ прошедшему — къ пустой мечтѣ, и ничего больше. Скажите, не правъ ли я, уговаривая васъ, милые друзья мои — убѣдительнѣйше, всепокорнѣйше, пожалуйста — умоляю, не возвращайтесь къ бородѣ! благодарите великаго человѣка, мудраго и славнаго творца новѣйшей Россіи, за то, что онъ сорвалъ съ насъ бороду! не слушайтесь коварныхъ философовъ, которые длятого только хотѣли бы воскресить покойную старину, что надѣются водить васъ за бороды да и отвести вдругъ къ азіятству, не понимая сами, что̀ оно такое. Скажу вамъ примѣромъ: я-таки люблю лѣниться, хотя умъ мой и твердитъ мнѣ: нехорошо! лѣниться не надо! мы должны идти все впередъ. Думаю: отчего, бишь, это? Снимаю съ себя мѣрку: оказывается, что вся кожа моя составляетъ 16 футовъ и 2 квадратные дюйма поверхности, а часть, поросшая волосами на головѣ и на лицѣ — борода у меня окладистая — 2 фута и 2 дюйма, то-есть восьмую часть всего корпуса. Значитъ, я осьмушка медвѣдя! Осьмушка медвѣжей лѣни уже во мнѣ есть. Ну, долго ли мнѣ сдѣлаться полнымъ медвѣдемъ! Не забудьте, что, хотя у человѣка вся лишняя кровь и направлена къ надчерепной кожѣ, хотя особенная подкожная нечистота и вылѣзаетъ изъ меня въ образѣ огромной бороды, однако, полный приборъ къ выгонкѣ этой нечистоты сквозь всю поверхность кожи оставленъ природою на мѣстѣ. Это доказывается тѣмъ тонкимъ пухомъ, который

растетъ повсюду на нашей кожѣ и, въ разныхъ мѣстахъ, особенно на ногахъ и на груди, нерѣдко принимаетъ видъ рѣдкихъ волосъ. Многое ли нужно, чтобы климаты измѣнились — ученые мужи даже стращаютъ насъ этого рода пріятностями: ну, а какъ на долю круглоглазыхъ прійдется такой климатъ, что крови будетъ производиться въ нихъ втрое противъ нынѣшняго, вѣдь этотъ непомѣрный избытокъ разольется по всей подкожной ткани и все наше тѣло покроется полстью, весь человѣкъ будетъ одна борода и заживетъ прямымъ медвѣдемъ! Великій санскритскій философъ, раджа Ксутра-Брахмапутра, правду говоритъ, что судьба человѣчества... «виситъ на волоскахъ!» Лишь-только прощусь съ вами сегодня, тотчасъ же сбрѣю свою окладистую бороду. Не хочу быть даже и осьмушкою медвѣда! Кчему мнѣ это?

Мы съ вами ужасно любимъ счетъ. Такъ станемте считать. У мужчинъ основательнаго, не очень-жиденькаго сложенія, каковы, напримѣръ, мы съ вами, если обстоятельства мѣшаютъ имъ бриться регулярно, борода въ четверо сутокъ вырастаетъ на полную осьмушку дюйма и даже болѣе. Это каждый можетъ измѣрить на своей персонѣ; я, на моей, измѣрялъ множество разъ. Слѣдовательно, въ мѣсяцъ борода должна вырастать на цѣлый дюймъ, въ годъ — на 12 дюймовъ, въ 12 лѣтъ—на 144 дюйма, или полныя 2 сажени. Въ 24 года борода у насъ должна достигать 4 саженъ, а въ 30 лѣтъ ровно 5

саженъ или 20 шаговъ длины. А у меня борода только до колѣнъ! У васъ и этого нѣтъ: какія-нибудь девять-десять дюймовъ, и далѣе не растетъ. Что́ же вы себя не спрашиваете: куда пропадаетъ ваша борода? почему кожа дѣйствуетъ неровно, отчего изверженіе подкожной нечистоты остановилось? Это очень-важно! Спросите.

Теперь, простое замѣчаніе. Можно ли предполагать, чтобы бо́льшая часть бородатаго человѣчества стала съ незапамятныхъ временъ употреблять противъ бороды бритву, ножницы, ѣдкую глину и разныя другія истребительныя средства единственно изъ разсчетовъ красоты, или помѣхи къ дѣятельности, чтобы пользы здоровья были въ этомъ дѣлѣ совершенно выпущены изъ вида? Каждый знаетъ, что бритье и частая стрижка ускоряютъ ростъ волосъ,—другими словами: возбуждаютъ бо́льшую дѣятельность въ кожѣ и усиливаютъ очищеніе крови и тѣла отъ подкожной нечистоты. Не такъ ли? Это, кажется, ясно. Чѣмъ длиннѣе роговая трубочка, волосомъ называемая, тѣмъ слабѣе ростъ ея, который, при извѣстной длинѣ и тяжести волоса, даже и совсѣмъ прекращается. Изъ этого слѣдуетъ, что бриться надо не для пустой потѣхи, а тоже и для здоровья, что борода—въ-сущности родъ племяннаго недуга, а вовсе не то, что́ забрали себѣ въ бороду историческіе философы, что бритому человѣку и легче на подъемъ и здоровѣе по всему тѣлу: кровь чистится, рѣзвѣе играетъ, въ головѣ ве-

селѣе; слѣдственно, всѣмъ частямъ организма сообщается нѣкоторая свѣжесть, мысль получаетъ бо́льшую ясность и быстроту. Это такъ вѣрно, что азіятцы, оставляя волосы на лицѣ, принуждены, рѣшительно уже для здоровья, для ускоренія очистки подкожной крови, брить себѣ, вмѣсто бороды, голову—мѣра ложная, потому-что кровь, превращающаяся въ надчерепные волосы, далеко не такого отяготительнаго свойства для головы и для дѣятельности мозга, вовсе не такая острая нечистота, какъ та избыточная или сверхштатная кровь, которая у мужчины начинаетъ обильно притекать къ подбородку, а потомъ и къ щекамъ, послѣ совершеннолѣтія, и исторгаться изъ кожи въ образѣ бороды, располагая его къ блаженству семейной жизни. Куда уходитъ избыточная и недобрая кровь этого же рода у нѣжныхъ существъ, которыя всегда готовы раздѣлять съ нами сказанное блаженство, это ихъ секретъ. Я не знаю, и физіологія не вмѣшивается въ эти дѣла. Извѣстно только то, что она не притекаетъ къ лицу и что, по этой причинѣ, бороды у нихъ быть не можетъ, за что́ мы ихъ и обожаемъ.

Милостивые государи, господа историческіе философы! если вы непремѣнно хотите ходить съ бородами, то благоволите же, въ то же время, выбрить себѣ головы. Вотъ будете красавцы! Но это необходимо. Здоровье ваше, конецъ-концовъ, драгоцѣннѣе для васъ вашихъ теорій.

Составляютъ ли усы часть бороды?

Нѣтъ! Борода сама по себѣ, а усы по себѣ. Усы появляются еще до совершеннолѣтія, хотя и достигаютъ полнаго развитія гораздо-позже. У весьма-многихъ женщинъ видны очень-милые усики. Слѣдовательно, это не борода. Усы, благоразумные, не простирающіеся до фанатизма и безвкусія, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена признавались украшеніемъ мужскаго лица, придающимъ ему видъ и воинственный и живописный. Я усы глубоко уважаю. Не ношу ихъ самъ; но это по причинѣ открытія Америки Христофоромъ Коломбомъ, а также и въ честь кяхтинской торговли съ Китаемъ. Не могу никакъ усовъ согласить съ табакомъ!... Курилъ ли сигары, курилъ ли трубку, нюхалъ ли табакъ, котораго не нюхаю, усы мои дотого пропитывались табачнымъ запахомъ, что я вездѣ и во всемъ ощущалъ чистый табакъ. Этотъ несносный запахъ табачнаго акролеина преслѣдовалъ меня повсюду. Вы знаете, что чай изъ чашки, или стакана пьютъ прежде наши усы, а потомъ уже мы сами; вино изъ рюмки—тоже. Средства не было: самый отличный чай, настоящій *ши-лунъ-ла-пхи-тхи-чунъ-гунъ-фань-линь-сянъ*, самый тонкій лафитъ, монраше, эрмитажъ, самые высокіе соусы моего повара,—все навѣвало на меня букетъ потухшей сигарки. И такъ какъ мои усы безпрестанно переносили часть соуса изъ пюре артишоковъ съ шампіонами или краснаго соуса съ португальскими луковками, въ соусъ изъ раковъ съ честеромъ и съ трюфелями, или въ соусъ изъ

гусиныхъ печенокъ съ чеснокомъ á la provençale, то смѣсь всѣхъ этихъ ароматныхъ соусовъ на усахъ и въ усахъ моихъ съ ароматомъ акролеина, никотина и никоціанина сигарокъ учреждала подъ моимъ носомъ, къ десерту, неподдѣльное благоуханіе табачной фабрики. Я сбрилъ усы и оставилъ только бороду, которую тоже уничтожу, завтра, вслѣдствіе нашей сегодняшней интересной бесѣды. И повара съ усами не возьму къ себѣ ни за какія деньги: не хочу, чтобы его мерзкіе усы купались въ моемъ обѣдѣ прежде моихъ высокоблагородныхъ губъ!

XXII.

31 декабря 1856 г.

Вотъ и тридцать-первое декабря! Завтра уже новый годъ. Завтра мы будемъ однимъ годомъ старѣе, но зато однимъ годомъ умнѣе. А умъ намъ нуженъ ужасно. Нечего намъ болѣе дѣлать въ этомъ тысяча-восемьсотъ-пятьдесятъ шестомъ году, сѣдомъ, дряхломъ, состарѣвшемся вконецъ, кашляющемъ послѣднимъ предсмертнымъ кашлемъ надъ могилою, вырытою собственной рукой. Пойдемте впередъ; пойдемте въ будущность. Будущность наша велика и свѣтла. Она насъ ждетъ; она насъ кличетъ. Идите, идите. Надо, однакожь, провожать старика съ честью. Заслужилъ!

Нечего сказать — добрый былъ годъ, слава Богу: принесъ намъ много радостей и много надеждъ; а смѣсь радости съ надеждою, друзья мои, это — счастіе. Одного только не принесъ: денегъ; да что же дѣлать, когда нигдѣ не могъ достать: предшественники—прошлые года—больно разорили кассу и опустошили карманы. Генеральное безденежье. Но въ деньгахъ ли сила? Развѣ нельзя быть счастливымъ безъ денегъ?

Боже мой! были бы радости, были бы надежды: деньги будутъ; у надежды денегъ много, на книгѣ; а у радости съ надеждою всегда есть наличное счастіе. Развѣ у насъ радостей не было? развѣ нѣтъ надеждъ? Какъ намъ не чувствовать нашего счастія? И какъ забыть, что этимъ счастіемъ обязаны мы единственно и исключительно доброму Царю нашему! Его отеческая заботливость о существенномъ благѣ Россіи великодушно подарила насъ первымъ изъ благъ земныхъ, миромъ, длятого, чтобы мы, не проливая долѣе крови нашей, которую готовы были пролить всю за честь Его престола, поскорѣе обратили наше пылкое патріотическое усердіе на развитіе силъ и средствъ родной земли русской и роднаго русскаго ума. Между-тѣмъ, какъ щедрая рука Его готовилась расточить отечеству милости, превышающія всякое ожиданіе, Его высокое благочестіе явило умилительное зрѣлище Самодержца, смиренно испрашивающаго постомъ и молитвою у Царя Царей благословенія своимъ трудамъ и благоденствія отъ нихъ своему народу: и съ какимъ восторгомъ присоединяли мы теплыя моленія наши объ Его счастіи и славѣ, съ какою радостью несли въ дань вновь вѣнчанному русскому Государю сердца, исполненныя глубокой преданности и живѣйшей признательности! Когда, недавно, зловѣщія тучи сбирались разразиться новою грозою надъ едва возстановленнымъ спокойствіемъ Европы, Его великодушіе поспѣшило еще разъ удалить отъ

насъ бѣдствія международныхъ раздоровъ, еще разъ обезпечить намъ будущіе успѣхи нашего матеріальнаго трудолюбія и нашего усердія къ умственному просвѣщенію. Не довольно ли на триста-шестьдесятъ-пять дней трехъ такихъ великихъ радостей?... не считая множества другихъ, менѣе всеобщихъ, или менѣе замѣтныхъ, которыя или непосредственно связываются съ ними, или относятся болѣе къ будущимъ пользамъ нашимъ, чѣмъ къ настоящимъ и насущнымъ. А надеждъ сколько! и какихъ утѣшительныхъ!

Слышите ли? слышите ли? бьетъ двѣнадцать часовъ. Полночь. Старый годъ, добрый годъ, кончается. Ура! За здоровье Царя нашего несравненнаго! Поблагодаримъ Его, Родимаго, отъ полноты русскаго сердца, за незабвенный годъ пятьдесятъ-шестой. Дай, Богъ, Ему многая лѣта! для совершенія всѣхъ его благихъ предначертаній. Дай намъ, Богъ, много ума, для уразумѣнія всей Его безпредѣльной благости! За здоровье обожаемой Матушки-Царицы! За здоровье всего Ихъ Августѣйшаго Дома! Ура! ура!! ура!!!

За наше собственное здоровье еще успѣемъ. Ночь длинна. Въ-заключеніе, дорогіе собесѣдники, предложу вамъ тостъ — за здоровье всѣхъ честныхъ и умныхъ слугъ Государевыхъ — сущихъ и будущихъ — которые такъ необходимы повсюду, длятого, чтобы великіе успѣхи Россіи не были только успѣхами на бумагѣ.

А на другой день, утромъ, поцалуемся и по-

здравимъ другъ друга съ новымъ годомъ, съ новымъ умомъ... Новый умъ намъ необходимъ. Надо же намъ дѣятельно учиться, просвѣщаться, образоваться, мыслить, разсуждать, работать, успѣвать по всѣмъ частямъ. Надо единодушно, всѣми силами и со всѣхъ сторонъ, помогать возлюбленному Царю къ искорененію остатковъ зла, къ развитію и воспитанію сѣмянъ возможнаго блага. Если мы дружно и усердно не пріймемся за дѣло, если собственною нашею нравственностью, просвѣщеннымъ и бдительнымъ умомъ, твердымъ общественнымъ мнѣніемъ, не пособимъ великодушнымъ усиліямъ Высочайшаго Труженика и Благодѣтеля отечества, то ожидаемые блестящіе успѣхи земли нашей, широкой и обильной, болѣе, чѣмъ сомнительны: ябеда разнесетъ ихъ на крючкахъ, невѣжество и, родная дочь его, низость принесутъ въ жертву гнусному личному разсчету, корыстолюбіе расхититъ, лихоимство продастъ все за безцѣнокъ.

Начало начато. Высокая судьба Россіи въ мощной и кроткой дѣсницѣ Царской, и Утро вечера мудрѣе. Временемъ называемое двинутъ впередъ, поддержатъ на ходу и благополучно совершатъ прекрасно начатое. Пылкіе умы могутъ не примѣчать движенія, потому-что оно не бѣжитъ опрометью, съ шумомъ и трескомъ, задѣвая за все безъ разбора, все ломая и опрокидывая на пути. Но, тѣмъ-не-менѣе, движеніе наше къ успѣхамъ, существеннымъ, не наружнымъ, не бумажнымъ, дѣйствительно. Терпѣніе,

пылкіе умы, терпѣніе! Кчему торопиться? Мы сидимъ; но мы идемъ. На палубахъ пароходовъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ вѣдь вы сидите преспокойно, а, между-тѣмъ, идете все-впередъ... и какъ быстро!... сами того не примѣчая. Посидите, пожалуйста, покамѣстъ, поучитесь порядкомъ, пообразуйте родной умъ и родные нравы, вытолкайте вонъ, въ степь, въ Азію, въ бусурманскую даль, лихоимство и хищничество твердымъ и умнымъ употребленіемъ роднаго слова. Слова-то этого только и боятся они. Слово клеймитъ и убиваетъ пороки; законъ безъ правдиваго и нелицемѣрнаго слова противъ нихъ безсиленъ. Привыкните думать и говорить, писать и читать не условныя сказки равнодушія къ общей пользѣ, не уловки хитраго корыстолюбія, не раболѣпную ложь эгоизма, но дѣло дѣльное и существенно-русское, настоящую правду Царскую: одни уже пары умчатъ насъ, между-тѣмъ, далеко впередъ.

Въ томъ-то и горе наше, среди всякаго счастія, среди явнаго благословенія небеснаго Руси православной-самодержавной: страшная язва, ядовитый ракъ, болѣзненно съѣдаетъ наше тѣло гражданское, останавливая всѣ опыты движенія, искажая самыя полезныя усилія мудрости, расхищая добро и наше и государственное, отравляя всѣ жилы народной и личной нравственности и бо́льшую часть успѣховъ нашихъ изъ дѣйствительныхъ превращая въ бумажные, кажущіеся, обманчивые. Эта язва,

этотъ ракъ, эта гадкая болѣзнь гражданскаго ума и сердца нашего — лихоимство, хищное и безстыдное, которому, лицемѣрнымъ молчаніемъ, дали мы время и средства усилиться непомѣрно въ виду всей нашей образованности. Изъ ложной стыдливости мы слишкомъ-долго скрывали тяжкій нашъ недугъ отъ самихъ себя, жеманясь назвать его по имени. Странно! новая образованность наша, при всей своей бодрости и силѣ, хотѣла непремѣнно идти путемъ стараго невѣжества и боязливой слабости, которыя всегда неумолимо взыскательны на приличія и благопристойности: подобно имъ, пугалась, обыкновенно, не злой вещи на дѣлѣ, а названія злой вещи на словахъ. Злую вещь саму брала она такимъ образомъ подъ защиту своего притворнаго невѣдѣнія и позволяла ей разрастаться и процвѣтать безпрекословно подъ сѣнью общаго объ ней молчанія. Многое другое еще, не совсѣмъ-доброе, кромѣ лихоимства, не вторглось бы къ намъ, не распространилось бы по русской землѣ, если бы мы нашли въ себѣ, во-время, мужественную смѣлость называть недобрыя вещи по имени и толковымъ, откровеннымъ словомъ обнаруживать ихъ негодную сторону здоровому уму и патріотическому чувству русскому. Такъ не станемъ же долѣе жеманиться—по-крайней-мѣрѣ—съ лихоимствомъ и будемъ преслѣдовать его въ рѣчахъ благонамѣренныхъ.

Но теперь, какъ годъ кончился, позвольте, милые друзья, милостивые читатели, расчесть-

ся съ вами въ употребленіи вашего времени и вашего терпѣнія. Бесѣдовали мы здѣсь съ вами откровенно, разсуждали серьёзно, шутили беззаботно, вздыхали печально ровно полгода — и что́ же мы получили? сколько этимъ тяжкимъ трудомъ заработали? По моему разсчету, ужасно-много! Цѣлыя двѣ идеи!... Двѣ идеи на шесть мѣсяцевъ—богатѣйшій доходъ для всякой порядочной и благоустроенной головы. Четыре идеи въ годъ: да это крезово богатство! Дай Богъ и вамъ и мнѣ всегда, пока мы живемъ, добывать себѣ каждый годъ по четыре идеи. Въ двадцать-пять лѣтъ у насъ будетъ ровно сто идей. Кто тогда сравнится съ нами въ мудрости? Многіе живутъ по ста лѣтъ, читаютъ по двѣсти, пишутъ по четыреста, въ глаза не видавъ ни одной идеи: и это, быть можетъ, самые счастливые люди, читатели, писатели. Идея—богатство, но, какъ хотите, а идеи очень обременяютъ голову: безпокойная собственность!... Иногда одной идеи достаточно, чтобы сойдти съ ума, если голова построена не на заказъ, а такъ—«какъ-нибудь»—что́ очень часто случается съ головами. Попадись, примѣромъ сказать, въ такія головы идея «фабричность»: тотчасъ начинаютъ вертѣться жерновомъ и молоть вздоръ. Идей нельзя ни выдумывать, ни открывать: онѣ существуютъ сами по себѣ и Богъ-знаетъ какъ и откуда залѣзаютъ подъ черепъ. Овладѣвъ нашимъ мозгомъ, идея уже не оставитъ его, пока не высосетъ изъ него столько ума и мысли,

сколько допускаетъ объемъ ея, и не отвалится своей собственною тяжестью, какъ піявка:

Non missura cutem nisi plena cruoris hirudo.

Все, что вы можете сдѣлать съ идеей, это — поймать, развернуть, распутать, или, какъ говорятъ мудрецы, привести въ ясность. Тогда она ваша. Тогда всѣ вамъ оказываютъ почетъ, какъ козяину ужасной рѣдкости—идеи! Разсчитите же теперь, какіе мы съ вами великіе люди: у насъ двѣ идеи!... въ шесть мѣсяцевъ двѣ идеи привели мы въ ясность, и, кажется, достаточно-ясную, совершенно убѣдительную.

Первая идея — что фабричность Россіи не предназначена Россіи самою природою. Подъ сильною защитою самой великодушной и долговременной протекціи мы выучились только — производить издѣлія низкаго, или обманчиваго качества и продавать ихъ, съ маленькою уступкою, разницы ради, такъ же дорого, какъ самыя высокія издѣлія иностранныя, заплатившія за себя пошлину; фабричность наша ничуть не освободила достаточныхъ классовъ, согласно обѣщанію, отъ заморскихъ произведеній: все хорошее, добротное и изящное должны вы получать по страшнымъ цѣнамъ черезъ привозную торговлю... даже и благопристойной любовной записки, случайно влюбившись, не можете написать на нашей отечественной бумагѣ: надо по-необходимости искать англійской, или французской... что все вмѣстѣ взятое сдѣлалось лишь

налогомъ на бѣдность, такъ-какъ бѣдность готова смиренно удовольствоваться и плохимъ товаромъ, лишь бы получить незначительную уступку противъ цѣны на хорошій иностранный, и нѣсколько копеекъ болѣе, или менѣе на аршинѣ, или фунтѣ составляетъ для нея важный разсчетъ, который на достаточные классы не имѣетъ ни малѣйшаго дѣйствія. Идея немножко-длинная, но, зато, кажется, удивительно-ясная для всѣхъ кармановъ.

Вторая идея — что національность какого бы ни было народа состоитъ отнюдь не въ бородѣ, или въ кафтанѣ, не въ кухнѣ, упряжи, или другихъ этого рода статьяхъ проходящей моды и прихотяхъ временнаго, безотчетнаго вкуса, но, собственно и исключительно, въ трехъ вѣчныхъ и святыхъ началахъ: вѣрѣ, династіи и языкѣ, и что, слѣдовательно, попытки особенной исторической школы воротить насъ подъ предлогомъ національности къ забытымъ и безполезнымъ обычаямъ старины доказываютъ только сбивчивость ея понятій о предметѣ. А потому: для русскихъ людей нѣтъ, и быть не можетъ, другой теоріи національности кромѣ: православіе, самодержавіе въ родѣ законныхъ Царей нашихъ и отечественный языкъ!... или, какъ было сказано, какъ запросто вся добрая Русь сказала бъ: *русскій Богъ, русскій Царь и русскій языкъ!*

Съ бородой, слава Богу, мы покончили дѣло. Но языкъ совсѣмъ не борода!... особенно рус-

скій языкъ! Языкъ — великое и могучее орудіе народной нравственности, основаніе всякаго умственнаго успѣха, душа настоящей и прочной образованности. Борода искони брала взятки: этому искусству выучилась она еще въ Азіи, у своихъ дражайшихъ родителей, татаръ, и пришла на Русь уже съ готовою теоріей лихоимства. Русскій языкъ никогда не запятналъ себя такимъ порокомъ. Онъ всегда громилъ и клеймилъ взяточниковъ и лихоимцевъ, въ частной бесѣдѣ, своей бойкою изустною рѣчью. Если по времени онъ потворствовалъ имъ молчаніемъ, или угоднымъ словомъ въ литературѣ, этому виновата наша преувеличенная и ложная стыдливость. Но когда русскій языкъ захочетъ, взятокъ на Руси не будетъ, хищничество уничтожится. Честность въ рукахъ языка. Онъ—учитель, стражъ и судья всякой нравственности, и семейной, и общественной, и гражданской. Одинъ онъ можетъ справиться со взятками и взяточниками. Какъ русскому языку слѣдовало бы приняться за это важное и благое дѣло, въ прошломъ году мы не успѣли завести рѣчи объ этомъ: борода ужасно мѣшала. Но теперь мы пришли къ великому вопросу о русскомъ языкѣ и употребленіи его на вѣрную службу Царю и отечеству. Авось добудемъ изъ языка, съ помощью Божіею и вашимъ терпѣніемъ, какую-нибудь новую идею, которая принесетъ пользу современемъ.

Стараго года нестало!...

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ... Желаю вамъ... и прочая. Кланяюсь. Прощайте... и такъ далѣе.

Ахъ, да!... забылъ!... и самое важное!... Какого вы себѣ счастія желаете? Позвольте, я вамъ пожелаю: такъ ужь скажете — счастіе!... Такого счастія и во снѣ вы не видали.

Желаю вамъ, читатели, желаю вамъ, читательницы, всѣ сколько васъ ни есть читающихъ наши русскія книги, желаю тебѣ, вся Русь святая—читать весь годъ умныя вещи.

XXIII.

13 января 1857 г.

Слушайте, слушайте!... Прошу васъ, друзья мои, слушайте, размышляйте, разсуждайте, возражайте, читайте, пишите, кричите, Брамбеуса браните, но только не оставайтесь равнодушными. Рѣчь идетъ о вопросѣ величайшей важности: о способѣ и средствахъ исправленія нашей народной нравственности, о счисченіи съ нашей гражданской чести гадкаго пятна, о спасеніи всѣхъ будущихъ успѣховъ славной земли нашей, о доказаніи великодушнѣйшему и добрѣйшему изъ Царей, что мы понимаемъ Его благія намѣренія и готовы такъ же преданно служить Ему умомъ и словомъ, какъ служимъ кровью и имуществомъ, о доказаніи дорогому всѣмъ намъ отечеству, что мы сыны его не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Рѣчь идетъ о дѣлѣ, которое мы одни, мы частные люди, мы публика, мы общество, мы Русь, можемъ справить на славу русскаго имени, на благо русскаго міра, сущаго и будущаго.

Я сказалъ—имѣлъ счастіе, или дерзость сказать—что взятки и хищничество добра, обще-

ственнаго, добра нашего, казеннаго и частнаго, эта глубокая и пагубная язва нашего гражданскаго тѣла, этотъ страшный подводный камень, о который постоянно разбивается лучшая часть усерднѣйшихъ усилій на пользу блага и успѣха, этотъ неблагопристойный порокъ, который насъ мараетъ, истощаетъ, обезсиливаетъ... коротко сказать, что взятки зависятъ отъ русскаго языка, то-есть, что русскій языкъ состоитъ въ тѣсной связи съ взятками и, наоборотъ, взятки тѣсно связаны съ русскимъ языкомъ; другими словами, что одинъ лишь русскій языкъ можетъ справиться съ взятками, лихоимствомъ и хищничествомъ, противъ которыхъ и законы и бдительность властей и строгость случайныхъ взысканій оказались безсильными — не у насъ однихъ—повсюду; иначе, что если русскій языкъ захочетъ, то взятокъ на Руси не будетъ; еще иначе, что все въ этомъ случаѣ состоитъ въ способѣ, искусномъ, вѣрномъ и твердомъ, употребленія въ дѣло отечественнаго языка, какъ природнаго органа, учителя и стража народной нравственности, и семейной, и общественной, и дѣловой.

Я знаю, что все это неясно. Но не яснѣе будетъ и тогда, когда я скажу еще разъ уже дважды сказанное и, быть-можетъ, ни разу не понятое, что тутъ нужно прежде всего образовать и упрочить твердое, строгое, неумолимо-взыскательное общественное мнѣніе, которое не иначе можетъ образоваться, какъ при помощи

рѣшительнаго содѣйствія со стороны языка, посредствомъ такъ-называемой публичной, или періодической литературы. Надо, какъ кажется, быть съ вами, господа, еще откровеннѣе. Вотъ въ чемъ дѣло.

Нужно намъ прежде всего, чистосердечно, между собою, посредствомъ совокупнаго разсужденія — пренія — разбора — полемики — разъискать, обсудить и рѣшить самый приличный способъ употребленія языка противъ взятокъ, хищничества и, вообще, противъ всякой гражданской, или дѣловой безнравственности. Нужно, чтобы, читая, слушая, слѣдуя и судя все это, общество глубоко убѣдилось, что это въ-самомъ-дѣлѣ — вѣрнѣйшій способъ, и что другаго нѣтъ и быть не можетъ. Нужно, чтобы умы привыкли смотрѣть на него заранѣе, какъ на неизбѣжную необходимость, и желали бы его пламенно, какъ единственнаго спасенія всего для насъ добраго и всего намъ дорогаго. Въ противномъ случаѣ, безъ этого предварительнаго убѣжденія и желанія, друзья и покровители нечестивыхъ жертвъ нашего способа возопіютъ, равнодушные перепугаются, большая часть умовъ вооружатся, по непривычкѣ, по легкомыслію, или по раздражительности, и уронятъ способъ при самомъ началѣ его дѣйствія. Къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ общество у насъ слишкомъ-снисходительно къ губительному пороку, который дѣлаетъ столько зла и ему и государству. Первая и самая обыкновенная потѣха наша въ дружескихъ собраніяхъ, лю-

бимѣйшій матеріалъ нашего житейскаго остроумія, основаніе нашей повѣствовательной занимательности — странно сказать — разсказы и шутки о продѣлкахъ лихоимцевъ, о хитростяхъ и наглости хищниковъ, о знатныхъ глупостяхъ и знаменитыхъ успѣхахъ злоупотребителей закона, или власти. Трогательнѣйшая часть нашего краснорѣчія въ обществахъ — сказанія о томъ, какъ мы, или друзья и знакомые наши сдѣлались жертвами купленныхъ несправедливостей. И къ чему все это служитъ? Только къ тому, чтобы увѣрить себя, что таковъ у насъ «заведенный порядокъ», то, что зло неискоренимо и что всего лучше — махнуть рукою, не думать объ немъ, умѣть надъ нимъ посмѣяться, гдѣ нужно, умѣть имъ воспользоваться, гдѣ можно. Я знавалъ отличныхъ взяточниковъ, которые, ограбивъ по утру нѣсколько человѣкъ просителей, превесело и препростодушно разсказывали вечеромъ въ обществахъ «удивительныя» черты русскаго искуства въ лихоимствѣ. У иностранцевъ, случайно попадающихся въ эти общества, волосы дыбомъ становятся,—мы хохочемъ во все горло,—молодые и еще невинные чиновники смирно слушаютъ и назидаются на потребный случай. Мы и не подумаемъ о томъ, какъ мы сами безнравственны въ эти часы злокачественной потѣхи нашей и какъ распространяемъ ею безнравственность, на которую приносимъ жалобы, пріучая себя болѣе и болѣе къ равнодушію насчетъ зла, притупляя въ другихъ чувство чест-

наго негодованія на порокъ и преступленіе. Тотъ, кто обрекаетъ себя званію чиновника, можетъ заранѣе быть увѣреннымъ, что честность не спасетъ его чести: будь онъ добродѣтельнѣе самого Катона, каждый готовъ и вправѣ сказать, что онъ берегъ взятки,—что самъ далъ ему взятку,—и всѣ повѣрятъ клеветнику: дотого мнѣніе общества свыклось съ порокомъ, дотого считаетъ оно его за всеобщій и даже неизбѣжный. Нерѣдко видите, что это мнѣніе даже старается извинить его, по добротѣ своего сердца: повѣривъ любимому оправданію лихоимцевъ, оно вынимаетъ изъ кармана батистовый платокъ, чтобы утереть благотворительную слезу на глазахъ своихъ, и говоритъ: «Изъ чего имъ жить, бѣдняжкамъ!... Люди семейные!... жена, дѣтей куча!... а жалованье такое скудное!...»

А я, темный Брамбеусъ, говорю и попытаюсь доказать вамъ, что жалованья у насъ вовсе не скудны. Триста рублей серебромъ — одно изъ самыхъ малыхъ русскихъ жалованій, это— тысяча-двѣсти франковъ во Франціи, триста-тридцать талеровъ въ Пруссіи, двухъ государствахъ, самыхъ бюрократическихъ въ Европѣ и самыхъ прославленныхъ своей чиновническою честностью: тамъ это уже значительное жалованье. Столоначальники наши получаютъ нерѣдко до 3,400 франковъ (850 рублей) жалованья : это уже — richesse во Франціи, а въ Пруссіи это — фортуна, гдѣ званію начальниковъ стола присво-

ены жалованья почти цѣлою третью ниже. Жалованья у насъ очень, очень-достаточны; но цѣны на все, особенно на фабричные предметы, непомѣрно-высоки; — во-первыхъ, потому, что фабричность дѣло, несвойственное странамъ мало-населеннымъ и не весьма-удобнымъ для обширнѣйшей и дѣятельнѣйшей торговли; во-вторыхъ, по причинѣ протекціонныхъ теорій, которыя этимъ, и безъ-того уже не низкимъ, цѣнамъ даютъ возможность достигать колоссальной высоты и падать всею своей тяжестью на земледѣльческій классъ и на служащее сословіе, какъ вовсе непричастные къ фабричнымъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, по-случаю того же самаго лихоимства, которое больно грабитъ промышленость, путаетъ правильный ходъ фабричности, стѣсняетъ торговлю и на всякій трудъ, всякое издѣліе, всякій товарецъ набавляетъ своихъ три-четыре процентика. Лихоимство, напримѣръ, крѣпко цѣнитъ ренсковое, особенно, шампанское; а сколько оно, однимъ своимъ присутствіемъ, увеличиваетъ издержки содержанія винныхъ погребовъ и цѣны на вина, которыя, въ свою очередь, увеличиваютъ цѣны на другія статьи потребленія?

Вотъ почему я, темный Брамбеусъ, прежде всего желалъ почтительнѣйше представить вамъ, что высшую фабричность надо предоставить времени и что искусственное распространеніе ея тягостно для земледѣлія, а теперь еще прибавлю — и для службы, — для честной и, слѣдственно,

самой драгоцѣнной, самой важной части служащаго сословія: прежде, чѣмъ за фабричность, слѣдовало бы приняться порядочно за коренное преобразованіе и чистку нашей гражданской и общественной нравственности. Историческая наша философія вздумала приписывать все зло, которымъ страждетъ общество, какимъ-то «крутымъ поворотамъ», обвинять въ немъ Петра Великаго, ожидать сіянія русской добродѣтели отъ возстановленія татарскихъ бородъ и ферязей Золотой Орды, отъ возврата къ стариннымъ обычаямъ и формамъ, которыя называла она національностью или народностью. Я, темный Брамбеусъ, счелъ долгомъ быть вѣрнымъ истолкователемъ вашего внутренняго убѣжденія, что все это пустяки, ученыя потѣхи, школьная игра въ высокопарныя слова: русская національность заключается въ этихъ трехъ великихъ началахъ — *русскій Богъ, русскій Царь* и *русскій языкъ*. А какъ всѣ мы здѣсь — русскіе, говоримъ чисто по-русски и, на этомъ законномъ основаніи, знаемъ, что Богъ высоко, Царь далеко — всего Самъ видѣть Своимъ свѣтлымъ окомъ не можетъ — то и говорю: русскій языкъ долженъ Богу теплую молитву сотворить, Царю вѣрную службу сослужить — лихоимство съ ногъ свалить, истребить, искоренить, — Солнцу-Ясному нашему все открыть, — честь народную чистою отъ всякихъ пятенъ, въ исполненіи всякаго долга непоколебимою и безпорочною къ стопамъ Его принести и положить. Тогда, подъ Его силь-

нымъ предводительствомъ, пойдемъ мы впередъ быстро, славно, далеко, — и удивятся народы.

Могу я, бѣдный, загнанный Брамбеусъ, встрѣтясь съ вами, старинными друзьями, и одушевясь вашимъ хорошимъ расположеніемъ духа, смѣяться кое-объ-чемъ смѣшномъ, болтать о томъ и о другомъ, казаться беззаботно-веселымъ, или зло-равнодушнымъ; но, собственно, увѣряю васъ, я—человѣкъ серьёзный, никогда не шучу, среди всѣхъ веселостей и отступленій дѣла не забываю, говорю по порядку, въ истинѣ, или пользѣ, чего глубоко убѣжденъ и размышленіемъ и опытомъ, говорю, какъ умѣю, и понимай, кто можетъ; а кто не можетъ, сердись, брани, бѣснуйся, будь врагомъ: для меня всеравно. Зачѣмъ же не имѣть мнѣ враговъ? Во-первыхъ, преполезные люди. Во-вторыхъ, заслужилъ: самолюбія поберечь не мастеръ, благозвучныхъ обмановъ и условной льстивой лжи никогда не писалъ и писать не стану, по очень-простой причинѣ: не нахожу въ томъ нужды, не вижу въ томъ никакой пользы ни для себя ни для другихъ, ничего не ищу. Когда полагалъ, что не могу сказать ничего полезнаго, пересталъ писать, разбиралъ обломки первобытной древности, бродилъ по старой Скиѳіи, вычислялъ вавилонскіе календари, греческіе дедалы и другія любопытныя затѣи древнѣйшей мудрости человѣческой, былъ фабрикантомъ, былъ себѣ лавочникомъ, былъ временнымъ санктпетербургскимъ третьей гильдіи купцомъ, занимался ме-

ханикою, разводилъ цвѣты. Теперь полагаю, что опять могу полезно побесѣдовать съ вами, и опять пишу, какъ долго, не знаю, какъ хорошо, не могу судить, но то вѣрно, что пишу искренно, безъ всякаго подобострастія. Вотъ почему, скажу вамъ откровенно, что хотя я и потѣшаюсь, смѣюсь, шучу вмѣстѣ съ вами надъ лихоимствомъ и лихоимцами, но всѣ эти смѣхи и шутки, и ваши и мои, ужасно мнѣ не нравятся. Я чувствую, что этимъ мы болѣе вредимъ, чѣмъ пособляемъ великому дѣлу исправленія нашей гражданской нравственности. Всѣ эти общія насмѣшки надъ взяткоѣдами, всѣ эти представленія, въ презрительномъ и забавномъ видѣ, ихъ продѣлокъ, способовъ и нравовъ на сценѣ, въ романахъ, повѣстяхъ, нравоученіяхъ только раздражаютъ взяточниковъ въ цѣломъ, не поражая ни одного изъ нихъ въ частности: они смѣются и дерутъ еще хуже, чувствуя, что тутъ предаютъ людей презрѣнію гуртомъ, безъ разбора, зная и видя, что негодованіе общества щадитъ тщательно личности, а проклинаетъ только все народонаселеніе этихъ личностей, многочисленное и сильное. Ставьте, какъ хотите, примѣры добродѣтельныхъ чиновниковъ возлѣ примѣровъ чиновниковъ низкихъ и безнравственныхъ: никто не сомнѣвается, что добродѣтельный примѣръ здѣсь только пластырь, налѣпленный приличіемъ, и что въ-сущности укоръ и униженіе падаютъ на все служащее сословіе,

что самое слово «чиновникъ» уже не похвала и не привѣтствіе. Всякія этого рода нападенія, прямыя, или косвенныя, на цѣлыя сословія или классы, всегда казались мнѣ крайне предосудительными для ихъ нравственности, какъ бы заслужены ими ни были, и я всегда почтительно удивлялся постоянному и глубокому уваженію къ своимъ отечественнымъ, мѣстнымъ сословіямъ, судебному и чиновническому, не говоря уже о военномъ, со стороны газетъ, журналовъ, книгъ и драматическихъ произведеній во Франціи, Пруссіи и Англіи. Несмотря на необузданность бо́льшей части этихъ изданій въ другихъ отношеніяхъ, несмотря на отсутствіе предварительнаго разсмотрѣнія произведеній печати, никогда не найдете въ нихъ и тѣни подозрѣнія честности тамошнихъ судей, или чиновниковъ, никакой обидной насмѣшки надъ ними, никакой каррикатуры на ихъ сословіе. Когда открываются случайныя злоупотребленія по службѣ, все общество и вся публичная литература твердо увѣрены, что правосудіе исполнитъ свой долгъ безукоризненно и что изъятное преступленіе будетъ умно и искусно разъискано, строго и справедливо наказано. До этого-то вожделеннаго состоянія гражданской нравственности надо и намъ дойти непремѣнно. Какимъ образомъ? Въ томъ-то и вопросъ. Говорите, предлагайте: я слушаю. Будемъ разсуждать, будемъ спорить, разъяснять, убѣждаться общими силами.

Разумѣется, при этомъ случаѣ мы затронемъ вопросъ и о цензурѣ. Но я увѣренъ, что просвѣщенная гражданская цензура не станетъ препятствовать нашимъ вполнѣ благонамѣреннымъ разсужденіямъ о сущности этой цѣлительной власти, о самомъ годномъ способѣ примѣненія ея къ дѣлу кореннаго исправленія русской гражданской нравственности, точно такъ же, какъ наша врачебная цензура никогда не препятствуетъ разсужденіямъ не только объ основаніяхъ существующей медицины, но даже и объ ея пользѣ. Напротивъ, въ этихъ преніяхъ, цензура, доказавъ всему пишущему и читающему русскому міру свое безпристрастіе и свою благоразумную, кроткую снисходительность, найдетъ сама полезный лучъ свѣту, который покажетъ ей вѣрно состояніе умовъ, идей и стремленій въ русской публикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что объясненіе это весьма желательно. Нынче одни требуютъ отъ цензуры невозможнаго, другіе возстаютъ противъ ея несправедливо и обвиняютъ въ небываломъ. Смѣшно было бы скрывать отъ себя ту печальную истину, что общее мнѣніе запутано и совращено самыми враждебными разсказами и анекдотами о способѣ употребленія цензурной власти ея обыкновенными исполнителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться, что эти предубѣжденія, вредныя и для достоинства власти, и для нашей литературы, и для русской гражданской нравственности, разсѣялись бы мгновенно

отъ искренняго и спокойнаго разбора ея дѣла въ ея же присутствіи. Многолѣтное накопленіе предубѣжденій въ безмолвіи сдѣлало большой вредъ нашему просвѣщенію: читающая публика твердо увѣрена, что въ русскихъ книгахъ читать нечего, презираетъ ихъ, обвиняетъ въ безцвѣтности и лицемѣрствѣ и тѣмъ усерднѣе благоговѣетъ передъ чужими намъ кумирами, тѣмъ съ бо́льшею жадностью бросается на иностранныя литературы, журналы, газеты, существенно останавливаетъ развитіе и успѣхи отечественнаго генія и прививаетъ умамъ русскимъ разныя не совсѣмъ русскія понятія и направленія. Спасительная довѣренность общества къ просвѣщенной и умной цензурной власти, которая нынче находится у дѣлъ умственныхъ, довѣренность къ родной литературѣ, къ искренности нашихъ книгъ къ нашимъ собственнымъ силамъ родятся изъ этого благороднаго примѣра пренія-терпимости. Цензура будетъ тѣмъ сильнѣе и тѣмъ полезнѣе, чѣмъ менѣе житейское острословіе, или злословіе найдетъ предлоговъ унижать ее за-глаза, подвергая умственное благочиніе и приказный грабежъ одному и тому же роду вечерняго краснорѣчія. Упрочить уваженіе общества къ благотворной и весьма-нѣжной власти и ускорить паденіе убійственнаго лихоимства—священный долгъ русскаго языка. Когда этотъ долгъ будетъ исполненъ съ искусствомъ и успѣхомъ, языкъ окажетъ незабвенную услугу отечеству.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о степени, мѣрѣ и способности цензурнаго дѣйствія при исправленіи гражданской власти посредствомъ языка и литературы, нужно будетъ также разсмотрѣть внимательно и хладнокровно существующія положенія законовъ нашихъ о лихоимствѣ, положенія прекрасныя, какъ отвлеченныя начала гражданской добродѣтели, но не очень приспособленныя къ практическому приведенію въ полезное дѣйствіе.

Что́ такое говоримъ мы, когда говоримъ, сознаемся, не скрываемъ ни отъ себя, ни отъ другихъ, что у насъ существуютъ и свирѣпствуютъ взятки, лихоимство, хищничество? Что́ это значитъ? Какъ перевести это на языкъ положительный, ясный для всѣхъ степеней понятливости? Кажется, тутъ двухъ переводовъ быть не можетъ. Это значитъ, попросту, что законы у насъ не исполняются. Если бы законы исполнялись вѣрно и строго, взятокъ не существовало бы и въ поминѣ: не за что́ было бы брать ихъ; некому было бы давать. Слѣдовательно, чтобы искоренить взятки и раскищенія, нужно только похлопотать о томъ, чтобы всякое нарушеніе существующихъ уложеній сдѣлалось тотчасъ извѣстнымъ обществу и высшей власти, плотно присмотрѣть за неуклоннымъ исполненіемъ законовъ. Кому ввѣрить этотъ надзоръ? Тѣмъ ли же, кого общественное мнѣніе обвиняетъ въ закоренѣломъ неуваженіи къ законамъ, въ безпрестан-

номъ попраніи то разума ихъ, то буквы, для своей выгоды? Тѣмъ ли, которые уже потеряли довѣріе общественнаго мнѣнія и которыхъ оно всегда будетъ подозрѣвать и унижать, что́ бы они ни дѣлали на пользу своей доброй славы, доколѣ не оттолкнетъ ихъ въ про́пасть прежней безнравственности? Это невозможно! Избраннымъ ли высшаго образованія и состоянія лицамъ, которыя заслуживаютъ особенной довѣренности? Гдѣ ихъ набрать въ достаточномъ числѣ, когда тутъ нужно сто глазъ для присмотра за одною нечистою рукою; и то еще!... Проворство и дерзость этихъ рукъ извѣстны. Разумѣется, присматривать должны мы сами, мы, вездѣсущіе люди русскіе и царскіе, и нашъ родной русскій языкъ, вездѣсущій колоколъ общественной нравственности. Одинъ уже страхъ этого присмотра вдругъ остановитъ поползновенія на взятки и всякую прибыльную неправду. Нужно только устроить его предусмотрительно и надежно. Какъ? Этого нельзя высказать въ нѣсколькихъ словахъ. Дѣло новое и не совсѣмъ-легкое: я сказалъ, оно можетъ успѣшно дѣйствовать только въ такомъ случаѣ, когда общее мнѣніе совершенно свыкнется съ его основною идей посредствомъ преній и долговременнаго разбора, когда само будетъ ходатайствовать о приведеніи его въ дѣйствіе для пользы общей, когда всѣ честные чиновники будутъ желать его для своего торжества. Боюсь и объявить то, что́ я приду-

лъ: взяточники подымутъ гвалтъ, и ни-
о не спасетъ меня отъ ихъ ярости. Истре-
итъ навѣрное бѣднаго Брамбеуса, котораго
скогда не могли истребить соединенныя силы
амматиковъ. Хочу прожить еще недѣльку. До
дущей субботы. До свиданія.

XXIV.

10 марта 1857 г.

Извините, почтеннѣйшіе и умнѣйшіе друзья, дорогіе читатели дешеваго журнала, что, обѣщавъ воротиться въ слѣдующую субботу, вотъ уже седьмая недѣля, какъ не имѣлъ удовольствія пользоваться вашею пріятною бесѣдою. Приворнулъ. Взяточники испортили. Навѣрное, взяточники: болѣе некому. Помните ли, я сообщилъ вамъ — впрочемъ, по секрету — въ послѣднее наше свиданіе, что у меня есть самое вѣрное средство, мною придуманное, открытое и изобрѣтенное, истребить на Руси взяточниковъ и взяточничество разомъ, съ одного размаха, и обѣщалъ сказать это средство черезъ недѣлю. Видно, взяточники угадали, въ чемъ дѣло, смекнули, что средство — радикальное, что тутъ нѣтъ спасенія: всѣхъ вдругъ какъ метлой вымететъ, въ воздухъ всю кучу взорветъ и косточки по морю разбросаетъ, — и прибѣгли, я такъ полагаю, со страху, къ мѣрѣ, совершенно противозаконной: къ нечистой силѣ, къ наговорамъ, къ колдовству. Для нихъ это нипочемъ. Извѣстно, что всѣ они чернокнижники. Отчего же я вдругъ

заболѣлъ? Былъ совершенно здоровъ, пока говорилъ о ситцѣ, о ферязи, о бородѣ, объ усахъ. Только заикнулся о взяткахъ, и тотчасъ болѣзнь — головная боли — жаръ — домовой душитъ всякую ночь — апетита ни малѣйшаго — страшные сны — ужасныя видѣнія... Явное колдовство! Пожалуй, статься-можетъ, и зельемъ опоили. Отъ нечестивыхъ взяточниковъ все станется. Только, кажется, около того времени ни одинъ взяточникъ не навѣщалъ меня: пріѣзжали все самые честные люди. А впрочемъ, Богъ же ихъ знаетъ, этихъ честныхъ людей. Который-нибудь... или которые-нибудь... при всей безпорочной честности... если пощупать совѣсть... то-есть, такъ сказать... того... За кого нынче можно поручиться? Заѣзжала, правда, одна взяточница... прехорошенькая... премилая... преострая... глаза, вотъ, съ мой кулакъ... смоль смолью... два пуда чистаго каменнаго угля... чернымъ огнемъ горятъ, какъ экономическія свѣчи... жгутъ холодною поверхностью, наподобіе зажигательныхъ стеколъ: не только деньги изъ кармана, но и душу изъ чрева вытянутъ. Мужъ честнѣйшій человѣкъ подъ луною... играетъ по маленькой... къ должности ходитъ пѣшкомъ... ни одной бумаги не подписываетъ, не прочитавши... обыкновенно молчитъ... изрѣдка, по воскресеньямъ, разсуждаетъ о добродѣтели и блаженствуетъ у жены подъ каблукомъ. Рукъ взятками никогда не замаралъ этотъ почтенный мужъ. Но жена — говорятъ—

взяточница преестественная... хватаетъ напропалую: ни одинъ проситель — говорятъ — не увернется отъ ея бѣлыхъ ручекъ, не оставивъ въ нихъ хоть куска своей шкуры... Недавно купила деревню. Мужъ молчитъ и только говоритъ о добродѣтели. Что́ же ему говорить болѣе? Жена приноситъ ему для повѣрки счеты управителя деревни: онъ молчитъ, повѣряетъ и, для разсѣянія себя въ этой скучной работѣ, подписался на «Сына Отечества». Вотъ эта-то госпожа была у меня вскорѣ послѣ моей послѣдней бесѣды съ вами... кушала со мной кофе очень-мило... очень-весело... хохотала о нашемъ «Листкѣ»... распрашивала о моемъ знаменитомъ средствѣ, и она-то, навѣрное, прожигала меня насквозь глазами, подсыпала, или подлила чего-то такого въ мою чашку, чтобы меня испортить. Надо полагать, что взяточники подослали ее ко мнѣ... или, статься-можетъ, сама подумала, что отъ взяточниковъ къ взяточницамъ — только одинъ шагъ, и что, истребивъ взяточниковъ, я, дерзкій Брамбеусъ, въ-состояніи приняться тѣмъ же средствомъ истреблять взяточницъ, которыхъ донынѣ русская литература довольно щадила. Вслѣдъ за ея посѣщеніемъ я почувствовалъ сильный жаръ и первые припадки. Ночью — безпокойное состояніе, тревожныя грёзы, зловѣщія видѣнія: въ головѣ, подъ раскаленнымъ черепомъ, претолстая и прегадкая взяточница танцуетъ, казалось, качучу, а кругомъ моего корпуса цѣлая толпа взяточни-

ковъ, въ свирѣпыхъ образахъ драконовъ, удавовъ, гидръ, змѣй, крокодиловъ, разѣваютъ красныя пасти и высовываютъ крючковатые языки, чтобы втянуть меня въ себя. Одинъ страшный взяточникъ, исполинскій лихоимецъ величиною съ кита, повидимому, староста честной компаніи, оборотившійся китомъ, наконецъ-таки проглотилъ меня и поплылъ со мною въ океанъ: плавали мы долго отъ одного полюса къ другому, играли съ горами плавучаго льда, гонялись за стаями живыхъ, голландскихъ, соленыхъ сельдей, которыя чудовище глотало боченками: я только этимъ и питался въ его желудкѣ, похожемъ на огромный погребъ... пока не приплыли въ Египетъ, классическую землю лихоимства и взятокъ еще со времени фараоновъ. Здѣсь мой китъ чихнулъ, и я въ ноздри его вылетѣлъ бомбою и упалъ въ какой-то городъ, наполненный множествомъ пирамидъ, обелисковъ, истукановъ, дворцовъ, лавиринѳовъ, храмовъ дивной архитектуры, покрытыхъ іероглифами и ярко расписанныхъ разными красками. Зной былъ нестерпимъ. Я искалъ куда-нибудь укрыться отъ палящаго солнца и попалъ въ какой-то судъ, гдѣ меня тотчасъ посадили въ судейскія кресла и приказали брать взятки. Вотъ и самъ *я* — взяточникъ! Вижу: ремесло очень-пріятно и полезно: понапрасну презиралъ его до болѣзни. Взятки, вижу, славное дѣло. И сталъ я съ необыкновеннымъ усердіемъ лупить съ встрѣчнаго и поперечнаго, дочиста обобралъ

три провинціи и изъ награбленнаго добра началъ уже строить себѣ великолѣпный лавиринѳъ съ іероглифами и истуканами, и огромнѣйшую пирамиду — лавиринѳъ для жилья — пирамиду для гробницы, какъ вдругъ меня отдали подъ судъ. За что́?... Да за то, что я не дѣлился добычею съ тѣми, которые посадили меня въ судейскія кресла! Злые египтяне осудили меня въ египетскую работу — строить имъ золотыя печи по всему государству — такъ-какъ, по словамъ приговора, они дрожатъ отъ холода, и Нилъ замерзъ среди лѣта. Дѣлать нечего: я въ потѣ чела настроилъ имъ повсюду прекрасныхъ печей, отъ которыхъ весь Египетъ и я угорѣли. На другой день голова трескалась у меня отъ лихорадочной боли. Ознобъ пробѣгалъ по спинѣ. Меня безпрестанно бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Этимъ превосходно объяснялось все видѣніе: и зной египетскаго солнца, и морозъ на берегахъ Нила, и печи въ тропической землѣ, и угаръ, и вкусъ мой къ сельдямъ, на которыхъ чувствуетъ невольный позывъ желудокъ, залитой желчью. Но объясненіе не спасеніе. Нужно было послать за докторомъ. Извольте же, послѣ-того, писать что-нибудь противъ взяточниковъ!... Уморятъ! изведутъ! проглотятъ какъ селедку! Нѣтъ! о взяточникахъ болѣе не слова. Богъ съ ними! Развѣ намъ не о чемъ говорить?

Вотъ всеобщая исторія моей послѣдней болѣзни, лишавшей меня такъ долго великаго на-

слажденія посѣщать прекрасное общество такихъ благоразумныхъ и милыхъ читателей. Но въ этой исторіи, вы замѣтили, есть золотыя печи; а вы не понимаете ихъ историческаго значенія. Оно чрезвычайно-важно. Печи—основаніе политической экономіи, которая разсуждаетъ о дороговизнѣ дровъ. Печи — мое дѣло, мое лучшее твореніе, моя слава. Я душевно занимался печами около того времени, какъ меня испортили взяточники, или взяточницы, и теперь-то — только теперь — убѣдился я на опытѣ, что настоящаго моего призванія не сознавалъ, не подозрѣвалъ я донынѣ: собственно, я родился быть печникомъ, а не писателемъ. Съ тѣхъ-поръ, какъ мы съ вами не видались, я, между-прочимъ, изобрѣлъ печки новаго устройства — но печки баснословныя — такія совершенныя, что, просто, смѣхъ. Скудный мой домикъ былъ нестерпимо-холоденъ, несмотря на соединеніе всѣхъ условій, которыя обыкновенно обезпечиваютъ теплоту комнатъ. Неоднократно размышлялъ я глубоко и высоко о томъ, что́ такое печь, между-тѣмъ, не зналъ, куда дѣваться отъ холода. Наконецъ, вдругъ, мужественно, я сломалъ всѣ прежніе мои печи и камины, выдуманные разными неизвѣстными мнѣ философами, и поставилъ повсюду свои — построенные по моей печной философіи — но такіе чудные, что теперь не знаю, куда дѣваться отъ нестерпимой жары въ комнатахъ: задыхаюсь! просто, баня! И если бы вы знали, какія

притомъ еще красивыя печи!... Сверху доннизу золотыя. Ночью сіяютъ, какъ солнце; днемъ — великолѣпіе, глазамъ отрада. Въ комнатахъ отъ однѣхъ печей весело, тѣмъ веселѣе, что ничего не стоютъ и топить не нужно: сами грѣютъ! Когда я говорю: топить не нужно, то это, разумѣется, значитъ *почти* не нужно, нужно такъ мало, что и говорить о томъ неприлично. Недостатокъ моего слога, вы знаете — не совсѣмъ полная ясность выраженій: ясно, кажется, ясно сказано, а все-таки нужно догадываться. Никакъ не могу попасть на настоящее слово, назвать вещь такъ, какъ она называется обыкновенно: боюсь, что многіе не поймутъ, когда назову прямо. Счастія нѣтъ у меня въ ясности. Вотъ, напримѣръ, сказалъ я сейчасъ, что мои печи ничего не стоютъ; на видъ ничего яснѣе быть не можетъ: печи, которыхъ постройка не требуетъ никакихъ денежныхъ издержекъ, и это сущая правда. А, между-тѣмъ, каждая печь стоитъ около двадцати-пяти рублей. Но дѣло въ томъ, что двадцать-пять рубей не составляютъ, въ печахъ, никакого разсчета: это даже и не деньги. Печь обходится рѣшительно даромъ. Печь чистаго золота за двадцать-пять рублей: гдѣ вы это получите? Каминъ чистаго золота — рублей тридцать, не болѣе. Этого и въ Мексикѣ до нашествія испанцевъ не бывало. Когда-нибудь я опишу вамъ подробно мои невѣроятныя печи и научу васъ также самому дешевому способу дѣлать золото. Секретовъ у меня нѣтъ

привилегій на изобрѣтенія мои не беру, могъ бы, конечно, быть первымъ печникомъ въ Россіи — это все-таки лучше, чѣмъ быть послѣднимъ писателемъ — могъ бы разбогатѣть; но почему мнѣ это? Общее благо предпочитаю моей личной выгодѣ: кто хочетъ задохнуться отъ жары, тотъ строй у себя золотыя печи моего изобрѣтенія, задыхайся, и я совершенно счастливъ; другаго богатства мнѣ не нужно. А почему общее благо предпочитаю моей личной выгодѣ, это скажу вамъ сейчасъ, и какъ-можно-яснѣе. Для меня гораздо-выгоднѣе, чтобы другіе, то-есть всѣ вообще, были богаты, нежели когда бы я былъ богатъ самъ. Богатства своего умножить я не могу, не уменьшивъ богатства другихъ. Это богатство я могу скоро растратить — прошотаю навѣрно — и еще долговъ надѣлаю: такова вѣчная судьба всякаго исключительнаго богатства; а когда всѣ другіе будутъ богаты, я увѣренъ, что и у меня всегда будутъ деньги въ изобиліи. Быть первымъ печникомъ въ Россіи, разумѣется, чрезвычайно-лестно для благороднаго самолюбія; но развѣ это такъ же удобно, какъ лестно, развѣ не представляетъ никакихъ опасностей? А печники-то? Другіе печники заѣдятъ васъ какъ-разъ: знаю я этихъ писателей!.... О!!! печники! печники!.... представить себѣ нельзя, что это за народъ, эти печники. Только въ дѣлѣ не смыслятъ, пускаютъ пыль въ глаза любителямъ теплоты болѣе, или менѣе нехитрыми, или перехитренными повтореніями заученнаго, вѣрочаль-

емъ во всѣ стороны чужаго, до нихъ выдум
наго. Самоувѣренности, спѣси, злобы бездна
теплоты ни на четверть кирпича. Не печ
строятъ, а безсмыслицы, и каждый считаетъ
бя геніемъ, судитъ объ умѣ другаго печни
какъ-будто самъ онъ умъ выдумалъ, тогда-ка
онъ не выдумалъ даже и пороха: стрѣляетъ
жими выдумками, не зная даже ихъ соста
Не желаю никому изъ васъ имѣть дѣло съ пе
никами.

Но такъ-какъ, по-милости взяточниковъ, я
славою строилъ золотыя печи болѣе трехъ лѣт
въ Египтѣ, гдѣ и мнѣ самому пришлось быть зо
менитымъ лихоимцемъ, то хочу разсказать вам
умные читатели, чрезвычайно-примѣчательну
черту народной честности въ странѣ, которую
грабилъ, бывъ египетскимъ чиновникомъ, кот
рую всѣ грабятъ съ глубочайшей древности,
черту, взятую изъ двадцатыхъ и тридцаты
годовъ. Существуетъ ли она еще и теперь,
знаю, но тогда существовала: я видѣлъ ее со
ственными глазами. Александрія—главная
вань столицы Египта, Каира, хотя и отдал
почти на такое же разстояніи отъ Каира, ка
отъ Петербурга Ревель, необходимѣйшая и
всѣхъ его гаваней для первыхъ апельсиновъ и п
выхъ устрицъ. Торговыя сношенія и водя
сообщеніе между Александріей и Каиромъ оч
дѣятельны и производятся по Каналу Султ
Махмуда и по Нилу на судахъ, довольно по
жихъ изяществомъ формы и отдѣлки на та

называемыя «палубныя барки», которыя ходятъ по Невѣ, по Ладожскому Озеру и по берегамъ залива. Шкиперъ на нихъ простой египетскій *феллахъ*, мужичокъ, съ коротенькой бородкой на островъ углу нижней челюсти и коротенькой трубкой въ зубахъ, въ синей длинной до пятокъ рубахѣ, перепоясанной пальмовымъ лыкомъ, съ кускомъ краснаго кумача на головѣ въ видѣ чалмы. Три-четыре парня въ такомъ же нарядѣ — его товарищи и матросы. Барка нагружена, день и часъ отплытія назначены, шкиперъ садится на полъ у руля, закуриваетъ трубку и погружается въ размышленія о предстоящемъ путешествіи. Тутъ, одинъ за другимъ, начинаютъ являться на палубу конторщики разныхъ европейскихъ и туземныхъ негоціантовъ, купцы, торговцы, съ мѣшками серебряной и золотой монеты, которые нужно имъ отправить въ Каиръ, къ своимъ корреспондентамъ, торговымъ домамъ, или повѣреннымъ, для закупки товаровъ. Конторщики бросаютъ эти мѣшки на палубу, близъ шкипера, который только, отъ-времени-до-времени, вынимая трубку изорта, нарушаетъ свое философическое молчаніе вопросомъ: Написано, кому?—Отвѣтъ: Написано.—Замѣчаніе: Смотри же! —И возвращающаяся въ ротъ трубка возстанавливаетъ безмолвіе. Въ назначенный часъ раскрывается латинскій парусъ, судно плыветъ, и, прибывъ черезъ недѣлю въ Булакъ, каирскую пристань, шкиперъ съ матросами прежде всего перетаскиваютъ на своихъ плечахъ безъ счета и

разбора *групы* (мѣшки съ деньгами) въ ближа-
шую кофейню, содержимую говорливымъ турецкимъ бородобрѣемъ, который, указавъ имъ и дали мѣсто на полу, или на софѣ, куда складывать мѣшки, продолжаетъ быстро отдѣлывать щеки и головы правовѣрнымъ и невѣрнымъ и услаждать ихъ слухъ музыкою самыхъ новыхъ и любопытныхъ анекдотовъ. Вскорѣ начинаютъ прибѣгать въ кофейню конторщики каирскихъ торговыхъ домовъ, нерѣдко сами негоціанты и купцы лично, узнавшіе о прибытіи судна, и каждый съ вопросомъ: «Нѣтъ ли для меня мѣшковъ съ деньгами?»—А, право не знаю, равнодушно отвѣчалъ бородобрѣй: вонъ, тамъ, лежитъ все, что́ принесено; поищите сами; найдете, такъ берите. Только.... купецъ-господинъ!... борода ваша, право, не совсѣмъ въ приличномъ видѣ... Мальчикъ! трубку и чашку кофе купцу-господину!... Позвольте, я ужъ и побрѣю васъ заодно. Садитесь; гостемъ будете. По-милости Аллаха я вчера купилъ такую рѣдкостную бритву, отъ которой у васъ рай зацвѣтетъ въ душѣ.... соловьи небесные запоютъ: вотъ бритва, а настоящая *химія* (философскій камень).» Выбритый и угощеный негоціантъ, или конторщикъ платитъ турку десять копеекъ и уноситъ съ собою изъ его кофейни десять тысячъ испанскихъ колоннатовъ (15,000 рублей) безъ всякихъ справокъ и расписокъ. И въ Каирѣ и въ Александріи спросите у негоціантовъ

и консуловъ, не случаются ли пропажи отъ этой миѳологической довѣренности къ египетскимъ добродѣтелямъ, тѣмъ болѣе кажущейся опасною, что египтяне славятся на Востокѣ хитрецами. Единогласный отвѣтъ: «Никогда! примѣра нѣтъ! При-случаѣ, скорѣе сплутовали бы наши, благовоспитанные и высокообразованные, но стыдятся осрамить себя передъ честностью этихъ варваровъ.»—Но у васъ, возразите, есть почта, устроенная нашою по образцу французской: все-таки вѣрнѣе было бы пересылать большія деньги на почтовой баркѣ.—«Какъ можно! вскрикиваютъ собесѣдники: ввѣрять деньги здѣшнимъ чиновникамъ! Далеко ли улизнуть съ Нила въ море и съ вашими деньгами и съ почтовою баркою наши, и поминай какъ звали! Гдѣ отъищете преступниковъ? Да и кто станетъ искать ихъ? Если же случайно поймаютъ, то подѣлятся вашими деньгами, и дѣло кончено. Въ этой землѣ частному человѣку можете ввѣрить все ваше состояніе, безъ росписки и безъ свидѣтелей, на его арабское, или турецкое слово; чиновнику—ни одного талера!

Не могу продолжать! Двадцать градусовъ въ комнатѣ, и сегодня не топили. Весь изжарился—отъ холодной печи—подумайте! Золотое изобрѣтеніе, но уже черезчуръ-совершенное! Со мной вѣчно это случается. Всегда изобрѣту такое необыкновенное совершенство, что никуда не годится.

А, впрочемъ, быть-можетъ, мнѣ такъ жарко и не отъ моихъ удивительныхъ печей. Быть-можетъ, остатокъ лихорадки... Да и на дворѣ шесть градусовъ теплоты въ тѣни. Быть-можетъ, и то и другое вмѣстѣ. Повѣрка трудна; но печки—чудо!

XXV.

24 марта 1856 г.

Боже мой, сколько мечтъ, и какихъ красивыхъ мечтъ, составилъ я, друзья мои, во время нашей продолжительной разлуки о вашемъ благѣ и счастіи, о счастіи и благѣ всѣхъ васъ безъ изъятія, то есть, если угодно—и не все ли равно?—о благѣ и счастіи дорогой Россіи....Вѣдь вы—Россія... Я все хлопочу о томъ, какъ бы васъ сдѣлать какъ-можно-побогаче. Видите ли, какъ я люблю васъ. Когда вы будете очень-богаты, въ казнѣ Батюшки-Царя будетъ много денегъ, въ рукѣ у Него будутъ огромнѣйшіе и чудеснѣйше въ мірѣ арміи и флоты, и тогда-то будете безпредѣльно счастливы, потому-что такіе арміи и флоты—первый и коренной признакъ высокаго богатства и благоденствія народовъ со времени введенія въ составъ обществъ четвертаго сословія — постоянно-вооруженной регулярной военной силы. Значитъ, вы будете тогда безпредѣльно просвѣщенны: вѣдь богатство не что иное, какъ просвѣщеніе въ полномъ дѣйствіи. Слѣдовательно, быть богатыми отъ васъ самихъ зависитъ: вамъ стòитъ только пожелать,

и всѣ вы будете ужасные богачи; стóитъ только просвѣщаться да просвѣщаться...до безконечности: и богатство само собою родится изъ просвѣщенія. Не знаю, подумали ли вы когда-нибудь о томъ, отчего вы теперь, признательно сказать, не очень-богаты. А причина вашего небогатаго состоянія, при всей простотѣ своей, довольно-странна. У васъ слишкомъ-много денегъ!.. и слишкомъ-мало книгъ!... Оттого-то вы и не богаты. Денежнаго товара у васъ слишкомъ-много: вы знаете, что деньги—такой же товаръ, какъ и все прочее, чтó продается и покупается. Всѣхъ же прочихъ товаровъ, сравнительно, слишкомъ-мало. При мѣнѣ денежнаго товара на всякій другой, вы должны давать ходячаго добра болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, потому-что оно у васъ въ избыткѣ, тогда-какъ прочіе товары—въ подборѣ. И выходитъ, что деньги ваши дешевы, отчего все прочее и кажется вамъ, наоборотъ, дорого. Денежныхъ дѣлъ у васъ очень-мало въ-сравненіи съ количествомъ денегъ, какъ мѣноваго товара. Для денегъ вашихъ нѣтъ достаточно работы: онѣ движутся слабо, сонливо; онѣ больны дешевизною. А въ деньгахъ это премерзкая болѣзнь. Съ дешевыми деньгами человѣкъ всегда бѣденъ. Деньга должна быть дорогá: это ея натура. Тогда-то деньга здорова; тогда-то она работаетъ сильно и полезно—дѣлъ у нея бездна—и выгоды отъ нея безчисленны для общества, которое становится черезъ нее богатымъ, то-есть просвѣщенно-дѣятельнымъ. Длятого, чтобы возста-

ɔвить драгоцѣнное здоровье вашихъ больныхъ
ɜнегъ, вы должны доставить имъ побольше мо-
іона: движеніе для нихъ самое спасительное
ɔедство,—движеніе, то-есть занятіе, дѣла, быст-
ый переходъ изъ рукъ въ руки. Тогда деньги ва-
ıи вздорожаютъ, или—все-равно—подешевѣетъ
ɜе прочее. Но какъ это сдѣлать безъ сильнаго
мственнаго движенія, отъ котораго движется все
ı свѣтѣ—мысли, руки, ноги, всѣ пружины бы-
ія? Другими словами: какъ сдѣлать это безъ
росвѣщенія въ полномъ дѣйствіи, то-есть безъ
нигъ, безъ журналовъ? Просвѣщенія никто
ıть вамъ не можетъ. Вы должны искать его
ıми, должны собирать идеи, факты и свѣдѣнія
ь книгахъ и журналахъ, какъ пчелы собираютъ
оскъ и медъ въ цвѣткахъ, должны собранное
кладывать въ головы въ стройномъ и ясномъ
орядкѣ, чтобы, при потребномъ случаѣ, легко
ыло отъискать въ нихъ потребное данное для
олезнаго употребленія. На учебныя заведенія
е ссылайтесь. Въ училищахъ, гимназіяхъ, ли-
еяхъ, университетахъ просвѣщенія не преподa-
ıтъ: тамъ только учатъ читать книги и журналы
ı понимать то, что́ читаете. Тамъ человѣкъ учит-
ı азбукѣ просвѣщенія, а просвѣщается уже
ослѣ, въ дѣйствительной жизни, въ практикѣ
ѣлъ и труда, помощью усерднаго и внимательнаго чтенія и бесѣдъ съ людьми умными и опытными, просвѣщается собственными силами, безъ чителей и наставниковъ. Если, оставивъ учебныя заведенія, то-есть выучившись читать и

понимать всякую печатную мудрость, вы не пойдете, подобно трудолюбивымъ пчеламъ, работать сами въ поле, собирать усердно въ журналахъ, книгахъ и бесѣдахъ нужное для дѣятельности мысли, необходимое для совершенствованія труда и для разнообразія предпріимчивости, то навсегда останетесь учениками: просвѣщеннымъ народомъ никогда не будете. Читайте же! читайте! до обморока читайте, туго набивайте себѣ головы дѣльнымъ и полезнымъ, не презирайте ничего: все надо знать. Истинно-просвѣщенный знаетъ все, что́ только человѣкъ можетъ знать въ его время. Но я говорю: читайте и, въ усердіи моемъ о вашемъ богатствѣ, о вашемъ благѣ и счастіи, забываю, что у васъ покамѣетъ нечего читать. Желаніе движенія и дѣятельности возбуждено въ насъ до чрезвычайной степени, и, между-тѣмъ, дѣятельность наша сидитъ, движеніе наше не трогается съ мѣста, умъ нашъ принадлежитъ, по-прежнему, къ разряду силъ непроизводительныхъ. Онъ ничего не творитъ. Любопытство наше не узнаетъ ничего новаго. Книгъ нѣтъ! Нѣтъ одушевленія. Нѣтъ охоты трудиться, изучать, писать. Книжная торговля, промышленость не выходитъ изъ своего горестнаго упадка. Литературныя предпріятія, вообще, не удаются. Какже быть? А намъ нужно просвѣщаться, поскорѣе быть богатыми, успѣвать во всемъ и вездѣ. Будемте молиться, будемте кланяться, будемъ просить всѣхъ и каждаго о книгахъ и журналахъ. Посылаетъ же Богъ на людей разные дож-

ди: на кого простой дождь изъ чистой воды, на кого дождь изъ лягушекъ, карасей, икры, грибовъ, сѣмянъ. Не упадетъ ли на насъ какимъ-нибудь чудомъ дождь изъ книгъ и журналовъ? Вотъ былъ бы живительный дождь! Этого добра нужна намъ цѣлая бездна. Изъ тысячи человѣческихъ книгъ едва ли одна бываетъ годна къ дѣлу просвѣщенія. Изъ сотни періодическихъ изданій едва одно удается полезно для общества. Книги и журналы, дѣлающіе впечатлѣніе, разливающіе свѣтъ въ обществѣ—чрезвычайная рѣдкость. Только то просвѣщеніе истинно просвѣщено, которое вызываетъ производство наибо́льшаго количества книгъ и журналовъ, съ цѣлью добыть въ огромной массѣ издаваемаго нѣсколько изданій, дѣйствительно разсѣевающихъ мракъ и двигающихъ народный умъ впередъ. Просвѣщеніе и безъ книгъ и журналовъ все-равно, что фабрика безъ машинъ, что мастерство безъ инструментовъ: оно лишь просвѣщеніе на бумагѣ; оно не достигаетъ никакой полезной цѣли: напротивъ, оно опасно по своему поверхностному качеству и вредно въ конечномъ результатѣ. Излишняго множества книгъ и журналовъ нечего опасаться, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ большой массѣ нѣкоторые могутъ быть не совсѣмъ добрые. Въ большой массѣ капля недобраго пропадаетъ безъ дѣйствія. Вѣрный инстинктъ общества, сильно возбужденнаго къ дѣятельности, всегда безошибочно выберетъ хорошее и отвергнетъ дурное. О! если бы на насъ упалъ такой

дождь, въ которомъ лягушки и грибки замѣнялись бы книгами и журналами!...

Вотъ мы скоро начнемъ строить желѣзныя дорòги уже не сотнями верстъ, какъ донынѣ, но тысячами. Какой прекрасный случай для излеченія нашихъ денегъ отъ дешевизны, нашихъ кармановъ отъ чахотки! Но тутъ же намъ нужна огромная масса просвѣщенія въ полномъ дѣйствіи, чтобы надлежащимъ образомъ воспользоваться благодѣяніями этихъ сооруженій высокой образованности. Для полезной ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ надо много знать, надо отличаться большою дѣятельносью силъ умственныхъ и вещественныхъ, имѣть въ головѣ много хорошихъ идей, обладать значительно-развитымъ духомъ предпріимчивости и дѣловымъ воображеніемъ: вѣдь надо ѣздить всегда за дѣлами, за предпріятіями, за существенными выгодами, а не попусту, для прогулокъ, или пріятныхъ свиданій. Всѣ мы пламенно желаемъ видѣть поскорѣе русскую землю устланною желѣзными полосами, но до-сихъ-поръ не знаемъ еще, чтò будемъ на нихъ дѣлать, къ чему онѣ будутъ намъ особенно-полезны, кромѣ поѣздокъ въ Петербургъ къ Масляницѣ и возки хлѣба и сала въ гавани. Единственная желѣзная дорòга, которая у насъ существуетъ и соединяетъ двѣ наши столицы, два самые значительные города русскіе, донынѣ даетъ результаты, совсѣмъ не сходные съ тѣми, какіе въ другихъ земляхъ цивилизація получаетъ отъ желѣзныхъ дорòгъ: тамъ движутся преимущественно люди,

у насъ преимущественно движутся телята, курицы, зайцы и арбузы; тамъ главный доходъ желѣзныхъ дорóгъ происходитъ отъ огромнаго числа ѣздоковъ, пасажировъ, людей, быстро перемѣщающихся за дѣлами, спѣшащихъ къ дѣламъ, ищущихъ дѣла: у насъ главный доходъ главной нашей желѣзной дорóги составляетъ перевозка товаровъ, особенно сырыхъ продуктовъ, предметовъ внутренняго потребленія, или заграничнаго вывоза, которые этимъ путемъ не могутъ даже и сдѣлаться дешевле, потому-что желѣзныя дорóги не могутъ ничего возить дешево на большихъ разстояніхъ. Путешествіе одного арбуза съ береговъ Дона до береговъ Невы, по желѣзнымъ дорогамъ, обойдется почти въ пятьдесятъ копеекъ: за полтинникъ всегда можно было купить въ Петербургѣ хорошій донской арбузъ и прежде. И когда всѣ русскіе станутъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ—а это сдѣлаютъ они непремѣнно для скорѣйшаго пріѣзда къ обѣду—петербургскіе люди будутъ платить за арбузъ, вмѣсто пятидесяти, семдесятъ-пять, или восемдесятъ копеекъ. Ясно, что для государства, для общества, для успѣховъ образованности лучше, чтобы за полтинникъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ человѣкъ, чѣмъ арбузъ, который ничего не можетъ выдумать, ничего смастерить, или сработать, ничего выѣздить на пользу народнаго богатства. Междутѣмъ, арбузы оказываютъ у насъ болѣе духа предпріимчивости, болѣе отваги, или охоты къ ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ, чѣмъ люди. Стерляди и

ты своей земли и прославляетъ чудесну
думку образованности, доставляющей е
комства двумя недѣлями скорѣе обыкновен
когда, вмѣсто шестисотъ, у насъ будетъ
тысячи верстъ желѣзныхъ дорóгъ, я не
чтобы этотъ порядокъ измѣнился: люди в
будутъ еще сидѣть—ѣздить будутъ пред
тельно товары—а это значитъ: разъѣхат
главною пользою желѣзныхъ дорóгъ для н
го богатства, именно съ безконечнымъ у
ніемъ числа дѣлъ, сдѣлокъ, предпріятій, р
условій, договоровъ, рождающихся изъ дв
и сближенія людей. Въ Англіи замѣчено, ч
мѣрѣ распространенія желѣзныхъ дорóгъ,
ный доходъ отъ гербовой бумаги сталъ возр
болѣе и болѣе, такъ-что въ настоящее вре
почти учетверился: значитъ, масса дѣлъ
возрасла отъ движенія и сближенія людей
свиданій производителей, отъ дѣловыхъ б
отъ тренія промышленныхъ воображеній, о
стнаго обзора путешественниками рынков

страстями: злые дѣлаютъ менѣе зла за недосугомъ.

Я кланяюсь всему достойному поклона. Но четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорóгъ для Россіи прельщаютъ меня очень-посредственно. Для начала это хорошо. Но Россіи нужны не четыре, а сорокъ тысячъ верстъ такихъ дорóгъ, по самой мéньшей мѣрѣ. И когда у насъ будетъ сорокъ тысячъ верстъ рельсовъ, о! тогда, я увѣренъ, человѣкъ вытѣснитъ арбузы изъ вагоновъ; провозъ товаровъ займетъ второстепенное мѣсто; главный доходъ будутъ доставлять пассажирскіе поѣзды. Тогда-то мы пойдемъ—или поѣдемъ—впередъ.

Я желаю, скажете вы, невозможнаго. Но вы скажете это необдуманно. Есть на свѣтѣ земля, во всѣхъ главныхъ отношеніяхъ чрезвычайно похожая на Россію—такъ же обширна и обильна, какъ Россія, такъ же рѣдко населенная... чтó я говорю! несравненно-рѣже! потому-что на равномъ съ нами пространствѣ тамъ обитаетъ только треть нашего народонаселенія—такъ же по-превосходству земледѣльческая и такъ же надѣленная разнородными климатами. Природныя богатства этой земли, подобно богатствамъ русской, разбросаны на огромныхъ пространствахъ, такъ-что богатствами и назвать ихъ нельзя безъ употребленія во зло естественнаго смысла словъ: они, скорѣе, простая, нерѣдко разорительная собственность, чѣмъ настоящее, «богатое» богатство, которое всегда и во всякомъ случаѣ дол-

данныя далеко сокровища все-равно, что
ществуютъ, и еще хуже этого, потому-что
зоваться ими хочется, а пользоваться нель
убыточно. Однимъ словомъ, это—земля
бѣдная, чѣмъ богатая, во всѣхъ другихъ
ніяхъ, кромѣ земледѣльческаго, а въ-отн
къ населенности—втрое бѣднѣе Россіи. Э
ротко сказать, Сѣверная Америка или Со
ные Сѣверо-Американскіе Штаты. А зна
сколько въ этой землѣ верстъ желѣзны
рóгъ, готовыхъ и теперь строящихся? К
варя 1856 года ихъ было тамъ *сорокъ-шес*
сячъ семьсотъ-сорокъ-девять верстъ. Болѣ
рехсотъ различныхъ компаній на акціях
ствовали на *четырехстахъ-тридцати-пя*
ніяхъ. Рядомъ съ Соединенными Штатами,
ленькой, холодной и почти пустой колоніи
дѣ, есть уже 2,520 верстъ желѣзныхъ
Слѣдовательно, не природныя богатства, н
ныя и высоко-промышленыя народонаселе
жны для созданія большихъ протяженій же

день контракта съ Главнымъ Обществомъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ, 118,666 верстъ или 122,000 километровъ, изъ которыхъ почти половина, около 50,000 верстъ, принадлежатъ землямъ новымъ, слабо населеннымъ, едва обитаемымъ—Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки и Канадѣ, гдѣ главное и, можетъ-быть, единственное богатство страны заключается въ просвѣщеніи, дѣйствующемъ полною своею силою вдохновенія и науки.

Вотъ списокъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, отстроенныхъ, строящихся и рѣшенныхъ къ построенію на земномъ шарѣ по первое января 1857 года. Какъ между верстою и километромъ разница назначительна ($6^2/_3$ процентовъ), то я сохраню здѣсь разсчетъ на километры, составленный для парижской биржи.

Англія . . . . . 20,942 килом.
или 13,016 англійскихъ миль, 19,750 верстъ (разсчетъ по первое января 1856); изъ нихъ 13,366 километровъ было въ полномъ дѣйствіи, а 7,592 въ постройкѣ. Сюда нужно еще прибавить Канаду (2,626 километровъ), Восточную Индію (2,473), Австралію (2,409) и около полуторы тысячи въ разныхъ другихъ колоніяхъ: итого, въ англійскихъ владѣ-

ніяхъ, 29, 000 километровъ или 27,000 верстъ.

Пруссія, *Австрія* и разныя германскія владѣнія, со включеніемъ Даніи . . . . . 16,277 кило
Изъ этого числа 5,625 принадлежатъ Австріи и почти столько же мелкимъ германскимъ владѣніямъ. Остальные находятся въ Пруссіи, или зависятъ отъ прусскихъ компаній. Около 6,000 километровъ дорóгъ еще не окончены. Въ Австріи 2,284 километра построены правительствомъ.

Франція. — Открытыхъ желѣзныхъ дорóгъ къ первому іюля 1856 г. было 5, 880 километровъ; не открытыхъ 6,018. Всего . . . . . 11,898.
Англія (въ Европѣ), вся Германія и Франція, вмѣстѣ, представляютъ поэтому 49,077 километровъ желѣзныхъ линій, при народонаселеніи 135,000,000 душъ. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, при народонаселеніи 18,000,000, считаютъ у себя

49,892 километра. Явленіе чрезвычайно примѣчательное.

Россія. Отстроевнымъ, состоящихъ въ постройкѣ и отданныхъ къ построенію, въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, можно считать по настоящее время около	4,000 килом.
Бельгія.	2,045.
Голландія	433.
Швейцарія	965.
Швеція и Норвегія	220.
Испанія и Куба.	2,589.
Португалія.	29.
Ломбардія и Средняя Италія .	787.
Неаполь	622.
Папскія Владѣнія, Модена и прочая	620.
Тоскана	637.
Сардинія.	997.
Всего въ Италіи 3,663 километра.	
Египетъ	390.

Кромѣ-того, въ Турціи отдано къ построенію тремъ компаніямъ въ прошломъ году около полуторы тысячи километровъ.

Америка:

Соединенные Штаты Сѣверной Америки.	49,892 килом.
Разныя владѣнія въ Южной Америкѣ	444.
Всего около	122,000 километровъ или 113,666 верстъ.

Слѣдственно, относительное богатство, или многолюдство земель вовсе не состоитъ въ связи съ количествомъ построенныхъ желѣзныхъ дорогъ, или съ возможностью ихъ построить, и мы, если Богъ позволитъ намъ просвѣтиться на дѣлѣ, а не на бумагѣ, мы очень-хорошо, очень-легко можемъ составлять у себя смѣты и разсчеты для сорока, или пятидесяти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, не опасаясь разориться, напротивъ, съ полною увѣренностью въ дѣйствительномъ обогащеніи общества и государства. А менѣе этого числа имѣть намъ невозможно, если мы не хотимъ, чтобы одни арбузы, телята и зайцы получили отъ желѣзныхъ дорогъ всѣ благодѣянія цивилизаціи, а мы платили бы за этихъ пресмыкающихся еще дороже, чѣмъ нѣкогда, до вымышленія паровозовъ. Пока наши желѣзные рельсы будутъ развозить почти одни товары, мы не разбогатѣемъ отъ рельсовъ. Для народнаго богатства нужно движеніе разумныхъ существъ: надо, чтобы умъ разъѣзжалъ быстро и лично, развивался и совершенствовался въ безпрестанномъ перемѣщеніи. Быстрая ѣзда битыхъ курицъ и индѣекъ, живыхъ

устрицъ и скороспѣлыхъ апельсиновъ — дѣло совершенно второстепенное для цивилизаціи. Развозъ хлѣба изъ областей урожайныхъ въ неурожайныя также не принесетъ большой пользы благосостоянію, потому-что на нашихъ разстояніяхъ дешево онъ не можетъ производиться. Цѣны на хлѣбъ не уровняются: здѣсь получится только превращеніе одного рода извоза въ другой. Даже и на самыхъ короткихъ разстояніяхъ, каковы въ Англіи, желѣзныя дорòги на опытѣ не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на уравненіе цѣнъ на хлѣбъ, которыя безпрестанно переходятъ изъ одной крайности въ другую по разнымъ областямъ: пользу получаютъ по этой статьѣ одни лишь хлѣбные барышники. Слѣдовательно, всѣ этого рода выгоды болѣе, или менѣе мечтательны: это—скорѣе *удобства*, чѣмъ настоящія *выгоды*. Товары, если имъ угодно, могутъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ; но желѣзныя дорóги созданы существенно для пассажировъ, для движенія людей, умовъ и дѣлъ, а не для товаровъ и того менѣе для главныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Если бы еще мы вздумали, какъ хотѣлось нѣкоторымъ изъ нашихъ экономистовъ, непремѣнно пользоваться своимъ такъ-называемымъ природнымъ богатствомъ — устилать нашу почву отечественнымъ желѣзомъ, добываемымъ за три-девять земель отъ мѣстъ потребленія, то желѣзныя дорóги, состоящія изъ немногихъ тысячъ верстъ и загроможденныя почти исключительно товарными поѣздами, явились бы да-

же тягостнымъ гнетомъ для сельскаго хозяйства, главнаго и настоящаго источника нашего богатства. Первый опытъ изготовленія рельсовъ изъ отчественнаго—уральскаго—желѣза достаточно показываетъ, чего земледѣлію надлежало ждать отъ этого рода домашней фабричности. Мало того, что пудъ рельсовъ обошелся желѣзнымъ дорогамъ вполтора цѣлковыхъ вмѣсто шестидесяти-пятикопеекъ: по свидѣтельству «Отчета» Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, желѣзо въ то же время вздорожало на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ, потому-что продажное количество его по необходимости уменьшилось вслѣдствіе заказа рельсовъ, принятаго главными уральскими заводами, и земледѣлецъ за каждый свой инструментъ, за каждый гвоздь, за подкову для лошади, шину для колеса долженъ платить дороже—долженъ къ условленной цѣнѣ пуда рельсовъ (полтора рубля) прибавлять еще отъ себя полтинникъ и болѣе.

Нѣтъ! какъ вамъ угодно, а четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ—благое дѣло, но на всю Европейскую Россію, на шестьдесятъ мильйоновъ народонаселенія, дѣло недостаточное. Извольте пошевелить ваши капиталы, разбудите ваши умы и ваши рубли изъ глубокаго усыпленія, въ которое они погружены, и усердно принимайтесь за составленіе новыхъ компаній и обществъ: намъ надо, какъ въ Сѣверной Америкѣ, четыреста компаній, пятьсотъ желѣзныхъ линій и пятьдесятъ тысячъ верстъ проѣзда, если мы желаемъ быть просвѣщенными, богатыми и могуществен-

ными. Не-уже-ли скажете, что Сѣверная Америка богаче Россіи средствами, или что она несчастна отъ сорока-семи тысячъ своихъ желѣзныхъ дорóгъ? Навѣрное, не станете спорить, что всѣмъ, чтó они теперь есть, Соединенные Штаты обязаны своимъ желѣзнымъ дорогамъ: безъ нихъ, это—пустыня! Видите, что тутъ нуженъ—главное—большой умъ, нужны умѣнье приняться за дѣло и промышленая сметка, а не страшныя деньги, которыхъ нигдѣ нѣтъ на свѣтѣ. У насъ, явственно, денегъ болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, потому-что деньги наши дешевле всѣхъ; но рубли наши не умѣютъ поворотиться, какъ слѣдуетъ, въ нихъ нѣтъ настоящаго денежнаго духа или генія, они не образованы, чужды золотыхъ идей просвѣщенной дѣятельности. При общемъ движеніи умовъ и денегъ, при хорошомъ промышленомъ распорядкѣ, при дѣятельной повсемѣстной постройкѣ желѣзныхъ дорóгъ, которыя имѣютъ полное право, и должны, сдѣлаться главною нашею фабричностью, одна верста строитъ другую и одинъ рубль исправляетъ въ разныхъ мѣстахъ службу десяти рублей. Какъ это дѣлается, вы позволите мнѣ потолковать съ вами объ этомъ въ слѣдующій разъ. Теперь представлю на ваше благоусмотрѣніе только то, что если верста желѣзной дороги стóитъ, со всѣми приборами, службами и угодьями, не болѣе ста тысячъ рублей, то пятьдесятъ тысячъ верстъ составляютъ страшный оборотъ въ пять тысячъ мильйоновъ рублей, въ которомъ движутся соб-

ственно какихъ-нибудь двадцать, или тридцать мильйоновъ, не болѣе, по быстротою своего движенія производятъ видъ и дѣйствіе пяти тысячъ мильйоновъ, разбѣгаясь съ желѣзныхъ линій во всѣ стороны, разпредѣляясь безпрестанно между всѣми-возможными родами труда, отъ землекопа, плотника и кузнеца до производителей зеркалъ, бархатовъ, ситцевъ, суконъ, гроденаплей, хлѣба, яицъ, масла, и опять отъ нихъ поспѣшно сбѣгаясь на желѣзныя линіи, для новыхъ отлучекъ и новыхъ возвратовъ. Если въ васъ есть торговаго толка столько же, сколько Богъ далъ вамъ здраваго, то вы уже отсюда видите, что несравненно выгоднѣе и легче строить множество желѣзныхъ дорогъ вдругъ, чѣмъ строить немного и постепенно. Задача, я знаю, кажется таинственною и неразгадаемою многимъ глубокомысленнымъ экономистамъ; но вся тайна задачи заключается въ быстромъ вращеніи небольшихъ капиталовъ посредствомъ обширнаго, совокупнаго и поспѣшнаго производства. Понемногу и постепенно Сѣверная Америка (Соединенные Штаты и въ то же время Канада) не въ-состояніи были бы соорудить 50,000 верстъ; вдругъ и быстро они сдѣлали это легко и славно. Операція колоссальная, но простая. Умно и легко, какъ въ алгебрѣ. Нѣтъ ни колдовства, ни загадокъ. Но какъ не всѣ изъ васъ ужасные купцы, то, вѣроятно, не безполезно намъ будетъ побесѣдовать объ этомъ отдѣльно и обстоятельно.

XXVI.

23 марта 1856 г.

Я обѣщалъ вамъ, мудрые друзья мои, доложить, какимъ образомъ люди безъ денегъ строятъ себѣ по 50,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ втеченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ. Я говорю: безъ денегъ, потому, что, вы знаете, сѣверо-американцы деньгами не богаты: иногда у нихъ двугривенника не бываетъ въ карманѣ; въ 1845 году, присылая въ Европу нарочныхъ, просили Старый Свѣтъ, Христа-ради, дать имъ взаймы хоть сотню рублей наличностью: такая голь отчаянная! И говорю я еще: втеченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ, потому, что—опять вы знаете—правильная, дѣятельная, настоящая постройка сѣтей желѣзныхъ линій началась на землѣ только съ 1845 и 1846 годовъ: все до того времени сооруженное представляло одни лишь безсвязные опыты. Первая на свѣтѣ желѣзная паровозная дорóга, устроенная, тогда молодымъ, нынѣ безсмертнымъ, инженеромъ Стифенсономъ, между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, была рѣшена и начата въ 1826 году и открыта 14 сентября (новаго стиля) 1830. Какъ всякая великая

удача геніальнаго человѣка, эта чудная дорога, изумившая и восхитившая свѣтъ, была встрѣчена жестокимъ сопротивленіемъ со стороны инженеровъ и резонёровъ, которые—пока дорога строилась—предсказывали, что изъ этой пустой затѣи ничего не выйдетъ, и, когда начала дѣйствовать, долго еще увѣряли, что это безполезный фокусъ, разорительный парадоксъ, вещь потѣшная, непрочная, опасная, основанная на ложныхъ началахъ, отвергаемыхъ здравою наукою, и которая вскорѣ рушится сама собою: вотъ преумный и прелюбезный министръ коммерціи (Госкисонъ) раздавленъ паровозомъ при первомъ опытѣ—вотъ дорога, въ проектѣ, назначалась для возки товаровъ и грузовъ, а на опытѣ возка товаровъ и грузовъ найдена неудобною по-случаю перегрузовъ, и стали предпочтительно ѣздить въ вагонахъ—люди тѣшатся и больше ничего!—вотъ компанія банкрутится: дорога верстъ въ сорокъ-пять стоила 169,260 фунтовъ стерлинговъ (1,308,000 рублей серебромъ), а какой приноситъ она доходъ?... не даетъ и двухъ съ половиною процентовъ!... Ожесточеніе мудрецовъ противъ знаменитой выдумки Стифенсона было такъ сильно повсюду, что даже и monsieur Narcisse написалъ на нее брошюру, доказывая, что санная дорога гораздо умнѣе желѣзной и что англійскій паровой поѣздъ въ подметки русскому гужу не годится.

Первые годы послѣ 1830 были годы недовѣрчиваго наблюденія и выжиданія. Уже око-

ло 1835 года, когда убѣдились, что ливерпульская компанія получаетъ до весьми процентовъ чистаго барыша, обнаружились первые признаки положительной страсти къ желѣзнымъ дорогамъ. Спекуляторы и инженеры, дѣятельно составляя планы, убѣждали капиталистовъ, дѣлали предложенія правительствамъ. Въ Сѣверной Америкѣ, до появленія паровозныхъ дорогъ, духъ спекуляцій уже былъ развитъ до высшей степени страстью къ банкамъ, которая дважды довела Соединенные Штаты до формальнаго банкрутства, изгнавъ всю звонкую монету изъ края и замѣнивъ ее бумажными цѣнностями—банковыми билетами заведеній, для которыхъ не существовало даже яснаго и предусмотрительнаго закона. Даже и въ настоящее время, когда содержаніе банковъ стѣснено и ограничено строгими законодательными предписаніями, къ первому іюля прошлаго 1856 года дѣйствовало въ Соединенныхъ Штатахъ не менѣе 1,371 банка, которые держали на 187,000,000 доллэровъ своихъ кредитныхъ билетовъ въ оборотѣ и на 54,000,000 доллэровъ золота и серебра въ своихъ сундукахъ, то-есть почти всю металлическую наличность Соединенныхъ Штатовъ, кромѣ сдаточной мелкой монеты: доллэръ значитъ полтора рубля серебромъ. На каждаго человѣка приходилось по три съ половиною доллэра (3,46) звонкою монетою и по восьми съ половиною (8,53) доллэровъ банковыми билетами, которые пользуются всѣ полнымъ курсомъ, сто

за сто, или 99, иногда 98 за сто въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Такимъ-образомъ, все денежное достояніе Соединенныхъ Штатовъ въ звонкой наличности и въ кредитныхъ билетахъ простирается до 200,000,000 доллэровъ или 330,000,000 рублей серебромъ. Во-всякомъ-случаѣ, если и прибавить еще десять или пятьнадцать мильйоновъ сдаточной монеты, оно не превосходитъ 350,000,000 рублей. Вы видите, что это не горы денегъ. Половина этой суммы нужна на подати, пошлины и насущныя потребности жизни. Для капиталовъ и оборотовъ остается не болѣе 175,000,000 руб. Но если бы и забыть подати, пошлины и дневной обиходъ, если бы остановить всѣ другія промышленыя и торговыя дѣла и все денежное достояніе Сѣверной Америки обратить на постройку однѣхъ желѣзныхъ дорóгъ, то, считая умѣренно версту по 70,000 рублей, на 350,000,000 рублей можно было бы построить только 5,000 верстъ. Какимъ же образомъ умудрялись построить при 175,000,000 свободныхъ денегъ въ капиталахъ и оборотахъ до 50,000 верстъ желѣзныхъ дорóгъ? Это мы сейчасъ увидимъ.

Я хочу прежде удостовѣрить васъ, что до 1845 года желѣзныхъ дорóгъ еще почти не существовало въ той землѣ. Къ концу 1839 было уже въ постройкѣ, и отчасти уже готовыхъ, 2,150 верстъ *рельродовъ* (rail-roads): это сложное англійское слово мы, въ Европѣ, на твердой землѣ, переводимъ обыкновенно сло-

вами—*желѣзная дорога*, но, оно, собственно, значитъ только *дорога съ колеями* или *полосная дорога*, дорóга, устланная проѣздными полосами—не сказано, какими: полосы могутъ быть желѣзныя, деревянныя, сахарныя, или соломенныя, и все это будетъ rail-road. Въ-самомъ-дѣлѣ, бóльшая часть первоначальныхъ полосныхъ дорòгъ въ Америкѣ были деревянныя. Французы, принимая rail-road, подобно намъ, за дорогу непремѣнно съ желѣзными проѣздами, съ удивленіемъ говорили и писали, что тамъ строятъ des chemins de fer en bois—*деревянная желѣзная дорога!* Были также конныя желѣзныя дорòги. Всѣ эти подставочные пути впослѣдствіи брошены повсюду: опытъ удостовѣрилъ, что неполныя, или дешевыя желѣзныя дорóги никуда не годятся и въ послѣднемъ результатѣ по непрочности во времени и безсиліи въ дѣлѣ обходятся дороже полныхъ, настоящихъ. Въ 1841 году въ Америкѣ считали 3,800 верстъ желѣзныхъ дорóгъ въ работѣ; нѣкоторыя находились уже въ полномъ дѣйствіи. Но до 1845 года желѣзныя дорóги вообще двигались медленно и слабо: этотъ знаменитый годъ явился истинною ихъ эрою, началомъ сѣтей кованныхъ проѣздовъ. Въ этотъ годъ рельроднаго фурора въ Англіи вдругъ составилось и было утверждено 347 компаній, на 11,000 верстъ, съ капиталомъ въ 1,200,000,000 рублей, который очевидно превосходилъ насущныя денежныя средства лондонской биржи. Поэтому часть этихъ про-

эктовъ или не состоялись, или были отсрочены. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1846 году, и въ Америкѣ мы видимъ уже слишкомъ 8,000 верстъ объявленныхъ открытыми и основанными, потомъ въ 1851 около 15,500 верстъ, а въ 1855 болѣе 40,000 верстъ, съ капиталомъ въ 1,000,000,000 рублей. Въ слѣдующемъ году это число возрасло почти 47,000 верстъ, а въ настоящее время уже толкуютъ о 50,000. Слѣдовательно, съ 1846 года по 1857, втеченіе *одинадцати лѣтъ*, построилось и строится болѣе 40,000 верстъ въ этой бѣдной землѣ, гдѣ наличныхъ доллэровъ въ серебрѣ и золотѣ менѣе, нежели живыхъ головъ человѣческихъ въ русскомъ государствѣ, всего шестьдесятъ-четыре, или пять мильйоновъ: остальное—бумага, дымъ, вѣтеръ, цѣнность, зависящая отъ довѣрія, отъ идеи, отъ честности и осторожности частныхъ кредитныхъ заведеній. Коротко сказать, построилось, или строится безъ денегъ—на цѣлковый—одною быстротою вращенія небольшой части денежнаго достоянія страны, движеніемъ этихъ 350,000,000 рублей бумажныхъ и металлическихъ.

Вотъ въ чемъ сила. Одновременную и совокупную постройку множества желѣзныхъ дорогъ на всей поверхности страны можно уподобить работѣ огромной и дѣятельности желѣзно-путной фабрики, а самыя дороги—издѣлію этой фабрики, которое сработанное въ январѣ на свой основный капиталъ продаетъ въ февралѣ съ барышомъ потребителямъ—*выгодно спу-*

скаетъ публикѣ, какъ говорится на торговомъ діалектѣ—но работы не останавливаетъ ни на однѣ сутки и къ концу марта снова изготовляетъ на вырученныя деньги столько же и еще болѣе того же издѣлія, которое опять спуститъ въ апрѣлѣ, такъ-что втеченіе года выдѣлаетъ полныхъ шесть партій товара, выручитъ шесть разъ свой основный капиталъ и наживетъ шесть изрядныхъ барышей, достаточныхъ для удовлетворенія всѣхъ издержекъ, неудачъ и случайныхъ убытковъ. Но если фабрика, желѣзнопутная, или другая, станетъ копаться—работать и спускать круглый годъ то, что можетъ быть сработано и спущено въ два мѣсяца, то она получитъ не шесть, а только одинъ барышъ и разорится. На однѣ непредвидимыя издержки содержанія зведенія и на пропитаніе фабриканта этого одного барыша далеко будетъ недостаточно. Да она не получитъ и одного: его нехватитъ на указные проценты за весь годъ отъ основнаго капитала, если капиталъ ссуженъ посторонными лицами, какъ обыкновенно водится. Послѣ нѣсколькихъ такихъ годовъ половина капитала уничтожится отъ недочета въ указныхъ процентахъ или, все-равно, долгъ, происходящій отъ ссуды, удвоится.

Бывшему австрійскому министру князю Меттерниху принадлежитъ особенная, существенно-противно-промышленая, теорія строенія желѣзныхъ дорогъ. Подъ его руководствомъ Австрія объявила, что «такое важное политическое ору-

діе, каковы желѣзныя дорóги, должно быть осуществляемо самими правительствами, ихъ чиновниками и на ихъ капиталы». Но политика въ желѣзной дорóгѣ рѣшительно заключается не болѣе, какъ и во всякой другой хорошей дорогѣ, по которой можно удобно ходить, или ѣздить, и правительство, обременяясь этимъ, чисто-коммерческимъ и фабричнымъ дѣломъ, требующимъ—главное—скорой работы и скораго вращенія капитала, поставляетъ себя именно въ положеніе фабриканта, который работаетъ и спускаетъ медленно и удвоиваетъ издержки свои на издѣліе однимъ накопленіемъ процентовъ на занятый капиталъ, потому-что тутъ необходимо прибѣгнутъ къ займу, какъ-скоро отвергнутъ сборный способъ составленія капиталовъ посредствомъ акцій. Положимъ, что на построеніе данной длины желѣзной дорòги нужно сто мильйоновъ рублей или гульденовъ: дорóга, при оффиціальномъ сооруженіи которое однѣми формами дѣлопроизводства протянетъ время почти нескончаемо, будетъ строиться десять лѣтъ вмѣсто четырехъ, достаточныхъ для частнаго исполненія. Если капиталъ занятъ на пять процентовъ, хотя бы и со включеніемъ коммиссіи, то пятьдесять мильйоновъ парастетъ, до открытія дорóги, изъ однихъ процентовъ и почти столько же въ первые годы послѣ открытія, пока дорóга не прійдетъ въ полное движеніе. Верста, которую предполагалось, и можно было, построить за 70,000, обойдется въ 120,000, или

140,000. Доходъ съ самаго успѣшнаго движенія по желѣзной дорогѣ не доставитъ приличныхъ процентовъ на такую преувеличенную стоимость, и администрація будетъ въ постоянномъ убыткѣ. Австрія по этой системѣ вошла въ большіе долги. Строеніе желѣзныхъ дорóгъ, сначала довольно-дѣятельное, впослѣдствіи замедлялось болѣе и болѣе, пока совсѣмъ не остановилось за тяжестью и трудностью займовъ; наконецъ правительство продало и свои отдѣланныя линіи и свои проэкты частнымъ компаніямъ, которыя теорій status quó не смѣшиваютъ съ правилами купеческихъ бухгалтерій. Впрочемъ, Бельгія дала первый примѣръ участія казны въ постройкѣ желѣзныхъ дорóгъ. Австрія только обратила эту методу въ абсолютное правило.

Совсѣмъ противное системѣ, которую можно поэтому назвать австрійскою, происходитъ тамъ, гдѣ сборными капиталами дѣйствуетъ большое число промышленыхъ компаній вдругъ. Дѣло кипитъ. Духъ спекуляцій разгорячается. Владѣлецъ небольшихъ денегъ спѣшитъ въ контору новаго промышленаго общества, чтобы захватить нѣсколько акцій на желѣзную линію, отъ которой ожидаютъ большихъ барышей. Какъ пять процентовъ на его капиталецъ обезпечены оффиціальнымъ ручательствомъ, а банковый процентъ страны только три, или четыре копейки на рубль, то новыя акціи необходимо получаютъ въ размѣнѣ и продажѣ цѣнность выше номинальной, и второй покупщикъ ихъ охотно даетъ уже 108, 110 и

115 за 100 или за первоначальную цѣну акціи. Первый продаетъ ихъ тотчасъ съ барышомъ десяти, или пятьнадцати процентовъ и на вырученныя деньги бѣжитъ добыть себѣ акціи другой новой компаніи, только-что составившейся. Если ему удастся быть однимъ изъ первыхъ вкладчиковъ или подписчиковъ, то онъ воспользуется еще «льготою»: первымъ гостямъ съ деньгами компаніи часто даютъ акціи на 100 рублей или долларовъ за взносъ 98-ми или 96-ти. Выгодно полученныя акціи второй компаніи тоже обезпечены ручательствомъ и тоже пойдутъ вверхъ. Онъ снова продастъ ихъ съ барышомъ и на тѣ же деньги постарается подцѣпить акцій третьей, четвертой, пятой новой компаніи. А не случится скоро покупщика, то онъ можетъ, когда есть въ виду очень-выгодная новая линія, достать наличныхъ денегъ въ одномъ изъ тысячи-трехсотъ-семидесяти банковъ, подъ залогъ акцій съ обезпеченными процентами, за весьма-умѣренный учетъ. Если счастіе повезетъ, онъ вскорѣ разбогатѣетъ отъ этой торгово-акціонной дѣятельности, совершенно правильной и позволительной, сдѣлается знатнымъ капиталистомъ, самъ захочетъ быть основателемъ новой желѣзной линіи и главою новой компаніи. При быстрой и повсемѣстной постройкѣ, производители работъ, подрядчики, поставщики, мастеровые, работники скоро наживаютъ большія деньги и на нихъ же покупаютъ акцій новыхъ компаній, для того, чтобы постройка не прекращалась, чтобы

имъ самимъ всегда было занятіе и средство наживать новыя деньги, которыя опять превратятся въ акціи дальнѣйшихъ дорогъ, или будутъ положены въ банки, всегда готовые подписываться на новыя и выгодныя акціи по этой части. Дѣло растетъ, растетъ, вырастаетъ страшно, разрастается на весь край, все изъ одного корня, все однимъ и тѣмъ же сокомъ, который ворочается съ должною быстротою.

Такъ возникаютъ въ Сѣверной Америкѣ эта тьма акціонерскихъ обществъ и эти громадные итоги миль рельроловъ, пересѣкающихся во всѣхъ направленіяхъ. Къ 1855 году для 40,000 верстъ составился, такимъ-образомъ, какъ сказано, колоссальный сложный капиталъ въ 1,000,000,000 рублей: другими словами, денежное достояніе страны, 350,000,000 рублей въ звонкой монетѣ и банковыхъ билетахъ дошло лѣтъ въ десять до 1,350,000,000, потому-что акціи, изъ которыхъ состоятъ эти 1,000,000,000, бо́льшею частью обезпечены ручательствомъ, или участіемъ различныхъ штатовъ, приносятъ вѣрные проценты и считаются надежнѣе многихъ банковыхъ билетовъ. Присовокупивъ къ нимъ 347,500,000 долларовъ или 520,000,000 рублей акціонернаго капитала тысячи-трехсотъ-семидесяти банковъ, законно утвержденныхъ и получающихъ мощное и постоянное подкрѣпленіе отъ усиленнаго движенія свободныхъ денегъ и сборныхъ капиталовъ при желѣзныхъ дорогахъ, найдемъ, что, чрезъ эти дороги, оборотная фортуна Соединен-

ныхъ Штатовъ быстро возвысилась отъ незначительной звонкой наличности до великанской суммы 1,870,000,000 рублей въ добротныхъ цѣнностяхъ, на которыя могутъ опереться большія и смѣлыя предпріятія. А давно ли эта земля находилась въ отчаянномъ положеніи, бывъ даже не въ-силахъ, за недостаткомъ въ средствахъ и въ кредитѣ, продолжать только-что начатую торговлю съ Китаемъ? давно ли просила у насъ милостыни?

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ происходитъ по той же методѣ, которой слѣдуетъ вся твердая земля Европы и которой одна только Англія не слѣдуетъ на всей землѣ. Въ Англіи правительство не только ничего не дѣлаетъ на пользу желѣзныхъ дорогъ, для ихъ размноженія, или поддержанія, предоставляя всю заботу частной промышлености, но еще налагаетъ на эти пути тяжести съ довольно-высокимъ давленіемъ. Изобрѣтенныя французами—не весьма, впрочемъ, человѣколюбивыя—правила отчужденія частной недвижимой собственности для общественной пользы, неизвѣстны на этихъ островахъ: компаніи принуждены покупать полосы нужной имъ земли по вольнымъ цѣнамъ, которыя нерѣдко бываютъ совсѣмъ-произвольны. Компаніи должны уплачивать всѣ подати, налоги и пошлины, причитающіяся съ этихъ участковъ земли. Извѣстная, но не малая, часть того налога для содержанія бѣдныхъ, какой существуетъ въ приходахъ и общинахъ, прорѣзываемыхъ дорогою,

лежитъ также на обязанности компаніи. Наконецъ, правительство взимаетъ еще въ пользу государственнаго казначейства и въ видѣ прямой подати съ рельродовъ пять процентовъ съ валоваго сбора пассажирскихъ поѣздовъ. Въ 1852 компаніи желѣзныхъ дорогъ заплатили 1,140,860 рублей налога для бѣдныхъ—восемь разъ болѣе, чѣмъ занятыя ими земли заплатили бы, оставаясь въ частныхъ рукахъ, и 1,750,001 рубль прямой подати съ пассажирскихъ поѣздовъ, въ которыхъ проѣхало въ 1853 году 102,286,660 человѣкъ, въ 1854-мъ 111,206,707, въ 1855-мъ болѣе 118, а въ прошломъ болѣе 122 мильйоновъ. Сборъ на всѣхъ желѣзныхъ линіяхъ простирался въ 1855 году до 21,347,060 фунтовъ стерлинговъ или 133,416,600 рублей. Въ два предъидущіе года желѣзныя дороги доставили валоваго дохода 20,215,724 и 18,035,879 фунтовъ стерлинговъ.

Въ Америкѣ, напротивъ, тамъ, кромѣ предпріимчивыхъ частныхъ лицъ, не только безчисленные банки принимаютъ важное участіе въ подпискѣ на акціи новыхъ компаній, но и отдѣльные штаты стараются всѣми мѣрами поощрить и поддержать учрежденіе полезныхъ имъ линій. Правительства штатовъ или берутъ знатныя количества акцій въ этихъ компаніяхъ, или обезпечиваютъ имъ минимумъ процентовъ на ихъ капиталы при будущемъ сборѣ доходовъ отъ ѣзды. Штаты такъ хорошо поняли, что безъ желѣзныхъ дорогъ они пропадаютъ нищими въ безлюдныхъ степяхъ, что въ по-

добныхъ случаяхъ являютъ готовность къ весьма-значительнымъ пожертвованіямъ, лишь бы только компаніи и рельроды размножались и процвѣтали. Самыя компаніи охотно и безъ зависти поддерживаютъ одна другую, способствуя этимъ къ общему благосостоянію, на правилахъ того яснаго до очевидности разсчета, что каждая изъ нихъ заработаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будетъ компаній, дорогъ, страсти къ движенію и движенія на всѣхъ дорогахъ. О! если бы мы, на Руси, дошли до этой полезной страсти и до этого благотворнаго разсчета, который наконецъ открылъ, что эгоизмъ даетъ плохіе проценты!

---

53 005 A 1 6148

AC65
S3
V.1

Stanford University Libraries
3 6105 014 747 856

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305